

Из истории русской фольклористики

з истории
русской
фольклористики

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В ы п у с к 3

Ответственный редактор А. А. ГОРЕЛОВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Рецензенты:

З. И. ВЛАСОВА, Н. П. КОПАНЕВА

И $\frac{4604000000-533}{042(02)-90}$ 482-89

ISBN 5-02-027879-3

**© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР,
1990 г.**

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий, третий по счету, выпуск издания «Из истории русской фольклористики» является продолжением двух первых выпусков, имевших тематически вариативные названия — «Из истории русской фольклористики» (Л., 1978) и «Из истории русской советской фольклористики» (Л., 1981). Вводимой ныне нумерацией закрепляется серийность книг данного типа, публикуемых Отделом народно-поэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Выпуски «Из истории русской фольклористики» являются не-периодическими систематическими сборниками, воскрешающими малоизвестные или неизвестные страницы истории науки о народном творчестве дореволюционного и советского времени. В них издаются материалы по истории народоведческой теоретической мысли, истории собирательской и эдиционной работы фольклористов, этнографов, филологов, писателей, историков и других дипломированных и самодеятельных любителей народной поэзии, документы к биографиям выдающихся ученых, мемуары, фрагменты эпистолярного наследия, обогащающие новыми фактами историю фольклористики. В выпусках серии также находят место свидетельства о взаимодействии профессиональных искусств (прежде всего художественной литературы) и их деятелей с народной культурой.

Выходящая книга серийного издания «Из истории русской фольклористики» представляет читателям богатый круг новых данных о судьбе выдающихся памятников отечественной фольклористики и этнографии — «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», «Былин и исторических песен, собранных А. Д. Григорьевым», новогвинейских записок Н. Н. Миклухо-Маклая. Значительное место в сборнике занимают материалы о жизни, научной и просветительской деятельности А. А. Котляревского, Е. Э. Линевой, Н. Е. Ончукова, О. Э. Озаровской, В. Я. Проппа. Ценное дополнение к известным «Былинам Севера», записанным А. М. Астаховой, — публикуемые пинежские духовные стихи. Южноуральский казачий эпос представлен интересной коллекцией былин Н. М. Малечи. О полевой работе

по собиранию печорских «старин» в 1950-е годы повествует Н. П. Колпакова.

Не останутся без внимания читателей и неизвестные сведения о фольклористических интересах М. Л. Михайлова и народнопоэтических истоках некоторых страниц романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Завершается выпуск библиографической сводкой советской литературы по истории фольклористики за первое пятилетие 1980-х годов.

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ ФОЛЬКЛОРА

Т. А. НОВИЧКОВА

«ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ П. Н. РЫБНИКОВЫМ»

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
(ПО ПИСЬМАМ И НЕОПУБЛИКОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Трудно переоценить вклад П. Н. Рыбникова в развитие отечественного эпосоведения. Уже к концу издания его всемирно известных «Песен»,¹ в заметке к последнему тому сборника, О. Ф. Миллер отметил качественно новый подход Рыбникова не только к собиранию, но и к изданию памятников народной поэзии, новый не только в русской, но и в зарубежной фольклористике. Впервые по достоинству была оценена роль сказителя в сохранении и передаче эпических традиций. Подобного внимания к сказителю мы не найдем ни в сборниках эпоса Вука Караджича, ни в фольклорных собраниях Я. Гримма.²

Долгое время точкой отсчета подлинно научных принципов публикации эпических текстов считался 1873 год — год выхода в свет «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга, расположившего материал по крупным регионам, а внутри регионов — по сказителям, с подробными биографиями певцов и этнографической характеристикой региона. П. Д. Уховым было доказано, что такой замысел организации фольклорных текстов существовал и у Рыбникова, но он отказался от него в пользу структуры томов, предложенной собирателю П. А. Бессоновым.³ Структура томов «Памятников народной поэзии» (такowo было название, данное своему сборнику самим Рыбниковым) вполне проясняется из оглавлений, приложенных собирателем к присланным редактору текстам былин: 1-й том — былины Заонежские, с более дробным региональным делением на Сенногубские, Кижские и Великогубские; 2-й том — былины Пудожские и Каргопольские, с подразделением на песни Купецкой, Шальской волости, былины Сумозерские, Кенозерские, Колодозерские и Бережнодубровские.⁴ Такое разветвленное региональное деление материала было связано с желанием Рыбникова с наибольшей наглядностью выделить сказительский репертуар, причем прежде всего в первом и втором томах предполагалось поместить былины от лучших, по мнению собирателя,

сказителей (в 1-м томе это тексты, записанные от К. Романова и Т. Г. Рябикина, во 2-м — от Н. Прохорова). Согласно дате на одном из «оглавлений», таков был план издания у Рыбникова в 1860 году.

Но вышедший в 1861 году первый том «Песен» был построен по иному, сюжетному принципу. Здесь были разделы: «Старшие богатыри», «Время Владимирово», «Новгородские удалыцы», в которых материал был сгруппирован редактором П. А. Бессоновым. Деятельность Бессонова по изданию «Песен» Рыбникова, как правило, оценивается фольклористами отрицательно: «П. А. Бессонов, нарушивший волю собирателя при издании его былин, на многие годы задержал развитие былинovedения»; «... многие материалы, собранные П. Н. Рыбниковым, не были опубликованы. Большую часть их Бессонов присвоил себе и издал в своем сборнике «Калики перехожие»».⁵

И все же отношения Рыбникова и Бессонова были более сложными, чем это кажется на первый взгляд. Сегодня нам трудно представить себе многие обстоятельства, в которых складывались их контакты. Что касается издания двух первых томов, то Рыбников не просто подчинился системе распределения текстов по разделам, предложенной редактором, но и был полностью с ней согласен. Она отвечала его представлениям о циклизации былин,⁶ причем в такой степени, что система была использована Рыбниковым для третьего тома былин, подготовленного и изданного собирателем самостоятельно в Петрозаводске в 1864 году. Кроме того, принятие на себя определенных обязательств по изданию «Песен» Рыбникова, московского студента, находившегося в ссылке и обвинявшегося в организации антиправительственного кружка и связях с раскольниками,⁷ наконец, финансовая поддержка со стороны П. А. Бессонова,⁸ — все это помогло молодому собирателю в очень трудный период жизни. К тому же издание «Песен», высоко оцененное специалистами и сразу же появившееся в библиотеках ведущих фольклористов у нас и за границей, долго не окупало расходов, с ним связанных, так как в широких массах раскупалось не так быстро, как хотелось бы составителям.⁹ Очевидно, редактора и автора сближали не столько практические расчеты, сколько общая задача приобщения русского читателя к сокровищам национального фольклора, увлечение некоторыми сторонами славянофильской программы, имевшей определенное влияние и на Рыбникова: «Сама идея национальной самобытности, столь чтимая славянофилами, была близка молодому Рыбникову».¹⁰

Не случайно по письмам Рыбникова к Бессонову мы можем составить сегодня довольно ясное представление о карельском периоде жизни собирателя, поскольку это были письма к человеку, на чье понимание и поддержку рассчитывал молодой Рыбников. Годы с 1859 по 1866, прожитые в Петрозаводске, были переломными в судьбе выдающегося собирателя. Это время интенсивнейшей фольклористической работы, благодаря которой отечественная наука получила крупнейшее собрание эпоса, но вместе с тем это и период, в который Рыбников исчерпал себя как фольклорист: «В годы наступившей реакции Рыбников фактически прекращает свои занятия народной

поэзией и окончательно прощается с вольнолюбивой молодостью, разделяя участь тех деятелей, которые после закрытия „Современника“, после разгрома революционно-демократического движения ушли от общественной борьбы и довольно успешно продвигались по службе. Изучением народной поэзии после олонекской ссылки Рыбников уже не занимался». ¹¹ С чем было связано молчание Рыбникова-фольклориста после олонекской ссылки? Ключ к этой загадке может быть найден в переписке Рыбникова первой половины 1860-х годов.

В настоящей работе предпринята попытка охарактеризовать ряд моментов петрозаводских лет жизни собирателя по письмам Рыбникова из Карелии — прежде всего к П. А. Бессонову, редактору двух первых томов «Песен», в связи с их изданием. Выдержки из писем Рыбникова к П. А. Бессонову, Д. А. Хомякову, К. С. Аксакову были опубликованы уже во втором томе собрания «Песен» в 1862 году как содержащие важные сведения о работе Рыбникова-сборителя. ¹² Значительная часть писем остается рассеянной по разным архивам; так, например, большая коллекция писем Рыбникова к Бессонову находится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея Москвы, в архиве П. А. Бессонова. ¹³ Материалы этой коллекции дают возможность нового прочтения некоторых «темных мест» в истории издания рыбниковского собрания эпической поэзии, более глубокого изучения взглядов Рыбникова на былины, методов его работы со сказителями. В этом же архиве хранятся рукописные тексты былин, присланные Рыбниковым Бессонову в основном для второго тома «Песен». ¹⁴ В целом материалы ГИМа дополняют обнаруженные П. Д. Уховым рукописные тексты былин, подготовленные Рыбниковым для публикации в 1 и 2-м томе «Песен». ¹⁵

Известно, что Рыбников был выслан в Петрозаводск в 1859 году за то, что, по словам А. И. Герцена, ходил по деревням Черниговской губернии в русском, а не в немецком платье. ¹⁶ Народник по убеждениям, близкий к кругам московских славянофилов, кандидат Московского университета, энергичный молодой человек, Рыбников служил в Петрозаводске по министерству внутренних дел. ¹⁷ Олонекские губернские будни, жизнь провинциального чиновничества тяготили Рыбникова: «. . . провинциальная жизнь, со всеми ее мелочами, гадостями и сплетнями, дает себя знать. — Мысли нет у этих людей об общем благе: если они делают что-нибудь хорошее, так невзначай, из желания себя показать или под гнетом формы. Впрочем, их строго винить нельзя, каждого порознь. Хорош же был и уровень общественного смысла, при котором они выросли», — пишет П. Н. Рыбников Д. А. Хомякову в письме от 3 ноября 1861 года. ¹⁸ «До нас дошли очень скудные сведения о политических и философских взглядах Рыбникова» ¹⁹ — тем важнее те революционно-демократические социальные акценты, которые обычно очень четко расставлены в письмах Рыбникова из Петрозаводска.

Характерно, что корень зла в жизни провинциального чиновничества Рыбников видит вовсе не в отдельных личностях, а в «уровне общественного смысла» того времени. Он вполне осознавал, что даже

ему, лицу официально и наделенному определенными полномочиями, невозможно добраться «до существенного выполнения закона», поскольку вообще «сомнительно, осуществимо ли оно» (т. е. выполнение. — Т. Н.).²⁰

Все это лишний раз подтверждает справедливость мнения В. Г. Базанова, что мы не можем говорить «об идейной капитуляции политического ссыльного <...>». Работая в канцелярии олонекского гражданского губернатора, пунктуально выполняя обязанности секретаря губернского статистического комитета, П. Н. Рыбников не только не изменил прежним социалистическим понятиям, но еще более укрепил их под влиянием идей Чернышевского и Добролюбова.²¹

Прожив в Петрозаводске почти четыре года, Рыбников стал еще строже оценивать деятельность московского студенчества в кружке «вертепников», не принимая поверхностного, легковесного отношения к вопросам преобразования общества; так, в октябре 1863 года Рыбников писал Бессонову: «Был бы в Петрозаводске хоть один человек одной со мной поры развития. Много я видал студентов «новых людей», а в результате осталось самое неблагоприятное впечатление. Все это торопилось на первом еще курсе запасть новейшими результатами, хвостиками самых новомодных теорий, самыми яркими тенденциями, и при этих результатах осталось до конца своего университетского образования... Всякое поколение образует людей, страстно ищущих истины и успевающих выработать себе нравственную крепость и силу характера. Но таковые люди последние времена не попадали в Олонецкую губернию, кроме одного».²²

Увлечению «хвостиками новомодных теорий» Рыбников предпочитал деятельность на пользу народа, практическую работу с крестьянами. Не жалость и сострадание руководили Рыбниковым в его неутомимых поисках все новых встреч со сказителями и певцами, а стремление показать истинное лицо народа, вызвать уважение к древней национальной культуре, носителем которой он являлся. Привыкший доводить дело до конца, Рыбников с возмущением писал о «любителях» народной поэзии, относившихся к записям фольклора как к приятному развлечению: «...здесь любителей бывало много, и начальников горных заводов, и губернаторов, все они собирали, а что явилось в свет? одна старина в „Губернских ведомостях“». Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь к народу и ответное расположение с его стороны, чтобы в короткий срок, узнавая чутьем местность и людей, собрать такие редкости» (из письма П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову от 11 апреля 1861 г.).²³

Фольклорист по призванию, Рыбников использовал по возможности все служебные поездки для собирания фольклора, для знакомства с крестьянской жизнью: «Впрочем, есть полезная сторона в ревизии губернатора, — писал Рыбников Бессонову 25 июня 1861 года, — это <...> рассмотрение и удовлетворение просьб. Просьбы эти подавались в несчетном количестве и в каждом уезде предметом своим указывали на главные злоупотребления. Ведомство трех просьб было поручено мне, и я сто раз был вознагражден за свой труд, слушая, как крестьяне доверчиво рассказывали мне свои

нужды и обиды. Если не всегда было возможно удовлетворить просителей сейчас же, или вполне, по крайней мере удавалось успокоить их или указать иной путь, или же уговорить оставить дело и согласиться на мировую сделку».²⁴

Из писем Рыбникова к И. И. Срезневскому мы знаем, что Рыбникову «было позволено только один раз проехать Олонецкую губернию» (имеется в виду поездка 1860 года): «В два месяца, в захоlustях, в „задвенных“ уголках я успел отыскать или положить начало отыскиванию всего того, что издал в течение двух лет».²⁵ Поездка с ревизией губернатора в 1861 году протекала в более сложных условиях и не удовлетворила Рыбникова как собирателя: «Ах, какая тоска сидеть за формальным занятием в губернском городе! — жаловался Рыбников Бессонову уже после поездки с ревизией губернатора. — Я не писал Вам, что уже скоро год, как служу советником в губернском правлении, а потому выезды мои стали еще реже прежнего < . . . > Прошу у губернатора особых работ и рад-радехонек, если он берет меня с собою на ревизию губернии. Один я выезжать не могу по-прежнему. Разумеется, такие поездки только развлекают, потому что нет времени узнавать и собирать данные. А я ценю только те материалы, которые собраны по известному плану или даже чутью, то есть собраны лично».²⁶ Из этого письма ясно, что Рыбников в общении со сказителями вполне осознанно пользовался определенной методикой собирания, которая, по его мнению, была наиболее продуктивна. Очевидно, он имеет в виду прежде всего практику повторных записей, о которой он писал в своей «Заметке»²⁷ и в письме к О. Ф. Миллеру.²⁸

Положение политического ссыльного не давало возможности Рыбникову свободно путешествовать по Олонецкому краю, поэтому многие былины были записаны сельскими писарями, например от знаменитых пудожских сказителей. Так, Рыбников в 1863 году просит пудожского исправника «передать от него деньги сельским писарям» и поручить им записать былины от четырех знаменитых пудожских сказителей: колодозерского старика, сумозерского Андрея Сорокина, поромского и уношского стариков. «Разумеется, — добавляет в письме к Бессонову Рыбников, — я передал и инструкции, что и как записывать. А выйдет льзя, так новый губернатор позволит поездить по губернии. Куда бы это хорошо».²⁹ Некоторым своим корреспондентам Рыбников вполне доверял, таким как Лысанов, записавший для сборника ряд текстов; Рыбников сообщал о нем Бессонову: «Имею совершенную уверенность получить хорошо записанные былины от колодозерского старика и еще несколько былин о Вольге, Микуле и Сухмантии через Лысанова».³⁰ В архиве Бессонова в ГИМе хранятся записи былин, выполненные Лысановым.³¹

В то же время Рыбников был серьезно обеспокоен тем, чтобы дело, которое он начал, нашло своих продолжателей. Энергичный по характеру, он не ограничивался благопожеланиями, а ставил вопрос на практическую основу. В письме от 21 ноября 1861 года Рыбников пишет Бессонову: «Многие гимназисты, уезжая на праздники к себе, будут записывать былины и стихи. Олонецкая губерния в этом от-

ношении богаче всех других. Не найдете ли Вы возможности *отказаться что-нибудь* (здесь и далее выделено П. Н. Рыбниковым. — Т. Н.) тем сотрудникам по части стихов по напечатании материалов и *после продажи всего издания*». ³²

Замечательно, что сразу по выходе в свет первых томов «Песен» ими заинтересовался Гильфердинг, решивший продолжить работу Рыбникова. Об этом написал Бессонову Дмитрий Алексеевич Хомяков в письме от 12 июля 1862 года: «. . . Гильфердинг также взялся было за дело Рыбникова, но не знаю, чем окончится его труд». ³³

Встреча с северными сказителями имела большое значение не только для собирателя, но и для певцов, — многие из них впервые встретили подлинно уважительное отношение к старинам. Так, поворотным моментом была встреча с Рыбниковым для Т. Г. Рябинина: этот сказитель, «не встречавший уважения (не к себе: он слишком нравственная и серьезная личность) к своим любимым былинам, после разговоров со мною ободрился и сам стал ценить поэтические обломки, сохранившиеся в его памяти: для меня он нарушил Петровский пост, в который ел только хлеб и корни, чтобы рассказывать „мирские вещи“». ³⁴

В то же время В. Г. Базанов справедливо опровергает мнение о Рыбникове как о практике-собирателе, далеком от теоретических обобщений, каким считал его Бессонов. ³⁵ Рыбников явно недооценивал себя, полагая, что для написания вступительной статьи об эпосе ему не хватает сугубо академических знаний. В письме к Д. А. Хомякову осенью 1860 года Рыбников сообщал: «Здесь я лишен всех пособий: у меня нет ни Гримма, ни Лахманна, ни К. Данилова; новых сочинений по этой части я не знаю. Между тем в статье своей мне следовало бы показать: сущность народной эпической поэзии, постепенный переход из коротких эпических стихов, с одной стороны, в былины и образование поэм при участии личности поэта, с другой стороны, переход былины в побывальщину, сказку и историческую песню. Общеарийское значение мифов, сохранившихся в наших былинах». ³⁶ В этих словах Рыбникова содержится чрезвычайно широкая программа исследования эпоса, впоследствии осуществленная разысканиями А. Н. Веселовского (генезис эпической поэзии, формирование эпических кантилен), А. Ф. Гильфердинга (проблема сказительства как явления устной культуры народа).

В письмах Рыбникова к Бессонову мы находим немало доказательств тому, насколько теоретически актуальными для второй половины XIX века могли бы быть эпосоведческие работы Рыбникова. Так, Рыбников вплотную подошел к проблеме реконструкции первоначального текста былины — в этом он опередил разыскания ученых исторической школы, исходившей из существования в прошлом какого-то определенного, верного исторической правде, извода, который мог быть положен в основу эпической песни. ³⁷ Причем к выводу о возможности реконструировать исходный «текст» былины Рыбников подошел в результате наблюдений над особенностями бытования эпоса в сказительской среде, убедившись в стабильности, малой изменчивости эпических текстов при передаче от одного певца к дру-

гому. Вот что он пишет в письме к П. А. Бессонову от 14 февраля 1864 года:

[P.S.]. «.сейчас (15 февраля в 9 часов вечера) был у меня Терентий Иевлев, внук Ильи Елустафьева. Я поверял прежнюю записку и то, что записал вновь, а главное, пришел к несокрушимому убеждению, что былины в течение десятилетий и веков передавались чрезвычайно верно, с ничтожными изменениями. Более пятидесяти лет тому назад Елустафьев пел своему сыну и внукам былинку о добром молодце и жене неудачливой и более семидесяти лет назад Козьме Романову (I, № 18). Заметьте, что я положительно разузнал, что К. Романов, Рябинин и Иевлев никогда не слушали один другого. И что же, Иевлев запел мне эту самую былинку в тех же самых словах, как и К. Романов. Вот, например, все изменения: 19 ст. Хмелина кабацкая приодолела; вм. 138 — На своем на старом на поселыще <врзб. 2>. . .

Такие изменения и добавки делал и сам Козьма Романов, и всякой певец, каждый раз, когда повторял былинку. Итак, основываясь на сличении трех вариантов, образовавшихся от одного текста XVIII столетия, можно утвердительно сказать, что былины чрезвычайно верно сохранились до нашего времени. О изменениях я говорю подробно в заметке. Сравните в этом же отношении песни колодозерского старика 1<-го> тома и песни колодозерские в части 3<-го> тома. И приписка — сбоку, поперек текста: «Что вы скажете о попытке восстановить на основании существующих вариантов первоначальный текст былины, положив, разумеется, в основание лучший вариант и пополняя его другими» (разрядка моя. — Т. Н.).³⁸

Несмотря на то, что Рыбников в целом был согласен с интерпретацией былинных сюжетов в ключе мифологической школы, о чем свидетельствуют «Заметка»³⁹ и собственно распределение сюжетов в корпусах томов, гораздо ближе была бы ему трактовка эпического наследия с позиции школы исторической, которой как направления в эпосоведении еще не было в шестидесятых годах XIX века. Те общие положения, которые сложились позднее в русле исторической школы в результате скрупулезного анализа текстов былины и их сопоставления с данными летописей, родились у Рыбникова в практике тесного общения со сказителями и непосредственного наблюдения над жизнью эпической традиции в крестьянской среде. Рыбников не только допускал возможность существования исходного древнейшего текста, он был уверен также, что этот древнейший текст искажался в крестьянской среде и в «давнее время» был сложен индивидуальными певцами, наделенными «особенным поэтическим даром». В. Ф. Миллер под такими певцами подразумевал, в частности, скomoroxов.

Непосредственно перед выходом в свет третьего тома «Песен», т. е., очевидно, осенью 1863 года, Рыбников пишет Бессонову (письмо не датировано):

«Жду, разумеется, от Вас статьи в „Дне“ или в каком-либо журнале, а потому так и тороплюсь переслать Вам сборник в листах: он у Вас будет по крайней мере за месяц до выхода в свет.

Много хороших вещей в 3-й части; она, пожалуй, не уступит первой (Самсон, Иван Гостинный сын, Михайло Данилович, Нашествие татар, Нерассказанный сон, Каково птицам жить на Руси); но лучше всего, по моему мнению, былины поромского старика. По ним можно судить, что мы потеряли в древних вариантах. На меня, уже старого сказителя, по словам крестьян, который столько слышал былин на своем веку, эти пересказы произвели чрезвычайно сильное впечатление. И я несказанно жалел, что получил их, когда заметка была совсем написана. Я долго колебался, чему приписать особенную художественность их; может быть, в давнее время певец с особенным поэтическим даром так выработал их, и они (поскольку принадлежали личному творчеству) чудом уцелели до нас». ⁴⁰ Разложение былинной традиции Рыбников отмечает также в письме от 21 июля 1862 года, соотнося его с изменением поэтического строя былин: «Падение былин сказывается, по моему мнению, и употреблением рифмованных окончаний». ⁴¹

Распространение и распределение по различным регионам Олонецкой губернии тех или иных сюжетов Рыбников ставил в зависимость от истории заселения края — проблема, серьезно интересовавшая «историков» и актуальная по сей день. В «Заметке» Рыбников уделял внимание этому вопросу. ⁴² В письме к Бессонову (без даты) он объясняет непопулярность новгородских былин в Каргополье именно особенностями заселения края: «Замечу здесь, кстати, что Олонецкая губерния заселена из двух древних областей: Новгородской и Белозерской. Новгородцы надвигались к нам по Свири, через Ладожское озеро, самые крайние их колонии в *Кижской* и *Толуйской* волостях Петрозаводского уезда, а также в Шунгской и Чолмужской Повенецкого. Уже из Заонежья колонисты через озеро перешли в Пудожский уезд, где древних заселений погостов очень мало: я знаю Шальский погост, Пудожский, Водлозерский. Уже под 6734 г. поминается Олонесь, Корельский Алицъ или «нрзб. 1» Каргопольский уезд заселен частью с Белоозера через Мошу, по Онеге реке и озеру Лачу. Часть каргополов перешла в Пудожский уезд. Оттого в Каргополье я не слышал хороших новгородских былин: о Садке и Буслаеве». ⁴³

Письма к Бессонову проясняют также и малопонятную на первый взгляд «мозаику» в издании всех четырех томов «Песен», вышедших в разных городах (Москве, Петрозаводске и Петербурге), в разное время и редактировавшихся разными людьми (два первых тома — Бессоновым, третий — самим Рыбниковым и четвертый — О. Ф. Миллером). Некоторая бессистемность в издании текстов песен, за которую часто упрекали впоследствии Рыбникова исследователи, объясняется трудностями работы по записи фольклора в Олонецкой губернии (о чем уже говорилось выше), а также желанием собирателя издать уникальный устнопоэтический материал как можно скорее — по мере его собирания и поступления. Тексты Рыбников высылал

в Москву частями, как только ему удавалось получить их. «Десять былин переписываются и будут к Вам пересланы с будущей почтой, былин 15 пришлю несколько позже, — пишет Рыбников Бессонову 25 июня 1861 года. — Дожидаюсь былин тридцать или даже более от волостных и сельских писарей, которым поручил за денежное вознаграждение записать от известных мне сказителей.

А все бы лучше записывал все сам. Да решительно не было возможности. Едешь целый день с утра до вечера, торопишься как будто кто сзади подгоняет дубиною, приедешь в город, сейчас за ревизию присутственных мест».⁴⁴ Речь здесь идет о летней поездке Рыбникова по губернии с ревизией губернатора в 1861 году и собиранию материала для второй части «Песен». В ней многие тексты действительно опубликованы по рукописям сельских писарей, сравнительно скупо отредактированных Бессоновым и самим Рыбниковым. В частности, тексты, записанные в сплошном рассказе, были разбиты на стихи редактором или собирателем. По рукописям сельских писарей эти тексты и были подготовлены к печати (сегодня они хранятся в Отделе письменных источников ГИМа).⁴⁵

Много «темных мест» в издании третьего тома «Песен». Причины, побудившие Рыбникова взяться за его редактирование самому и издать в Петрозаводске, проясняются из письма Рыбникова к Бессонову, которое можно датировать зимой 1863 года, так как речь в нем идет о событиях именно этого периода. Вот что пишет Рыбников: «Если б мы свиделись хоть на минуту, дорогой Петр Алексеевич, то в полчаса переговорили бы обо всем, что не напишешь и в трех письмах. Я понял Ваше письмо от 29 ноября как отказ от дальнейшего издания сборника. Описывая затруднения и требования с разных сторон, Вы объясняли, что такое положение совершенно чуждо Вашему характеру и губительно для спокойствия занятий. Для продолжения издания Вы приводили несколько возможностей (далее о финансовых затруднениях издания сборника в Москве. — *Т. Н.*) <...> но я в Москве знаком только с Вами да Вашими друзьями, несколько моих приятелей петербургских — люди без средств.

Оставалось искать другой путь делу. До ноября месяца обстоятельства мои были так плохи во всех отношениях, что единственным утешением оставалась семейная жизнь да труд над сборником. Издание 3-го тома стало любимой мечтою, потому что до сего времени я не предполагал даже, что откроется возможность собрать что-нибудь в Олонецкой губернии. Я приготовился к мысли, что 3-м томом заключу собрание памятников народной поэзии в Олонецкой губернии <...> Потому я написал Вам, что отказ от издания разрушил мою любимую мечту. — Я готов был печатать накопленное собрание в Губернских ведомостях, в Памятной книжке, лишь бы не лежало в тетрадах». И далее — об обстоятельствах, благодаря которым издание третьего тома превратилось из «любимой мечты» в реальность: «17 декабря я обратился к Статистическому комитету, которым я секретарем без жалования до сего времени, потому что в Комитете денег нет. Представьте же, что 16 декабря получено было уведомление, что на Комитет в 1863 г. отпускается 1600 р <уб>л., в том числе

и на издание ученых сочинений. . . С января месяца, помимо содержания по должности чиновника особых поручений, я получаю 62 р. 50 к. в месяц из Комитета. На мою просьбу о издании члены заявили полное согласие». Третий том Рыбников предполагал выпустить к осени и просил Бессонова переслать находившиеся у него материалы к третьему тому казенной посылкой в канцелярию Олонецкого губернского статистического комитета. За то, что Бессонов «привел в порядок» материалы третьего тома, Рыбников просил Бессонова принять «что будет следовать» от той доли, которая будет определена ему (Рыбникову. — *Т. Н.*) Комитетом. Таким образом, очевидно, редактирование и организация материала в третьем томе принадлежали также Бессонову. В этом же письме, под звездочкой, Рыбников сообщает о возможности появления четвертого тома: «К счастью, обстоятельства изменились и, быть может, явится 4-й добавочный том, потому что мне открыты вновь способы собирания лично материалов». ⁴⁶

Работая с редактором над вторым томом, Рыбников думал окончить собрание третьим томом, но уже и тогда у него появлялась мысль о пополнении собрания: «Думал я окончить издание 3-м томом; но отличные материалы собираются вновь и имеются в виду; все это отложу до нового издания сборника, если только не представится случая набрать на целую часть и не найдется издателя». ⁴⁷

Мало этого. Рыбников рассчитывал издать «том нот» с десятью или двенадцатью былинами и спрашивал в письме к Бессонову, во что может обойтись такое издание. ⁴⁸ Работу по переложению первых пяти или шести стихов былины на ноты Рыбников поручил некоему Гостинчикову, который, очевидно, не сразу понял задачу: «Я просил его только положить на скрипичные ноты мотивы былины, а он стал перекладывать с вариациями на четыре голоса». Гостинчиков утверждал также, «что нужно перевести на ноты всю былину, потому что де сказитель в пении постоянно импровизирует». Понимая, что издание такого огромного приложения нот невозможно, Рыбников спрашивает Бессонова: «. . . не признаете ли Вы возможным издать отдельно мотивы целых былин. Образцы были бы выбраны от Романова, Рябинина, колодозерского старика и проч. Для этого я взял бы Гостинчикова с собою в поездку». В постскриптуме письма Рыбников предупреждал Бессонова, что отправит «посылку с нотами Гостинчикова» по следующей почте. Была ли такая посылка и дошла ли она — мы не знаем. В Отделе письменных источников ГИМа сохранилось несколько нотных строк к былинам о Садко и Хотене (их оригинал находится в ГБЛ). ⁴⁹

Таким образом, растянутость в издании «Песен», рассредоточение материала по частям, вышедшим под разной редакцией в разных городах: поездки Рыбникова по Олонецкому краю были строго ограничены властями, не разрешавшими политическому ссыльному свободно путешествовать по губернии; во-вторых, с денежными затруднениями, случайностями финансового обеспечения сборника;

в-третьих, с зависимостью Рыбникова от поступления к нему текстов от сельских и волостных писарей.

Письма Рыбникова к Бессонову — наглядное свидетельство бережного отношения собирателя к народному слову, которое он стремился донести до читателя с максимальной полнотой, во всем его поэтическом звучании, в широком историко-этнографическом контексте. Закономерно, что стремление войти в народную культуру, познать ее, привело Рыбникова к серьезному переосмыслению своей позиции по отношению к народу. Если в начале своей деятельности на этом поприще Рыбников был движим чувством долга перед народом, желанием понять, уяснить себе его реальное положение в России, то в период олонечной ссылки общение с северными сказителями пробудило в душе Рыбникова чувство гордости за принадлежность к общему с ними «роду-племени». Это было чувство человека, лицом к лицу столкнувшегося с героиней прошлых веков, запечатленной в слове богатырского эпоса, сбереженного северными крестьянами.

Рыбников писал: «Грешный человек, люблю я мерное певучее и веское новгородское слово. Из одной истории и своего происхождения не полюбил бы я так сильно эту отрасль великорусов. Но я встретился с ним лицом к лицу в тяжкое для меня время, когда почва исчезала из-под ног. Чем больше узнавал я этих смелых, честных, высокомерных и энергических людей, тем ближе хотелось узнать их прошедшее: я стал гордиться, что принадлежу к их роду-племени, я узнал, что в моем развитии многое есть только расцвет тех потребностей и стремлений, которые заявлены этим племенем исторически. Я ступил на ту же дорогу, на которой славянофилы, но они идут к *Москве*, а я к *Новугороду*».⁵⁰

Последняя фраза до определенной степени является данью уважения славянофильским симпатиям Бессонова, но в то же время она проливает свет на таинственное молчание Рыбникова-фольклориста после выхода в свет четырехтомного собрания севернорусского фольклора. Уехав из Петрозаводска в Калиш, где он занял пост вице-губернатора и получил, казалось бы, неограниченные возможности для собирательской работы, Рыбников не мог уже свернуть с выбранного им пути к «Новугороду». Идеализация мировоззрения севернорусского крестьянства даже усилилась в его «калишский» период жизни.

В неопубликованной статье о Л. Н. Толстом, анализируя «Войну и мир» и «Анну Каренину», Рыбников стремился выяснить, «чем живут люди вообще и русские в особенности». Автор находит, что Л. Н. Толстой верно подметил такую черту русской интеллигенции конца XIX века, как «недоверие к себе» — рефлексия, развивающаяся на почве «отрыва от народа». Исторически отрыв интеллигенции и «образованной русской личности» от народа не исконен, он появился вместе с абсолютизмом, ростом могущества Московской государственности, когда «высшее сословие превратилось в служилых людей», вместе с крепостным правом и принижением «самостоятельной личности». Чувство свободы личности, отсутствие «приниженного подчинения» року и обстоятельствам сохранились, по мнению

Рыбникова, только на Русском Севере у новгородцев и их потомков — поморов.⁵¹ Так встреча со сказителями олонецкого края навсегда определила взгляды Рыбникова на русскую историю, русский характер.

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1; М., 1862. Ч. 2; Петрозаводск, 1864. Ч. 3; СПб., 1867. Ч. 4.

² См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 4. С. XLIII—XLIV.

³ У х о в П. Д. Об издании «Песен» П. Н. Рыбникова П. А. Бессоновым и А. Е. Грузинским // Русский фольклор. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 153—167. К концу 1850-х—первой половине 1860-х гг. относится начало интенсивной издательской деятельности П. А. Бессонова, с 1857 г. занимавшего должность старшего советника Московской синодальной типографии и подготовившего в этот период, помимо «Песен» П. Н. Рыбникова, сборники болгарского и сербского фольклора, «Песни, собранные П. В. Киреевским» и ряд др. изданий.

⁴ ГБЛ, ф. 125 (П. В. Киреевского и П. А. Бессонова), оп. 76, п. 28, л. 8, 103, 157, 166 («Бывальщины»). На этих листах — перечень присланных Бессонову Рыбниковым текстов былин, вместе с тем эти «оглавления» являются схемой построения томов.

⁵ У х о в П. Д. Указ. соч. С. 160. См. также: Б а з а н о в В. Г. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947. С. 39, 50.

⁶ «...многие былины, смотря по тождеству изображаемого ими быта и мирозерпцания, сами собою сгруппировались в циклы: старших богатырей, Владимиров, Новгородский, Московский и Казацкий». — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1864. Ч. 3. С. XLIX.

⁷ См.: В и н о г р а д о в С. Н. Материалы для биографии П. Н. Рыбникова // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. № 2—3. С. 317.

⁸ ГИМ, ф. 56 (П. А. Бессонова), оп. 1, ед. хр. 519, л. 81 об., 83 (письма П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову от 25.06.1861 г. и 21.10.1861 г.).

⁹ См.: Там же. Л. 82 об., 97 об. (письма П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову от 21.10.1861 г. и недатированное, очевидно, написанное в декабре 1863 г.).

¹⁰ Б а з а н о в В. Г. Указ. соч. С. 34.

¹¹ Р а з у м о в а А. П. Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников. П. С. Ефименко, М.; Л., 1954. С. 73.

¹² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1862. Ч. 2. С. I—XLVIII.

¹³ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 78—107. Это 14 писем 1861—1864 гг. от Рыбникова к Бессонову, часть из них без указания даты, и одно письмо к Д. А. Хомякову (от 3.11.1861 г.). Все они отправлены из Петрозаводска в Москву, судя по нескольким сохранившимся конвертам, на Никольскую улицу в Синодальную типографию.

¹⁴ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 203, 260.

¹⁵ См.: У х о в П. Д. Указ. соч. С. 155.

¹⁶ Б а з а н о в В. Г. Указ. соч. С. 30.

¹⁷ В и н о г р а д о в С. Н. Указ. соч. С. 320.

¹⁸ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 107.

¹⁹ Б а з а н о в В. Г. Указ. соч. С. 34.

²⁰ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 80.

²¹ Б а з а н о в В. Г. Указ. соч. С. 36.

²² ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 84—84 об.

²³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2. С. X.

²⁴ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 80 об.

²⁵ К о л е с н и ц к а я И. М. Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому // Русский фольклор. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 286.

²⁶ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 91 об. Письмо не датировано.

²⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. С. XXIV.

²⁸ Там же. Ч. 4. С. I—II.

²⁹ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 106 об. Письмо не датировано, но может быть отнесено к 1863 г., так как в нем Рыбников сообщает: «дописываю статью, как собирал былины» (для 3-го тома «Песен»).

³⁰ Там же. Л. 102. Письмо не датировано.

³¹ Там же. Ед. хр. 203.

³² Там же. Ед. хр. 519, л. 82 об.

³³ Там же. Ед. хр. 532, л. 19.

³⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2. С. X.

³⁵ Б а з а н о в В. Г. Указ. соч. С. 39.

³⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2. С. III—IV.

³⁷ Ср. В. Ф. Миллер: «Для уяснения истории былины я старался из сопоставления вариантов вывести наиболее архаичный ее извод и, исследуя историко-бытовые данные этого извода, определить по возможности период его сложения и район его происхождения». (М и л л е р В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897. Т. 1. С. V).

³⁸ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 89 об.—90 об.

³⁹ См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. С. XI, VIII.

⁴⁰ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 87—87 об.

⁴¹ Там же. Л. 106.

⁴² См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. С. XII—VIII—III.

⁴³ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 94 об.—95.

⁴⁴ Там же. Л. 80.

⁴⁵ См.: Там же. Ед. хр. 203.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 519, л. 96—97 об.

⁴⁷ Там же. Л. 91.

⁴⁸ Там же. Л. 98—99. Письмо датировано 24 июля (без года).

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 321 (папка 30 в).

⁵⁰ Там же. Ед. хр. 519, л. 101.

⁵¹ См.: Г р у з и н с к и й А. Е. П. Н. Рыбников // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909. Т. 1. С. LVII—LVIII.

В. В. К И Р И Л Л О В

**МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ОБ ИЗДАНИИ П. А. БЕССОНОВЫМ СБОРНИКА
«ДЕТСКИЕ ПЕСНИ»**

Весной 1868 года в Москве вышел в свет сборник «Детские песни», изданный известным славяноведом и фольклористом Петром Алексеевичем Бессоновым. Это была по существу первая публикация русского детского фольклора. Деятельность П. А. Бессонова как издателя народных песен (русских, белорусских, болгарских) достаточно известна, причем оценивалась она как современниками, так и учеными последующих поколений довольно критически: причиной этого было, в частности, вольное обращение Бессонова с текстами источников, которые он зачастую изменял и «исправлял» по своему усмотрению.¹ Как раз незадолго до опубликования «Детских песен» произошел конфликт между Бессоновым и П. И. Якушкиным по поводу издававшихся Бессоновым «Песен, собранных П. В. Киреевским». Тем не менее работа Бессонова по собиранию и публикации фольклора весьма обширна и заслуживает изучения.

Сборник «Детские песни» не пользовался вниманием исследователей, научных трудов о нем не было. В фонде П. А. Бессонова из Государственного Исторического музея есть материалы, относящиеся к изданию «Детских песен» (к сожалению, их немного):

- 1) Рукопись П. А. Бессонова «К читателям».
- 2) Записка П. А. Бессонова в типографию Бахметева.
- 3) Договор П. А. Бессонова с книгопродавцом Ф. В. Морозовым.
- 4) Договор П. А. Бессонова с издателем А. С. Сувориным.
- 5) Рукописные тексты песен, вошедших в сборник (беловая рукопись рукой П. А. Бессонова), и корректура печатного текста песен.
- 6) Ноты детских песен.

Кроме того, в фонде Бессонова хранится не относящийся, правда, к сборнику Бессонова, но, видимо, представляющий интерес для

фольклористов рукописный сборник «Детские песни, записанные А. Марковым в центральных губерниях. 1892—1896».²

Рукопись «К читателям», написанная осенью 1868 года, насколько нам известно, издана не была. Ее окончание отсутствует. Беловая рукопись, вероятно, предназначалась для набора (содержит пометы, указывающие, каким шрифтом печатать).

Бессонов пишет, что выход в свет «Детских песен» не вызвал никакого резонанса и прошел практически незамеченным:

«В апреле сего года изданы мною „Детские песни“, с тех пор прошло полгода. Московские крупные газеты и с.-петербургские толстые журналы сочли обязанностью промолчать об этом новом явлении русской словесности и науки, скажу более — русской жизни. Ни вождевленное „национальное единство“, ни „успешное обрусение русских окраин“, ни современное „патриотическое направление“, ни видимое ныне „торжество русских начал“, ни красноречивые взгляды, в последнее время „зорко следящие за судьбами славянства“, ни водворившийся повсюдно римско-греческий „классицизм“ русского обучения, ни притихший, разочарованный, но еще бьющий родником горячего убеждения из-под обломков сдержанного слова с.-петербургский „нигилизм“, ни один из сих великих „факторов“ современной русской жизни не удостоил своего внимания наше дело, прошел мимо его, не остановился на минуту. Это и естественно, этого следовало и ожидать».³

Далее Бессонов характеризует значение предпринятого им труда как первого опыта издания русского детского фольклора и с горечью пишет, что невнимание к сборнику со стороны общественности — явление закономерное:

«Наше издание „Детских песней“, как поются они в народе, есть *первое* (здесь и далее курсив Бессонова. — В. К.) издание, первое в сем роде явление, — и в русской словесности, хотя она считает уже столетие с первого печатного появления песенных сборников, и в целом славянском мире. Доселе было напечатано лишь *несколько между другими* < . . . > и не в отдельном собрании. Исключение лишь за славянами западными, у которых встречались попытки издавать *для детей*, для практического употребления, но издавать лишь *стихи* (псалмы, кончатки, набожные или побожные), а не песни < . . . > стало быть, на первой ступени наше издание подлежало бы вниманию по крайности библиографии: поскольку же ее нет в обороте современной русской письменности, считается она скучною и излишнею, а сами библиографы, какие и были, замолкают, начиная с Ундольского до Полуденского, с Соболевского и Лонгинова до Геннади, то, конечно, на „нет“ и суда нет».⁴

Бессонов подчеркивает, что детские песни изданы им в подлинном виде, без каких бы то ни было изменений. Возможно, последнее связано с предшествовавшими выходу «Детских песен» указаниями Якушкина на недобросовестность издания Бессоновым «Песен, собранных П. В. Киреевским» и желанием Бессонова, если можно так выразиться, обелить себя в глазах научной общественности. Бессонов пишет:

«Далее, мы издали „Детские песни“, как они поются или по крайней мере недавно *пелись в народе*: стало быть, это памятник народного русского творчества, каков он ни есть, без подделки и искусственного сочинения, без прилаживания, вне практических целей и расчетов, помимо всякой утилитарности <...> Ожидалось бы потому внимание науки и ее ученых, тех, кои признали бы неведомый ими прежде или только ожидаемый факт, ознакомились с ним, ознакомили других и пошли бы по ступеням естественных отсюда выводов <...> Но, за помянутыми великими факторами, наука сего рода, по-видимому, прекратила у нас свое недавнее существование и скоропостижно в молодости скончалась».⁵

Судя по рукописи автора книги, серьезной реакции в научной и публицистической литературе на выход сборника детских песен не было, лишь отдельные «слова сочувствия»:

«Тем паче, тем живее обязаны мы благодарить тех, весьма, впрочем, многих между русскими и прочими славянами, кои, вне всякой библиографии и даже науки, просто — на досуге и между другими литературными делами в различных периодических изданиях сказали три-четыре сочувственных слова о нашем труде и о новом явлении, вдвинутом в современную словесность через настойчивый труд наш <...> Мы счастливы были услышать несколько теплых слов сочувствия, даже с той стороны, где, по-видимому, или, может быть, руководствовались одним бессознательным порывом или поводом — дать отчет о новой книжке. Не было критики — ее и не могло быть, и нельзя было ожидать среди „великих факторов“: но тем более мы обязаны благодарностью <...> По всем отзывам, по впечатлению, которое мы из них вынесли, ясно, как дважды два, что наше издание предметнее — переданная нами детская песня — явилась многим русским людям как нечто близко знакомое и родное, знакомое — и вместе чуждое всему современному, окружающему».⁶

Далее в рукописи следуют размышления автора о судьбах славянства, о понятии «народность», о значении собирания памятников устного народного творчества.

Записка Бессонова в типографию Бахметева, где были напечатаны «Детские песни», — всего лишь текст краткого послесловия к сборнику, который был опубликован и содержал указание на недопустимость перепечатки текстов песен без ведома издателя, с техническим замечанием работникам типографии.⁷

В договоре, заключенном Бессоновым с московским книгопродавцем Ф. В. Морозовым, текст которого также хранится в Отделе письменных источников (далее — ОПИ) ГИМа,⁸ говорится о том, что 17 ноября 1878 года Бессонов продал Морозову 610 экземпляров «Детских песен», оставшихся у него от издания 1868 года, и «вязку» разных листов и рисунков. Среди условий, на которых состоялась сделка, обращают на себя внимание два:

«<...> 3) Продолжать сие издание частью *второю, третьею* и т. д., с новым и дальнейшим текстом, имеет право и может *П. А. Бессонов* всегда <...> 5) *Сверх* обыкновенных книжных объявлений, в *рекламах* допускаются только следующие выражения: „Детские

песни чистонародные, как поются детьми младшего возраста и их семейством или воспитателями, собранные и записанные из уст народа известным собирателем и издателем П. А. Бессоновым“».

Из текста этого документа следует, что Бессонов намеревался продолжить издание «Детских песен» второй, третьей, а может быть, и другими частями, что собирал и записывал эти песни он сам «из уст народа». Притом спустя десять лет после издания (подлинность даты на договоре доказывается тем, что Бессонов именует себя «Доктор славянской словесности» — эту ученую степень он получил в 1877 г.) у Бессопова оставалось свыше 600 экземпляров книги. Не означает ли это, что спрос на нее был невелик?

Весьма интересный документ — договор Бессопова с известным издателем А. С. Сувориным о предполагавшемся втором издании «Детских песен», заключенный в апреле 1882 года (в начале текста стоит дата 19 апреля, в конце, рядом с подписью Суворина — 20 апреля).⁹ Текст договора — в двух экземплярах, оба написаны рукой Бессопова, на одном из них — подпись Суворина. В документе сказано:

«1882 года, Апреля 19 дня из нас двух нижеподписавшихся П. А. Бессонов уступает сим А. С. Суворину *второе издание* своей собственности — „Детских песней“, с находящимися там *пятью рисунками* (камни, с коих печатались, уничтожены) и *вновь* присоединенными (для *первого* издания) ныне *нотами* однострочных *голосов* (мелодий) к песням (для всех песней, но некоторые мелкие из них считать <нрзб. 1> *один общий* голос) на следующих условиях: <...> 6) Это только первая часть сборника (для детей самого младшего возраста); *продолжать* же означенное издание его частью *вторую, третью* и т. д., с *новым и дальнейшим* текстом, имеет право г. Бессонов независимо от условленного 2-го издания 1-й части <...> 8) Ко второму изданию *присоединяется* предисловие г. Бессопова для напечатания, послесловие же о „неперепечатке“ остается то же <...> 9) Означенные *ноты* (или голоса) „Детских песней“, совершенно готовые и передаваемые ныне г. Суворину для печатания, на 16-ти нотных рукописных листах, по отпечатании возвращаются г. Бессонову в их рукописном подлиннике».

Итак, Бессонов намеревался в 1882 году выпустить «Детские песни» вторым изданием, снабдив его предисловием и нотами, причем ноты были «совершенно готовые <...> для печатания».

Причин, по которым второе издание «Детских песен» не было осуществлено, мы не знаем. В фонде Бессопова, хранящемся в ОПИ ГИМа, не удалось обнаружить также материалов, которые могли бы пролить свет на то, в какой стадии находилась работа над планируемыми Бессоновым второй и третьей частями сборника. В фонде Бессопова хранятся два письма Суворина к Бессонову (от 25.12.1876 г. и без даты)¹⁰ и черновик письма Бессопова к Суворину (от 8.01.1883 г.),¹¹ но никаких сведений о «Детских песнях» они не содержат. Среди бессоновского собрания нот народных песен есть один лист, по поводу которого почти наверняка можно сказать, что он

относится к подготовлявшемуся второму изданию сборника. Это печатный текст, представляющий собой нотную запись мелодий начальных (1—8-й и 11-й) песен сборника.¹² Вот этот текст (без нот):

«ГОЛОСА ДЕТСКИХ ПЕСНЕЙ

№ 1 и № 2

Баю, баюшки, баю,
Баю милую дитю.
Ты спи почивай,
Глаз своих не раскрывай.

№ 3

Ладушки-ладушки
Где были? У бабушки.
Что ели? Кашку.
Что пили? Бражку.

И так далее на тот же напев № 4, 5, 6, 7 (1, 8 и 11 скороговоркой).

Поскольку в договоре сказано о передаче Бессоновым Суворину нотных рукописных листов, которые по отпечатании подлежали возврату, можно предположить, что передача нот состоялась, они были отпечатаны и возвращены Бессонову. Один из листов и сохранился в ОПИ ГИМа.

Что касается хранящихся в фонде отдельных рукописных и печатных листов с детскими песнями,¹³ то, к сожалению, их тексты совпадают с текстами сборника 1868 года. Правка Бессонова на листах корректуры — исправление ошибок наборщиков.

Как видим, материалы ОПИ ГИМа о сборнике «Детские песни» не дают ответа на главные вопросы, связанные с изданием книги, а именно: когда, где и кем были собраны песни, не подвергались ли они обработке перед публикацией. На сей счет в нашем распоряжении лишь заверения Бессонова. Для создания объективной картины работы над сборником этого мало.

Правда, в связи с «Детскими песнями» Бессонов не упрекался, как то было по поводу издания «Песен, собранных П. В. Киреевским». Предполагая, что детские песни были действительно собраны Бессоновым и изданы в неизмененном виде, приходится пожалеть, что автор первого сборника русского детского фольклора не рассказывал, как шла работа по его подготовке. Возможно, эту интересную проблему прояснят дальнейшие исследования.

¹ См.: Мельц М. Я. О VI выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским». Текстологические заметки // Русский фольклор. М.; Л., 1960. Т. 5; Соимонов А. Д. Записи былин первой половины XIX века в собрании П. В. Киреевского // Там же.

² ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 280.

³ Там же. Ед. хр. 279, л. 1.

⁴ Там же. Л. 1—1 об.

⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ Там же. Л. 44—44 об.

⁹ Там же. Л. 46.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 526.

¹¹ Там же. Ед. хр. 449.

¹² Там же. Ед. хр. 322, л. 16.

¹³ Там же. Ед. хр. 281—283.

Б. Н. П У Т И Л О В

**НОВОГВИНЕЙСКИЕ ДНЕВНИКИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ.
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ**

Дневники Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященные шести его путешествиям на Новую Гвинею, принадлежат, несомненно, к наиболее важным и самым интересным сочинениям русского ученого-путешественника и с полным правом могут рассматриваться в ряду крупнейших произведений мировой литературы путешествий.¹ Содержание их поражает своим богатством, новизной и разнообразием сведений по этнографии, антропологии, географии, естествознанию, а полнейшая достоверность и точность, откровенность записей, полное отсутствие в них чего-либо показного, рассчитанного на внешний читательский успех, делают дневники документом уникальной ценности. Это особенно относится к обработанным автором для печати дневникам, описывающим первое и второе пребывания путешественника на Берегу Маклая в 1871—1872 и в 1876—1877 годах. С их страниц постепенно открывается перед нами увиденный впервые глазами русского ученого первобытный папуасский мир — в многообразии и загадочности его этнических особенностей, его уклада жизни, подробностей быта, внутренних отношений, мировосприятия, человеческих судеб. Читатель становится свидетелем редчайшего эксперимента, наблюдая шаг за шагом процесс «вживания» Миклухо-Маклая в этот необычный мир — от первых, не всегда удачных, попыток установления «нормальных» контактов, через мифологизацию папуасами белого пришельца («Человек с Луны») до признания ими его своим, «большим-большим» соплеменником («Тамо боро-боро»). А рядом с этим совершается и другой процесс — превращение ученого-наблюдателя, изначально видящего в папуасах таких же людей, как он, готового жить их жизнью и быть им полезным в их

повседневных заботах, в активного защитника народа от колониализма, борца за его права.

Дневники представляют собою неоценимый источник для познания личности их автора, во многом загадочной, сочетающей трудно соединяемые нашим сознанием черты (скажем, преклонение перед Чернышевским и увлечение Шопенгауэром или демократичность взглядов и поведения, заложенная чуть ли не с детских лет, и странные проявления «аристократизма»), но устойчиво и ярко выражающей и отстаивающей преданность истинной науке, горячему патриотизму и активному гуманизму.

Дневники Миклухо-Маклая с момента их опубликования в начале 1920-х годов сразу же завоевали любовь широкого читателя, а в специальных обработках заняли прочное место в отроческой и юношеской литературе.

Между тем остается актуальной задача научного изучения и издания дневников, освещения в этой связи многочисленных общих и частных источниковедческих и текстологических проблем.

1

Новогвинейские дневники впервые на русском языке в относительно полном виде были опубликованы в 1923 году.² Потребовалась четверть века, чтобы усилия Д. Н. Анучина, взявшего на себя нелегкий труд по подготовке издания сочинений Миклухо-Маклая, увенчались успехом. Есть основания подробнее остановиться на этой публикации, так как именно она во многом определила характер последующих научных изданий дневников путешественника и породила проблемы, не получившие до сих пор удовлетворительного разрешения.

Как показывают наши разыскания, публикация 1923 года основывалась на рукописной копии с авторизованного текста дневников, скорее всего приготовленной по поручению Д. Н. Анучина.³ Отдельные части этой копии служили наборными экземплярами (на них сохранились следы работы типографщиков), другие, вероятно, были перепечатаны для набора (есть соответствующие пометы). Во всяком случае, тексты дневников в издании 1923 года в массе своей идентичны текстам рукописной копии (небольшое число разночтений объясняется, скорее всего, тем, что в корректуре была проведена дополнительная редакторская правка). Сразу же заметим, что рукописная копия изобилует громадным количеством поправок, и все они перешли в публикацию. Поправки эти составляют два слоя, разделенных значительным промежутком времени.

Первый слой — немногочисленный — относится, скорее всего, к 1890-м годам, когда Анучин, еще надеясь на возможность скорого издания книги, готовил рукопись к печати. Почерк его узнается без труда. Его рукой раскрыты отдельные сокращения, устранены пропуски, имевшиеся в оригинале, сделаны некоторые дополнения.

Второй слой — гораздо более поздний, поправки сделаны крупным почерком, чернилами и карандашом, скорее всего они также

принадлежат Анучину. Редактор переводил рукопись на новую орфографию: вычеркивал *ъ* в конце слов, буквы *ѣ* и *і* исправлял на *е* и *и*, окончания *аго* и *ыя* соответственно менял по новым правилам. Ясно, что правка эта делалась непосредственно перед сдачей рукописи в набор. Но теми же чернилами и карандашом и тем же почерком через всю рукопись прошла густая правка текста, непосредственно относящаяся к его содержанию. Можно заметить, что поначалу она была довольно скромной, но постепенно усиливалась, словно бы редактор входил во вкус, и в последних частях рукописи приобретала характер сплошной. Забегая несколько вперед, замечу, что вся эта правка никакой связи с оригиналом, с которого делались копии, не имела и никакой опоры в нем не находила. Она полностью лежит на совести редактора. Мелких и крупных поправок в рукописи несколько тысяч, но они могут быть сведены к некоторому количеству типовых случаев.

1. Замена отдельных слов: вместо «противного» — «противоположного», «вкралось» — «появилось», «обширный» — «значительный», «был» — «оставался», «вокруг» — «около», «невозможно» — «нельзя», «была» — «имелась». Такие замены носили, очевидно, стилистический характер, но иные из них вовсе не были нейтральными в смысловом отношении. Так, «исследования» упорно заменялись на «наблюдения», тем самым полевая работа Миклухо-Маклая как бы ставилась на уровень ниже.

2. Изменения порядка слов: вместо «ливень захватил меня» — «меня захватил ливень»; «они до сих пор» — «до сих пор они»; «капитально сделана» — «сделана капитально»; «придумал его пить» — «придумал пить его»; «процедуру, выше описанную» — «выше описанную процедуру».

3. Замена местоимений соответствующими по смыслу существительными: вместо «они» — «пирѳги», «они» — «листья», «открыл его» — «отыскал череп», «носят его» — «носят огонь», «он» — «Туй».

4. Переделка отдельных словосочетаний и частей фраз: вместо «кажется назойливым» — «надоедает», «пропустить ее» — «оставить ее без внимания», «сегодня узнал наверное» — «мне удалось узнать», «казался мне доказательством» — «показал мне», «были довольно круглые» — «выказывали довольно круглые формы».

5. Сокращения и изъятия отдельных фраз: в дневнике 1871—1872 годов в записи под 16 декабря («занимался уборкою ~ последние недели»; «который побудил ~ по антропологии»), под 18 февраля («Не желая ~ образ жизни»), под 2 марта («наблюдений и созерцаний ~ происходящего») и др.

6. Добавление слов и частей фраз: в записи под 29 мая добавлено: «Подождав, пока мой ночной посетитель выскользнул из хижины. . .»

Из анализа массы поправок можно заключить, что редактор стремился «улучшить» текст Миклухо-Маклая, выправив, с его точки зрения, стилистические огрехи, излишне тяжеловесные обороты, устаревшие стилистические конструкции и т. д. Как явствует из замечаний самого Анучина, он склонен был рассматривать оригинальные рукописи Миклухо-Маклая как незавершенные, подчас черновые и

считал себя вправе обращаться с ними достаточно вольно. На деле же редакторская правка приобретала произвольный, субъективный характер, превращаясь в мелочное, никакими правилами не обоснованное и никак не контролируемое вмешательство в авторский текст. В итоге она приводила к тому, что стиль автора, в котором индивидуальные особенности (склонность к свободной разговорной манере, избегание шаблонных оборотов, некоторая тяжеловесность и даже неуклюжесть выражений) сочетались с характерными для русской литературной речи второй половины XIX века грамматическими и стилистическими нормами, словоупотреблением, привычными оборотами, нивелировался, обеднялся, заменялся стереотипной «правильностью». К тому же «чисто» стилистические поправки подчас приводили к смысловым сдвигам, а то и просто к ошибкам. Наряду с относительно безобидными случаями подобных смещений смысла (вместо «не запомню я такой высокой температуры» при описании очередного приступа лихорадки — «не запомню я подобного пароксизма»; вместо «дождь <...> мог совершенно заполнить ее» — «и тогда шлюпка могла утонуть») поправки приводили к нарушениям этнографической точности описаний. Один выразительный пример: фразой «ни к одному черепу не была дана мне нижняя челюсть» автор указывает на то, что (в соответствии с традиционными обычаями) папуасы дорожили челюстями своих предков, хранили их в хижинах и не соглашались расставаться с ними, в то же время легко отдавая черепа; будучи исправленной («ни у одного черепа не было нижней челюсти»), фраза утрачивала тот смысл, какой придавал ей автор.

Редактор, кажется, склонен был преуменьшать трудности жизни путешественника: вместо «было тяжелою работою» — «было довольно тяжелою работою» и т. п.

Приведенные выше примеры взяты из рукописи дневника 1871—1872 годов. Масса аналогичных поправок содержится и в рукописи дневников 1876—1877 годов. Вот лишь наудачу выбранные примеры: вместо «физиономий <...> гор» — «виды <...> гор», «наперед» — «заранее», «бодрствовали» — «сторожили», «посеял ее снова» — «снова посеял ее», «заботы и разнообразная деятельность» — «другие занятия», «выплесывать вокруг группы» — «плясать кругом», «мне показалось ясным» — «было очевидно».

Немалое число сокращений коснулось отдельных мест рукописи, а с другой стороны, было внесено довольно много мелких дополнений, которые, видимо, должны были прояснить и уточнить сказанное автором. Так, вместо одного слова «туземцев» появилось «сидящих тамо и нескольких туземцев из Бонгу»; вместо «что каждый» — «что обычай так уж установил, что каждый»; вместо «женщин» — «женщин из Бонгу и Горенду <...> голосивших».

Не обошлось и без ошибок, явившихся в результате неосторожной правки. В рукописи было: «живет предполагаемый недруг Ванума или его отца, приготовивший оним» (оним в данном случае — магический предмет, вызвавший смерть). Рукой редактора исправлено на «отец», что исказило смысл фразы: виновником смерти ока-

зался не «недруг», а его отец. Подчеркнем, что во всех этих случаях редактор вносил исправления исходя из своего понимания смысла, контекста, без опоры на какие-либо источники. Вообще можно утверждать, что второй (поздний) слой правки редактором производился «с листа», без обращений к оригиналу либо к другим источникам.

Анучин не ограничился стилистической правкой, но осуществил и более серьезную редакторскую работу, связанную с решительной перекомпоновкой отдельных разделов и включением в корпус сюжетов, в оригинале отсутствовавших. Рукописная копия буквально испещрена пометами цветными карандашами, указывающими на перестановки, отсылки в другие места, разные включения и т. д. Рукопись дневников 1876—1877 года после редактирования приобрела такой вид, что для набора ее пришлось отдать на перепечатку, хотя наборщики в те годы были весьма нетребовательны к состоянию рукописей.

Редакторская правка коснулась так или иначе всех текстов, включенных в издание 1923 года.

Таким образом, осуществив дело громадного культурного значения, — по существу заново открыв читателям Миклухо-Маклая путешественника публикацией замечательных новогвинейских дневников, — Д. Н. Анучин одновременно допустил такие нарушения эдичионно-текстологического порядка, которые нельзя иначе квалифицировать как редакторский произвол и искажение авторской воли. Такого рода операции с текстами невозможно оправдать никакими ссылками на несовершенство источников или на особенности работы Миклухо-Маклая как автора.

Следующее научное издание дневников появилось только в 1940 году.⁴ Увы, оно лишь усугубило ошибки первого. Хотя его редакторы восстановили несколько мест, пропущенных Анучиным, они подвергли текст еще более интенсивной правке, исходя из убеждения в том, что имеют дело с черновиками, с которыми можно поступать по собственному усмотрению. Число стилистических (отчасти и смысловых) поправок, а по существу искажений авторского текста выросло (сравнительно с изданием 1923 года) более чем вдвое.⁵

К сожалению, при подготовке академического издания собрания сочинений Миклухо-Маклая текстологические принципы не были пересмотрены. Похоже, что редакторы целиком следовали своим предшественникам в подходе к текстам дневников.⁶

Таким образом, вопрос о подлинно научном издании дневников Миклухо-Маклая, основанном на глубоком изучении всех сохранившихся материалов и на определении основного текста, остается открытым.

2

Итак, в изданиях 1923, 1940, 1950 годов новогвинейские дневники опубликованы по копиям, сделанным для Анучина и подвергнутым им обильной правке. (К чести Анучина надо сказать, что вести правку прямо по рукописям, принадлежавшим покойному

Миклухо-Маклаю, он считал невозможным). О том, что мы имеем дело с единым комплексом рукописей, приготовленных в одно время, свидетельствует тот факт, что в разных частях этого комплекса мы обнаруживаем одинаковые почерки. Все части сходны еще и тем, что в них находятся однотипные пропуски, оставленные для разных научных терминов, имен, географических названий. В большинстве своем эти пропуски затем заполнены рукой Анучина.

Источники, к которым восходят эти рукописи, могут быть указаны безошибочно: это четыре тетради, сшитые нитками из больших, сдвоенных или одинарных линованных листов (в некоторых тетрадках отдельные листы не вшиты, а просто вложены).⁷ Текст писался то на одной стороне, то на обеих. Характерная особенность рукописей — на всех без исключения листах заполнена лишь левая половина, правая же оставлена чистой и сюда позднее вынесены поправки и дополнения.

Четыре тетради разного объема составляют дневники пяти путешествий Миклухо-Маклая на Новую Гвинею: 1874, 1876—1877, 1880, 1881 и 1883 годов.⁸ Единство и последовательность рукописей отражены в сплошной пагинации, сделанной механической печаткой (нумерация листов пятизначная, соответственно: 00232—00289, 00290—00350, 00351—00369, 00370—00385). Кем и когда она сделана, мы не знаем. Пагинация, во всяком случае, свидетельствует о том, что в момент ее нанесения существовало в составе общей рукописи еще несколько тетрадей, и вряд ли можно оспорить, что основную их часть занимал дневник 1871—1872 годов, который, как известно, по объему превосходит все остальные вместе взятые новогвинейские дневники.

Все основные части рукописи (левой их половины) написаны тремя почерками: два из них, довольно похожие по стилю, каллиграфические ровные, изящные, явно принадлежат профессиональным переписчикам; третий, — скорее всего, кому-то из близких Миклухо-Маклая, родственникам или друзьям. Смена почерков носит более или менее случайный характер, но можно допустить, что третий почерк появляется там, где у автора дневников возникали трудности с их обработкой или вообще с источниками.

Анализ сохранившихся частей рукописи, их состава, отношения к имеющимся в нашем распоряжении полевым дневникам, характера допущенных переписчиками ошибок и сделанных исправлений позволяет прийти к следующим заключениям о природе текста: во-первых, рукопись создавалась под диктовку Миклухо-Маклая; во-вторых, текст творился в процессе диктовки, а не был заготовлен заранее, хотя, конечно же, автор опирался на имевшийся у него под руками источник.

Обратимся к тетради с дневником 1874 года, имея возможность сопоставить ее с полевым дневником. В ряде случаев можно видеть, как отдельные фразы перестраивались на ходу и переписчик должен был тут же зачеркивать одни слова, надписывать другие, менять знаки препинания, окончания слов и т. п.⁹ «Мы условились, что я к 5 часам <осмотреть> съеду»; «прибыл в» *ошли мимо* Мар, кра-

сивой деревушки на островке»; «спустив курок» когда выстрел раздался»; «острова, <покрытые> на *которых росли мангров<ами>ы*»; «гресть <всю но> весь день»; «<вышел на берег> соскочил с урумбая на берег»; «<оставили> ушли к себе»; «<сделав его ответственным за последнего> сказав последнему, что он будет отвечать перед резидентом».

Выясняется, что в большинстве случаев первые, затем отставленные варианты совпадают с записями в полевом дневнике; другими словами, Миклухо-Маклай диктовал, держа перед собою полевой дневник, и сперва, как бы по инерции, следовал его тексту, но подчас тут же начинал вносить в него поправки.

Возможно, такого же происхождения поправки имели место в рукописях других дневников, о чем можно догадываться по характеру поправок. В дневнике 1876—1877 годов: «Береговы<м>е деревн<ам>и <угрожали> *пострадали* главным образом *от* необыкновенно больши<я>х волн<ы>ъ»; «продолжал <расправляться со св> чинить расправу» и др. В дневнике 1880 года: «Он состоит из <овальной> петли, из ротанга, в палец толщиной; оба конца его, ею связанные, образуют вместе с небольшим копьем, которого конец> небольшого копья, к которому прикреплена петля из ротанга, которого оба конца связаны с копьем, образуют ручку» и др.

Подобного рода поправок набирается порядочное количество, и все они показывают, как Миклухо-Маклай в процессе диктовки старался улучшить полевые записи, делая их более ясными для читателя, дополняя подробностями, устраняя повторения и т. п.

Переписчики при диктовке не всегда верно слышали отдельные слова. По-видимому, Миклухо-Маклай диктовал не целыми фразами или законченными смысловыми отрезками, и смысл отдельных слов становился понятным с запозданием, что и отражено в поправках, сделанных тут же переписчиками. Так, первоначально переписчик написал: «щеголяет подмазкою», а затем исправил после завершения фразы: «щеголяет под маскою большой честности». Слова «имена», «мавары», «ноги» переписчик сначала услышал как «именно», «авары», «многие», а затем тут же исправил по смыслу. Похоже, что в трудных и сомнительных случаях Миклухо-Маклай либо просил переписчика прочитать написанное, либо сам заглядывал в рукопись. Именно так можно объяснить поправки, вносившиеся тут же явно по подсказке диктовавшего: «В Атабело» исправлено на «Ватабелла», «Камакаваллар» на «Камака-Валлар», «Телок-Каюмера» на «Телок-Каю-Мера», «На Матоты» на «Наматоте» и др. По подсказке же с опозданием отмечались абзацы: начальные слова фраз зачеркивались и переносились в новую строку.

Все эти исправления, принадлежавшие переписчикам, делались аккуратно, и, хотя их было много, они не портили рукопись. Это был первый, самый ранний слой правки.

Следующий слой составляют исправления и дополнения, которые Миклухо-Маклай вносил, перечитывая рукопись. Часть их внесена прямо в текст переписчиков, часть сделана на полях, занимавших всю правую половину каждой страницы. Поправки делались черни-

лами и карандашом, по-видимому, в разное время и, что особенно существенно, разными почерками. Утверждать, что все они принадлежат Миклухо-Маклаю, было бы рискованно. Некоторое количество поправок носит сугубо стилистический характер, и возможно, что здесь действовала чья-то чужая рука. Так, в ряде случаев исправляются характерные для Миклухо-Маклая инверсии (типа «по приказанию письменному», «бросают якорь здесь», «топор, которого ручка»); иногда это делается простым обозначением цифрами нового порядка слов. Другие поправки относятся к мелким подробностям, ограничиваются заменой отдельных слов (вместо «ни единственного» — «ни одного») или отрезков фраз (вместо «несколько человек работали» — «группа туземцев работала»).

Более существенны поправки, уточнения и дополнения фактического порядка. Они безусловно принадлежат самому автору и вписаны либо его рукой, либо кем-то под его диктовку. Подчас в текст вносятся подробности, отсутствующие в полевом дневнике. Так, в дневнике 1874 года к описанию встречи с лакахийцами он добавляет, явно по памяти: «К сожалению, мне не удалось сделать ни одного портрета. Туземцы не сидели смирно, убегая, как только замечали, что я обращаю на них внимание». В полевом дневнике отсутствует пояснение к названию «Бату-Гадья», к которому в рукописи дано пространное примечание.

Во всех рукописных тетрадах есть места, которые Миклухо-Маклай при диктовке оставлял для последующего заполнения: для названий видов животных и растений, имен людей, географических названий, местных терминов. Очевидно, он не хотел отвлекаться для поисков соответствующих слов в других источниках — записных книжках, в других местах полевых дневников и т. д. Но и в ходе последующей правки большую часть пропусков он так и не восполнил, хотя часто сделать это было совсем не сложно. При переписывании тетрадей для Анучина пропуски были соответственно обозначены, и в ряде случаев уже сам Анучин восполнял их, пользуясь либо материалами Миклухо-Маклая, либо собственными знаниями предмета.

В целом же рукописные тетради, дошедшие до нас, к сожалению, не в полном виде, мы вправе рассматривать как подготовленные автором к печати — продиктованные, вычитанные, авторизованные. Есть все основания видеть в них не что иное, как часть приготовленного Миклухо-Маклаем первого тома своих сочинений. О завершении его ученый сообщал в письме неизвестной в апреле-мае 1887 года на пути в Австралию: «Первый том уже переписан, но еще отсутствуют таблицы и их объяснения».¹⁰ Основную часть тома, несомненно, составили обработанные дневники шести путешествий на Новую Гвинею.

Известно, что сразу же после смерти ученого рукопись первого тома была передана в Русское географическое общество, и в протоколах заседаний совета общества есть запись от 12 апреля, согласно которой вице-председатель П. П. Семенов «представил приготовленный к печати покойным Н. Н. Миклухо-Маклаем первый том

описания его путешествий, обнимающий описание пребывания его в Новой Гвинее». ¹¹

Поскольку вся остальная часть архива Миклухо-Маклая поступила в Географическое общество позднее, можно было ожидать, что рукопись первого тома (в дальнейшем — *pmt*) сохранится как самостоятельная единица. Между тем этого не случилось, и Н. В. Каульбарс, которому совет общества поручил рассмотрение всех поступивших рукописей покойного, в своем отчете описывает отдельные ее части вне связи одной с другой и без ясного представления о том, что он имеет дело с завершенным томом. ¹² С легкой руки Каульбарса тетрадки, составлявшие *pmt*, растворились в общей массе рукописей — записных книжек, полевых дневников, набросков научных статей и т. д.

Когда Анучин, выразивший готовность разобрать архив Миклухо-Маклая и подготовить к печати часть материалов, получил в свое распоряжение рукописи (1898 г.), он в результате работы также выделил тетради *pmt* как наиболее подготовленные автором для печати, хотя и не увидел, что имеет дело с завершенным трудом.

В статье по случаю десятилетия со дня смерти путешественника он сообщал, что среди рукописей, к нему поступивших, «оказались переписанные тетради, заключающие в себе более обработанные дневники — первого пребывания на Новой Гвинее, следующих туда поездок < . . > эти тетради, по-видимому, предназначались для печати, но и в них встречаются многие пропуски и пробелы, которые требуют пополнения». ¹³

Можно предположить, что Анучин, заранее рассчитывая, что предстоит серьезная редакторская работа с дневниками, и решив оставить тетради Миклухо-Маклая в их первоначальном виде, отдал рукописи для копирования.

Как показывает сопоставление копий с сохранившимися тетрадями *pmt*, они довольно точно передают текст оригинала. В них полностью учтена правка, проведенная Миклухо-Маклаем и кем-то из его близких после диктовки. (Кстати говоря, именно это обстоятельство снимает какие-либо сомнения в том, что перед нами отношения копии и оригинала: все те места, которые в оригинале вписаны над строкой или сделаны на полях, в копии идут сплошным текстом). Ошибок, допущенных переписчиками, не так много, у некоторых переписчиков (всего почерков, по нашим подсчетам, 11) они вообще отсутствуют. Отдельные части рукописи кем-то вычитывались, сохранились поправки, но все-таки сплошная вычитка сделана не была. И конечно, вряд ли можно допустить, что Анучин сам считывал рукопись; в лучшем случае он обращался к отдельным местам оригинала, когда ему что-то было неясно или возникали сомнения по тексту.

Большинство обнаруженных нами ошибок объяснимо. Одни вызваны тем, что переписчик неверно прочитывал отдельные буквы оригинала, например, принимал *a* за *o* и наоборот («Тонок» вместо «Танок», остров «Корогу» вместо «Карагу», «гамбар» вместо «гамбор» и т. п.).

Встречаются неверные прочтения целых слов и даже фраз: «хотя я хорошо спал и просыпался несколько раз» вместо «хотя я и хорошо спал, но просыпался несколько раз»; «замечательнейших селений» вместо «значительнейших селений»; «напитывая» (волосы) вместо «натирая». Пропуски слов: «тихой деревни» вместо «тихой обстановки деревни»; «ничего не сделал» вместо «ничего дурного не сделал». Пример ошибки, искажающей этнографическую реалию: Миклухо-Маклай записал, что папуасы, в знак выражения удивления, «прикладывали к носу сжатый кулак своей руки»; переписчик написал «к ноге», и в этом бессмысленном виде фраза печаталась в изданиях 1923 и 1940 годов. Отмеченные выше ошибки также попали в печать, и часть их была исправлена только в собрании сочинений. Некоторые ошибки заметил и исправил Анучин.

Таким образом, анализ всей совокупности рукописей дневников, предназначенных для печати, приводит к одному безусловному заключению: основным текстом для издания должен быть выбран текст сохранившихся тетрадей *pmt* как несомненно авторизованный. Из шести новогвинейских путешествий Миклухо-Маклая пять отражены в таких тетрадях. Соответственно рукописные копии с редакторской правкой Анучина, равно как и их воспроизведения в различных изданиях, должны быть расценены как недопустимые с научной точки зрения нарушения авторской воли. Сами по себе копии, освобожденные от волюнтаристских поправок, собственно утрачивают какую-либо текстологическую ценность и сохраняют интерес лишь для истории изданий Миклухо-Маклая. Это, однако, не касается первого, самого раннего слоя поправок, сделанных Анучиным и касающихся преимущественно мест, оставленных в *pmt* незаполненными. Анучин внимательно отнесся к этим пробелам и частично восстановил их. Кроме того, он внес несколько поправок в текст Миклухо-Маклая — в тех случаях, когда считал, что тот допустил ошибку или неточность. Естественно, что при издании дневников предложенные Анучиным вставки и исправления фактического порядка должны быть учтены — либо внесены непосредственно в текст (но, конечно, с соответствующими оговорками), либо использованы в примечаниях.

Только точное воспроизведение *pmt* — при осуществлении современных эдичионных принципов в отношении орфографии, пунктуации, организации библиографических ссылок и др. — позволит нам донести до читателя все богатство содержания, оригинальность мысли и своеобразие стиля Миклухо-Маклая. При этом должны сохраниться многие особенности языка Миклухо-Маклая, смущавшие его редакторов и заставлявшие их то и дело прибегать к исправлениям. Особенности эти могут быть систематизированы по основным группам.

1. В оформлении категорий числа, рода, падежных форм существительных и прилагательных: банан, орех, бисквит и подобные в родит. пад. множ. числа; полуострову в предл. пад.; выражения типа «будучи человек энергичный».

2. В оформлении глаголов, причастий и деепричастий: «отказал»

вместо «отказался», «не решая» вместо «не решаясь», «шел, сопровождаемый своей дочерью».

3. В употреблении предлогов: «встретил в речке»; «замечал в Новой Гвинее»; «в плантации»; «любезен относительно меня».

4. В области лексики: особенности в звуковом составе слов (шлюбка, шкуна, напёрчь); в словообразовании (характеристичный, энергический); в словоупотреблении («путеводитель» в значении «проводник»; «припомнил» в значении «напомнил»; «необходимо» в значении «обязательно», «непреренно»; «предложения» в значении «предположения», «парализует» в значении «восполняет», «устраняет»).

5. В области синтаксиса — специфические, «неправильные» построения фраз, тяжеловесные конструкции, нарушения согласований (типа «несколько человек сидело < . . . > и перекидывались словами»).

Конъектуры допустимы лишь в крайних случаях, равным образом как и подстрочные пояснения к отдельным фразам. Как свидетельствует наш опыт работы над текстами дневников Миклухо-Маклая, и то, и другое оказывается необходимым весьма редко: читатель, предупрежденный об особенностях языка путешественника, не будет испытывать никаких затруднений, зато ощутит в полной мере его своеобразие.

3

Особого внимания заслуживает вопрос о дневнике 1871—1872 годов. По своей значимости он, несомненно, занимает ключевое место во всем литературном наследии Миклухо-Маклая. Можно с уверенностью сказать: если бы из всего наследия до нас дошел бы один этот дневник, и тогда научный и человеческий подвиг его автора предстал бы перед нами во всем своем величии. Судьбе, однако, было угодно распорядиться именно с дневником первого пребывания на Берегу Маклая самым безжалостным образом. Та часть *pmt*, которую занимала рукопись дневника 1871—1872 годов и которая безусловно находилась в распоряжении Анучина, ныне бесследно утрачена.¹⁴ От полевого дневника сохранился лишь небольшой фрагмент. Вообще полевые материалы первого пребывания почти целиком исчезли.

Таким образом, единственный текст, каким мы располагаем, — это копия, сделанная для Анучина. Рукопись на больших линованных листах, частично сшитых, в большей части разрозненных, писана то на одной, то на обеих сторонах разными почерками; всего почерков шесть, причем два из них встречаются также в копиях дневников 1874 и 1876—1877 годов. Как и остальные рукописи дневников, эта была подвергнута дважды правке Анучиным. На первом этапе он постарался в некоторых местах восполнить пропуски оригинала, раскрыл сокращения в тексте, перевел цифровые обозначения в словесные и др. Вместе с тем он уже здесь внес мелкие стилистические поправки. Позднее, уже перед печатанием книги, Анучин произвел большую правку, о которой выше было сказано подробно. Таким образом, копия дневников 1871—1872 годов по

своему внешнему виду мало чем отличается от остальных копий, разве только тем, что первые 46 страниц были переписаны каллиграфическим почерком, видимо рукой профессионального переписчика, а в дальнейшем перепиской занимались, как явствует из сохранившихся документов, студенты. Кроме того, на с. 113—146 сохранились немногочисленные поправки, сделанные совсем другой рукой и другими чернилами: по-видимому, эту часть рукописи кто-то считывал. К сожалению, считка не коснулась остальных частей рукописи.

Опираясь на результаты сопоставления копий с сохранившимися частями *рпт*, мы можем с полной уверенностью утверждать, что и копия дневников 1871—1872 годов достаточно надежна и верна. Речь может идти лишь о мелких, единичных ошибках, описках переписчиков. Некоторые из таких ошибок обнаруживаются при внимательном чтении (напр., вместо «улетел», напрашивающегося по смыслу, — «учитель», явно механическая ошибка). Текст копии, освобожденный от абсолютного большинства поправок Анучина, касавшихся языка и стиля Миклухо-Маклая, должен быть признан основным. Единичные конъектуры Анучина, так же как и попытки его заполнить имевшиеся в *рпт* пропуски, должны быть критически учтены. Разумеется, известная доля сомнений относительно полноты соответствия имеющегося текста тексту *рпт* сохранится.

Вопрос осложняется свидетельствами самого Анучина о характере его работы над дневниками 1871—1872 годов. Сохранились два письма — секретарю Географического общества А. В. Григорьеву от 22 ноября 1899 года и сменившему его в должности секретаря А. А. Достоевскому от 29 ноября 1903 года. В более раннем Анучин писал: «Первое пребывание М.-М. на Н. Гвинее мною сличено по нескольким спискам и составлен наиболее полный, хотя и в нем оказываются пропуски (собственные имена, некоторые названия животных, туземные слова и пр.). 2-е пребывание также подготовлено».¹⁵ Позднее: «2. Дневник (Составлен полный список по 4—5 имеющимся более или менее полным спискам, 317 стр. в лист, хотя иные весьма неполны и все вообще имеют пропуски)».¹⁶ 317 страниц — это, конечно, известная нам копия. Если буквально читать письма, то можно предположить, что Анучин сделал некий свод из источников. Для этого он должен был провести значительную правку в рукописях Миклухо-Маклая, сделать разного рода обозначения вставок, отсылок и т. п., с тем чтобы переписчики могли ориентироваться при копировании. Между тем, насколько мы знаем, Анучин старался оригиналов не трогать и всю редакторскую работу вел с копиями. В этом отношении особенно показательна его работа с текстом дневников 1876—1877 годов. Здесь, действительно, он использовал несколько источников, вставки из них он переписал собственной рукой и вложил в соответствующие места копии. Кроме того, он значительно перекомпоновал порядок текста, проставив в копии многочисленные знаки, указывавшие на места вставок, на отсылки и т. д. Было бы естественно предположить, что и в случае с дневником 1871—1872 годов Анучин поступил так же. Между тем следы правки копии по содержанию минимальны. Правда, и для такой правки

редактор должен был обратиться к разным источникам, в первую очередь — к записным книжкам.

Нельзя ли предположить, что между *рпт* и дополнявшими ее источниками, с одной стороны, и дошедшей до нас копией, — с другой, существовала рукопись, в которой первоначально отразилась вся работа Анучина по созданию сводного текста? Такое предположение маловероятно, если опять-таки вспомнить пример с копией «Второго пребывания на Берегу Маклая», которую Анучин не считал нужным перекопировать, несмотря на то что в результате редактирования она приобрела неудобочитаемый вид.

К этому нужно добавить следующее соображение. Из описаний архива Миклухо-Маклая, составленного М. В. Каульбарсом, пусть достаточно небрежно, никак не следует, что имелось несколько списков дневника 1871—1872 годов. В лучшем случае речь может идти: а) о полевом дневнике, полностью или частично сохранившемся; б) о части *рпт* и в) об одной записной книжке, в которой несколько страниц посвящено первому пребыванию. Мы полагаем возможным допустить, что Анучин имел в виду не 4—5 вариантов дневника, а 4—5 разрозненных тетрадей *рпт*, содержавших обработанный Миклухо-Маклаем для печати дневник. В груде материалов, поступивших к Анучину, эти тетради оказались не вместе, и редактору пришлось объединять их, тем самым составляя «полный список».

Этим предположением приходится пока ограничиться, оставив вопрос об объеме и реальном характере редакторской работы Анучина над текстом дневника 1871—1872 годов открытым.

Как бы то ни было, сохранившийся текст копии — это единственная реальность, с которой нам приходится иметь дело.

4

Работа над завершением *рпт* проходила в 1886—1887 годах в Петербурге и была сопряжена для Миклухо-Маклая с большими трудностями. В течение нескольких лет, начиная по крайней мере с конца 1870-х годов, он обдумывал план, состав, построение своих «Описаний путешествий». Замыслы менялись, работа над томами, которых должно было быть два, то начиналась, то надолго прерывалась.¹⁷ Два внешних обстоятельства мешали ее продвижению: во-первых, отвлечение на разные дела научного и общественного порядка, неустроенность жизни, частая перемена обстановки; во-вторых, нездоровье, на недели и месяцы выводившее путешественника из рабочего состояния. Но было и еще одно обстоятельство, которое необходимо учитывать: Миклухо-Маклаю тяжело доставалась литературная работа. Придавая исключительную важность своим «Описаниям», он вместе с тем испытывал трудности и сомнения творческого порядка. По-видимому, в преодолении этих трудностей и сомнений особую роль сыграло письмо к нему Л. Н. Толстого от 25 сентября 1886 года, в котором были и такие строчки: «Изложите с величайшей подробностью и с свойственной вам строгой правдивостью все ваши отношения человека с человеком, в которые вы всту-

пали там с людьми <...>. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений с людьми».¹⁸

Письмо это, очевидно, подкрепило замыслы самого Миклухо-Маклая и вдохнуло в него силы. Мы не знаем точно, когда завершилась работа над *рпт* (имеющиеся сведения противоречивы), но ответное письмо Миклухо-Маклая от января 1887 года ясно свидетельствует о его решимости пойти навстречу советам Толстого.¹⁹

В одном отношении Миклухо-Маклай не послушался Толстого, в чем сам со свойственной ему прямой признался в ответном письме, а именно: он не «отстранил», а, напротив, постарался предельно сохранить для читателя познавательную, научную — этнографическую и антропологическую — сторону описаний. Но, конечно, выдвижение в качестве равноправной стороны собственных «похождений» и особенно «отношений человека с человеком» сделало дневники Миклухо-Маклая выдающимся памятником литературы путешествий.

У каждого из шести дневников, составивших корпус *рпт*, свое лицо, свои структурные, сюжетные, повествовательные особенности. Разница особенно заметна, когда мы сравниваем дневники путешествий 1871—1872, 1874 и 1876—1877 годов, наиболее протяженных по времени и самых содержательных по результатам. В основе различий лежат, конечно, неодинаковые условия, в которых протекали эти путешествия. Свою роль сыграло и состояние источников, которыми располагал Миклухо-Маклай в отношении всех трех путешествий. Но нужно учитывать также и наличие у него всякий раз новых замыслов, которые отчасти подсказывались двумя указанными факторами, а отчасти носили чисто творческий характер.

Прежде всего об источниках. К сожалению, дошедший до нас архив Миклухо-Маклая сохранил лишь ничтожную часть его полевых материалов. Много было утрачено при переездах, при пересылках, но многое безвозвратно погибло в первые дни после смерти путешественника. Вдова, отчасти выполняя волю мужа, отчасти по собственной инициативе передала огню ценнейшие материалы — письма, черновые тексты, какие-то записные книжки и дневники.²⁰ Утраты продолжались и позднее — далеко не все, что было передано наследниками Миклухо-Маклая в архив, уцелело до наших дней. Остается открытым вопрос о полевом дневнике 1871—1872 годов. До недавнего времени считалось, что он был сожжен вдовой, но внимательный анализ сохранившихся документов (дневник Маргариты Миклухо-Маклай, опись архива, сделанная Н. В. Каульбарсом, письма М. Н. Миклухо-Маклая, заметки Д. Н. Анучина) заставляет предположить, что он уцелел, был передан вместе с другими материалами в Географическое общество, откуда попал в составе других бумаг к Анучину и . . . здесь следы его теряются. Фрагмент дневника, охватывающий записи января—февраля 1872 года, оказался спасенным только потому, что, по-видимому, еще в 1882 году оторвался от основного корпуса дневника первого пребывания на Берегу Маклая.²¹ Как ни странно, от первого пребывания не сохранилось почти никаких

полевых материалов, кроме многочисленных рисунков, представляющих уникальную ценность.

Обработывая дневник 1871—1872 годов для *pmt*, Миклухо-Маклай кое-что сокращал (но и добавлял некоторые подробности и сведения), но в целом воспроизвел его существенные качества. Это прежде всего последовательность, аккуратность ведения записей. Миклухо-Маклай каждый день своего первого пребывания на берегу Новой Гвинеи заканчивал записями в дневнике, фиксируя наблюдения, факты и итоги размышлений. Правило это нарушалось, видимо, лишь в дни острейших приступов лихорадки. Путешественник дорожил свежестью впечатлений и не откладывал запись на завтра даже в экстремальных ситуациях: таковы, например, записи поздней ночью 13 декабря, после драматических похорон Боя, или 7 января в разгар одного из приступов лихорадки, еще не окончательно свалившего его в постель. Другая черта дневниковых записей 1871—1872 годов — их обстоятельность, почти полное отсутствие записей беглых, формальных. Отсюда — исключительное богатство содержания, своеобразная энциклопедичность дневника. Наконец, третья особенность — это «программность», содержательная организованность дневника, до известной степени отразившая программность, целенаправленность всей многомесячной жизни Миклухо-Маклая среди папуасов. В итоге первый новогвинейский дневник — документ по самой своей природе как бы подчиненный случайностям, эмпирике повседневности, перипетиям непредвиденных событий — воспринимается как произведение удивительно цельное, с органически разворачивающимся сюжетом, соединяющее драматизм описываемых событий и проблемность деятельности путешественника, пронизанной замыслом.

Дневник 1874 года во многом отличается от предшествующего, да и путешествие на Берег Папуа-Кювай (западная часть Новой Гвинеи) было совсем иным. Оно длилось несколько месяцев. Миклухо-Маклаю не удалось создать стационар, большая часть экспедиции прошла в плавании на маленьком туземном судне, перемежаясь короткими высадками и эпизодическими экскурсиями в глубь побережья. Не было ни постоянного пристанища, ни размеренного рабочего распорядка. Ни днем, ни ночью не было покоя, угроза нападения нависала все больше, пока не разразилась в отсутствие Миклухо-Маклая драма на Айве, когда были убиты женщины и дети, искавшие у него защиты, а дом его был разграблен.

Дневник 1874 года, обработанный для *pmt*, по необходимости краток, фрагментарен, слабо организован. Зато он передает напряженную атмосферу экспедиции, драматизм событий, сжато, но точно рисует обстановку в этой части Новой Гвинеи, уже вовлеченной в межрегиональные связи, познавшей плоды колониализма и межэтнических распрей. С большой выразительностью описаны красота и суровость малолюдного края и раскрыто трагически безысходное состояние его несчастных обитателей. Наконец, по-новому выступают здесь черты самого путешественника, сумевшего сохранить мужество и достоинство в острейших ситуациях.

Сохранилась большая записная книжка, содержащая весь полевой дневник путешествия на Папуа-Ковийай.²² Но он отличается от соответствующей части *pnm* тем, что захватывает все путешествие — с момента отплытия из Батавии и до возвращения. По каким-то мотивам Миклухо-Маклай ограничился обработкой только той части, которая непосредственно связана с экспедицией по Новой Гвинее. Между тем предшествующая и завершающая части также очень содержательны, включают немаловажный этнографический материал, а к тому же много дают для понимания обстоятельств труднейшего путешествия и проливают свет на поведение Миклухо-Маклая, на его отношения с людьми и т. д. Редакторы собрания сочинений правильно сделали, включив обе части в состав публикуемых дневников. К сожалению, и в этом случае они последовали за Анучиным, подвергнув тексты полевых дневников некоторой правке. Разумеется, полевые дневники должны увидеть свет в своем подлинном виде.

Дневник 1876—1877 годов в *pnm* совершенно не похож на предыдущие. Он состоит как бы из двух частей. Первая начинается с двух небольших записей, обозначенных датами — «июнь» и «июль». Этим задается структура части, где за единицу описания событий принят месяц. К тому же преобладают записи, лишь фиксирующие происходившее и иногда кратко характеризующие события. Что существенно — перед нами не «сегодняшние» записи дневника, а ретроспективное изложение, что-то вроде писем о прошедшем. Ничего не сообщается о домашних делах, о повседневной жизни, о быте, об отношениях с соседями из Бонгу. Августовские и сентябрьские записи лишь фиксируют многочисленные экскурсии, а записи в октябре, ноябре и декабре схематично обозначают темы возможных рассказов. Вплоть до ноября 1877 года следует простой перечень событий, экскурсий, и завершается первая часть записью об отъезде.

Вторую часть дневника составляют отдельные, не зависимые один от другого сюжеты, изложенные то в форме дневниковых записей, то в виде свободных рассказов или зарисовок. Содержание сюжетов перекликается с краткими записями в первой части. По-видимому, таких сюжетов должно было быть больше — на это указывают другие записи первой части, не получившие развития во второй.

В результате может сложиться впечатление, что дневник 1876—1877 года был не до конца обработан автором и не завершен. Именно такой точки зрения придерживался Анучин, который решил на существенные переделки текста *pnm*. Так, он «вложил» отдельные сюжеты второй части в соответствующие места первой, соединив краткие записи типа оглавления или аннотации с подробными рассказами. Более того, используя заметки в записной книжке Миклухо-Маклая, он пополнил состав сюжетов исходя из соответствия заметок «оглавлению» в первой части.

Разумеется, подобная реконструкция недопустима — она была бы возможна лишь в виде комментариев редактора к установленному автором тексту. Реконструкция начисто разрушает специфическую цельность обеих частей (особенно первой, которая в значительной своей части вообще растворяется между подключенными сюжетами).

Признавая известную незавершенность рукописи, мы обязаны печатать ее в том виде, в каком она существует в составе *рпт*. Другое дело — необходимо постараться выяснить, отчего автор придал ей такой необычный вид, и попытаться, опираясь на сохранившиеся источники, снабдить текст *рпт* примечаниями, которые существенно раздвинули бы наши представления о втором пребывании на Берегу Маклая, исключительно важном по своим результатам.

Напрашивается одно простое объяснение: готовя текст к печати, Миклухо-Маклай просто не располагал столь же полным полевым дневником, как в двух предыдущих случаях. Трудно допустить, что он в 1876—1877 годах не вел такого дневника, и все же есть основания думать, что во всяком случае он не делал этого с такой же аккуратностью и обязательностью, как в 1871—1872 годах, возможно, ограничиваясь подчас записями в записных книжках. Но дневник, конечно же, был. О его судьбе можно догадываться, читая много позднее написанный очерк «Один день в пути».²³ Миклухо-Маклай рассказывает, как, приехав в Сингапур в 1886 году, он отправился в какой-то банк, чтобы забрать оттуда бумаги, отданные им на хранение. Оказалось, однако, что он начисто забыл, с каким банком имел дело, и бумаги навсегда пропали. Это были материалы экспедиции 1876—1877 годов. Вполне вероятно, что среди них находился и полевой дневник.

Сохранились, однако, другие полевые материалы второго пребывания, представляющие исключительный интерес и сами по себе, и в связи с историей создания *рпт*. Это, во-первых, записная книжка с заглавием на титульном листе, сделанным рукой владельца: «Зап. кн. № 4 1876 июль — Берег Маклая Бугарлом Айру — ноябрь 1877».²⁴ Среди прочих заметок здесь мы находим записи о первых — после высадки — экскурсиях, а также (под общим заглавием «Этнологические заметки») сюжеты «Свадьба Мукау» и «Болезнь и смерть жены Моту», включенные в текст *рпт* в несколько обработанном виде, и сюжет о празднике в Бонгу, о котором есть упоминание в «оглавлении» и который на этом основании Анучин включил в корпус своей реконструкции.

Кроме записной книжки сохранилось несколько характерных для Миклухо-Маклая тетрадочек, которые он делал, складывая (и иногда сшивая простыми нитками) в одну четверть обычные листки бумаги. Такие тетрадки Миклухо-Маклай носил в верхнем боковом кармане во время экскурсий, занося туда попутные сведения. Правильнее всего называть их карманными записными книжками (далее — *кж*). Записи в большинстве случаев делались карандашом, они носят беглый характер, слова сокращены или недописаны, почерк небрежный. Здесь же встречаются наброски схем местности, силуэты берегов, виды гор, моря, рисунки хижин, лодок, человеческих лиц и фигур, образцов орнамента, данные измерений высоты разных гор и пунктов, имена жителей, записи отдельных слов и выражений на диалектах. До нас дошли *кж* с августовскими записями 1876 года,²⁵ апрельскими, майскими²⁶ и июльскими²⁷ 1877 года. Здесь мы также находим — иногда в конспективной,

иногда в распространенной форме — изложение фактов и сюжетов, нашедших отражение в *рпт*. Очевидно, что восстанавливать полную картину второго пребывания на основании рассредоточенных по разным источникам записям, да к тому же фрагментарным, Миклухо-Маклаю было нелегко. Полностью он с этой задачей так и не справился, о чем свидетельствует наличие в *кзк* записей, которые могли быть обработаны, но остались в своем первоизданном виде. Работать с профессиональными переписчиками над текстами *кзк* Миклухо-Маклай считал, видимо, для себя непродуктивным делом, может быть поэтому большая часть сюжетов в *рпт* переписана рукой третьего писца, которого мы считаем человеком, близким Миклухо-Маклаю: работа требовала времени, постоянных отвлечений, расшифровки полевых записей и т. д.

Располагая теперь всеми уцелевшими материалами путешествия 1876—1877 годов, мы имеем возможность несколько расширить представления читателя о втором пребывании Миклухо-Маклая на берегу Новой Гвинеи, но, разумеется, будем это делать не так, как Анучин и его последователи. Сохранив в целостности корпус текста *рпт*, каким бы несовершенным он нам ни казался, мы постараемся пополнить его, поместив в примечаниях извлечения из записных и карманных записных книжек.

5

Существенную и вполне органичную часть новогвинейских дневников составляют рисунки и схемы, выполненные самим путешественником. Одни из них, и таких большинство, прямо включаются в текст, дополняя и поясняя его и сами поясняясь текстом: это рисунки хижины, видов деревни, уголков моря, портреты папуасов, схемы маршрутов, наброски карт и т. п. Привязанные к определенным местам дневников, все они как бы оживают и сами оживляют рассказ. Некоторые из них содержат, помимо подписей, свой небольшой текст, который также интересен.

Издатели собрания сочинений Миклухо-Маклая впервые последовательно осуществили замысел самого автора и соединили рисунки с текстами дневника. Правда, при этом они допустили в отдельных местах нарушения, включив рисунки, сделанные, скажем, в 1877 году, в текст дневника 1872 года. При новом издании такие отступления не должны иметь места. Трудности вызовут недатированные рисунки, но их, к счастью, совсем немного.

С сожалением приходится констатировать, что многое из зарисованного Миклухо-Маклаем на Новой Гвинее не дошло до нас, разделив участь других экспедиционных материалов. О каких-то утратах мы можем судить, не обнаружив рисунков, о которых говорится на страницах дневников. Но о многом мы просто не знаем.

Довольно значительный иллюстративный материал сосредоточен в *кзк*, чаще всего это карандашные наброски. Сделанные наспех и к тому же частично стершиеся от времени, они чаще всего не под-

даются воспроизведению. Между тем бросить их было бы неразумно. Правильнее всего уделить их описанию место в примечаниях.

Рисунки Миклухо-Маклая представляют двоякую ценность: как биографический материал, дополнительно проливающий свет на обстоятельства его путешествий, и как материал этнографический и антропологический, выполняющий роль надежного документа. В сущности Миклухо-Маклай был первым, кто запечатлел достоверно и со множеством подробностей различные стороны папуасского мира. О степени точности его фиксаций говорит следующий факт, свидетелем которого был автор настоящих строк. В 1971 году этнографический отряд советской океанийской экспедиции работал в деревне Бонгу. С нами были фотокопии портретов бонгуанцев, сделанных сто лет назад Миклухо-Маклаем. Портреты стали показывать жителям деревни, и самый старый из них — Танок — назвал имя юноши на рисунке. Оно совпало с подписью, сделанной художником: Асоль.

Миклухо-Маклай принадлежит к числу тех исторических личностей, о которых нам интересно и важно знать все, и как можно точнее. Отсюда — двоякая задача, которая должна быть осуществлена при научном издании его наследия: с одной стороны, мы обязаны следовать авторской воле, бережно воссоздавать авторские замыслы, пресекать волюнтаристский подход к публикациям его сочинений; с другой стороны, важно как можно шире вводить в читательский оборот материалы, оставшиеся в записных, карманных записных книжках, в черновиках, памятуя об исключительной ценности любых заметок ученого, обусловленной его научной честностью, предельной целеустремленностью, наблюдательностью и широтой интересов.

¹ См.: Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981. С. 154—157.

² Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. / Со вступит. статьей Д. Н. Анучина. М., 1923. Т. 1: Путешествия в Новой Гвинее в 1881, 1882, 1884, 1876, 1877, 1880, 1883 гг.

³ Хранятся: ЛЧ ИЭ, ф. К—У, оп. 1, ед. хр. 293, 295, 299, а также: АГО, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 73, 82.

⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия / Подготовили к печати И. Н. Винников и А. Б. Пиотровский. М.; Л., 1940. Т. 1.

⁵ Автору этих строк случайно удалось установить, что основная работа по подготовке текста и правка велись редакторами издания 1940 г. прямо по экземпляру книги 1923 г. издания (Библиотека Института этнографии АН СССР, шифр К-4439), разумеется, без обращения к рукописям для сравнения.

⁶ См.: Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 1: Дневники путешествий (1870—1872); Т. 2: Дневники путешествий (1873—1887). Мы не касаемся здесь других сторон настоящего издания, значение которого в восстановлении научного наследия Миклухо-Маклая чрезвычайно велико. См. об этом: Путилов Б. Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешественник, ученый, гуманист. М., 1985. С. 272—276.

⁷ В настоящее время хранятся: ЛЧ ИЭ, ф. К—У, оп. 1, ед. хр. 294, 297, 298, 300.

⁸ В архивном обозначении последовательность дневников нарушена; соответственно хронологии рукописи располагаются: № 297, 294, 298, 300.

⁹ При дальнейшем цитировании рукописей зачеркнутые слова приводятся в угловых скобках, вписанные переписчиками над строкой — курсивом.

¹⁰ М и к л у х о - М а к л а й Н. Н. Собр. соч. М.; Л., 1953. Т. 4: Переписка и другие материалы. С. 319. Из этих слов явствует, что в состав первого тома входили также научные статьи по этнографии и антропологии. О менявшихся планах первого тома, о ходе работы над ним, о сложностях, с нею связанных см.: П у т и л о в Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. Гл. 4.

¹¹ Известия Русского географического общества. 1888. Вып. 6. С. 510.

¹² Там же. 1889. Вып. 4. Прил. 3. С. 71—74.

¹³ А н у ч и н Д. Десятилетие со дня кончины Н. Н. Миклухо-Маклая // Землеведение. 1898. Кн. 1—2. С. 227.

¹⁴ Здесь следует сказать, что переданный Д. Н. Анучину из Географического общества архив Миклухо-Маклая (без какой-либо охранной описи) пребывал в крайне небрежном состоянии, а после смерти Анучина разошелся по разным адресам и был уже в 1930-е годы возвращен в Географическое общество далеко не в полном виде.

¹⁵ АГО, ф. 1—1881, оп. 1, д. 25, л. 117—118.

¹⁶ Там же. Л. 120 об. За указание писем приношу благодарность Д. Д. Тумаркину.

¹⁷ Подробно см.: П у т и л о в Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. Гл. 4.

¹⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 63. С. 379.

¹⁹ Г р у з и н с к и й А. Е. Лев Толстой и Миклухо-Маклай // Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Сборник 1. М., 1928. С. 55. Об отношении Л. Н. Толстого и Миклухо-Маклая см.: П у т и л о в Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. С. 105—121, 146—147.

²⁰ О драматических подробностях, связанных с судьбой бумаг покойного, подробно см.: П у т и л о в Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. С. 197—199.

²¹ Хранится: ГПБ, к. п. 1949 / № 82. Первое описание: Л и х т е н б е р г Ю. М. Две вновь найденные рукописи Н. Н. Миклухо-Маклая // Сов. этнография. 1951. № 2. С. 195—196. Фрагмент опубликован с редакторской правкой и с ошибками, см.: М и к л у х о - М а к л а й Н. Н. Собр. соч. Т. 4. С. 383—411.

²² АГО, ф. 6, оп. 1, № 31.

²³ М и к л у х о - М а к л а й Н. Н. Один день в пути (Из дневника) // Книжки «Недели». Ежемесячный журнал. 1887. Март. С. 2—25.

²⁴ Архив Московской части Института этнографии АН СССР. Описание книжки см.: Л и х т е н б е р г Ю. М. Указ. соч. С. 196—197.

²⁵ АГО, ф. 6, оп. 1, № 83.

²⁶ ЛО ААН, ф. 143, оп. 1, № 25.

²⁷ Там же. № 24.

Т. Г. ИВАНОВА

**А. Д. ГРИГОРЬЕВ И ЕГО СОБРАНИЕ
«АРХАНГЕЛЬСКИЕ БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ»**

Развитие былиноведения в начале XX века было связано с вновь обострившимся для интеллигенции в предреволюционные годы вопросом о народности русской культуры.

Первые годы нового века ознаменовались открытием мощной эпической традиции в Архангельской губернии. Экспедиции трех молодых ученых — А. В. Маркова, Н. Е. Ончукова и А. Д. Григорьева — опровергли бытовавшее мнение, что в наступающем столетии не удастся найти новые очаги русского эпоса.¹ Последнему из названных фольклористов, А. Д. Григорьеву, по праву принадлежит одно из самых почетных мест среди собирателей-былиноведов конца XIX—начала XX века. Если А. В. Марков и Н. Е. Ончуков могут считаться открывателями двух былинных регионов (А. В. Марков — Зимнего берега Белого моря, Н. Е. Ончуков — Печоры), то А. Д. Григорьев был первопроходцем-фольклористом на Пинеге, Кулое, Мезени и, по сути дела, в Поморье. Н. Е. Ончуков издал один эпический сборник — «Печорские былины» (101 текст).² Старины, собранные А. В. Марковым, вошли в два собрания — «Беломорские былины»³ (116 текстов) и «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года» (53 текста).⁴ «Архангельские былины и исторические песни» А. Д. Григорьева составляют три полновесных тома (424 текста старин, или примерно четверть всех эпических песен, зафиксированных наукой к началу XX столетия).⁵ При этом в сборниках А. В. Маркова и Н. Е. Ончукова можно обнаружить некоторые погрешности против современных принципов издания фольклорных произведений: Н. Е. Ончуков порой не записывал полностью вариант уже знакомого ему сюжета, ограничиваясь отсылкой к сходному тексту другого сказителя; А. В. Марков в отдельных случаях исправлял без оговорок в комментариях так называемые «испорченные», несвязно пропетые сказителем фрагменты.⁶ Собрание

А. Д. Григорьева на фоне других изданий начала XX века в текстологическом плане представляется почти образцовым. Хотя советские исследователи не имеют в своем распоряжении полевых рукописей собирателя, характер его примечаний (А. Д. Григорьев подробно оговаривает каждую сомнительную букву, зафиксированную им в черновых тетрадах) демонстрирует стремление как можно точнее передать на бумаге звучащий текст. Таким образом, и по охвату регионов, и по количеству записей, и в текстологическом отношении григорьевское собрание занимает выдающееся место среди дореволюционных былинных сборников.

В данной статье сделана попытка показать на архивных материалах историю создания собрания А. Д. Григорьева.

Александр Дмитриевич Григорьев (1874—1945) был выпускником Московского университета. В 1899 году он с отличием закончил историко-филологический факультет и был оставлен на два года при кафедре русского языка и литературы для подготовки магистерской диссертации. За год до этого, в августе 1898 года, другой питомец Московского университета, А. В. Марков, побывал на Зимнем берегу Белого моря в с. Зимняя Золотица и записал там прекрасные образцы былин. Летом 1899 года он собирался продолжить разыскание русского эпоса в Поморье. Григорьева заинтересовали результаты первой поездки А. В. Маркова, и он решил также при субсидии этнографического отдела императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии отправиться на Север России с целью записи старин.

Весной 1899 года А. В. Марков и Григорьев совместно готовились к экспедициям. 29 мая Григорьев писал из Москвы Маркову, находящемуся в с. Пушкино по Московско-Ярославской железной дороге на даче у своего отца, протоиерея Маркова: «Мне очень интересно узнать <. . .> поедете ли на Зимний берег, т<ак> к<ак> думаю в зависимости от этого поставить свой маршрут. Уведомьте меня об этом<. . .> Нет ли у Вас описания Архангельской губ<ернии>? Если есть, привезите мне для прочтения. . .»⁷ Судя по открытке от 3 июня, Марков и Григорьев встретились, первый привез карту Архангельской губернии, были обсуждены маршруты обеих поездок. Григорьев искал в магазинах необходимое описание Архангельского края, но того, что надо, не нашел, купил «Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений».⁸

Получив через Богданова⁹ бесплатный железнодорожный билет до Архангельска, 5 июня 1899 года Григорьев отправился в свое первое путешествие по Русскому Северу. Из Архангельска собиратель на пароходе приехал в г. Онегу, побывал в д. Каменихе, расположенной на р. Онега в 15 верстах выше города, в поморских селениях Нюхче, Колежме, Сумпосаде. За месяц работы он записал 181 текст фольклорных произведений разных жанров. Своими первыми, самыми свежими впечатлениями о поездке Григорьев по возвращении на родину, в г. Белу Седлецкой губернии, делился в письме к Маркову:¹⁰ «Я приехал домой в г. Белу только вчера 22 июля почтовым.

Я весьма рад, что Вам поездка удалась. Старин Вы записали довольно порядочно, да и есть много новых, что будет весьма и весьма интересно.¹¹ Опишу вкратце свою поездку.

Приехав в Архангельск, я сделал визит губернатору и на другой день получил от его канцелярии 1) открытый лист для скорого проезда по прогонам и 2) открытое предписание всем сельским и полицейским властям оказывать мне всяческое законное содействие (последнюю бумагу я благоразумно держал в секрете, предпочитая для успеха поездки иметь дело с народом, чем с властями). В Арх<ангельске> записал 4 дух<овных> стиха. Из Арх<ангельска> выехал на запад. В Онеге и окрестных деревнях пробыл неделю, в д. Нюхче также неделю, в д. Колежме неделю, в п. Суме 1 день. На обратном пути пробыл двое суток в Ярославле и неделю у товарища в имении подле Харькова. Т<ак> к<ак> я ездил везде (кроме Онеги) первым исследователем по собиранию этнограф<ических> материалов (не говорю о Максимове¹²), то относились недоверчиво, боясь, чтобы я не упрятал их куда-н<ибудь> или на этом еще свете, или на будущем (являсь там с рукописанием); поэтому относительно Вашей поездки моя поездка немного неудачна, но абсолютно удачна (в особенности т<ак> к<ак> это первый раз; во второй раз поездка туда будет также удачна, т<ак> к<ак> материал еще остался). Все-таки я записал 30 старин,¹³ 28 дух<овных> стихов, 4 историчес<ких> песни, песен игрищ<ных> 8, свадебн<ых> 10, песен — 3, свадебн<ых> причитаний 24, похорон<ных> — 5, наговоров — 62, сказок — 5, бывальщина — 1, прибаутка — 1. = Всего 181. Есть вещи новые, но т<ак> к<ак> я не имею сейчас под руками книг и еще не разобрался, то не могу сказать, сколько именно старин новых. Подробнее ознакомьтесь из моих путевых записок, которые я еще не кончил, а кончу на днях. В Москву приеду во второй половине августа. Купил несколько рукописей. В Ярославле списал, что мне надо.¹⁴ В общем я думаю, что наша поездка не окажется бесследной. Теперь от Мурм<анского> парох<одства>, вероятно, и на будущее время можно будет получать бесплатные билеты (я получил такой; и просил оказывать поддержку и на будущее время). Тетрадей взятых с собою даже не хватило, пришлось докупить бумаги. Я думаю также напечатать, но где и как — будет видно еще потом.

Спустя несколько месяцев, в третьем номере «Этнографического обозрения» за 1899 год, была опубликована рецензия Григорьева на сборник Ф. М. Истомин и Г. О. Дютша «Песни русского народа». Ее появление было целиком вызвано только что прошедшей экспедицией молодого ученого в Поморье. Члены Русского географического общества Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш в 1886 году совершили по Северу России фольклористическую поездку. За три летних месяца, проделав путь в 4500 верст и побывав в Петрозаводске, Заонежье, Поморье, Архангельске, Шенкурске, Вологде, они записали 183 текста (весьма малое количество!) разных жанров. В Архангельской губернии в г. Онеге экспедиция сумела зафиксировать лишь одну эпическую песню — балладу «Князь Митрий» («Князь, княгиня и старицы»)¹⁵ В предисловии к своему сборнику Ф. М. Истомин

говорил: «. . .относительно Заонежья нужно признать выдающимся явлением сохранение в нем эпической старины, обнаруживающейся в обилии сказителей и сказительниц, поющих былины. По мере удаления к северу эпос значительно ослабевает; в Обонежье сказителей уже несравненно меньше <. . .> В Архангельской губернии былина уже явление редкое. . .»¹⁶ Результаты поездки Григорьева, совершенной им через 13 лет после Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша, опровергли этот скороспелый вывод, на что и указывал собиратель в своей рецензии. По мнению ученого, причина неудачи его предшественников заключалась в следующем: во-первых, в «быстроте», с которой экспедиция двигалась¹⁷ и, во-вторых, в методе общения с крестьянами. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш при содействии сотского, десятника или урядника собирали народ и, объяснив цель своего приезда, делали записи песен. Сам же Григорьев, как видно из приведенного выше письма, предпочитал «для успеха поездки иметь дело с народом, чем с властями». Преодолевая естественное недоверие поморов к заезжему барину, занимающемуся непонятным для них делом — записыванием старин и песен, — собиратель почти всегда умел добиться желаемых результатов.

Успех первой экспедиции окрылил Григорьева. И на следующий год он решил продолжить исследование эпической традиции в Архангельском крае. Летом 1900 года на средства Отделения русского языка и словесности Академии наук (ОРЯС) собиратель совершает еще одну поездку по Северу России.¹⁸ Он намеревался побывать на Пинеге и Мезени, но обилие старин, встретившихся в Пинежье, заставило Григорьева целиком сосредоточиться на этом регионе. За два месяца работы ученый записал 174 старины.¹⁹ Во время этой экспедиции Григорьев открыл для науки талантливейшую русскую сказительницу М. Д. Кривополенову. От нее он записал уникальный текст скоморошины «Вавила и скоморохи». Через 15 лет после Григорьева другая московская собирательница фольклора, О. Э. Озаровская, встретила с этой старинницей и привезла ее в Москву. Концерты М. Д. Кривополеновой в Москве и других российских городах явились выдающимся событием в культурной жизни страны.

Намерение пробраться дальше, на восток Архангельской губернии, не покидало собирателя. Сразу же по возвращении из пинежской экспедиции он начинает хлопотать в Отделении русского языка и литературы о предоставлении ему в будущем 1901 году субсидии для поездки на Кулой и Мезень. В письме Григорьева к А. А. Шахматову, председателю ОРЯС, от 24 ноября 1900 года читаем: «Т<ак> к<ак> я надеюсь получить там большую пожизну в былинном отношении, то мне сильно хочется отправиться туда (маршрут: Пинега, р. Кулой с несколькими деревнями и р. Мезень — со многими, хотя я не знаю еще, можно ли летом проикнуть с Кулоя на Мезень). Но как для всего, так и для этого есть камни преткновения. Они заключаются в моем переходном (я готовлюсь к магистерскому экзамену) и недостаточном положениях. Я оставлен при Университете на два года. На этот срок мне назначена стипендия Третьякова

(около 600 р.), которая по своим условиям не может быть продолжена на 3-й год. Т<ак> к<ак> у меня самого средств нет, а еще приходится учить на свой счет сестру и помогать матери, то это заставляет меня спешить выдержать этот экзамен, чтобы потом свободнее было добывать средства к существованию. При непрерывной подготовке я мог бы сдать его в начале следующего академичес<кого> года, т<о> е<сть> как раз перед окончанием моей стипендии. Если же я поеду на Кулой и Мезень, проведу там около 2-х, по крайней мере, месяцев, затем буду разбираться в записанных былинах и готовить их к печати, на что уйдет несколько месяцев, то очевидно, что держание экзамена отсрочится еще на год. Поэтому для меня, в случае поездки, необходимы субсидия для поездки и поддержка потом в течение года (с января 1902 г.).»²⁰ По совету А. А. Шахматова, ученый вышел с официальным ходатайством во Второе отделение Академии наук о пособии на поездку. Согласие ОРЯС было получено, и Григорьев с присущей ему тщательностью стал готовиться к экспедиции. Понимая, что чисто филологическая запись старин не отразит всего их художественного значения, собиратель на этот раз решил непременно взять с собой фонограф для фиксации напевов. 17 декабря 1900 года он писал А. А. Шахматову: «Я ходил на днях по магазинам, узнал практически, что фонограф может записать среднюю громкость напева былин; посмотрел, какой фонограф наиболее годится для моей цели; узнал, сколько он стоит, сколько стоят валики, которых я хотел бы взять до 50 штук. На фонограф и валики необходимо около 70—80 рублей. . .»²¹

Фонограф был куплен, маршрут определен, и 30 мая 1901 года Григорьев выехал из Москвы в свою третью фольклорную экспедицию. Сначала он побывал на Пинеге, где записал на фонограф напевы прошлых годов исполнителей. Затем по волоку между г. Пинегой и с. Кулой на лошадях добрался до р. Кулой. По Кулою и его притокам Немногие и Сояне собиратель передвигался исключительно на лодках. Позднее, в 1928 году, фольклорист вспоминал опасности переезда из с. Карьеполье в с. Долгая Щель: «Везли меня старик-отец и его 16-летняя дочь. Отец правил на корме, а дочь гребла двумя веслами. Сильный встречный ветер развил большое волнение и грозил опрокинуть лодку при каждом неосторожном движении. Бывшая нашим единственным гребцом девица никогда не бывала еще в широком пизовье Кулоя и боялась волн, набегавших на нее сзади. Она устала от гребли в течение многих часов (между селениями 60 верст). Но пристать к глинистому берегу для отдыха, подставляя борт лодки сильному ветру, было опасно. . . Когда же мы были уже в версте от с. Долгой Щели, начался сильный прилив, повернувший течение реки обратно и понесший лодку вверх, вследствие чего пришлось долго „пехаться“ шестами, чтобы подтянуться к самому селу». ²² Путешествие фольклориста по Кулою осталось памятным не только для него; его приезд явился значительным событием и в жизни самих кулойцев. О всех подробностях пребывания собирателя в той или иной деревне жители помнили спустя много лет. Так, в 1916 году О. Э. Озаровской пришлось встретиться со ска-

зителем из Карьеполья Н. П. Крычаковым. У нее с былинщиком произошел следующий разговор:

«В 1916 году он явился в ту избу, где я была (я сразу заподозрила в нем знатока былин), расспросил меня, откуда я, и в ответ на просьбу спеть старину ответил:

— 15 лет назад у нас был московец хромой, я ему пел. . .

— Ну и мне спой.

— Он с трубой был (фонограф), на трубу списывал.

— И у меня труба есть. И я на трубу.

— Он деньги платил.

— И я заплачу. . .

— Два раза один товар не продают.

И ушел, даже не оглянулся».²³

Выйдя из устья Кулоя, Григорьев на карбасе попытался доехать до с. Койда на Кедах, на берегу Ледовитого океана, но непогода воспрепятствовала этому плану. 10 июля морем собиратель добрался до р. Мезень. Здесь он обследовал эпическую традицию на участке г. Мезень — с. Б. Нисогоры. Затем по волоку между Б. Нисогорами и с. Усть-Ежуга переехал на Пинегу, откуда возвратился в Москву.

Всего за экспедицию 1901 года Григорьев собрал 212 текстов эпических произведений: 92 старины на Кулое и 120 на Мезени, 174 напева — пинежских, кулойских и мезенских — было зафиксировано на фонограф.²⁴

После возвращения из кулойско-мезенской экспедиции перед ученым встала другая, не менее трудная, чем запись былин в глухих, малодоступных местах, задача — опубликовать свое собрание.

Намерение напечатать записанный им материал возникло у Григорьева сразу же после его первой, поморской, поездки. В начале 1900 года он писал А. В. Маркову: «Я был 4-го янв<аря> у Вс<ево>лода» Федоровича Миллера» и узнал от него кое-что относительно издания. . .»²⁵ Первоначально было решено зимне-золотничьи записи Маркова и поморские былины Григорьева издать вместе. В этом собрании материалы Григорьева занимали бы подчиненное место: они составляли меньшую часть книги.²⁶ Результаты второй, пинежской, экспедиции, совершенной при субсидии ОРЯС, оказались столь значительными, что у собирателя появилась возможность подготовить к печатанию свой собственный том былин. Осенью 1900 года ученый обратился во Второе отделение Академии наук с предложением на средства Академии опубликовать записанные им на Пинеге былины и 8 ноября выслал в Петербург уже перебеленные рукописи пинежского собрания.²⁷ Материалы рассматривались А. А. Шахматовым и А. Н. Веселовским. В декабре этого же года к пинежским записям Григорьев присоединил поморские эпические песни.²⁸ Таким образом, корпус первого тома будущего собрания «Архангельские былины и исторические песни» определился к концу 1900 года. К этому же времени у ученого стало складываться и общее представление о научном аппарате издания. В письме к А. А. Шахматову от 24 ноября 1900 года он говорит об основных положениях вступительной статьи к пинежским былинам (значение «шутовых» старин

в репертуаре этого региона, исследование стихотворного размера и т. д.). Здесь же намечается дать указатель, где старины были бы разобраны по редакциям и типам. Собиратель пишет о том, что хотел бы сделать в томе «достаточное число разных указателей».²⁹

Экспедиция 1901 года внесла значительные коррективы в планы издания. Появилась возможность к пинежскому корпусу былин сделать нотное приложение напевов, записанных на валики фонографа. Встал вопрос о необходимости печатать кулойские и мезенские старины (два тома) и нотные расшифровки к ним. Возникла идея сделать карту с указанием мест записи русского эпоса на Севере России по материалам всех опубликованных сборников (П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и т. д.). К тому же во время поездки 1901 года Григорьевым были сделаны фотографические снимки сказителей и деревень. Их он также думал поместить в своем собрании. Вся эта программа издания была изложена Григорьевым в письме во Второе отделение Академии наук 17 сентября 1901 года.³⁰ План собирателя был принят, и ученый приступил к подготовке своих былин к печати.

Прежде всего необходимо было перебелить полевые записи кулойских и мезенских былин. Сам Григорьев готовился к магистерским экзаменам, занимался диссертацией. Времени на переписку двух обширных томов у него не было. Поэтому он попросил ОРЯС дать ему средства для оплаты труда переписчиков. Деньги были выделены; осенью 1901 года переписчики приступили к работе. Григорьев надеялся, что перебеливание материалов кулойско-мезенской экспедиции будет сделано в краткие сроки. Но из-за необязательности его помощников дело затянулось. «Только 8-го мая (1902-го года) кончилась переписка собранных мною летом прошлого года былин (старин). Причиной такой неприятной для меня медленности переписки явилась неаккуратность переписчицы, которая, дав обещание переписать свою часть в месяц, еле кончила ее на четвертый месяц», — писал ученый во Второе отделение Академии наук 10 мая 1902 года.³¹

Параллельно шла работа по расшифровке напевов былин. С большим трудом Григорьев нашел музыканта, который взялся за сложную задачу перевода фольклорной мелодии на ноты. Им оказался И. С. Тезавровский,³² который первоначально полагал расшифровать 19 пинежских валиков за один месяц, по сроку не выдержал. За три месяца было нотировано вчерпе всего 8 валиков.³³ Только в мае 1902 года Григорьев мог наконец сообщить ОРЯС о близящемся завершении расшифровки пинежских напевов: «Мой музыкант наконец окончил перевод на ноты напевов пинежских былин и духовных стихов (18 валиков). С этими нотами я был у академика» Ф. Е. Корша уже три раза, раз сам, а два раза с музыкантом. Проверено до сих пор 5 валиков, остальное ждет очереди».³⁴

Контролируя переписку текстов и расшифровку напевов, сам Григорьев готовил к печати научный аппарат издания: писал вступительные статьи к мезенскому и кулойскому томам, составлял характеристики деревень и сказителей. В основном вся эта работа была закончена к лету 1902 года.³⁵

Встал вопрос о том, где удобнее и быстрее можно напечатать былины Поморья и Пинежья. Так как собрание издавалось за счет Академии наук, то первоначально предполагалось, что печататься оно будет в академической типографии в Петербурге. Но Григорьеву, жившему в Москве, это было неудобно. Пересылка гранок и корректур из одного города в другой неизбежно затянула бы работу. Поэтому весной 1902 года Григорьев обратился к А. А. Шахматову со следующей просьбой: «Нельзя ли перенести печатание былин из Петербурга в Москву <...> Ведь в академ<ической> типографии по ее заваленности мои былины будут печататься целых 9 лет, если считать по 10 печ<атных> листов в год <...> Это может надоесть мне, ведь надо же переходить к новым занятиям, а тут придется всякий раз возобновлять в памяти прежнее».³⁶ В сентябре ученый все еще продолжал хлопоты о переносе печатания былин из Петербурга в Москву. 2 сентября он написал А. А. Шахматову подробное письмо с указанием условий и расценок, которые предлагают различные московские типографии. В этом же письме он строил весьма оптимистичные планы о сроках печатания всего своего собрания: «Напечатать 3 тома можно бы и в год или ранее, но ввиду того, что переведена только половина нот, что их еще будет проверять с музыкантом Ф. Е. Корш, что надо еще перевести остальную половину, что придется возиться с их клише, что надо составлять и указатели, и т. д. — лучше рассчитать все печатание на 2 года».³⁷ Григорьев и не предполагал тогда, что желаемые два года растянутся почти на сорок лет.

Академия наук разрешила Григорьеву печатать былины в типографии Московского университета. Принципиальное согласие ОРЯС было получено осенью 1902 года, но официальное решение принято лишь 3 мая 1903 года.³⁸ Наконец, летом 1903 года, Григорьев приступил к печатанию первого тома «Архангельских былин и исторических песен». С самого начала темпы работы типографии его не удовлетворили: «Печатание былин по вине типографии идет медленнее, чем я предполагал. Оригинал я отдал в типографию в начале июня (2-го и 3-го), а первые гранки получил только 24-го июня. Особенно долго пришлось возиться с первым листом. Теперь дело с технической стороны уже наладилось, но типография мало присылает мне, т<ак> к<ак> печатает спешно этим шрифтом учебники; потом обещают поторопиться и давать в месяц листов 9».³⁹ Работал с корректурой Григорьев чрезвычайно тщательно. Он держал три корректуры, каждую из них читал по три-четыре раза, причем тексты былин сверял со своими полевыми записями. Отпечатанные листы Григорьев тут же отсылал для ознакомления А. А. Шахматову.

На темпы печатания первого тома былин помимо чисто технических факторов влияли еще и общественно-политические события. В одном из писем собирателя к А. А. Шахматову читаем: «У нас, как Вам известно, была забастовка типографских рабочих. Она продолжалась неделю. Затем после забастовки рабочих устроили забастовку владельцы типографий, чтобы заставить заказчиков повысить

плату за заказы по поводу повышения заработной платы типографским рабочим». ⁴⁰ Григорьеву пришлось пойти на уступки и повысить плату за лист до 17 руб. 50 коп.

Несмотря на все трудности, надо признать, что печатание первого тома шло все-таки довольно быстро. Периодами Григорьев был завален корректурами. В письме к А. А. Шахматову он жалуется: «...я из-за корректуры не вижу божьего света и не могу заняться ничем другим (мне очень досадно, что я не могу заняться сейчас диссертацией. . .)». ⁴¹ К 1 ноября 1903 года был начисто напечатан 21 лист и 4 листа были в гранках. ⁴²

В августе 1903 года в московскую литографию Гроссе были сданы ноты пинеевских эпических напевов. Гроссе обещал начать литографирование в конце октября, и Григорьев надеялся, что первый том с нотами будет готов к Рождеству 1903 года. ⁴³ Однако в феврале 1904 года ноты отпечатаны еще не были. К тому же Григорьеву пришлось самому проверять корректуру нот. 21 февраля он сетовал в письме к А. А. Шахматову: «Мой музыкант просмотрел 3 корректуры нот для 1-го тома. Стал просматривать их и я. Оказалось, что есть ошибки по невнимательности его не только от установленного нами сообщения текста, но и в нотах. Поэтому я должен был потратить целую неделю на проверку третьей корректуры и сверку ее с черновиками». ⁴⁴ Печатание текстов также не было закончено в 1903 году. За первую половину 1904 года Григорьеву пришлось проверить в корректуре 27 листов былин. К тому же он написал предисловие ко всему изданию, составил указатели и обзор вариантов старин, помещенных в первом томе. ⁴⁵ Последние страницы тома — оглавление — были напечатаны весной 1904 года. ⁴⁶ Осенью закончили брошюровку книги, и вскоре она была пущена в продажу. Часть экземпляров продавалась в пользу Академии наук, другая часть была передана в распоряжение составителя. Григорьев решил распродать свою часть позднее, когда академические экземпляры будут раскуплены и книга станет редкостью. Большинство экземпляров собирателя, не распроданных к 1915 году, погибло в Варшаве (где ученый жил с 1912 по 1915 год) при оккупации города войсками кайзеровской Германии. ⁴⁷

Выход в свет первого тома григорьевского собрания был отмечен многочисленными доброжелательными рецензиями. Е. Ф. Карский назвал книгу «прекрасным собранием молодого энергичного этнографа». ⁴⁸ Отмечалась тщательность записи текстов. ⁴⁹ Указывалось на то, что «описание процесса записывания, сообщение массы данных и впечатлений, вынесенных собирателем из своих поездок, несомненно, окажут большую пользу последующим исследователям-этнографам». ⁵⁰ Особо подчеркивалось огромное научное значение собранных Григорьевым скоморошин. Один из рецензентов, говоря о неясности роли скоморохов в развитии русской культуры, подчеркивал: «Теперь этот туман может постепенно рассеяться, благодаря вкладу, сделанному пытливым собирателем в сокровищницу народного творчества». ⁵¹ Музыковеды отмечали незаурядность нотного материала. До Григорьева ни в одном собрании русского эпоса

нотные расшифровки не были представлены в таком количестве.⁵²

8 октября 1904 года, еще занимаясь делами своего первого былинного тома, Григорьев писал А. А. Шахматову: «По отправлении в книжный склад Академии экземпляров 1<го> тома я готов приступить к печатанию 2-го тома. . .»⁵³ Печатание третьего, мезенского, тома началось еще в январе 1904 года.⁵⁴ Ученый полагал, что типография могла бы параллельно печатать кулойские и мезенские былины и таким образом закончить их издание одновременно. Но вскоре в личных делах ученого наступили перемены. Он давно, желая ознакомиться с достижениями филологии в иностранных университетах, хлопотал о заграничной поездке. В начале 1905 года Министерство просвещения предоставило Григорьеву возможность отправиться в двухгодичную зарубежную командировку. До отъезда он сумел завершить два важных дела, связанных с публикацией его собрания: закончил в нотопечатне Гроссе литографирование нот кулойских и мезенских напевов и отпечатал в Петербурге в картографическом заведении Ильина былинную карту.

Подготовка кулойских и мезенских напевов к публикации отняла у Григорьева много сил и времени. Необязательность и медлительность И. С. Тезавровского бесконечно откладывали окончание работы. «Беда мне с напевами, — делился ученый своей заботой с А. А. Шахматовым в письме от 1 ноября 1903 года. — Осталось перевести еще 10 валиков, но никак не могу заставить музыканта взяться за окончание их, хотя просил об этом и письменно, и лично (на письма не отвечает по музыкантской аккуратности)».⁵⁵ Через год, в ноябре 1904 года, ноты кулойских былин были сданы в нотопечатню.⁵⁶ Но расшифровка мезенских старин все еще не была завершена: «Ноты для третьего тома я понемногу раздобываю у музыканта, который проверяет их с весны, и проверяю теперь их. Но, к сожалению, очень трудно получать их от него: за раз дает всего две страницы, а иногда и совсем не получаешь ничего, — писал ученый А. А. Шахматову в конце ноября.⁵⁷ И все-таки, несмотря на волокиту И. С. Тезавровского, Григорьеву удалось до отъезда за границу в начале 1905 года напечатать ноты к кулойским и мезенским старинам.

Тогда же в картографическом заведении Ильина в Петербурге была напечатана карта Севера России с обозначением всех мест, где были когда-либо записаны былины (по сборникам П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Ф. М. Истомина, Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, А. В. Маркова, Н. Е. Ончукова и А. Д. Григорьева). Готовя эту карту, Григорьев писал в своем отчете Отделению русского языка и словесности: «Эта карта будет полезна при изучении редакций былин, давая разобраться, где распространена та или иная редакция».⁵⁸

Отъезд собирателя неизбежно затягивал печатание второго и третьего томов «Архангельских былин», которые, кстати, решено было печатать не в Москве, а в Петербурге, в академической типографии. Поначалу ученый смотрел на возможный скорейший за-

вершения работы довольно оптимистически: «За границей также буду продолжать печатание былин. Помогать в корректуре мне обещала жена».⁵⁹ За 1905 год было напечатано 10 листов (всего 16 листов, с учетом 6-ти листов, отпечатанных в 1904 году) третьего тома.⁶⁰ Через два года, по возвращении в Москву, Григорьев писал А. А. Шахматову: «Печатание былин подвигается вперед, но ввиду моих странствований не так скоро, как это хотелось бы. До сих пор напечатано 3/5 третьего тома. Первая половина второго тома уже два года лежит в Академической типографии, но до сих пор к ее набору не приступали».⁶¹ А еще через полтора года в его письмах уже слышатся усталость и почти отчаяние: «Меня <...> сильно удручает медленность в печатании былин, и я был бы очень рад, если бы оказалось возможным для типографии повести это дело поскорее. Уже два месяца я не получаю ни одной корректуры».⁶²

По-прежнему печатание третьего тома еще не закончено, а ко второму тому типография еще и не приступала. И лишь в конце 1909 года Григорьев мог с облегчением сообщить А. А. Шахматову: «Третий том „Архангельских> былин и исторических> песен“ после 6-летнего печатания заканчивается и выйдет, вероятно, еще в декабре (теперь печатается уже оглавление и заглавия его)».⁶³ В меженском томе была помещена и былинная карта, которая до сих пор является неоценимым подспорьем для всех фольклористов в изучении региональных особенностей русского эпоса.

Том вышел в самом начале 1910 года. И вскоре Григорьеву за выпуск этого сборника была присуждена Академией наук золотая медаль имени А. С. Пушкина. Это была награда за бесконечное терпение и самоотверженность в работе. «Известие о присуждении мне золотой Пушкинской медали за 3<-й> том> Архангельских> былин весьма порадовало и ободрило меня», — писал ученый А. А. Шахматову 20 марта 1910 года.⁶⁴

Оставалось опубликовать второй — кулойский — том, который уже давно лежал в академической типографии. Но личные обстоятельства заставляли Григорьева на некоторое время отложить это предприятие. «С печатанием второго тома <...> придется подождать, по крайней мере год или два, пока не покончу с диссертацией и не поправится мое экономическое положение», — писал он А. А. Шахматову.⁶⁵

Ученый в этот период интенсивно работал над диссертацией. В 1913 году он издал свой главный труд в области древнерусской литературы — «Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты» и в том же году защитил по повести магистерскую диссертацию.

С 1912 года Григорьев жил в Варшаве, преподавал в университете и на Высших женских курсах. Работа со студентами отнимала много времени. Отдаленность от Петербурга, где должен был печататься кулойский том, также не способствовала завершению работы над ним. Начавшаяся в 1914 году первая мировая война отодвинула публикацию кулойских былин на неопределенное время. В начале лета 1915 года создалась угроза оккупации Варшавы немецкими

войсками. Варшавский университет был эвакуирован в Москву, а затем переведен в Ростов-на-Дону. Эвакуация была неожиданной. В Варшаве Григорьеву пришлось бросить не только большую часть имущества, но и многие научные материалы. 23 сентября 1915 года ученый с горечью писал А. А. Шахматову: «В Варшаве пропала не только моя библиотека, но и издания Архангельских былин,⁶⁶ лекций по русскому языку⁶⁷ и т. д. < . . . > Пропали валики фонографа с напевами былин (переведенные, по счастью, на ноты), материалы по восточным версиям повести об Акире Премудром». К счастью, мне удалось вывезти оригиналы⁶⁸ 2-го тома былин. . .»⁶⁹

Два академических года (1915/16 и 1916/17) Григорьев проработал в Ростове. В обстановке войны, эвакуации нечего было и думать о печатании былин. Февральские, а затем июльские события 1917 года, неустойчивость политической обстановки заставили ученого обеспокоиться судьбой чистовой рукописи кулойского тома, находившейся в типографии Академии наук в Петрограде. Будучи в августе 1917 года в столице по делам, связанным с его возможным переводом в Томский университет, Григорьев обратился в ОРЯС с просьбой: ввиду тревожных событий временно возвратить ему рукопись второго тома и три экземпляра нотных приложений к этому тому. Отделение удовлетворило ходатайство собирателя и 27 августа выслало рукопись Григорьеву в Ростов-на-Дону.⁷⁰ Таким образом, теперь в руках ученого оказались и полевые записи, и перебеленные материалы кулойских былин, и нотные расшифровки к ним.

Осенью 1917 года Григорьев был назначен деканом вновь открытого историко-филологического факультета Томского университета. Новый переезд — с юга России в Западную Сибирь. Только что образованный факультет начинал свою работу в сложной исторической обстановке. Великая Октябрьская социалистическая революция, установление в Томске советской власти (декабрь 1917 года), контрреволюционный мятеж (май 1918 года), период колчаковщины (1918—декабрь 1919 года), ломка старого и сложное становление нового — все это нарушило привычный ход жизни академического ученого. В 1922 году Григорьев выехал из России в свой родной город Белу, который после первой мировой войны оказался на территории Польши. Ученый побывал в своей старой варшавской квартире и нашел ее разграбленной. После нескольких переездов (Брест, Ужгород) Григорьев обосновался в Чехословакии, в словацком городе Пряшеве. Остается только удивляться, что при кочевании из одного города в другой, из одной страны в другую Григорьев сумел сохранить рукописи кулойских былин и другие научные материалы (например, коллекцию старорусских книг и рукописей).

В 1925 году ученый предложил чешской Академии наук и искусств в Праге опубликовать на ее средства кулойские эпические песни. Ответ был положительным. Но еще долгое время собиратель не мог приступить к их изданию. В 1928 году в чехословацком журнале «Slavia» О. Э. Озаровская поместила статью «Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ.», в которой делилась своими впечатлениями о поездке по Кулою. В этой заметке она мимоходом

сказала, что кулойские материалы Григорьева погибли в Варшаве во время первой мировой войны.⁷¹ Это упоминание заставило Григорьева выступить с уже упомянутой выше статьей «Мои воспоминания о записи кулойских былин». В ней собиратель разъяснял: «В Варшаве погибли подлинные мои записи и чистовики напечатанных уже 1 и 3-го томов „Архангельских былин“, как и все мои печатные экземпляры этих томов, а также напевы старин на валиках фонографа и сам фонограф. Подлинные же записи и переписанный чистовик второго тома, обнимающего кулойские старины, были увезены мною из Варшавы сначала в Вязьму, затем в Ростов-на-Дону, потом в Томск, откуда были вывезены в Польшу (в г. Белу), а оттуда в Чехословакию».⁷² Это свидетельство ученого имеет чрезвычайную важность в связи с готовящейся Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР серией «Былины» Свода русского фольклора. Остается надежда, что в Чехословакии удастся найти черновые и чистовые рукописи кулойских былин.

В 1935 году чешская Академия наук и искусств наконец смогла выделить средства для печатания кулойского тома. Кулойские былины были изданы с той же тщательностью и скрупулезностью, что и старины предыдущих книг. В работе над корректурой Григорьеву помогала его вторая жена Елена Сергеевна Григорьева. Она же составила алфавитный список собственных имен ко всем трем томам собрания. Осенью 1939 года кулойские старины наконец увидели свет. Таким образом, спустя почти сорок лет после записи, наконец-то, все григорьевские былины были опубликованы. Благодаря терпению, энергии и настойчивости собирателя фольклористы получили возможность целиком ознакомиться с одним из самых крупных собраний русского эпоса.

Выход последнего тома «Архангельских былин и исторических песен» не остался незамеченным зарубежной славистикой. В журнале «Deutsche Literaturzeitung» была напечатана доброжелательная рецензия известного ученого Макса Фасмера. Оценивая труд Григорьева, он писал: «Наука имеет все основания быть благодарной господину Григорьеву за его самоотверженную работу».⁷³

Остается сказать несколько слов о теоретических взглядах ученого на методы исследования былин.

Научная деятельность Григорьева разворачивалась в конце XIX—начале XX века — в тот период, когда в нашей фольклористике господствовала историческая школа В. Ф. Миллера. Сам Григорьев, учившийся в Московском университете, слушал лекции маститого ученого, но последователем его взглядов не был и учеником Миллера себя не считал. Напротив, уже в университете он выступил с рефератом, основные положения которого значительно расходились с идеями главы исторической школы. В подтверждение сказанного приведем цитату из письма Григорьева к А. А. Шахматову, написанного вскоре после выхода первого тома его собрания: «Недавно я узнал, что профессор Всеволод Федорович Миллер посоветовал студентам 4-го курса не приобретать сборника моих былин, так как он плох, а приобретать сборник Маркова (его

ученика) и в крайнем случае Гильфердинга. Такое отношение его к моему сборнику удивило и огорчило меня. Удивило потому, что первый том этого сборника был у Всеволода <Федоровича> еще в рукописи и затем он получал листы его по мере его печатания, а между тем не указывал ни на какие особенные недостатки его <...> Огорчило это меня потому, что, несмотря на то, что Всеволод <Федорович> иногда считает возможным отличать своего ученика от того, *кто не хочет числиться его учеником* (здесь и далее выделено А. Д. Григорьевым. — Т. II.), я все-таки относился всегда к нему с уважением и думал, что, найдя недостатки, он укажет их мне лично или печатно, чтобы я мог избежать их в будущем, а не станет говорить втихомолку, когда обвиняемому нельзя привести своих оправданий. По-видимому, единственная вина моя перед ним в том, что я напечатал в предисловии к тому свое мнение о малой продуктивности теперешнего метода исследования былин (которого держится и Всеволод <Федорович>) и о необходимости более точного изучения их. *Свое мнение я высказал еще на студенческой скамье* и не могу отказаться от него, несмотря на то, что Всеволод <Федорович> не согласен с ним. . .»⁷⁴

Григорьев прямо говорит о том, что еще во время учебы в университете у него сложились нетрадиционные для предреволюционной фольклористики взгляды на изучение былин. К сожалению, ученый не оставил ни одного крупного исследования по былиноведению. Единственная опубликованная статья Григорьева по русскому эпосу — «Общие результаты работ собирателей и исследователей русских былин» — представляет собой текст его первой лекции, прочитанной 24 сентября 1903 года в Московском университете и повторенной потом в 1905 году в Вене и в 1906 году во Львове и Праге в местных студенческих русских обществах. В лекции исследователь в соответствии с заглавием лишь говорит об основных итогах развития былиноведения, не вдаваясь в дискуссию по вопросу о методах изучения русского эпоса. Ученый специально подчеркивал: «...я укажу общие результаты работ исследователей русских былин, *не входя в способы, коими эти результаты добыты*».⁷⁵

У нас есть сведения, что в 1902 году Григорьев написал еще две былиноведческие статьи — одна о новейших записях былин для Архива г. Ягича,⁷⁶ а другая о новой былине «Путешествие Вавилы со скоморохами».⁷⁷ Однако ни в одном из изданий этих исследований ученого нам обнаружить не удалось. Видимо, они напечатаны не были.

В сжатой форме взгляды Григорьева на методы изучения былин были высказаны в предисловии к первому тому его собрания. В основном они сводятся к следующему: для понимания каждого сюжета прежде всего необходимо исследовать все его варианты и установить «редакции и типы, и их отношения друг к другу (т. е. их генетическое древо) и приурочить их к определенным местностям, указать источники старины (и отдельных ее редакций) и ее отношения к другим старинам и памятникам устной и письменной словесности и приурочить на основании этого редакции ее к определенному вре-

мени».⁷⁸ «Указанный < . . . » способ исследования старин не является новостью, — писал ученый, — он давно применен к изучению памятников нашей древней письменности; его стали применять и к изучению старин, но только слегка, я же настаиваю на необходимости более точного и систематического приложения его к изучению старин, при котором нельзя обойтись сравнением одних крупных эпизодов и одними собственными именами, а придется сравнивать от начала до конца весь текст, все слова. . .»⁷⁹ В самом приближенном виде этот метод изучения былин был реализован в разделе «Обзор вариантов», который есть в каждом из томов эпического собрания Григорьева. Здесь все тексты каждого сюжета разделены на определенные редакции и типы.

Приведенные методологические положения вызвали несогласие со стороны некоторых рецензентов «Архангельских былин». Критик «Этнографического обозрения» писал: «. . . нужно напомнить г. Григорьеву, что былина не рукопись и что нельзя применять вполне к произведениям устной словесности приемы, с успехом, может быть, применяемые к письменным памятникам. Установление и изучение редакций, типов и разновидностей слишком заслонили от автора самую былинку, тогда как на *первый* план надо поставить изучение былины „в связи с относящимися к ней литературными и историческими фактами“». ⁸⁰ Думается, оппонент Григорьева был неправ. Для Григорьева выделение редакций одного сюжета и построение его генетического древа было не самоцелью, а путем к пониманию сути былины и причин связи ее с литературными и историческими фактами.

В современной фольклористике подобный метод работы является уже привычным и, можно сказать, обязательным для каждого серьезного исследования. Много внимания вопросу о различных редакциях сюжетов и их региональной специфике уделяется в классическом советском сборнике русского эпоса «Былины Севера» А. М. Астаховой. В работах последнего времени сопоставление версий и редакций одного и того же сюжета также занимает важное место в методике исследования.⁸¹

В известном смысле в фольклористике А. Д. Григорьев является автором одной книги — собрания «Архангельские былины и исторические песни». Путь ученого в филологии сложился так, что древнерусская литература и диалектология оттеснили в его научной деятельности фольклористику на второй план. Но несмотря на это, А. Д. Григорьев оказал большое влияние на развитие отечественной науки об устном народнопоэтическом творчестве. Он не только подготовил одно из самых крупных эпических собраний, но и в определенной степени предугадал важнейшее из направлений в развитии былиноведения XX столетия.

¹ Л о б о д а А. М. Русский богатырский эпос. Опыт критико-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу. Киев, 1896. С. 88.

² О н ч у к о в Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904.

³ Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.

- ⁴ Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1. Зимний берег Белого моря; Ч. 2. Терский берег Белого моря // Труды Муз.-этногр. комиссии. М. 1906. Т. 1. С. 39—104 (15 текстов); 1911. Т. 2. С. 43—111 (38 текстов).
- ⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. Поморье. Пинега. М., 1904; Т. 2. Кулой. Прага, 1939; Т. 3. Мезень. СПб., 1910.
- ⁶ См. об этом: И в а н о в а Т. Г. 1) Классические собрания былин в свете текстологии // Русская литература. 1982. № 1. С. 141—143; 2) Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия // Русская литература. 1982. № 4. С. 128—129.
- ⁷ ГБЛ, ф. 160 (А. В. Маркова), к. 4, ед. хр. 426.
- ⁸ Там же. Ед. хр. 427.
- ⁹ Вероятно, имеется в виду В. В. Богданов, секретарь этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.
- ¹⁰ ГБЛ, ф. 160, к. 4, ед. хр. 425.
- ¹¹ В 1899 г. в селах Нижняя и Верхняя Золотица А. В. Марков записал 111 былин, исторических песен, баллад и скоморошин.
- ¹² С. В. Максимов побывал в Поморье в 1855 г.
- ¹³ В первом томе «Архангельских былин» опубликовано 36 поморских былин и старших эпических баллад.
- ¹⁴ Материалы для диссертации по «Повести об Акире Премудром».
- ¹⁵ Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. С. 63—67.
- ¹⁶ Там же. С. XIII.
- ¹⁷ Григорьев А. Д. [Рец. на кн.: Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894] // Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 184.
- ¹⁸ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1900 год, составленный А. Н. Пыпиным. СПб., 1901. С. 57—67 (приложение № 9 — отчет А. Д. Григорьева).
- ¹⁹ В первом томе «Архангельских былин» опубликовано 176 пинежских текстов: № 88 (124) записан от М. Д. Кривополоновой в следующем 1901 г., а № 176 (212) получен от пинежского крестьянина Иова в 1899 г. в Поморье, где Иов находился, возвращаясь из Соловецкого монастыря.
- ²⁰ ЛО ААН, ф. 134 (А. А. Шахматова), оп. 3, ед. хр. 413, л. 3 об.—4.
- ²¹ Там же. Л. 9—9 об.
- ²² Григорьев А. Д. Мои воспоминания о записи кулойских былин // Slavica. Roč VII. 1928. № 4. S. 980.
- ²³ О з а р о в с к а я О. Э. Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ. // Там же. № 2. S. 408.
- ²⁴ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1901 год, составленный А. И. Соболевским. СПб., 1902. С. 25 (приложение № 1 — отчет А. Д. Григорьева). В собрании «Архангельские былины» опубликовано 156 нотных расшрифтов.
- ²⁵ ГБЛ, ф. 160, к. 4, ед. хр. 428.
- ²⁶ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 3 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 24.11.1900 г.). См. также рекламу готовящейся книги в «Этнографическом обозрении» (1900. № 2. С. 188): «Сборник беломорских былин, собранных летом 1899 года г. г. А. В. Марковым и А. Д. Григорьевым».
- ²⁷ Там же. Л. 1 об.
- ²⁸ Там же. Л. 9 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 17.12.1900 г.).
- ²⁹ Там же. Л. 2.
- ³⁰ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 44—45.
- ³¹ Там же. Л. 36.
- ³² И. С. Тезавровский (1871—1941) — член Музыкально-этнографической комиссии (с 1901 г.), артист оркестра Большого театра в Москве (см.: Б е р н а н д т Г. Б., Я м п о л с к и й И. М. Кто писал о музыке. Биобиблиогра-

фический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 3, 122).

³³ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 19 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 2.02.1902 г.).

³⁴ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 36 об.—37 (письмо А. Д. Григорьева в ОРЯС от 10.05.1902 г.). Один из 19-ти валиков был разбит.

³⁵ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1902 год, составленный В. И. Ламанским. СПб., 1903. С. 49—50 (приложение № 4 — отчет А. Д. Григорьева).

³⁶ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 36 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 10.05.1902 г.).

³⁷ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 33 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 2.09.1902 г.).

³⁸ Там же. Л. 60 (Выписка из протокола заседания ОРЯС от 3.05.1903 г.).

³⁹ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 17 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 27.07.1903 г. В конце письма ошибочно проставлена неверная дата: «27 июля 1901 года»).

⁴⁰ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 63 (письмо не датировано).

⁴¹ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 101 (письмо не датировано).

⁴² Там же. Л. 46 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 1.11.1903 г.).

⁴³ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 63 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову; не датировано).

⁴⁴ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 57 об.

⁴⁵ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1904 год, составленный Е. Е. Голубинским. СПб., 1904. С. 30 (приложение № 2 — отчет А. Д. Григорьева).

⁴⁶ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 61 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 30.04.1904 г.).

⁴⁷ Григорьев А. Д. Мои воспоминания о записи кулойских былин. С. 982—983.

⁴⁸ Карский Е. Ф. // Рус. филол. вестник. 1905. № 1. С. 162.

⁴⁹ Корнилов П. // Живописная Россия. 1904. № 21 (177). С. 180.

⁵⁰ Ф[омин] А. // Лит. вестник. 1904. Кн. 8. Критика и библиография. С. 238.

⁵¹ Ф. Новое в этнографии. Скоморошья старины // Рус. муз. газ. 1907. № 32/33. Стб. 699.

⁵² Маслов А. По поводу изданий императорской Академии наук // Рус. муз. газ. 1905. № 29/30. Стб. 697—704; Маслов А. // Тр. Муз.-этногр. комиссии. 1906. Т. 1. С. 524—525. См. также рецензия Е. Ляцкого (Вестник Европы. 1904. № 11. С. 379—381), А. Лободы (Журн. министерства народного просвещения. 1905. № 9. Критика и библиография. С. 161—179).

⁵³ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 63.

⁵⁴ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1904 год, составленный Е. Е. Голубинским. СПб., 1904. С. 31 (приложение № 2 — отчет А. Д. Григорьева).

⁵⁵ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 46.

⁵⁶ Там же. Л. 68 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 10.11.1904 г.).

⁵⁷ Там же. Л. 70 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 24.11.1904 г.).

⁵⁸ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1903 год, составленный Н. П. Кондаковым. СПб., 1903. С. 29 (приложение № 2 — отчет А. Д. Григорьева). См. также: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1905 год, составленный Н. П. Кондаковым. СПб., 1905. С. 29 (приложение № 3 — отчет А. Д. Григорьева).

⁵⁹ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 75 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 29.01.1905 г.).

⁶⁰ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1905 год, составленный Н. П. Кондаковым. С. 30.

- ⁶¹ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 87 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 28.04.1907 г.).
- ⁶² Там же. Л. 89 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 28.10.1908 г.).
- ⁶³ Там же. Л. 106 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 15.12.1909 г.).
- ⁶⁴ Там же. Л. 113.
- ⁶⁵ Там же. Л. 112 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 19.02.1910 г.).
- ⁶⁶ Экземпляры 1 и 3-го томов, принадлежавшие лично А. Д. Григорьеву и предназначенные им для продажи.
- ⁶⁷ Григорьев А. Д. Русский язык. Введение. История русского народного и литературного языка. Варшава, 1915.
- ⁶⁸ То есть полевые записи.
- ⁶⁹ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 122 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 23.09.1915 г. из Нахичевань-на-Дону).
- ⁷⁰ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 86 (черновик письма ОРЯС к А. Д. Григорьеву от 29.09.1917 г.).
- ⁷¹ Озаровская О. Э. Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ. // *Slavia*. Роѣ VII. 1928. № 2. С. 405.
- ⁷² Григорьев А. Д. Мои воспоминания о записи кулойских былин. С. 982—983.
- ⁷³ Vasmer M. // *Deutsche Literaturzeitung*. 1941. Bd 62. N 39/40. S. 928.
- ⁷⁴ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 70—70 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 24.11.1904 г.).
- ⁷⁵ Григорьев А. Д. Общие результаты работы собирателей и исследователей русских былин // Научно-литературный сборник. Повременное издание «Галицко-русской матицы». Львов, 1906. Т. 5, кн. 2. С. 81.
- ⁷⁶ В. И. Ягич — издатель первого международного славистического журнала «Archiv für slavische Philologie» (1875—1920). Статья А. Д. Григорьева в этом издании напечатана не была.
- ⁷⁷ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1902 год, составленный В. И. Ламанским. СПб., 1903. С. 50 (приложение № 4 — отчет А. Д. Григорьева). С докладом о былине «Путешествие Вавилы со скоморохами» ученый выступал на заседании этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (См.: Этнографическое обозрение. 1903. № 4. С. 179).
- ⁷⁸ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Т. 1. С. XX—XXI.
- ⁷⁹ Там же. С. XXI.
- ⁸⁰ Н. В. В.—в. // Этнографическое обозрение. 1904. № 4. С. 185.
- ⁸¹ См.: Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора Л., 1982; Аникин В. П. Былины. Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984; Селиванов Ф. М. Устойчивость и изменчивость образной системы в былине о Ставре Годиновиче // Традиции русского фольклора. М., 1986. С. 25—68; Былины / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1986 (Б-ка поэта. Большая сер.).

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СБОРНИКА «ПЯТИРЕЧЬЕ»

(МАТЕРИАЛЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ О. Э. ОЗАРОВСКОЙ)

I

МАТЕРИАЛЫ О. Э. ОЗАРОВСКОЙ В АРХИВЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

Публикация В. П. Ивановой

В архиве Государственного музея этнографии народов СССР хранится фрагмент рукописи Ольги Эрастовны Озаровской о пинежской сказительнице Татьяне Кобелевой.¹ Судя по форме изложения, упомянутым в повествовании именам, а также времени, которым датирован текст (август 1929 года), можно со значительной степенью вероятности предположить, что записи эти являются частью подготовительных материалов к сборнику «Пятиречье».² Литературный характер сборника, собирательность и обобщенность образов сказочников «Пятиречья», видимо, не позволили автору в рамках избранного жанра дать достаточные сведения о конкретных рассказчиках. Пробел этот предполагает частично заполнить данная публикация. Однако при обращении к публикуемому материалу как к источнику следует помнить то обстоятельство, что автор не придерживался стиля строго научного исследования, иногда принося в жертву требованиям литературного жанра скрупулезную точность ученого. Тем не менее очерк о Татьяне Осиповне Кобелевой создает образ яркий, незабываемый и одновременно типический, дающий возможность проследить психологические основы сложения репертуара, лексического набора, последовательности выбора сюжетов для рассказа, увидеть уважительно-ревнивое отношение сказочниц друг к другу: «Хотела она у меня Кастрюка понеть. . . Нет, уж не смогла понеть. А хорошо сказки сказыват. Много знат».³

Очерк о Т. О. Кобелевой составляет девять листов машинописного текста с концовкой и сносками, написанными от руки. Текст

подвержен значительной редакторской правке, которая при подготовке текста не учитывалась, авторское написание сохраняется полностью.

1

Сказочница Татьяна Кобелева

Когда я думаю о народных сказочниках, передо мною встают образы встреченных настоящих художников, пленявших не только мастерством создания текста, но и самым исполнением. Но я останавливаюсь не на самой выдающейся пинежской сказочнице, а на той, которая поразила меня не искусством исполнения, а разнообразием своего репертуара, какой-то душевной емкостью.

Попытка исследовать его, может быть, присоединится к более мощному материалу для исследования вкуса⁴ народного нашей эпохи на «стыке веков».

Из пинежских же сказочниц по артистическому исполнению, по исключительному темпераменту, выразившемуся в неумном горении и буквально опьянении сказом, конечно, первое место занимает М. Д. Кривополенова с ее сказками «Верная жена» (Красная Нива, № 29, 1926), «Горшочек лихого мыть», «Череп-Терем», сказками о попе, о дурне (Бабушкины старины. 1922, Госиздат) и ненапечатанной, но записанной на фонографе сказки «Как я заворовалась», затем Над. Олькина, сказки которой еще не напечатаны, и по юмору конопатчик Муха (Прожектор, № 2, 1928).

О Татьяне Кобелевой я слыхала еще от М. Д. Кривополеновой, которая говорила: «Хотела она у меня Кастрюка понеть. . . Нет уж не смогла понеть. А хорошо сказки сказывают. Много знат».

В 1925 г., командированная Академией Художественных Наук и Архангельским Обществом Краеведения в верховье р. Пинеги, я заехала в д. Чаколу на высоком живописном берегу Пинеги, для устройства могилы М. Д. Кривополеновой.

Могила находится в сосновом бору и с дороги виден ее высокий крест. Сделана хорошая ограда (покрашена в 1927 г.) и мною возложена пальмовая доска с надписью: «Здесь покоится тело славной сказительницы древних былин Марии Дмитриевны Кривополеновой. Род. 1-го апреля 1844 г. Ум. 8 марта 1924 г.»

В Чаколе, или, вернее, в прилегающей к ней деревне Городец, мне хотелось разыскать ее подругу Варвару Чащину (Григорьев А. Д. Архангельские былины. Т. 1, ч. 2, с. 308), которая в 1916 г. во время краткой моей остановки у нее с Кривополеновой (я ехала к ней в гости в дер. Веегоры на противоположном берегу) чудесно мне рассказала ритмованную сказку о Финисте Ясне Соколе, а я не успела ее записать. Разыскивая дом Варвары Чащиной, я поступала в другой, где происходило веселое собрание по поводу скотного праздника и распивали «слитки» артельного пива (выпив бочку пива, на старые дрожжи наливают вторую воду; когда выходит это пиво, оно называется «друган», а третье называется «слитки»). На мой стук вышел Николай Чащин, заявил, что его мать давно умерла и пригласил зайти. Как всегда при появлении нового чело-

века возникла некоторая натянутость; но некоторые узнали во мне верного друга Махоньки, а на мое замечание «какой же праздник без песен» в ответ затынула высоким чистым голосом красавица Ульянушка Третьякова, ее поддержала степенная и приятная Настасья Кобелева. Она-то и пригласила меня завтра ехать к ней лодкою за десять верст в дер. Юбру, где обещала позвать к себе хорошую сказочницу Татьяну Кобелеву. Мое знакомство с нею началось, примерно, с таких же слов, какие Кривополенова говорила о ней: «Уж как „Махонька“ хотела у меня Ерша понеть, уж сколько просила насказать ей. . . Нет, не могла понеть». Этой классической сказкой о ерше, завладевшем озером Ростовским, и суде над ним она возглавила свой репертуар. Дело в том, что я никогда не прошу определенной сказки, а жду, с какой начнет сам сказочник, придавая большое значение выбору самого сказочника. И в данном случае выбор «Ерша», который у нее, видимо, всегда идет блестяще, указывал, что я имею дело с артистом. Он всегда начинает с вещи, в исполнении которой уверен. Позднее он скажет сказку, к которой льнет его собственная душа, и узнается это по особенному взволнованному тону. Но в данном случае сказочница была слишком напугана неожиданным посещением, она исполнила не так блестяще, как обычно, и сама горько на это жаловалась. Оно и неудивительно: Татьянушка совершенно слепа; один глаз у нее уже вытек, другой вытекает, но она об этом не знает и лелеет надежды на излечение в Архангельске. В этом смысле она дала мне соответствующее поручение в Архангельск, но окулист видел ее и помнит. От него-то я и узнала о полной безнадежности дела. Ей 70 лет, но в своем доме она ведет себя как зрячая. Если уж необходимо ей выйти из дому, то ее провожают; ее многочисленные дети, из которых один — кондуктор по лесной части, по-видимому, заботятся о ней. Поразила она меня своей удивительной жизнерадостностью, какая истекала из всех ее слов, и явилась она мне поучительнейшим примером жизни, так как мне лично суждена такая же старость. На расспросы, где она слышала данную сказку, от кого «понела», она всегда отвечала с удивленным недоумением: «Люди сказывали, разве упомнишь? Сказывали. . . Всегда сказывают. . .»

Но к разбору ее индивидуальных вкуса и манеры мы еще вернемся, а пока мне необходимо сделать перечень всех произведений, записанных от нее в течение трех дней, с изложением сюжетов или отнесением их к номерам по каталогу Аарне-Андреева. Кроме сказок, она же — превосходная песенница — сообщила мне тексты следующих старинных песен:

- 1) Про Кутузова.
- 2) Пожар Еруслава-города.
- 3) Казань-город (Известия Общества Археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете). Т. 1, вып. 4. Озаровская).
- 4) «Из-за лесу, лесу темного. . .» (разбойничья из цикла разинских).
- 5) Сама хрестьянка (любовная с припевом «тига-гуси, тига-серые, домой»).

- 6) «Черный ворон, что ж ты вьесся надо мной» (воинская о смерти).
 7) «Песня хвацка про житье наше бурлацко» и шесть местных свадебных (Северная свадьба — Художественный фольклор, 1926).

2

Сказки Татьяны Осиповны Кобелевой, 70 лет, из дер. Юбра Труфаногорской (бывшей Михайловской) волости Архангельской губернии

№ 1. Сказка про Ерша	По кат<алогу> Аарне-Андреева № 254
№ 2. Про продобрую львицу	931 11 (938)
№ 3. Святый скоморох	845
№ 4. Предея	1370 1+1405
№ 5. Жонкина верность	1350 и 1352*
№ 6. Никола Дупленьский с таким концом: мертвое тело соперника муж са- жает в лодку и сваливает вину на случайных рыбо- ловов	1380
№ 7. Невесткины увертки	1406*В
№ 8. Побывальщина	отчасти 932

3

Сказки, не вошедшие в каталог Аарне-Андреева

- № 9. «Царевнина талань» 11-я таблица А. И. Никифорова, № 71 его «Сказочных материалов Пинежья» (Сказочн<ая> Ком<ис-
сия> 1927 г.)
- № 10. «Младший конюх и Ай-брат» (Новобранцу, похваставшему силой, является некто и просит помощи в борьбе с поляни-
цей, предсказывает судьбу младшего конюха у царя и в бла-
годарность при клике Ай-брат разрешает с героем ряд цар-
ских задач: што за морем сосветило, добычу царь девицы,
ее венчального платья и пары вороных коней — золоты
узды. Герой ездит на шее Ай-брата, превращается в комара,
кольцо, лань-золотые рога, вороные кони морские. Царь-
девица, по-видимому, достается не царю, а герою (неясно)).
- № 11. «Принетой» (Герой выбирает из трех «матери мужа, а себе
отца», давая разделить яйцо. «Принетой» обучает героя овла-
деть царской дочерью, которая «отравлена» в гробу, в церкви
каждую ночь ест по человеку, и, предлагая дележ, разру-
бает ее пополам и тем исцеляет ее. Уходя называет себя
Николаем, божьим угодником. Отчасти напоминает Вия).
- № 12. «Киевская быль» (Две женщины, летавшие сороками, ели
зажаренного ребенка одной. Поп каял умирающую мать,
читал над ней псалтырь в церкви. Она встала из гроба, из-

грызла ему лицо. *Попа видели в Архангельске*: запутан шелковым гатином, все лицо разъедено).

№ 13. «Моряжка» (текст приводится целиком).

Все сказки можно разбить на две группы. К первой относятся: № 1 — усмешка над человеческим установлением и № 4, 5, 6 и 7 — над женским правом, то есть — сказки-анекдоты, сказки-сатиры.

Ко второй относятся собственно сказки № 9, 10 и 11, а также легенды № 3, 8 и 13.

№ 9, 11 и № 8 связаны идеей рока, и примитивное его чувствование особенно сказалось в № 8. Старуха с таким волнением рассказывает о муках матери, которая берегла и растила единственного сына, зная, что он умрет в 22 года на 2-й день пасхи, что я долго ходила под сильнейшим впечатлением от этой легенды, которую она сама назвала «старинна побывальщина».

Во всех этих трех сказках судьба героев предсказана.

Некоторые из своих сказок Татьяна Осиповна украшает словесными заставками и концовками. Концовка «Ерша» совпадает с сюжетной развязкой сказки про хитрого непобедимого «ерша».

Иногда среди сказки действующее лицо начинает говорить «в склад и в лад». В «Принетом» (№ 11), одной своей частью так напоминающей Вия, мертвая ведьма, царская дочь, услышав в церкви скрипку и чтение псалтыря, встает из гроба и начинает искать свою жертву:

Спасибо, батюшко,
Спасибо, матушка,
То-то послали молодого,
То-то веселого,
Двое суточки не едала,
Все бы косточки оглодала.

Царевна в № 9 кличет Талань названных батюшка и матушки свою припевом:

Талань моя, учась горькая!
Поди ко мне на обед,
Хлеба-соли кушать,
Всекого питинья-кушанья.

Все это указывает на любовную, чеканную отделку формы. Вы угадываете, что Кобелева относится к «истовым сказочницам». Никакого эпизода она не скомкает, не выпустит.

Легенда № 3 «Святой Скоморох» поясняет поговорку, употребительную на севере: «пляшет, да не так, как скоморох». Что же касается № 13 «Моряжка», то она является своего рода уникай, а потому текст ее я привожу полностью. От лапидарности языка легенды веет античностью. Когда я рассказала ее в фольклорной подсекции Академии Художественных Наук и возник вопрос об источнике легенды, то через две недели появились два доклада: 1) О песне «Василий и Снафида» на тему, ей близкую — разлученные любовники после смерти соединяются в образе дерева, а второй

доклад по поводу самой Моряжки. Он сводился в сущности к ознакомлению с образцами английской романтической поэзии. Но если видеть в Моряжке влияние книжности, то, мне думается, русской и более древней. Мое мнение совпадает с мнением Смирнова.⁵

Как исполнительница Татьяна Кобелева не выдающаяся, а рядовая. Выдающаяся она, пожалуй, в одном отношении: в ее явной и сознательной любви к сказыванию. Я, может быть, и недооценила ее, так как, разумеется, не исчерпала всего запаса. Я работала всего три дня с нею, а собиратели знают, сколько вопросов скапливается, когда начинаешь щупать. По моей манере я не ставлю вопросов так, чтобы можно было прямо записывать ответы, а именно исподволь ощупываю знания и интересы сказочника, и, судя именно по ее репертуару, мне ее ум кажется усмешливым, она рада случаю посмеяться, и наряду с этим она несомненно склонна к мистике. Без всякого повода с моей стороны и без всякой ассоциации она вдруг произнесла: «На старых книгах читали: последнее время пойдет: сын на отца, отец на сына от страха бежаха и пойдет богатый в темную могилу. И отнето Христово слово и будет у нас всемирная война; все это право будет не то што говоря через три года, а может быть через 12 или 20 лет, Китай завоюет и все забунтует».

Вместе с тем язык ее так богат, что походя я записала просто отрывки из ее рассказа о праздничной драке и похождениях парня Оли-Александра: «Прибежал да и лёкнул, да и лёч! (то есть ударил). Какого захватит, такого и сшибет. Руки захватит, дернет, а те его колотят! Не захватывай, дак не убьют! Наш уж так, а Лука-то родом так. На разговоры никому не здаваеця. Принесли: синовилы у персей остались. . .»

Поймала я и крылатое слово о старых девах: «Я давно эту девку знаю: наверно от царя Миколки осталась».

Татьяна слышала о новых течениях жизни и на ее речи это отразилось в форме страха перед некоторыми словами, которые вдруг стали неприличными для новой жизни.

Скажет «баба-яга» и спохватится, извиняется: «Может, нельзя? Черно слово?» Опасается произнести слова «икона», «божья мать», опасливо спрашивает «ничего, можно?» Говорила о новых заменах в песне.

«Раньше пели:

Во городе царевна,
По за городом паревич. . .

Теперь поют:

Во городе гражданка,
По за городом гражданин.

И правда, што видят, то и поют».

Так встают образы и захватывают своим дыханием и, кажется, здесь звучат их голоса. . . Спасибо, далекие и верные держатели красоты!

Ольга Озаровская

Август 1929 года.
Ленинград.

¹ ГМЭ, ф. 2, оп. 2, д. 103.

² Озаровская О. Э. Пятиречье. Л., 1931. От Т. О. Кобелевой в сборник «Пятиречье» вошло восемь сказок: № 2, 14, 22, 25, 27, 28 33, 43.

³ ГМЭ, ф. 2, оп. 2, д. 103, л. 2.

⁴ Под вкусом я подразумеваю некий психологический комплекс, в силу чего одно упускается, забывается, отмечается, другое принимается, запоминается и живет (прим. О. Озаровской).

⁵ Далее в рукописи следует текст сказки «Моряжка», который здесь не приводится, поскольку в основном он совпадает с вариантом, опубликованным в сборнике «Пятиречье». Укажем одно разночтение:

«Пятиречье»

В одной деревни был один богатеющих родителей молодец (с. 31)

Рукопись

В одной деревни был один дворянского сословия, не простой молодец (л. 6).

Кроме того, имеются некоторые различия в фонетических написаниях, которые не приводятся, поскольку в обоих вариантах нет выдержанного единства системы.

II

ПОБЫВАЛЬЩИНЫ Т. О. КОБЕЛЕВОЙ

Публикация Т. А. Новичковой

О. Э. Озаровская причисляла Татьяну Осиповну Кобелеву к типу «традиционных сказочников», которые берегут старинный язык, древний образ и фабулу.¹ Тем не менее не все, записанное от этой сказочницы, вошло в «Пятиречье». Не были включены в сборник побывальщины Т. О. Кобелевой, хотя они и произвели на собирательницу большое впечатление.

Тексты «Киевской были» и «Побывальщины» хранятся в Отделе русского народного творчества, в архиве Института русской литературы.² Это две машинописные копии, в один лист машинописи каждая. Обнаружить к ним полевые или черновые записи не удалось. Тексты публикуются без учета в них исправлений карандашом (простым и химическим).

Быль

Это уж быль, побывальщина. Жили дьякон и дьячиха в благочестии. Дьячиха никогда детей не нашивала. Вот она оберменела, и скоро ей родить, а дьякон заболел, стал помирать и сказал ей: — Ты рожать будешь, никого не зови и никуда не ходи, молись и береги дитя.

И помер. Вот ей родить, она забоялась: «Как я буду, ничего одна не знаю, побегу куго-ле позову».

Побежала, а с ворот ей кол в голову ударил. Она пала.

Очувствовалась и подумала: вот правду же дьякон сказал, никуда не ходить, никому не звать, видно так и нать. Родила мальчика, омыла его и лежит рядом с ребеночком.

Вдруг поп идет, за ним дьякон и дьячок. Так ей привиделось. Сели они за стол и книги раскрыли. Один спрашивает:

— Ну, какая ему жизнь?

— Жизнь хорошая.

— Будет ли жениться?

— Нет, брака ему не видать.

— А долго ле ему жить?

— Двадцать двух лет потонет, на второй день Пасхи.

Вот живет она с мальчиком, растит его, мальчик хорошенький такой, она радуется. И стало ему пятнадцать лет. Тут стала она плакать. Он спрашивает:

— Што ты, мама, плачешь?

— Ох, дитя, пойдешь ле куда, протись да благословись, в ноги мне пади.

— Я тем не дорожу.

И пал ей в ноги.

Время идет, ему уже двадцать два года, уже пост пришел. Мать горюет, плачет.

— Што ты, мама, все плачешь? Я ничего јись не могу.

— Ох, пойдешь ле куды, протись, да благословись, пади мне в ноги.

— Я тем не дорожу, а ты меня хлеба лишила, все плачешь.

Пришла Пасха. Сын здоровый, веселый. На второй день пришли товарищи звать его гулять. Он матери в ноги пал, протился, благословился и побежал. Товарищи забежали к себе в дом, а этот сел на колодец. «Ну, кричит, скорее ты! всегда. . .»

К сожалению, побывальщина сохранилась в неполной записи. Хотя, если соотнести ее с указанным самой О. Э. Озаровской типом сюжета за № 8 (932) (см. предыдущую публикацию), финал ее проясняется. Ближайшую сказочную параллель находим у Н. Е. Ончукова: в назначенный день героиня падает на колодец и умирает, несмотря на все принятые меры предосторожности (колодец был обтянут кожей).³

Вариант сюжета этого типа, записанный от Т. О. Кобелевой, замечателен не только выразительностью идеи судьбы, рока, которого нельзя избежать, но и «пасхальной» окраской «были», сопряженностью этой идеи с праздничным пасхальным миром, характеризовавшимся максимальной близостью к миру святых и умерших. Дни от Пасхи до Вознесенья почитались временем странствий Христа по земле,⁴ а кладбища и родительские могилы также были приготовлены для совместных трапез с покойными, как и накрытые столы в домах. Мысль о принадлежности человека не «этому», а «тому» свету носилась в воздухе.

К Пасхе часто прикрепляются те сказочные сюжеты, в которых речь идет о ребенке, предназначенном «тому» свету, судьба героя обычно решается дважды: в день его появления на свет или крещения и в дни совершенноголетия (последний момент как раз и совпадает чаще всего с Пасхой). В сказке «Крестник» (или «Христов крестник»)

крестьянин зовет в крестники странника. Когда сыну исполнилось около девяти лет, кум уводит мальчика в свой «дом», из окон которого виден рай и ад, судьба родных и близких; ⁵ крестник-Христос к Пасхе женит крестного сына, а к Вознесенью возносит обоих на небо.⁶ Традиционная волшебная сказка «По щучьему велению», попав в «поле притяжения» пасхальных мотивов, также включила в себя идею зачатого в Пасху ребенка как «божьего»: герой пожелал «по щучьему велению», чтобы царевна, в Пасху раздававшая милостыню, родила сына; когда малютка признает в мужике отца, то последний отказывается, отвечая, что ребенок божий.⁷

В побывальщине Т. О. Кобелевой мать, по мере приближения рокового дня, постоянно просит сына пасть ей в ноги, испросить благословения. Благословляя сына, она не только прощалась с ним, но и пыталась, по мере сил, предотвратить гибель и мучения, ожидавшие его. В крестьянстве благословению придавали магический смысл. Письмо с родительским благословением могли зашивать и хранить как заговор, оно «считается священным и служит спасительным образом по гроб жизни каждого».⁸ Получали его следующим образом: лицо, которое благословляют, становится перед иконой, где зажигается свеча и, положив три земных поклона, остается на коленях. Родители, положив на скатерть целый хлеб, на хлеб — соль и образ, обводят всем этим вокруг головы благословляемого три раза со словами: «Бог тебя благословит, милое дитя, на добрые дела». От хлеба отрезают краюшку и хранят вместе с образом и салфеткой.⁹

Вторая побывальщина, записанная О. Э. Озаровской от Т. О. Кобелевой — «Киевская быль», — принадлежит к числу традиционных рассказов о мертвецах. Ее текст приводится полностью по машинописной беловой копии.¹⁰

Быль

Уж и сама не знаю, враль это или не враль. Люди сказывали, сама уже не видела. Бывало это в киевской губернии, в деревне одной. Там все на баб полагают, што сорокой летают. И на повесть залетела, а из окошечка две сороки вылетели. Поп видит, не ладно. В той избы вдова жила, он туда зашел, дверь отворил: две женщины сидят и ребенка зажаренного едят. Одна родила, и они его погубили.

Эта женщина, которой ребенок был, заболела, стала помирать, попа созвали, стала каяться. Поп говорит:

— Покайся в том грехи, в котором я дверь отворил.

Она покаялась. Она и померла так. Вот снесли ее в церковь. Поп ночью пошел в церковь. Вдруг колокола ударили. Тут был трапезник. Поп трапезнику сказал:

— Бежи, узнай, што в церкви затравилось?

Трапезник побежал, поп один остался. Она стала его грызть. Все выгрызла: нос, уши. Он замолился соловецким угодникам, она пала.

Уж не знаю, враль может все это. Поп этот приежал в Архангельск, показывалса, запутан весь шелковым гатаном, лице все разъедено. И все молице соловецким угодникам и сам это рассказывал.

Стара вера, как не бывала; сказывают, как да и неисправна: попы обманшпики, обманывают людей.

«Киевской» эта была названа вследствие устойчивого народного представления о примате «киевских» ведъм над всеми другими. В Белозерском уезде Новгородской области рассказывали о том, как мимо стоявших лагерем в двух верстах от Киева солдат «ведьма ходила каждую ночь. Первой линией шла кошкой, а второй линией шла собакой, а третьей линией шла свиньей».¹¹ В побывальщине, записанной в Симбирске, к двум идущим в Киев богомолкам пристала третья, просевшая сквозь землю на подходе к монастырю.¹²

Типичен для рассказов о ведьмах и образ колдуньи-сороки. В былинах сорокой оборачивается киевская ведьма, еретница Маринка. По народному преданию, сорокой обернулась Марина Мнишек,¹³ а в сказке Вятской губернии жена-колдунья сорокой летает за море на шабаш ведъм.¹⁴

В целом обе побывальщины, исполненные в простой, лаконичной манере, безусловно, относятся к классическим, традиционным образцам русского народного волшебного-фантастического рассказа.

¹ См.: Озаровская О. Э. Пятиречье. Л., 1931. С. 414.

² ИРЛИ, колл. 12, п. 2, ед. хр. 15, 16.

³ Ср.: Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1908, № 147.

⁴ Максимович М. А. Дни и месяцы украинского селянина // Рус. беседа. 1856. № 1. С. 78.

⁵ См.: Сборник великорусских сказок архива имп. Русского географического общества / Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1, № 28. С. 163—165. А также: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. № 811. Ср.: № 471=АА 804 I (Крестник бога).

⁶ Ончуков Н. Е. Указ. соч. № 119. С. 286—287.

⁷ См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957. Т. 1. № 167.

⁸ См.: АГО, разр. 24, д. 5, с. 8—9 (Новгородская губ.).

⁹ См.: ГМЭ, ф. 7, оп. 1, № 812, с. 1.

¹⁰ ИРЛИ, колл. 12, п. 2, № 16.

¹¹ Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915. № 161. С. 296.

¹² См.: Сказки и предания Самарского края, собранные и записанные Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884. № 73. С. 244. (Записки имп. Русского геогр. об-ва по отд-нию этнографии. Т. 12).

¹³ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897. Т. 1. С. 155.

¹⁴ Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Петрозаводск, 1915. № 15. С. 67—68. (Записки имп. Русского геогр. об-ва по отд-нию этнографии. Т. 42).

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ ДЕЯТЕЛЕЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

ПИСЬМА М. Л. МИХАЙЛОВА ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1856—1857 гг.

Публикация Ю. Д. Левина

Писатель-революционер Михаил Ларионович Михайлов (1829—1865) на всем протяжении своей литературной деятельности проявлял глубокий интерес к народному творчеству. Уже в 1846 г., в самом начале своего творческого пути, он опубликовал две записанные им на родине уральские легенды: «Волгул» и «Казак Трофим».¹ В 1848—1852 гг., находясь в Нижнем Новгороде, он предпринял сбор фольклорных произведений. «... Я, блуждая по провинции, — писал он В. Р. Зотову 25 июня 1848 г., — собрал множество загадок, сказок и побасенок...». И 8 сентября того же года: «Хотел послать Вам <...> десятка три простонародных загадок, собранных мною здесь, — да все такие либеральные! Цензура таких вещей не любит».²

К народному творчеству Михайлов подходил с позиций революционно-демократической этнографии и фольклористики. В нем он видел раскрытие духовной жизни народа. Он писал впоследствии: «Старинная песнь — почти единственный отклик, в котором до нас народная дума <...> Все, что волнует душу народа и просит внешнего выражения, переходит в песню, сказку, пословицу, и в этой безыскусственной, но верной форме переживает века, повторяется сотнями поколений и часто умирает только вместе с народом. Это самый твердый исторический памятник...».³

Михайлов широко использовал фольклорные произведения в своем творчестве.⁴ При переводах он уделял особое внимание поэтам, которые использовали темы и формы народных песен (Гейне, Беранже, Бернс и др.), а также перевел более десятка песен разных народов.

Когда в 1855 г. Морское министерство намеревалось послать литераторов в разные районы страны для изучения быта населения, занимающегося рыболовством и судоходством, Михайлов был одним из первых, кто согласился поехать. История этой командировки

литераторов, названной впоследствии «литературной экспедицией», в которой кроме Михайлова участвовали А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, С. В. Максимов и другие писатели, уже освещалась в печати.⁵ Особо исследовалось и участие в экспедиции Михайлова.⁶ Кроме того, в разное время были опубликованы четыре письма Михайлова из экспедиции: по одному — Н. В. Шелгунову⁷ и Я. П. Полонскому⁸ и два — А. В. Дружинину.⁹

Цель настоящей публикации несколько дополнить документальными данными уже имеющиеся в печати сведения об участии Михайлова в литературной экспедиции. Публикуются три его письма к Д. А. Толстому,¹⁰ в то время директору канцелярии Морского министерства (с 1853 г.), и одно — к брату А. Л. Михайлову, а также некоторые связанные с Михайловым документы из «Дела канцелярии Морского министерства № 14686 о командировании литераторов в разные края России для собрания сведений, до морской части относящихся».¹¹

Приводим текст официального предписания, которое Михайлов, как и другие участники экспедиции, получил от управляющего Морским министерством Ф. П. Врангеля.

«Его высокоблагородию М. Л. Михайлову.

В С. Петербурге

29 ноября 1855 г.

№ 11606

Милостивый Государь

Михаил Ларионович!

Вследствие изъявленного Вами желания отправиться по поручению Морского министерства обозреть жителей Оренбургского края, занимающихся рыболовством и судоходством, для доставления статей по этому предмету в Морской сборник, прошу Вас обратить при сем особенное внимание на а) их жилища, б) их промыслы, с показанием обстоятельств, благоприятствующих и мешающих развитию оных, в) суда и разные судоходные орудия и средства, ими употребляемые, означая их названия и представляя, если возможно, их изображение на рисунке, г) физический их вид и состояние и д) преимущественно их нравы, обычаи, привычки и все особенности, резко отличающие их от прочих обитателей той же страны как в нравственности, так и в промышленном отношении, а равно и в речи, поговорках, поверьях и т. п. Если Вы найдете возможным подметить и другие характеристические черты обозреваемой Вами стороны и ее жителей, то совершенно от Вашего усмотрения будет зависеть вместить их в описание, как признаете за лучшее. Морское начальство, не желая стеснить таланта, вполне предоставляет Вам излагать Ваше путешествие и результаты Ваших наблюдений в той форме и в тех размерах, которые Вам покажутся наиболее удобными, ожидая от Вашего пера произведения, его достойного как по содержанию и изложению, так и по объему.

В продолжение поездки Вы будете получать на разъезды и содержание в пути по *сту* руб. сер. в месяц из комиссариатского департа-

мента Морского министерства и в число этой суммы выдано Вам будет перед отъездом вперед *за шесть* месяцев, независимо от вознаграждения за статьи, которые доставлены Вами будут в Морской сборник; подорожную по казенной надобности получите из канцелярии министерства, а вместе с сим я обращаюсь к генерал-губернатору оренбургскому и самарскому с просьбою оказать Вам зависящее содействие в предстоящей командировке.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности

Барон Врангель». ¹²

Отъезд Михайлова предполагался в конце декабря 1855 г., 20 декабря ему была выдана подорожная на проезд в Оренбургскую губернию и обратно ¹³ и 600 руб. денег; начисление ему денежного содержания началось с этого срока. Однако Михайлов задержался в Петербурге. 7 февраля 1856 г. он участвовал в любительском спектакле в салоне М. Ф. Штакеншнейдер, ¹⁴ а 11 февраля написал в альбом Л. П. Шелгуновой стихотворение «Перепутье». Отъезд его состоялся 13 февраля 1856 г., как это видно из письма Л. П. Шелгуновой к Я. П. Полонскому от 13 февраля 1857 г.: «Сегодня год отъезда Михайлова». ¹⁵

Через полгода, не получая обещанных денег (к этому времени ему причиталось еще 200 руб. сверх суммы, полученной при отъезде), Михайлов обратился к Толстому со следующим письмом:

«Милостивый Государь,
Граф Дмитрий Андреевич.

Не получая до сего времени назначенного мне пособия, ассигнованного из сумм Морского министерства на разъезды мои по Оренбургской губернии, и стесняясь в расходах, сопряженных с путешествием, я почтительнейше прошу ваше сиятельство принять на себя труд исхлопотать высылку мне единовременно за второе полугодие поездки моей жалованья. Это тем более необходимо, что в скором времени я намерен отправиться в поездку от верховий Урала до Каспийского моря, поездку, которая продолжится, вероятно, несколько месяцев и прервет все мои сношения с центром края.

До сих пор я не выслал еще в редакцию „Морского сборника“ ничего из моих путевых заметок, потому что все время мое было посвящено на разъезды и собрание материалов по Белой, Уфе, Ику, Деме и другим рекам. Собранные мною сведения составят довольно стройную этнографическую картину Башкирии, доныне никем обстоятельно не описанной; но, будучи лишен некоторых ученых пособий, я должен отложить окончательную обработку моих трудов до возможности пользоваться петербургскими библиотеками. Вероятно, мне не будет вменено в вину такое замедление, потому что от него зависит достоинство моего труда.

Упомянутую сумму денег имею честь покорнейше просить ваше сиятельство приказать выслать на имя мое в город Уфу.

Примите уверение в чувствах глубочайшего уважения и совершенной преданности, с коими имею честь быть

вашего сиятельства покорнейшим слугой.

Мих. Михайлов

Уфа.

28 августа 1856 ». ¹⁶

Письмо было получено в канцелярии Морского министерства 6 сентября 1856 г., и Толстой наложил на него резолюцию: «Если он имеет право получить эти деньги, то сообщить комиссариятскому департаменту». 10 сентября Толстой обратился в комиссариятский департамент Морского министерства с просьбой высылать Михайлову по 100 рублей ежемесячно в Уфу; после чего Михайлову было выслано 100 рублей.¹⁷ 19 октября в канцелярии министерства было получено письмо от 8 октября оренбургского и самарского генерал-губернатора В. А. Перовского к управляющему Морским министерством Ф. П. Врангелю, в котором сообщалось: «В настоящее время г. Михайлов обратился ко мне с изъяснением затруднительного положения, в коем он находится от недостаточности предоставленных ему средств вообще и от несвоевременной высылки положенного ему содержания. — Назначенная г. Михайлову ежемесячно сумма не покрывает издержки дальних переездов при существующей в некоторых местностях дороговизне, — так что по объяснению его, он должен был израсходовать из собственных 750 руб. и затем, не имея средств продолжать разъезды, вынужден оставаться на месте, в г. Уфе, опасаясь притом от недостатка средств потерять случай быть в наступившую осень в тех местах здешнего края, где для специальной цели его командировки представились бы весьма любопытные и разнообразные предметы. Оказанное ему мною из местных источников небольшое пособие не могло устранить этих неудобств». В заключение Перовский запрашивал Врангеля, не сочтет ли тот возможным «исходатайствовать г. Михайлову суммы в возврат израсходованных им собственных денег и на покрытие предстоящих издержек».¹⁸

24 октября Толстой направил отношение комиссариятскому департаменту о высылке Михайлову 300 руб., так как он получил только 700 руб., хотя со времени выдачи подорожной прошло уже десять месяцев. Тогда же Врангель сообщил Перовскому, что «Морское министерство не считает подлежащим удовлетворению ходатайство г. Михайлова».¹⁹

26 ноября 1856 г. Д. А. Толстой разослал циркулярно всем командированным литераторам следующий запрос: «По воле государя великого князя генерал-адмирала имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, доставить мне для доклада его высочеству сведения о том, к какому сроку и какие статьи Вы предполагаете изготовить для помещения в Морском сборнике».²⁰

Михайлов отвечал уже в начале 1857 г.:

«Ваше сиятельство,
Граф Дмитрий Андреевич.

В конце ноября прошлого 1856 года, в отношении своем в комиссариатский департамент Морского министерства, я писал о намерении возвратиться из командировки в Оренбургский край в конце текущего января месяца.²¹ Ныне ход моих занятий требует для успешного окончания отсрочки возвращения моего еще на три—четыре месяца. Поэтому я имею честь покорнейше просить ваше сиятельство сделать распоряжение о высылке мне положенного содержания и начиная с 20 января по 20 мая.

Считаю обязанностью исчислить здесь все, что по настоящее время сделано мною по моему поручению: я могу теперь определительно сказать, какого содержания и объема будут труды, которые я изготвляю для „Морского сборника“.

Это, во-первых, сочинение под заглавием: „Очерки Башкирии“, которое должно составить том около пятнадцати печатных листов. Чтобы ближе познакомиться с бытом жителей этой огромной части Оренбургского края, я нарочно изучил татарский язык, что дало мне возможность собрать много памятников башкирской народной поэзии: сказок, былин и песен, донные неизвестных, и близко узнать верования, обычаи, исторические предания и настоящее положение Башкирии. Вот содержание моего первого труда.

Второй труд, под названием: „От Уральска до Гурьева“ (такого же, если не более, объема) будет заключать в себе этнографическое и историческое описание уральцев — их быта и промыслов — как по Уралу, так и в Каспийском море.

Для первого труда у меня собраны и отчасти приведены в порядок все материалы; но кочевая жизнь не позволила еще мне дать им должную обработку.

Из второго же труда в настоящую минуту у меня готово вчерне несколько больших статей, из которых четыре, а именно: 1) Уральск, 2) Багренье царского куса, 3) Малое и 4) Большое багренье, будут доставлены в марте месяце к вашему сиятельству, для передачи их в редакцию „Морского сборника“.

О нескольких мелких статейках, которые могут быть со временем извлечены из моих путевых заметок о других местностях края, я не упоминаю.

В заключение позволю себе просить ваше сиятельство исходатайствовать мне, если возможно, одновременную высылку содержания по 20 мая (по-прежнему в Уфу), потому что дробное получение денег крайне затрудняет меня в моих разъездах, заставляя оставаться на иных местах долее, чем того требовали бы мои занятия. Смеею надеяться, что Министерство не откажет мне в этом пособии; ибо я готов отказаться от вознаграждения за мои статьи, если они будут оценены редакцией „Морского сборника“ ниже издержек, употребленных на мою поездку. Думаю, однако ж, что в трудах моих найдется кое-что нового и для публики, и для науки.

С чувствами истинного уважения и совершенной преданности
имею честь пребыть

вашего сиятельства покорнейшим слугой.

Мих. Михайлов

Уральск
22 января 1857». ²²

На письме кроме текста Михайлова имеется несколько надписей: дата получения в канцелярии Морского министерства «7 февраля 1857»; резолюция Толстого: «Кажется, его высочество назначил годовой срок, по истечении которого содержание прекращается»; пометка другой рукой: «Прошу Константина Яковлевича справиться с делом и поговорить со мною»; пометка канцелярии: «Писано М. Л. Михайлову 13 февраля № 557».

В этом письме от 13 февраля 1857 г. Толстой отвечал на просьбу Михайлова о продлении командировки: «...за предписанием его императорского высочества генерал-адмирала от 20-го августа 1855 г., „отправить литераторов на год в разные края России“, я не считаю себя вправе ходатайствовать о высылке Вам содержания с 20-го января по 20-е мая сего года, ибо срок командировки Вашей кончился уже в декабре 1856 г., и Вы по это время, как видно из справки комиссариатского департамента, удовлетворены сполна следовавшими Вам деньгами». ²³

Однако истечение срока являлось, по-видимому, лишь формальным поводом для отказа Михайлову в продлении командировки (показательно, что в предписании, полученном им 29 ноября 1855 г., никакого срока обусловлено не было). Как видно из документов «Дела о командировании литераторов», С. В. Максимов и А. С. Афанасьев-Чужбинский, тоже участники литературной экспедиции, получили продление командировки, а Афанасьеву-Чужбинскому было даже увеличено содержание до 150 руб. в месяц. Весьма вероятно, что Морское министерство не было удовлетворено идейной направленностью работ Михайлова, предпринявшего глубокое этнографическое исследование с демократических позиций, и поэтому прекратило командировку.

Содержащиеся в письме сведения о собранных Михайловым материалах пополняются его письмом Н. В. Шелгунову от 25 февраля 1857 г., в котором он сообщал другу о своих занятиях. «В статьях моих об Оренбургском крае, — писал Михайлов, — будет, надеюсь, кое-что новое. Надо тебе заметить, что я, между прочим, выучился, сколько успел, по-татарски, что и дало мне возможность заняться совсем не тронутым предметом — башкирскими преданиями, которыми полна Оренбургская губерния. Нет такой реки, нет такой горы, про которую не существовало бы легенды или песни. И таковых собрал я изрядное количество. Кроме текстов, записал даже несколько мелодий с помощью брата <...> Кроме очерков Башкирии, значительную часть моих заметок об Оренбургском крае составит описание уральских казаков. Везде стараюсь, по мере возможности, говорить

откровенно, без прикрас о положении края. Гадостей несть числа. Образчик моих рассказов увидишь ты в апреле в „Морском сборнике“. Это описание багрения. Боюсь, что половина его застрянет в цензуре».²⁴ Впоследствии знакомый Шелгунова востоковед П. И. Пашино вспоминал, что Михайлов привез из экспедиции «очень много материалов на татарском языке, касающихся башкирских бунтов».²⁵

Одновременно с приведенным выше письмом Толстому Михайлов послал письмо в Уфу своему младшему брату Андрею Ларионовичу. А. Л. Михайлов помогал писателю в сборе башкирского фольклора, в частности он записывал мелодии народных песен (как видно из цитированного письма к Н. В. Шелгунову).

«Уральск, 22 января 1857.

Милый друг и брат Андрей, спасибо тебе за известие о письмах, полученных на мое имя. Жаль, что ты не прислал мне их. На днях я вернулся с багренья, верст за 200 отсюда; но поездку в Гурьев отложил до весны, потому что, как ты знаешь, я хочу до весны пробыть в Оренб^ургском краю. Тотчас по получении денег я поеду в Оренбург, и может быть буду в Уфе — не наверное однакож. На багренье я изрядно простудился, и все тоска со мной какая-то, сам не знаю, отчего. Хочется в П^етер^бург ехать, а между тем вижу, что это невозможно раньше весны — многое и многое остается еще посмотреть и изучить. Собственно говоря, с уральцами следовало бы и целый год прожить, чтобы познакомиться с ними поближе. Скоро ли ты отправляешься в Верхнеуральск, и отправляешься ли? С открытием весны я буду там непременно: поднимусь вверх по всему Уралу. Экой ты какой, что пишем ко мне не выслал! Какое бы они мне удовольствие доставили! Поцелуй сестру, Григ^ория Петровича,²⁶ тетюшку и Лизуку и кланяйся от меня Барановским и Трахимовским. До свиданья, голубчик. Больше писать нечего.

Друг и брат твой

Михаил».²⁷

Предполагавшаяся поездка Михайлова в Верхнеуральск, очевидно, была связана со сбором материалов по истории Башкирии и с особым интересом писателя к народным движениям. В середине XVIII в. в северо-восточной части Оренбургской губернии, в которой был расположен Верхнеуральск (до 1775 г. — Верхояицк), происходили частые волнения башкир и мещераков; особенно сильным был так называемый Бурзянский бунт в 1755 году.

Письмо М. Л. Михайлова было переслано его братом Я. П. Полонскому. В сопроводительном письме от 19 февраля 1857 года А. Л. Михайлов писал: «Из Уфы брат Миша выехал еще в конце ноября м-да прошлого года, хотел описать багренье рыбы в Уральске и затем отправиться в Петербург. Все это хотел он привести в исполнение к январю м-цу; но оказалось, что он до сих пор гостит еще в земле Уральского войска. Последнее письмо его ко мне, от 22 января, я прилагаю при сем; из него Вы узнаете план его будущих странствований по нашему обширному краю. Брат писал мне, что он

приготовил уже 4 статьи для Морского Сборника под заглавием: „По Уралу реке“, и что он писал в Морское министерство о необходимости пребыть в здешнем крае до весны». И далее: «Начал он писать целую кучу повестей, рассказов и очерков, но ничего окончательно еще не отделал. В Петербург он вернется с громадным запасом материалов, и уже дело людей, расположенных к нему, — заставить его окончить что-нибудь из этих начатков: сам он после долгой разлуки с Петербургом вряд ли примется за это дело с должным рвением».²⁸

Последнее письмо к Толстому Михайлов писал уже из Москвы на обратном пути в Петербург.

«Ваше сиятельство,

Граф Дмитрий Андреевич.

Неожиданная и продолжительная болезнь удержала меня в Оренбургском крае долее, нежели я рассчитывал, и не дала мне возможности приготовить там первые из ряда статей моих для „Морского сборника“. Ныне я приехал в Москву полубольной и вероятно не скоро буду в Петербурге; но в настоящее время я деятельно занимаюсь приведением в порядок моих записок, и вскоре доставлю их в Редакцию.

С глубоким уважением и совершенною преданностью имею честь быть

вашего сиятельства покорнейшим слугой.

Мих. Михайлов

Москва

4 июня 1857».²⁹

На письме входящий № 3700 канцелярии Морского министерства, дата получения «6 июня 1857» и резолюция «К сведению».

Хотя Михайлов и писал о своем намерении задержаться в Москве, в действительности он уже 6 июня приехал в Лисино (Царско-сельский уезд Петербургской губернии), где находилось учебное лесничество Министерства государственных имуществ, в котором служил Шелгунов.³⁰

Завершение Михайловым работ задержалось. В «Справке о литераторах, командированных от Морского министерства в разные края России», составленной в канцелярии министерства в сентябре 1858 г., указано: «Михаил Михайлов статей еще не представлял».³¹

Как известно, впоследствии Михайлову удалось опубликовать только один очерк, написанный по материалам экспедиции, — первый из намечавшейся им серии «Уральских очерков».³² Все остальное было отклонено Морским ученым комитетом, через который должны были проходить рукописи для «Морского сборника». Богатейшие же материалы, собранные Михайловым, были забраны в 1861 г. при аресте и, очевидно, погибли в III Отделении.³³

¹ Иллюстрация. 1846. Т. 2, № 1. С. 5—6; № 12. С. 190.

² Литературный архив. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 150, 157. В издававшейся Зотовым «Литературной газете» Михайлов опубликовал тогда две татарские

легенды «Неверный бек» и «Голубь» (1848, № 35. С. 551—553). Для напечатания их Зотову пришлось преодолеть сопротивление цензуры (см.: Литературный архив. Т. 6. С. 158).

³ Л. М. [Михайлов М. Л.]. Песни, собранные П. В. Киреевским. . . // Русское слово. 1860. № 11. Отд. 2. С. 33.

⁴ См.: Колесницкая И. М. Фольклор в творчестве М. Л. Михайлова // От Грибоедова до Горького. Из истории русской литературы. Л., 1979. С. 41—52.

⁵ См.: Максимов С. Литературная экспедиция (По архивным документам и личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1890. Кн. 2. С. 17—50; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 55—61; Черных Л. В. Литературная экспедиция 1855 года. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1950. 13 с.

⁶ См.: Мещерский Н. Михаил Ларионович Михайлов и его литературная командировка в Оренбургский край // Степные огни: Литературно-худож. сб. Чкалов, 1941. № 4. С. 152—181; Прянишников Н. Е. Писатели-классики об Оренбургском крае. Чкалов, 1951. С. 91—102; Он же: Писатели-классики в Оренбургском крае. 2-е изд. Чкалов, 1956. С. 128—143; Черных Л. К вопросу об изучении М. И. Михайловым жизни народов Башкирии // Литературная Башкирия: Альманах. Уфа, 1956. Вып. 6. С. 154—165; Фатеев П. С. Михаил Михайлов — революционер, писатель, публицист. М., 1969. С. 162—168 (Литературная экспедиция).

⁷ См.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 115—116.

⁸ См.: Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940. С. 445.

⁹ См.: Письма к А. В. Дружину (1850—1863). М., 1948. С. 213—215 (Летописи Государственного литературного музея; Кн. 9).

¹⁰ Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823—1889) — государственный деятель, один из вдохновителей реакции пореформенного периода. В 1863 г. был в числе сенаторов, судивших Н. Г. Чернышевского. С 1865 г. — обер-прокурор синода, а с 1866 г. — министр народного просвещения. С 1882 г. до смерти — министр внутренних дел и шеф жандармов.

¹¹ Хранится: ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069. Отрывки из двух первых писем Михайлова к Д. А. Толстому публиковались еще С. В. Максимовым в его статье «Литературная экспедиция» (Русская мысль. 1890. Кн. 2. С. 32—33), но с ошибками и искажениями, и в таком неудовлетворительном виде неоднократно цитировались последующими исследователями.

¹² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 30—32.

¹³ Там же. Л. 53—54.

¹⁴ См.: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М.; Л., 1934. С. 117—119 (запись от 11.02.1856 г.).

¹⁵ ИРЛИ (Архив Я. П. Полонского), 12628/LX б. 7, л. 15.

¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 178—178 об.

¹⁷ Там же. Л. 179.

¹⁸ Там же. Л. 193. Это же письмо с разночтениями по копии Оренбургского архива см.: Фатеев П. С. Указ. соч. С. 164. Об обращении Михайлова к Перовскому см.: Мещерский Н. Указ. соч. С. 165—167. Там же отрывок письма Михайлова к Перовскому от 8.09.1856 г. Более пространный отрывок этого письма см.: Фатеев П. С., Указ. соч. С. 163—164.

¹⁹ См.: ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 194—195 об; отрывок письма Врангеля см.: Мещерский Н. Указ. соч. С. 168.

²⁰ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 211.

²¹ Это письмо неизвестно.

²² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 227—228.

²³ Там же. Л. 234—234 об.

²⁴ Шелгунов Н. В. и др. Указ. соч. Т. 1. С. 115—116.

²⁵ Пашино П. И. Литературные воспоминания. Знакомство с М. Л. Михайловым и Н. В. Шелгуновым // Минута. 1882. 21 мая.

²⁶ Г. П. Забусов — офицер, муж сестры Михайлова.

²⁷ ИРЛИ, 12278/LXX б. 2, л. 24. Отрывок из письма опубликован: П р я-
н и ш н и к о в Н. Е. Писатели-классики об Оренбургском крае. 1951. С. 94.

²⁸ ИРЛИ, 12276/LXX б. 2.

²⁹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 244.

³⁰ См.: Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и обще-
ственному движению. С. 445 (письмо Михайлова к Я. П. Полонскому от 7.06.
1857 г.).

³¹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 310.

³² Морской сборник. 1859. Т. 43, № 9, ч. неофиц. С. 1—29.

³³ Это предположение высказывалось еще в заметке П. И. Пашино (см.
выше, примеч. 25).

ПИСЬМА А. А. КОТЛЯРЕВСКОГО К О. Ф. МИЛЛЕРУ

Публикация З. И. Власовой

Переписка А. А. Котляревского и О. Ф. Миллера запечатлела дружбу людей, противоположных и по характеру, и во многом по научным позициям, дружбу, основанную на глубокой любви к русской литературе, устной поэзии и науке, на бескорыстном стремлении служить своему народу что есть сил, в надежде на его лучшее будущее.

Александр Александрович Котляревский (1837—1881) — выдающийся ученый филолог 1850—1870-х гг. Его статьи, книги, рецензии, отличавшиеся прямоотой суждений, меткостью оценок, зоркостью и трезвостью взглядов на современные ему литературные и общественно-научные явления и процессы, оказали прогрессивное влияние на общий ход развития филологической науки в различных ее областях. К сожалению, научное и общественное значение Котляревского «освещено в нашей науке в гораздо меньшей степени, чем заслуживает этот выдающийся деятель».¹

В годы учения на филологическом факультете Московского университета Котляревский увлекался лекциями О. М. Бодянского и в особенности Ф. И. Буслаева.² Уже со второго курса он начал публиковать свои заметки, рецензии, самостоятельные серьезные статьи, поражающие верностью оценок современных ему явлений литературной и научной жизни. Котляревский пользовался большим влиянием в студенческой среде; он был членом кружка «вертепников» — одного из первых социалистических кружков 1850-х гг.

После окончания университета Котляревский получил место в Александринском сиротском кадетском корпусе и оказался в среде серьезно интересующихся наукой людей. Там преподавали будущие известные русские историки К. Н. Бестужев-Рюмин, С. В. Ешевский, Н. А. Попов, Н. С. Тихонравов.³

В эти годы укрепились и расширились его связи с прогрессивной и революционно настроенной молодежью (М. Я. Свириденко,

П. Л. Лавровым, А. Н. Афанасьевым и др.⁴), а также в петербургском ученом и литературном мире. Котляревский выступил с рядом серьезных статей — об «Истории русской словесности» С. П. Шевырева (М., 1858),⁵ «Истории русской поэзии» А. Н. Милюкова (М., 1857) и др. О первой из них А. Н. Веселовский писал: «Статья Котляревского, составляющая одно из украшений „Московского обозрения“, может быть названа типом его молодой критической манеры: много знания, самостоятельный взгляд, страстность изложения и, по-видимому, невольные юмористические выходы».⁶

В рецензии на второе издание «Истории русской поэзии» Милюкова, которую автор оценил как «первую попытку систематического изложения развития русской поэзии» и труд, «во многих отношениях замечательный», где есть «живое слово, живая мысль», он упрекал Милюкова за незнание древнерусской литературы и рассматривал это как отставание, невозможное после работ Ф. И. Буслаева в области изучения народной поэзии, ибо «народный язык и народная поэзия — два хранителя и нравственные воспитатели жизни народной».⁷

В работах Котляревского отразилось то прогрессивное движение в науке и обществе, которое питало революционно-демократическое направление 1860-х гг. «А. А. Котляревский был подлинным шестидесятиником не только по всему складу своей натуры и по своему общественному темпераменту, но и по складу всему своей научной деятельности», — заметил М. К. Азадовский в незаконченной статье о нем. Молодого Котляревского характеризует особенно пристальный интерес к изучению и публикациям произведений народной поэзии. В его статье «Русская народная литература» (1861) и книге «Старина и народность за 1861 год», составленной из отдельных статей, дан обзор исследований и публикаций по фольклору. Приветствуя внимание ученых к подлинному творчеству народа, Котляревский требует строгого научного изучения фактов. Он подробно остановился на изысканиях П. А. Бессонова,⁸ сопровождающих публикацию текстов в первых выпусках «Песен, собранных П. В. Киреевским» в виде дополнений, примечаний и заметок, в которых «нет никакого проку для науки», что доказывалось обстоятельным критическим разбором отдельных фактов.

Страстный библиофил и библиограф, Котляревский составлял обширную библиографию по истории русской и славянским литературам, а также редкую по достоинствам библиотеку, в которой разрешал работать своим воспитанникам.

В рецензии на «Народні оповідання» Марка Вовчка он отмечал, что литература «становится не одним приятным развлечением, но делом гражданским, которое будит и возвращает человека к жизни», а сами «оповідання» продолжают начатое Гоголем «реальное направление нашей литературы», которое, по мысли Котляревского, «стоит на пороге прошедшего и будущего: своею мыслью оно обращено к будущему, но жизнь, им изображаемая, наша настоящая жизнь может быть названа в некотором смысле *прошедшим*». Не имея возможности по цензурным условиям говорить открыто о смысле антикрепо-

стнических рассказов М. Вовчка, рецензент дает понять читателю, как велика губительная сила крепостничества: «Жизнь низменная, когда нет светлой путеводной точки впереди, черная работа до истомы и изнеможения, удовлетворение одной злобе дня без отрадной мысли о будущем действуют страшно на человеческую природу: они разрушают лучшие ее способности и делают из человека машину, недоступную никаким нравственным и умственным интересам. Только редкая энергия и сила воли способны вырваться из такой *смирительной среды*».⁹

Оценивая сборник стихотворений А. И. Полежаева, Котляревский назвал его «скорбным памятником нашего прошлого».¹⁰ Критической мысли молодого ученого наука обязана блестящим разбором известного исследования Ф. И. Буслаева «Опыт исторической грамматики русского языка», сохранившим свое значение и для нашего времени точностью и верностью оценок и анализа.

Успешно начатая литературно-критическая деятельность Котляревского была неожиданно прервана событием, которое изменило всю его жизнь. В 1862 г. он встретился с эмигрантом В. Кельсиевым, который нелегальным образом как связной А. И. Герцена с письмами к разным лицам прибыл в Россию, передал Котляревскому какие-то книги и что-то якобы получил от него. Кельсиев неосторожно упомянул об этом в письме, poslanном из-за границы вскоре после отъезда. Упомянутые в его письме лица были арестованы, в их числе А. Н. Афанасьев и А. А. Котляревский. Они оба были увезены в Петербург, где после допроса Котляревский был посажен в Петропавловскую крепость, провел в камере полгода и навсегда подорвал здоровье. Для следствия встреча с Кельсиевым означала связь с революционной эмиграцией. Видимо, Котляревский держался стойко, категорически отвергал политические обвинения. Он и в крепости продолжал по памяти литературные занятия. Здесь им была написана и отослана в «Отечественные записки» статья «На память будущим библиографам».¹¹ Блестящая память оказала заключенному хорошую услугу: он свободно оперировал библиографическими фактами. О самообладании Котляревского свидетельствует и письмо его к К. Н. Бестужеву-Рюмину, написанное в крепости и озаглавленное им «Библиографическое послание». Оно без даты, но по содержащимся в нем косвенным данным можно полагать, что оно написано в период с сентября по январь, поскольку упомянут восьмой номер журнала, который Котляревский мог прочитать (ему было разрешено ограниченное пользование книгами и переписка). Послание сохранилось в архиве К. Н. Бестужева-Рюмина. Приводим его: «Сейчас прочел я, дорогой Константин Николаевич, конечно, Вашу библиографическую заметку (она опубликована без подписи. — З. В.) в восьмом номере „Отечественных записок“ 1862 г. (отдел русской литературы, с. 260—265) о первом выпуске лекций по русской истории Костомарова¹² и спешу, что называется, душу отвести, то есть не всю душу, а библиографическую часть ее, которая более трех месяцев дремала праведным, но не безмятежным сном. На странице 261-й Вы говорите: „Специальных сочинений о летописях мы

знаем три: Иванова, Поленова и Перевощикова В. М., но они кажутся более внешнего вида, чем внутреннего значения летописи; характер их почти исключительно палеографический". По неисповедимым судьбам промысла в настоящую минуту со мной нет никаких книг, сколько-нибудь сюда относящихся (разрядка моя. — З. В.), но если не обманывает меня память, то Ваши слова подлежат некоторому изменению: во-первых, ни одно из этих сочинений не имеет характера палеографического: „Обозрение русских летописей“ Поленова, напечатанное сначала в Журнале Министерства народного просвещения в 1849 и потом отдельно в 1850, есть не иное что, как обозрение *изданий* русских летописей, начиная с изданий „Степенной книги“ и Таубертского „Воскресенского летописца“ и оканчивая „Полным собранием русских летописей“ Археографической экспедиции или комиссии.¹³ В этом обозрении буквально нет ничего палеографического. То же должно сказать и о сочинении Перевощикова „О русских летописях и летописателях до 12. . .“ (? — не помню которого года).¹⁴ Это рассуждение о первоначальном виде Несторовой летописи и ее продолжателях. Каким изданием пользовались Вы: отдельным ли (1839) или помещенным в „Трудах Российской Академии“ 1840 г.? В последнем оно пополнено и несколько переделано. Равным образом и сочинений Иванова имеются два: первое — „О русских хронографах“, Казань, 1842, где почти нет ни слова о хронографах, ни о летописях, и второе — „Обозрение русских временников“, Казань, 1843 — простой и сухой каталог нескольких летописных сборников разных библиотек — без всякого ученого значения.¹⁵ Здесь хотя и определяются некоторые палеографические признаки рукописей, но по большей части неверно!

Во-вторых, Ваше число — *три сочинения* — нужно пополнить еще несколькими, которые важнее всех этих трех, таковы: „Новгородских летописях“, исследование Срезневского в третьем томе (ni fallon!)¹⁶ „Известий Академии Наук по Отделению русского языка и словесности“, „О русских летописях в церковно-историческом отношении“ — очень и очень недурной ряд статей в „Православном собеседнике“ Казанской духовной академии 1859(60) г. По моему мнению, это лучшее, что было написано по предмету внутреннего значения летописей.

Извините, дорогой Константин Николаевич, мою библиографическую прить: ей долго не было никакого выхода — таки не выдержал, и — что Вы думаете — право, на душе стало легче. До свидания, быть может, скоро увидимся.

Преданный Вам душевно Котляревский. Да, забыл было: за что же Вы обидели Клеванова, а ведь он как старался уяснить „значение русской летописи в духовном развитии народа“ (Чтения, 1849, последняя книга)!¹⁷

Читаю сочинение барана Шеппинга — „Русская народность“¹⁸ — руки так и зудят написать статью „У всякого барона свои фантазии“.

И статья, посланная из крепости в „Отечественные записки“, и письмо дадут косвенное представление о способе защиты, который

избрал обвиняемый; видимо, он утверждал, что его интересы имеют чисто научный характер, ничего другого в беседе с Кельсиевым не могло быть.

Котляревский был освобожден без права преподавать и служить по ведомству народного просвещения. Он вернулся в Москву больной и осунувшийся, еще не зная о запрещении и о секретном надзоре полиции, который был за ним установлен. Около шести лет приходилось жить частными уроками, подвергаясь при этом внезапным обыскам, упоминания об этом есть в письмах к А. Н. Пыпину.¹⁹ В письме от 9 октября (без года) Котляревский жаловался ему на задержку статьи «О современном состоянии сравнительно-исторического языкознания»: «Меня постигло великое несчастье, перевернувшее вконец всю мою жизнь. Под гнетом этого несчастья я нахожусь еще и теперь, по истечении почти трех месяцев. Когда я вздохну свободно — не знаю». В другом письме он сообщал: «Вот я и на свободе< . . . > как все это случилось, расскажу, когда все это сделается воспоминанием, хотя сомневаюсь, чтобы когда-нибудь оно могло сделаться воспоминанием приятным».²⁰ Намек на ожидание очередного обыска есть также в одном из писем к О. Ф. Миллеру.

Несмотря на неопределенность своего положения после выхода из крепости, Котляревский много сил и времени отдавал научной работе: участвовал в заседаниях Московского археологического кружка, послужившего основой для образования научного Археологического общества, где вскоре стал рецензентом и редактором его трудов, был инициатором создания журнала «Археологический вестник». Возглавивший московское Археологическое общество граф А. С. Уваров оценил незаурядность и способности Котляревского и впоследствии своим влиянием и рекомендацией помог ему получить возможность вернуться к преподавательской деятельности. Он участвовал в заседаниях Общества любителей российской словесности, где сделал доклад «Семейный быт в русской народной сказке», текст которого не сохранился.

В 1868 г., при содействии Уварова, Котляревский получил разрешение занять место экстра-ординарного профессора в Дерптском университете. К этому времени он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «О погребальных обычаях языческих славян», доставившую ему известность в славистических ученых кругах. Он становится почти постоянным рецензентом Академии наук на присуждение уваровских премий, членом «Эстонского Ученого общества», работает над темой «Древности балтийских славян», исследуя памятники XII в. Обострение полученного в крепости туберкулеза вынуждает к лечению кумысом, но оно не помогло остановить процесс. Котляревский уезжает для лечения за границу. С 1872 по 1874 г. он живет на острове Капри и в Праге, где продолжает начатую в Дерпте работу над докторской диссертацией. В Праге Котляревский становится центром кружка русских и чешских ученых славистов. Бывавший в этом кружке славист А. А. Кочубинский вспоминал: «При виде коренастого, хорошо сложенного человека с звучным голосом, быстрыми движениями, я был совсем

далек от мысли, что предо мною больной человек и больной неизлечимок. . .) Мягкий тембр голоса, веселая улыбка на лице, непринужденная приветливость обращения — все это действовало обворожительно и влекло с первого же знакомства».²¹ У Котляревского собирались на вечерний чай, который был чаем только по названию и «заканчивался прекрасным ужином, который затягивался до трех, четырех часов утра к страшному соблазну домовладельца-чеха, не могшего ума приложить, как это русские могут не спать после десяти часов вечера. По обычаю, живая, увлекательная, остроумная беседа хозяина делала время незаметным, и наши чешские друзья Ранк и Патера и другие сами привыкли мало-помалу к нашему порядку дня и засиживались вместе с нами до утра». Любопытно, что «при этих беседах было установлено правило: никогда не обижаться случайным резким словом, быть откровенным и говорить откровенно». В Праге Котляревский опубликовал «Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права» (1874) и «Книгу о древностях и истории поморских славян в XII веке. Материалы для славянской истории и древности. I. Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности» (1874).

Осенью 1874 г. в Петербургском университете на основе двух выше указанных книг была защищена докторская диссертация и получено разрешение занять место ординарного профессора в Киевском университете. Здесь был прочитан ряд курсов, составивших, по словам И. И. Срезневского,²² «энциклопедию русского славяноведения». Котляревский избирается председателем Исторического общества Нестора-летописца, привлекает к участию в обществе видных ученых, историков и славистов, регулярно проводит заседания с обсуждением научных новинок и исследований о древних памятниках.²³ Он издал сочинения М. А. Максимовича, поддерживал советами и участвовал в любимых им «Филологических записках» — журнале, который он считал подлинно филологическим и единственным в этом роде. Но украинский климат не спас от быстротечного развития болезни. Последняя его значительная работа — «Древнерусская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения» (1881) — была, по желанию автора, напечатана в 33-х экземплярах для друзей. Подобный же труд подготавливал Котляревским по истории устной народной словесности.²⁴

В мае 1881 г. тяжело больной Котляревский поехал для лечения за границу. Он скончался в Италии 11 октября, не дожив до 44-х лет.

Знакомство Котляревского с Орестом Федоровичем Миллером (1833—1889) началось заочно, с неприятного для последнего события. В отзыве на магистерскую диссертацию Миллера «О нравственной стихии в поэзии» молодой ученый показал научную несостоятельность работы. Миллер в обзоре древних периодов развития литературы разных народов стремился проследить развитие нравственного идеала в поэзии и считал, что в ней идет борьба двух начал: высшего, духовного, и низшего, чувственного; идеальный мир поэзии показывает человеку, каким он должен и может быть, учит самоограниче-

нию, способности к самопожертвованию. Автор обвинил современную ему литературу в материализме, отсутствии истинной нравственности, которая всегда представляет главный критерий человеческой деятельности. В условиях пробуждения самосознания общества в конце 1850-х годов работа Миллера не была понята и вызвала отрицательные отзывы Добролюбова (в «Современнике». 1858, № 10 и более сдержанный в «Отечественных записках». 1858, № 10) и Котляревского в «Атенее» (1858, № 37, 39). Последний показал неполноту материала, поверхностность подхода, зависимость философской позиции автора от работы гегельянца К. Розенкранца. Существенным недостатком работы Котляревский считал незнание устной поэзии, без учета которой нельзя судить о литературе древнего периода у любого народа.

Отзывы ошеломили Миллера, тогда уже получившего степень магистра. Они закрывали перед начинающим ученым даже возможность напечатать объяснение своей позиции. И Добролюбов, и Котляревский, не зная Миллера, изложившего в работе нравственную программу своей жизни (далее он следовал ей неукоснительно), сочли его диссертацию выражением старого отживающего мировоззрения. Но критика заставила магистранта многое пересмотреть. Он начал интересоваться устной народной поэзией, читал публичные лекции о Шиллере и по истории русской словесности (о Белинском).²⁵

В 1865 г., благодаря дружеской поддержке известного педагога К. Д. Ушинского, Миллер был приглашен в Смольный институт преподавателем русской словесности. После поездки за границу для пополнения образования, а также после нескольких успешных выступлений в печати в 1863 г. он был утвержден приват-доцентом Петербургского университета. Лекции его имели большой успех. Он выпустил двумя изданиями свой опыт систематического изложения истории русской словесности, начиная с древнерусской литературы. Котляревский, всегда пристально следивший за всем новым в литературе, оценил эти издания Миллера и в 1865 г. послал ему свои статьи и письмо. Так началась их переписка и последовавшее за ней личное знакомство. Впоследствии, расходясь в оценке научной деятельности славянофилов и отчасти теории сравнительно-исторического изучения поэзии народа, они тем не менее стали большими друзьями. Миллер обижался, если Котляревский во время своих приездов почему-либо не навещал его. Установлению дружбы способствовали и личные качества Миллера, его незаурядность, высокая требовательность и искренность в отношениях с людьми. Он всегда стоял на прогрессивных позициях гуманиста, ценил исключительные способности Котляревского, даже радовался, когда тому стало невозможно оставаться в Дерпте, и надеялся со временем перетащить его в Петербургский университет. Прямота высказываний каждого из корреспондентов не мешала дружески внимательному и уважительному отношению друг к другу. Со временем Миллер стал известным и очень популярным в Петербурге профессором. Его книга «Русские писатели после Гоголя» выдержала четыре издания. Он был страстным пропагандистом современной ему литературы, стремился

установить личное знакомство с литераторами, как, например, с Достоевским, постоянно выступал в печати со статьями, небольшими монографиями, заметками и рецензиями, выполнял многочисленные общественные обязанности: был товарищем председателя в Обществе вспомоществования студентам, оказывая в случае необходимости помощь нуждающимся из своих личных средств, был членом Литературного фонда, бесплатно читал лекции на Бестужевских женских курсах и жертвовал в их фонд часть своего заработка. Миллер восхищался даровитостью и прогрессивными устремлениями молодежи и возмущенно писал Котляревскому: «И такую-то молодежь окрестили у нас нигилистами!»

Как ученый Миллер следовал мифологической теории и в этом также расходился с Котляревским, который, хоть и был учеником Ф. И. Буслаева и, следовательно, в какой-то мере сторонником мифологической теории, но подходил трезво к ее постулатам, признавая ценность для науки сравнительно-исторического метода. Несколько различные позиции занимали оба они в известной полемике с искусствоведом и критиком В. В. Стасовым, представителем теории заимствования, выступившим в 1868 г. с книгой «О происхождении русских былин». Она наделала много шума и вызвала пристальное внимание научной общественности к вопросу о генетических истоках русского эпоса. Миллер участвовал в устной полемике со Стасовым в этнографическом отделе Русского географического общества и неоднократно выступал в печати, отстаивая самобытный и национальный характер русских былин. Полемическую направленность имела и его докторская диссертация «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское» (СПб., 1869). Котляревский, всегда отличавшийся страстным полемическим задором, в данном случае оказался в стороне: он только что приступил, наконец, к преподаванию после вынужденного и долгого перерыва, осваивался с новыми для него обязанностями и, кроме того, в прибалтийском климате сразу получил обострение болезни.

Оба они не принимали направления М. Н. Каткова и «Московских ведомостей» с их реакционно-охранительными тенденциями.²⁶ Уже после смерти Котляревского Миллер был уволен из университета за лекцию о Каткове, тяжело переживал свой отрыв от постоянной учебной деятельности и через два года после выхода в отставку скончался.

Переписка Котляревского и Миллера вводит читателя в мир общественных, литературных и научных интересов 1860—1870-х гг. Она раскрывает особенности двух незаурядных человеческих характеров. Наиболее полно отразился в письмах характер Котляревского. Отрывки из писем Миллера даются в комментариях.

Сохранилось 19 писем Миллера к Котляревскому и лишь 8 писем Котляревского к нему. Из восьми шесть писем хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (фонд 156, опись 1), два — в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: к. 5, № 135; к. 11,

№ 17. Письма Миллера хранятся в фонде Котляревского в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 386, № 80).

При публикации сохраняются авторские особенности написания слов, имен, фамилий и научных терминов. Слова и выражения, подчеркнутые в письмах автором, специально не оговариваются.

1

<1866 г., Москва>

Глубокоуважаемый, достойнейший Орест Федорович! Извините примерное свинство моей природы, что до сей поры не собрался ответить на Ваше любезное письмо и поблагодарить Вас за статью о сказках.²⁷ Прочел я ее с истинным удовольствием, хотя и не могу согласиться с некоторыми частными положениями ее. Как-нибудь, коли забота о существовании позволит и мрачная, неприветливая к музам и науке общественная атмосфера очистится — как-нибудь выражу свои разногласия печатно. У меня более 2000 сказок малорос<ийских> и между ними *некоторые* — решительная драгоценность и для науки, и для поэзии (искусства). Вчера в Обществе губителей рос<ийской> словесн<ости>²⁸ я читал статью о *семейной* стороне русских сказок, прошла она незаметною, только Калачов оценил — если не исполнение, то, по крайности, намерение — и за это спасибо!²⁹ Печатать ее я не стану: незачем! Людям занимающимся все это и без меня хорошо известно, а иные — что им сия Гекаба и что сей Гекабе до них.³⁰ Вообще, на душе так скверно, что руки не поднимаются ни к какому делу, чувства становятся тупы к обаянию науки! Ведь не бессловесные же мы духи, а все же дети *известной* земли и *известных* (слишком известных!) обстоятельств.

В настоящую минуту я всего более способен разделить вышесказанные Вами мысли о славянофилах:³¹ они были *честные* деятели литературы, они не смешивали литературы со стремлениями полицейского сыщика; но зачем рýдите вы их в людей науки, зачем говорите о их заслугах в отношении науки; ведь это противоречит правде и истине, ведь их ученые упражнения — это бред, благородный, почтенный, но все-таки *невежественный*.

Отымите у покойного К. Аксакова его природную гражданскую честность, отвлеките гражданина-писателя от ученого — и последний окажется лишь наивным ребенком, которому неизвестно даже элементарные приемы ученого труда;³² а Безоснов — неужели эту — до Геркулесовых Столбов безумия дошедшую доктрину Вы назовете заслугой в науке? Нет, таких людей нельзя назвать людьми науки! Вашими добрыми поминками о них руководило теплое чувство, но оно-то и подкупило Ваш приговор. Как ни нелеп иногда бывает Буслаев и К⁰, но в науке за ним останется *имя*, действительное *дело*, а за славянофилами — ничего, кроме славы, погибшей с шумом; иное дело — область гражданской литературы, здесь славянофилы — живой упрек нашей мелочной, пасквильной публицистике, унижившейся до площадной брани и грязного доноса.

Довольно об этом. Верю, что Вы не посердитесь на меня за эти строки и потому снова продолжаю, что начал. Благодарю Вас сердечно за Вашу первую часть Истор<ии> р<усской> лит<ературы>.³³ Я вчера лишь получил ее от Бестужева (через одного эфиопа Карпова), пробежал наскоро и от всей души поздравляю Вас с успешным преодолением таких трудностей, о которых знают лишь те, кто понимает дело. Не примите за пустой комплимент, но я сердечно радуюсь появлению Вашей книги: многое, о чем я думал, мечтал, получило в ней достойное, осязательное выражение. Хотелось бы мне написать о ней несколько слов в С.-Петербургских<х> вед<омостях>, но подожду окончания. Внешность книги далеко не соответствует внутреннему содержанию, в особенности бумага, кривая, косая, с жирными зализаниями. . . . Или, быть может, мне попался такой анафемский экземпляр. В хрестоматии я не понимаю причин изменений в языке «Слова о полку» Игореве», на это, кажется, Вы не имели ни малейшего права, да к тому же изменения проведены непоследовательно: кое-где изменено, в других местах то же самое — нет. По моему мнению, следовало печатать текст неприкосновенно и предложить (хоть в скобках) свое чтение. Равным образом мне кажутся неуместными и козломейогербелевские переводы,³⁴ неверные, фальшивые по тону! Не лучше ли было бы напечатать хоть прозаический перевод Максимо-вича или сделать свой, а Вы хорошо исполнили бы его! Впрочем, все это лишь частности. За целое же — великое Вам спасибо. Как-то по душе мне Ваша книга, хотя — не скрою — со стороны большинства публики, заматерелой в литературных понятиях, Вы не встретите должной и праведной оценки, на что, впрочем, и глядеть не следует.

А. Н. Афанасьев благодарит Вас за статью о сказках и отдал мне для отсылки к Вам свой первый том «Поэтических воззрений славян на природу». Зайдите в книжную лавку Базунова (на Невском против милютинских лавок) и спросите пакет, адресованный на Ваше имя.

Скоро я думаю предложить Вам свою диссертацию о погребальной языческой старине у славян, она почти готова, в июле начну печатать без разрешения университета. . . . одобряют — хорошо, не одобряют — не заплачу, ибо пишу ее не ради магистерства, а ради того, чтоб была написана.³⁵ Имею еще к Вам небольшую просьбу, дорогой Орест Федорович: по моему предложению Московское археологическое общество избрало К. Н. Бестужева в свои действительные члены, мне нужно известить его, а квартиры его я не знаю. Не будете ли Вы столь обязательно любезны сообщить ему мою коротенькую записочку, которую здесь и посылаю.

Через три дни.

Прошло три дня, как я писал к Вам эти строки и разные невзгодья помешали мне окончить: каждую минуту жду незваных гостей,³⁶ и оттого все идет вверх дном. Не взыщите, достойнейший Орест Федорович, если написал чего-либо грубое или как-нибудь неуместно потревожил Вас своими lamentациями. Знаю я о Вас очень немного,

но знаю Вас за хорошего, доброго и сочувствующего человека. С таким чувством остаюсь и, нет сомнений, останусь всегда!

Любящий и искренно уважающий Вас

А. Котляревский

2

15 июля <1867>. Сокольники.

Дорогой Орест Федорович!

Если я день-другой опоздал ответить на Ваше любезное письмо, то винить нужно Бога-громовника, который — по мифической рестаурации Афанасьева — сжимал богиню лета или тучу в своих объятиях, соединялся с ней молнией, и проливал свое семя на землю. Сия божественная случка длилась безостановочно три дня — и результатом ее было, что, во-первых, я вернее чем когда-либо понял причину, почему славянская мифология не доразвилась до антропоморфических личностей богов (ибо человек не может заниматься сим актом безостановочно три дня), во-вторых, я не мог быть в городе и не мог получить Вашего письма. «Азовское сидение» мне хорошо известно: это плоская и ничтожная вещь и в историческом, и в поэтическом смысле.³⁷ Вам решительно незачем печатать ее, незачем и в Румянцевский музей ходить за справками, потому что она попадалась мне раз пять в рукописях Публичной библиотеки, спросите только иже во святых отца нашего Афанасия Лысого (Бычкова)³⁸ — и он Вам без затруднения ее отыщет. Помнится и мне, что это «Сидение» было напечатано, но где — сказать теперь не могу: нет справок под руками. Впрочем, чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворить Вас, отмечаю номер рукописи Публичной библиотеки, где есть это пресловутое произведение: по каталогу Толстова отд<ел> II, № 358.

Вчера отослал в Академию Наук рецензию на книгу Афанасьева: я обошелся с ним немного жестче Вас, но думаю, что премию он получить должен.³⁹ Когда рецензия будет печататься, то прибавлю кое-что и для науки пригодное, но теперь не было ни времени, ни места, ибо она и так растянулась на 82 страницы письма. Со многим Вы будете несогласны, но, думаю, не со всем.

Теперь сижу и пополняю пробелы диссертации, а когда скажу: «течение скончах и веру соблюдох» — еще и сам не знаю.

У меня к Вам две просьбы, дорогой Орест Федорович: во-первых, если имеете оттиск Вашей статьи (Ж<урнал> М<инистерства> н<ародного> п<росвещения>), то пожертвуйте мне экземпляр, передайте Кожанчикову, пусть пришлет мне чрез Базунова; во-вторых, когда увидите Кожанчикова, то скажите, что я ему посылаю дружественный привет в форме «сукина сына» — за его мнение о моей исправности и прошу его прислать мне за это IV том Рыбникова, как только он появится.

Простите пока, дорогой Орест Федорович, и верьте в мое искреннее, глубокое уважение и преданность к Вам.

Ваш А. Котляревский

Что Ваш Илья Муромец сиднем сидит? Притворитесь (или накрутитесь) скорее в калику перехожего, поднесите ему водицы испить — пусть на ноги встанет — пора.⁴⁰

3

Dorpat <1868>

Драгоценнейший Орест Федорович!

Извините мое молчание тем, что я не имел куда главы подклонить; книги лежали неразобранными, и я не мог удовлетворить Вашего требования, потому что не мог найти своей тетради. Теперь нашел ее, но думаю, что немногим стану Вам в пригоде, разве несколькими библиографическими ссылками: 1) в раскольниковых печатных «страстях Христовых» в конце прибавляется «Сказание о Юде-предателе», он убивает отца. Это сказание общераспространено в средние века и нередко встречается в наших рукописях; 2) Mohl. Le livre de Roi par Firdousi, t. 1, p. XXXV; 3) Grimm Gebrüder. Die beiden ältesten deutschen Gedichte aus der VIII Jahrhundert, 1812, p. 43; 4) в дрянной книжонке «Русские простонародные легенды, дополненные восьмью новыми», СПб., 1861, стр. 41—50; 5) Uhlands Thor. . . p. 205.

Остальное, я думаю, Вам известно лучше, чем мне. Если же Вы желаете обработать весь мотив о *кровосмесителе*, то могу прислать к Вам два сказания, списанные мною с прекрасной рукописи Ундольского: о св^ятом Григорие, папе Римском и о св^ятом Андрее Критском.

Малороссийского весьма любопытного предания я не могу найти, ибо при переводе все было у меня свалено в кучу. Найду — пришлю.

В богоспасаемом граде Дорпате, бывшем когда-то Юрьевым, живет мне не совсем ладно, хотя меня радует, что на мой специальный курс славистики существует до 15 охотников, тем не менее *es ist mir nicht heimlich sich*.⁴¹ Что Ваш Илья, дорогой Орест Федорович? Скорее выпускайте его на свет, жду с нетерпением.

Получили ли Вы от Лерха мою рецензию на сочинение Афанасьева? Я ему передал для передачи Вам.⁴² Да напишите о моей книге, исправьте, дополните, поругайте.⁴³

Преданный Вам сердечно и дружески жмущий Вашу десницу
А. Котляревский

Передайте записочку Кон^стантину Николаевичу.⁴⁴

4

Драгоценнейший по-прежнему Орест Федорович — здравствуйте!

Не писал Вам долго, потому что собирался сам своею особою при-
быть в Петербург, и теперь пишу пару слов по той же причине:
собираюсь встретить Пасху у Вас, если не встретится *особых* каких-
либо помех.

Объяснение по старой истории начну теперь, а окончу при свидании. Дело в том, что я *давно* собирался писать о койбальской теории,⁴⁵ набросав даже кое-что, но обработать не имею времени, ибо

каждая лекция в университете брала у меня ежедневно от семи до восьми часов времени. Все же я думаю, я сумел бы найти время для ученой войны, но когда получил С.-Петербургские ведомости и прочел его реплики Вам и Гильфердингу,⁴⁶ мне сделалось ясным, что вести спор путем *журнальным* не годится; это значило бы желать сесть в помойную яму; тогда я решил совсем не препираться со Стасовым, а серьезно осмотреть его теорию в одной главе моей докторской диссертации (которая, мимоходом сказать, пишется по-русски): пусть он получает премии и всякие *laudofionei*,⁴⁷ а давать повод к его ругательству я не намерен, ибо не желаю ни производить, ни быть предметом скандала. Спорить можно с тем, кто ведет спор совестливо, кто знает различие между литературой, наукой и пасквилем. В Стасове я не находил этих условий и потому уклонился от полемики, предпочитая ей ученое опровержение, от которого *не отступаю и не отступлюсь*.

Трудности (Ваше выражение) тут было столько же, сколько и ученого достоинства в статьях Стасова. На сем прерываю, до свидания.

Что Ваш Илейка? ⁴⁸ Не дадите ли Вы мне корректурных листов прочесть в Петербурге? Что Бестужев, обновленный банею археологического пакибытия, прибыл ли он в Питер? Попросите его оставить мне в магазине Кожанчикова о сем уведомление, а равно и Петровского адрес,⁴⁹ коли увидите его. Засим до свидания,

преданный Вам душевно

А. Котляревский

10 апреля.

На первый день праздника буду у Вас часов в шесть.

5

«март, 1869»

Странное и — не скрою — неприятное впечатление произвела на меня Ваша записка, Орест Федорович.⁵⁰ Я думал, что Вы на меня *можете* сердиться, думал, что это неприятное чувство пройдет, когда при свидании я объяснюсь с Вами по-дружески — и вдруг Вы отымаете у меня и возможность, и надобность такого объяснения: Вы определяете свои отношения ко мне меркою отношений к Вам Стасова и К°, замечая при этом, что Вы на моем месте поступили бы *не по-моему*. После этого в сущности становятся излишни и даже невозможны всякие открытые объяснения, и я с полным правом мог бы повторить Ваши слова, что «на Вашем месте я счел бы долгом поступить не по-вашему», а потребовал бы отчета. Риза милосердия, которою заодно покрываете Вы меня, Стасова и его покровителей — не на меня сшита,⁵¹ и я не желаю становиться под нее ни в одиночку, ни со Стасовым, ни от врага, ни от человека близкого, каким привык считать Вас. Так гляжу я на дело. Полагая, однако, что могу ошибаться, прошу Вас по-прежнему — известите меня: нужно ли для Вас мое объяснение, почему я не вошел в полемику со Стасовым, или Вы наклонны и без него обойтись. И в том, и в другом случае *Ваше желание будет удовлетворено*.

Что произведение Стасова увенчается премией — это почти верно: Буслаев, известный своею трусостью, побоится высказать правду, а Шефнер (Schiefner) — я думаю, он-то и побудил Стасова представить сочинение на конкурс. Впрочем, почему же и не увенчать труд столь обильный *неожиданными* открытиями! В докторскую диссертацию я избрал себе «Древнейшие остатки народной поэзии славян — у летописцев до XIV в.»⁵² Собираю материалы и потихоньку пописываю, в первой главе и текст, и обстоятельное примечание будут посвящены разбору койбальской теории нашего приятеля, думаю, что во многом сойду с Вашим «Ильей», за которого опасюсь, что он не будет похож на настоящего Илью, ибо тот сразу поднялся на ноги, а сей ползет туго, по листикам. (Сие сближение мое — прошу Вас — не сообщать Стасову, ибо я уверен, что он о нем напишет статью!). Имеете ли Вы понятие об издании Дмитриева: «Памятники русского северо-западного творчества» или оно еще не выходило в свет? ⁵³ Если вышло — то что это такое? А «Малороссийские сказки» Рудченко — за исключением некоторых — прекрасны и новы по содержанию, читали ли Вы их? ⁵⁴ Также рекомендую Вашему вниманию книгу сербских женских песен Петрановича, не ту, которая вышла в Белграде, а другую, вышедшую в Сараеве, 1867. Для мифологии — это клад.

Простите, преданный Вам

А. Котляревский

6

Дорогой Орест Федорович, здравствуйте!

Сердечное спасибо Вам за карточку: всякая весть от приятелей для меня, коротающего век среди *народа нема*, отрадна, а тем более от такого приятеля, которого я душевно люблю и искренне уважаю. Вы пишете, что у Вас делается много пакостей — это что! А вот наши пакости — всем пакостям пакости.

С немцами, кажется, разошелся вчистую и навсегда < . . > Боже, что за народ! Балтики, хотя и злокозненны, но, по крайности, народ по большей части образованный; а заграничная свора — хотя и не злокозненны, но зато — какая тупая ограниченность, глубокая ученость и еще глубочайшая необразованность; а туда же еще — высокомерие, что «мы-де только люди» < . . >

Человек с более холодным темпераментом сумел бы стать на точку презрения к этой шайке умственного пролетариата; я — не могу и поминутно должен употреблять то злую насмешку, то серьезные *предостережения*. Убеждениями ничего не поделаешь, насмешка только дразнит, но предостережений эти хамы боятся и потому ладят со мной, несмотря на то, что внутри у них кипит оцт и желчь холопской природы < . . > Сказать ли Вам правду? Не считите ее *ламанским* самохвальством,⁵⁵ но всего более не нравится немцам мыслительная часть моей природы: они не могут допустить, чтобы россиянин мог быть не глупым человеком; это стоит им поперек горла, и утешаются они только тем, что я вырос «unter dem Einflusse der deutschen Kultur und Wissenschaft».⁵⁶ О милые благодетели наши!

Злословлю я, батюшка Орест Федорович, но право, невтерпеж! Несколько недель тому назад раздражили они, сучьи дети, меня до того, что я слег в постель: показалось снова сильное кровохарканье < . . . > Продолжалось, правда, недолго, но каждый час может повториться < . . . > В виду такого обстоятельства я решился на осень ехать за границу, где думаю пробыть года два. Не пустит меня министерство — плюну и выйду в отставку; но в Дерпте во всяком случае не останусь долго. Лучше в Сибирь, чем здесь!

Поедете Вы в Киев, прошу Вас сердечно — употребите Ваши усилия, чтобы взяли меня туда. В два года заграничного пребывания (зимой — в Риме, летом, осенью, весной — в славянских землях) я думаю, что успею достойно приготовиться к киевской славянской кафедре.

Несмотря на то что Яковлев очень плохо говорит по-немецки, он успел, однако, замутить половину Дерпта своими баснословиями.⁵⁷ Прискорбно это тем более, что по природе он добрейший и прекрасный человек. Ума в нем не более, чем в моих просветителях — немцах, знаний — разумею: *основательных* знаний — почти никаких; но зато чреват и как еще чреват мифическим элементом и притом элементом свежим, первобытным, неумышленно бессознательным. А такого рода мифология, как Вам известно, редка — и встречается только у Ламанского, Стасова и Безсонова.

Что сказать Вам о своих занятиях? Не спорится работа, печатанье диссертации движается очень тихо, почти не движается, благодаря московской типографии: работа дальнейшая идет лениво, вяло — так что придется тянуть еще долго, все лето и, может быть, еще долее. До отъезда за границу я однако должен окончить, и в сентябре, если Ваш факультет будет милостив, должно произойти побоище. Говорю: будет милостив — иной милости я не прошу, как возможного сокращения срока просмотра. Кстати, не услышите ли, где наммеревается провести лето Измаил, ибо, признаюсь, не хотелось бы мне иметь дело с одним Ламанским, хотя он и считает себя умнее всех в мире.

Посылаю Вам мою образину: похож на купца, торгующего рыбным товаром, но лучшей нет, не взыщите!

Не отыщете ли Вы свободную минутку, чтобы утешить меня весточкою о себе, Бестужеве (где живет он, то есть, какой адрес его квартиры?), Веселовском⁶⁸ и вообще об университете. Будьте другом — порадуйте!

Простите пока, дорогой Орест Федорович, обнимаю Вас дружески, от всего сердца.

Ваш А. Котляревский

24 февр<аля> 1872.

Дурно, дорогой, добрый Орест Федорович, подумаете Вы обо мне, что на Ваше любезное письмо и присылку — молчу. . . А молчу, право, не оттого, чтобы напало равнодушие, нет; ровным и чистым,

искренним боем бьется мое сердце в отношении к Вам, но немощи одолели выше меры: еле дышу после прошлогодней болезни.

Сию по «ухи» в критико-библиографической работе, читаю студентам «Историю разработки древнерусской письменности». Пишу лекции, имея дерзновенное намерение напечатать. Между прочим, нет у меня Вашей речи «О русской литературе, в период монгольский», я даже никогда не видел ее, а нужна мне она.⁵⁹ Нет ли отдельного оттиска? Пришлите, коли есть.

Стал я известен, что Вы продолжаете Вашу «Историю русской литературы».⁶⁰ Если это правда, то «*niech będzie pochwalony Pan Bóg*»;⁶¹ никто более меня не порадуется этому.

Соколову оказал и готов оказать всякую помощь;⁶² хороший он малый, хотя очень уж несамостоятелен: *semper iurat in verba magistri*.⁶³ Оно бы и ничего бы, да этот магистр-то «греко-славянин», т. е. гражданин той невозможной и небывалой цивилизации, управляющими которой являются Будиловичи, Кояловичи, Скабалано-вичи, Зосифовичи — их же имена ты, Господи, один веши.⁶⁴

Книгу Вашу («Славянство. . .» etc.) с великим удовольствием читаю,⁶⁵ но грустно становится за себя, что становишься год от году равнодушнее к тем «живым» вопросам, которые так живо хватают Вас и которые иногда так хорошо Вы изображаете.

О Европе я скажу несколько иначе, чем Вы, конечно, потому что стою на иной точке зрения, но едва ль менее Вас я ободряюсь насчет ее великости. Мерзка сия Европа мне и в своем величии и именно в своем *теперешнем* величии, но столь же мерзок и *фактор греко-славянского мира*. А любезно и близко к сердцу славянство, но никак не действительное, существующее, а долженствующее быть действительным, возможное; еще любезнее, еще ближе наша бедная страдающая Русь, но по преимуществу Русь молодая, над духом и телом которой, с одной стороны, европейцы и жида, с другой — «греко-славяне» производят беспрепятственно свои операции.⁶⁶ И как еще она выходит из этого омута, сохраняя и здравый смысл, и чувства человека — удивительно! Вообще, о «славянстве» я пришел к таким убеждениям, которые одинаково далеко и от «европейцев» и от «греко-славян». Если бы удалось побеседовать с Вами, дорогой Орест Федорович, — может быть и Вы посердились <бы> на меня, но, конечно, с незлобием, малознакомым «греко-славянскому миру», с тем незлобием, образец которого нахожу я в Вашей книге, стр. 188—189, в примечании».⁶⁷

Простите, однако, дорогой мой Орест Федорович. Обнимаю Вас от полного сердца, прося и Вас не измениться к Вашему Котляревскому.

Просто как-то совестно начинать письмо к Вам, добрый дорогой Орест Федорович — таким сильным должником чувствую я себя перед Вами. С Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым я не стесняюсь: он никогда не был щедр на память и внимание

к *таким друзьям*, как я, а в последнее время и подавно, зане «сел в боги» и, как говорят мои соотечественники, «запанел», т. е. стал персоною. С Вами наоборот; мне просто, говорю, совестно за Ваше расположение и внимание. Брошюрки Ваши, на днях мною полученные, напомнили мне о моем долге с новою силою. Пред началом лекций есть свободный часок — и я пишу.

Если Вас интересует моя судьба, то не скажу Вам о ней ничего доброго: прежде времени состарился, почти вовсе не могу ходить, нигде решительно, кроме университета (единственная и вместе самая моя сердечная привязанность) не бываю, все глубже и далее ухожу от мира тянущей действительности в монастырь науки, все более и более черствеею к современным людям и убеждаюсь в мизерии бытия их <...> От мрака мизантропии спасает иногда присущий мне юмор, но и он у меня начинает получать какой-то злобный оттенок. Только дома да у себя в аудитории и согреваюсь еще надеждою <...>

Впрочем, что занимать мне Вас собою! Перейду к фактам. В октябре выпускаю в шестидесяти шести экземплярах первый том своего «Библиологического опыта об изучении древней русской словесности», а в ноябре, вероятно, выпущу такой же «Библиологический опыт об изучении русской народной поэзии».⁶⁸ Все уже сдано в типографию. В последней книге многое Вам не понравится, даже, может быть, на кой-что Вы и посердитесь, но не думаю, чтобы глубоко <...>, ибо Вы знаете же, что я могу сказать Вам неприятное, но никогда, со времени личного знакомства с Вами не могу сказать ничего грубо оскорбительного. Есть, впрочем, одна строка в книге, которую подвергаю Вашей предварительной цензуре; если сия строка Вам очень неприятна, то выброшу. Говоря в библиографическом перечне о статье Аксакова «Богатыри князя Владимира», я выразился юмористически-язвительно таким образом: «Статья, по словам О. Ф. Миллера, — блистательная, по суждению же известного исследователя Л. В. Дубельта, — «бесполезная и отчасти бессмысленная» («Исторический вестник», 1888 или 1887, т. 1, № 2, с. 248). Если претит Вам такое соседство и Вы прозрите здесь более, чем юмористический намек на преувеличенность Вашего отзыва, то я рад буду уничтожить сию строку, ибо, по чести, никакой другой цели не имел».⁶⁹

О славянофильских понятиях и трудах по русской народной поэзии Вы найдете несколько жестких, но — думаю — справедливых строк. Если же и есть несправедливость, то она понятна, как невольный противится тому неподобному поклонению, какое воздается им. Не скрою здесь, дорогой Орест Федорович, того впечатления, какое произвела на меня Ваша брошюра «Основы учения первоначальных славянофилов», точно я читал древнерусскую объяснительную записку к имеющему воспоследовать открытию «честных нетленных мощей святых угодников Алексия, Иоанна, Георгия и Константина в богоспасаемом граде Москве праведно подвизавшихся» или к канонизации их. Время только иное, а потому и результат иной <...> Эх, Орест Федорович <...> К чему прикрывать мистически идеальным туманом вещи, до очевидности простые, к чему *обманываться*: противна, как гроб, Европа (Запад), потерявшая всякую нравствен-

ность, сгубившая и угасившая в себе всякую жизнь духа, Европа жидовско-банкирская, солдатско-прусская; но не менее противен, противен еще более и Восток — как бы Вы его себе ни вообразили: в бессмысленном ли греко-славянстве Ламанского, в мечтательной ли общине взаимного доверия Аксакова, в таинствах ли соборной церкви Хомякова, в детской ли философии Киреевского, в откупном кабацтве Кошелева, в патриотически-банкирской риторике Ивана Аксакова <...> Не сими учениями восстанут наши силы к новой жизни; может ли само «опочившее» возродить других к новому бытию, новой, бурной духовной деятельности?! А что оно — «опочившее», то это верно; будь оно истинное, полное зародышей жизни, оно дало бы не такие плоды, к нему прибегали бы не только с отчаянья, не только в поисках за якорем житейским, а естественно и просто, как прибегали к христианству в первое время его жизни! Где же спасенье?

Ясно я покамест не вижу его; но кое-что передо мной носится: иное в определенных, иное — в колеблющихся образах <...> На первом плане наука, та наука, над которой все писания славянофилов первого порядка представляют как бы злую насмешку или пародию; ясная и простая идея отечества и обязанностей к нему — не отечества с увенчанным челом, а просто бедной русской земли; без мечтательных (а с действительными) общин, без елевзинских таинств всяких церквей и соборов и т. д.⁷⁰

Но довольно. Пора Вам, дорогой Орест Федорович, дать отдых. На днях получите Вы изданный мною III-й том сочинений Максимо-вича, заключающий в себе статьи по истории словесности.

Теперь просьба: имею я сведение, что Вы в университете когда-то произносили речь о «литературе татарской эпохи». Мне очень нужна она для моей библиологии. Нет ли оттисков, а если нет, то где помещена она? Да и вообще нет ли у Вас каких оттисков статей Ваших по истории русской словесности из Журнала Министерства народного просвещения, Зари и т. д.³ Удружите, если можно.

Дружественно обнимаю вас

Ваш А. Котляревский

КОММЕНТАРИИ

¹ А задовский М. К. История русской фольклористики. М., 1962. Т. 2. С. 149.

² Бодянский Осип Максимович (1808—1877) — филолог-славист, профессор Московского ун-та с 1842 по 1868 год, друг Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко и М. А. Максимовича, редактор журнала «Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете»; Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — выдающийся филолог, историк литературы и фольклора, лингвист, академик с 1881 г., сторонник мифологической теории и сравнительно-исторического метода; с интересом отнесся к теории заимствования, чем, видимо, и вызвано раздраженное замечание по его адресу в одном из писем Котляревского.

³ Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897) — историк, первый директор Высших женских курсов в Петербурге; Ешевский Степан Васильевич (1829—1855) — историк, профессор Московского ун-та с 1858 по 1865 г., специалист по западноевропейской истории Раннего средневековья; Попов Нил Александрович (1833—1891) — славист и историк, преподаватель Казан-

ского и Московского ун-тов, позднее директор Московского архива Министерства юстиции, издатель «Актów Московского государства» и др. документов; Тихонравов Николай Саввич (1832—1893) — выдающийся историк русской литературы, с 1877 г. директор Московского ун-та, с 1890 г. академик, издатель «Летописей русской литературы и древности» с 1859 по 1863 г., «Памятников отечественной литературы» (1863) и др.

⁴ См. письмо П. Л. Лаврова к Котляревскому // Каторга и ссылка. 1928. № 2. Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871) — историк, литературовед и фольклорист, издатель «Народных русских сказок», был обвинен в связях с русской революционной эмиграцией и лишен государственной службы, подвергивался с Котляревским дружеские отношения в московский период его жизни.

⁵ Отечественные записки. 1859. № 1, отд. 3.

⁶ Веселовский А. Н. Воспоминание об А. А. Котляревском. Киев. 1888. С. 3.

⁷ Отечественные записки. 1859. № 4, отд. критики.

⁸ Бессонов Петр Алексеевич (1828—1898) — славист, издатель «Песен, собранных П. В. Киреевским» (М., 1860—1874) и сборника «Калики перехожие» (М., 1861—1863); в примечаниях и заметках к указанным изданиям давал научно не обоснованные пояснения и допускал произвольные толкования фольклорных сюжетов и мотивов, за что подвергся критике в статье П. И. Якушкина «Кое-что об изданиях Бессоновым русских народных стихов и песен» (Соч. П. И. Якушкина. СПб., 1884). Критикуя Бессонова, Котляревский выступал на стороне демократического лагеря русской фольклористики.

⁹ Отечественные записки. 1859. № 3, отд. 3.

¹⁰ Там же. № 12, отд. 3.

¹¹ Там же. № 11, отд. 3.

¹² Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — историк и этнограф, писатель, один из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества, профессор Петербургского ун-та.

¹³ Поленов Дмитрий Васильевич (1806—1878) — историк и библиограф; его основные работы посвящены истории издания русских летописей. Речь идет о книге «Библиографическое обозрение русских летописей» (СПб., 1850).

¹⁴ Перевощиков Василий Матвеевич (1785—1851) — историк, писатель, профессор Казанского и Дерптского ун-тов, директор Дерптского профессорского института. Речь идет о его сочинении «О русских летописях и летописателях по 1240-й год. Материалы для истории словесности». (СПб., 1836).

¹⁵ Иванов Николай Алексеевич (1811—1869) — историк, профессор русской и всеобщей истории Казанского ун-та в 1840—1850-х гг., с 1856 г. преподавал в Дерпте, где познакомился с Котляревским, который ценил даровитого ученого и после его смерти посвятил ему некролог. В письме неточно названы следующие работы: «Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их». Казань, 1843; «Краткий обзор русских временников, находящихся в Москве и С.-Петербурге». Казань, 1843, где дано живое и интересное описание развития русской исторической науки до 1843 г. с меткой оценкой отдельных ее явлений.

¹⁶ Ni fallon! (греч.) — не падать!

¹⁷ Имеется в виду статья А. Клеванова «О значении русской летописи в духовном развитии народа», см.: «Чтения Общества истории и древностей российских». М., 1848. Кн. 1.

¹⁸ Шепшинг Дмитрий Осипович — автор многих работ по мифологии и этнографии; подвергался критике за поверхностность наблюдений, необоснованность выводов, непонимание произведений фольклора со стороны многих ученых, скажем, столь различных, как К. С. Аксаков и Котляревский.

¹⁹ Некоторые цитаты из писем Котляревского включены А. Н. Пыпиным в его «Очерк биографии А. А. Котляревского» (Соч. А. А. Котляревского. СПб., 1895. Т. 4). Подлинники писем обоях адресатов хранятся: ГПБ, ф. 386, № 97; ф. 621, № 441.

²⁰ Пыпин А. А. Очерк биографии А. А. Котляревского. С. XXXV—XXXVI.

²¹ Рукопись воспоминаний А. А. Кочубинского о Котляревском хранится: ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 275. Здесь и далее цитаты даны по указанной рукописи.

²² Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — известный филолог, славист, палеограф и этнограф, академик с 1854 г., воспитавший целое поколение известных русских ученых. Его учениками были Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский, сохранившие с ним дружеские отношения и позднее.

²³ Сообщения и доклады, читанные Котляревским на заседаниях Исторического о-ва Нестора-летописца, опубликованы: Соч. А. А. Котляревского. Т. 4. С. 624—692.

²⁴ В письме к А. Н. Пыпину Котляревский сообщал: «В ноябре пришло издание моей „Библиологии русской народной поэзии“. Последняя украшена и некими „полемическими красотоми“ против готовящейся канонизации и открытия мощей преподобных Алексия, Иоанна, Константина и Юрия в богоспасаемом граде Москве праведно подвизавшихся, то есть Хомякова, Киреевского, Аксакова первого и Самарина. Знаете, моченьки не стало от дурачеств, производимых с их „памятью“ и „учением“» (ГПБ, ф. 621, № 441).

²⁵ Миллер О. Ф.: 1) О нравственной стихии в поэзии. СПб., 1858; 2) В. Г. Белинский как педагог. Беседы о русской истории // Учитель. Ежегодник. 1861. В 1863 г. изданы отдельной книгой, переработаны и дополнены.

²⁶ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, редактор газеты «Московские ведомости» в 1850—1855, 1863—1887 гг., издатель журнала «Русский вестник»; в 1860-е гг. вел ожесточенную борьбу с прогрессивными направлениями в русском общественном движении и литературе.

²⁷ Статья О. Ф. Миллера о сказках — рецензия на сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки». См.: 34-е присуждение Демидовских наград. СПб., 1865.

²⁸ Котляревский перефразировал известное выражение А. С. Пушкина, который в письме к князю П. А. Вяземскому назвал «Беседу любителей русского слова» «Беседой губителей» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 10. С. 9).

²⁹ Калачов Николай Васильевич (1818—1885) — историк, юрист, археограф, до 1852 г. руководил кафедрой истории русского законодательства в Московском ун-те, издатель «Архива историко-юридических сведений, относящихся до России», инициатор создания в Петербурге Археологического института и журнала «Юридический вестник».

³⁰ Перефразировано известное выражение Гамлета в одноименной трагедии Шекспира. *Гекаба* — обычно переводится с английского *Гекуба* в соответствии с произношением.

³¹ Котляревский, вероятно, имеет в виду работу О. Ф. Миллера «Славянский вопрос в науке и жизни» (СПб., 1865). Миллер писал в ответ: «Что касается моего сочувствия славянофилам, то я скажу Вам, что, кроме тех сочувственных сторон, которые и Вы признаете в них, они дороги для меня потому, что только благодаря им я стал заниматься народной словесностью. Не университетские лекции, а сборники Киреевского и Рыбникова и некоторые статьи „Дня“ были в этом отношении моею первой школой. Думаю даже заявить об этом в предисловии к моей будущей диссертации об Илье» (письмо от 4.08.1866. ГПБ., ф. 386, № 80).

³² Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — публицист, критик, лингвист, поэт, драматург; в статьях выражал славянофильские философско-исторические взгляды, был противником крепостничества; пьесы проникнуты славянофильским романтизмом; в лингвистических статьях стремился показать национальное своеобразие грамматического строя русского языка.

³³ Речь идет о книге Миллера «Опыт исторического обозрения русской словесности». 2-е изд. СПб., 1865.

³⁴ Козло-мейо-гербелевские переводы — поэтические переводы «Слова о полку Игореве», выполненные поэтами И. И. Козловым, Л. А. Меем и Н. В. Гербелем; опубликованы Миллером в «Хрестоматии» к «Опыту исторического обозрения русской словесности». СПб., 1866. Ч. 1.

³⁵ Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.

³⁶ Котляревский, подвергнутый после освобождения из Петропавловской крепости секретному надзору полиции, опасался появления жандармов с обыском.

³⁷ В письме к Котляревскому Миллер излагал следующую просьбу: «Я в настоящее время кончаю издание IV части „Песен“ Рыбникова“ („Песни, собранные П. Н. Рыбниковым“. СПб., 1867. Ч. IV). В ней есть две повести „Об Азовском осадном сидении“. Напишите мне, во-первых, не припомнится ли Вам подобная штука в каком-либо печатном сборнике; мне сдается, что я где-то давно-давно что-то такого рода видал, К(онстантину) Н(иколаевичу) (Бестужеву-Рюмину. — З. В.) сдается то же, но где — ни я, ни он не помню. Но затем еще вот что: в Румянцевском музее в рукописи под № 3078 на л. 313 значится по Востокову (имеется в виду „Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума“. СПб., 1842, составленное А. Х. Востоковым. — З. В.). „Повесть об Азовском сидении“. Если уже нельзя добиться позволения списать ее отсюда для напечатания в числе дополнений к издаваемой мною четвертой части Рыбникова, то не найдете ли Вы возможным по крайней мере прочесть ее и сообщить мне содержание: с чего начинается, как делится самый рассказ, каков тон: книжный или с примесью и насколько заметно — стихий устнонародной и т. п.» Миллер начинал просьбу с упоминания о предостережениях Д. Е. Кожанчикова (владелец книжного магазина в Петербурге, через которого шел оживленный книгообмен между московскими и петербургскими литераторами), что «все, дескать останется втуне за леностью по части исполнения поручений добрейшего впрочем Александра Александровича». Кожанчиков оказался прав: Котляревский не выполнил просьбу, но скорее всего не по лености, а из-за чрезвычайной занятости в связи с подготовкой магистерской диссертации. В советское уже время списки «Повести об Азовском осадном сидении» собрал и изучил акад. А. С. Орлов в книге «Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 и осадное сидение 1641)». М., 1936. См. его же: Сказочные повести об Азове. Варшава, 1906.

³⁸ Бычков Афанасий Федорович (1818—1899) — историк и археограф, с 1869 г. академик, хранитель Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки, ее директор с 1882 г., составил описание наличного состава древнерусских и южнославянских рукописей.

³⁹ Рецензия на исследование А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 1866. Т. 1. 800 с. См.: Отчет о 10-м присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1867 г. СПб., 1868.

⁴⁰ Котляревский имел в виду работу Миллера над диссертацией. В ответ на упрек Миллер писал: «„Врачу, исцелися сам!“ — вот с чем обращается к Александру Александровичу покорный слуга его в ответ, правда поздний, на совет — дать медвяного питьца Илье Муромцу, сиречь диссертации покорнейшего слуги. А ваша-то, батюшка, диссертация где увязла?» — и сообщает далее, что отсутствие магистерской степени — одна из причин, по которой Котляревского не утверждают «дерптским просветителем».

⁴¹ Es ist mir nicht heimlich sich (нем.) — мне неужотно.

⁴² Лерх Петр Иванович (1828—1884) — ориенталист и археолог, автор «Исследований об иранских курдах и их предках, северных халдеях» (СПб., 1856).

⁴³ Речь идет о магистерской диссертации Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян»; была защищена 13 июня 1868 года, а 22 июля Котляревский уже утвержден экстра-ординарным профессором Дерптского университета.

⁴⁴ Имеется в виду К. Н. Бестужев-Рюмин (см. примеч. 3).

⁴⁵ Койбальской называет Котляревский теорию заимствования (от слова «койбалы» — упоминаемая Стасовым народность Сибири), которая оживленно обсуждалась в 1850-х гг. после появления трудов академика ориенталиста А. А. Шифнера и В. В. Радлова, впоследствии также академика. Стасов утверждал, что пришел к своей теории самостоятельным путем. Его работе «О происхождении русских былин» (СПб., 1868) в 1870 г. была присуждена Уваровская премия.

⁴⁶ Речь идет о статье Стасова «Блестящий триумвират» (Санкт-Петербургские ведомости. 1868. № 318—319), служащей ответом на выступления А. Ф. Гильфердинга (газ. «Москва», 1868. № 135—136), О. Ф. Миллера (Известия Рус. геогр. об-ва. 1868), А. Н. Веселовского (Журн. Мн-ва нар. про-

свещения. 1868. № 11). О. Ф. Миллер выступил также в газете «Голос» — «Ответ Стасову на статью „Блестящий триумвират“».

⁴⁷ *Laudatione* (лат.) — восхваления.

⁴⁸ Котляревский спрашивает о диссертации, опубликованной спустя год.

⁴⁹ Вероятно, имеется в виду Мемнон Петрович Петровский, знакомый Котляревского, преподаватель Казанского университета.

⁵⁰ В записке от 8.03.1869 г. Миллер писал: «Сегодня узнал я от К<онстанти>на Н<иколаевича>, что он писал Вам про меня, будто я на Вас zelo зол. Это неверно. Я нисколько не зол на Вас, не только на Вас, но и на самого Стасова со всеми его покровителями. Но скажу Вам прямо, что я бы на Вашем месте счел долгом поступить не по-вашему. К стати, Стасов представил свой труд на Уваровскую премию. Разбирать поручено Шифнеру и Буслаеву. От последнего, по словам Стасова, уже получено им сочувственное письмо». Упрек Миллера вызван тем, что Котляревский не выразил своего отношения к работе Стасова. Он сообщал ему 8 ноября: «Прю со Стасовым начал в Этнографическом отделе, о чем Вы, может быть, уже и знаете из сердитой заметки в „Вестнике Евр<опы>“ за ноябрь. Статья о Вашей диссертации не напишу до тех пор, пока Вы не сдержите слово — не начнете при с брасманом Руру (т. е. со Стасовым. — З. В.). Ваш голос будет более значить: Вы не славянофил и не фантазер, как аз грешный».

⁵¹ Миллер писал в ответ: «Относительно же ризы милосердия, которою я будто бы прикрываю Вас вместе со Стасовым, скажу, что она существует только в Вашем воображении: никакого милосердия тут нет и в помине, а просто-напросто не в моей натуре помнить оказанную мне несправедливость или причиненное мне огорчение, т. е. помнить в смысле злопамятства. Вот почему и Стасову, и Стасюлевичу я охотно протяну руку. < . . > Жду Вашего объяснения, но во всяком случае встречу с Вами по-старому, аки Иванушка-дурачок, любимый сказочный тип» (письмо от 16.03.1869 г.).

⁵² Выбор темы для докторской диссертации не был случайным. Котляревский считал неправильным изучать историю народа с появления письменности. «Если и теперь, — писал он Л. Н. Майкову, — по истечении целого десятка веков на севере и в глубинах Сибири простолудин с любовью поет про своих славных витязей и богатырей, то что же было в эпоху, когда народ в богатырские образы отливал свою собственную человеческую мощь и сущность, когда эти образы были для него ближе и дороже, чем ныне, когда он чувствовал их живое значение, любовался их нравственной физиономией, понимал сердцем их высокий смысл и значение?» (Соч. А. А. Котляревского. СПб., 1889. Т. 2. С. 244—245).

⁵³ Установить точное название и выходные данные этой книги не удалось.

⁵⁴ Рудченко И. Д. Народные русские сказки. Киев, 1865—1870. Вып. 1—2.

⁵⁵ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — историк, славист. Его труды «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» (СПб., 1859), «Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе» (СПб., 1870) вызвали ироническое отношение у Котляревского неубедительностью научной аргументации и панславистскими тенденциями. Миллер также употребил в письме от 18.02.1875 г. выражение «ламанская знаменитость» и писал: «Вы браните меня за то, что не воспользовался случаем откатать Безсонова (Ваша корректура!). А воображаете, что де-сиянс Академия (т. е. Академия наук. — З. В.) намерена поручить мне разбор его изданий. Я не откажусь, чтобы присудить ему премию, но при этом, конечно, отличу издателя от исследователя и выскажусь отчетливо против его бредней».

⁵⁶ *Unter dem Einflusse der deutschen Kultur und Wissenschaft* (нем.) — под влиянием немецкой науки и культуры.

⁵⁷ Яковлев Владимир Алексеевич (1840—1896) — доцент Дерптского ун-та, по рекомендации Котляревского, с 1871 по 1873 г., позднее — профессор Одесского ун-та.

⁵⁸ Имеется в виду Веселовский Александр Николаевич (1838—1906) — выдающийся русский филолог и историк литературы, с 1880 г. академик и руководитель Отделения языка и литературы Академии наук. Котляревский был более близок с его братом Алексеем Николаевичем (1843—1918), написавшим воспоминания о нем в год смерти Котляревского для Киевского ун-та.

⁵⁹ Лекция Миллера «О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу» опубликована в журнале «Древняя и новая Россия», 1876. № 5.

⁶⁰ Котляревский имеет в виду работу Миллера над книгой «Русская литература после Гоголя», изданной в 1878 г.

⁶¹ Niech będzie pochwalony Pan Bóg! (польск.) — Слава богу!

⁶² В письме от 24 сентября 1877 г. Миллер писал: «Вот Вам кандидат наш и славист соп атога (по призванию — лат. — *З. В.*) Иван Иванович Соколов. Обласкайте его, познакомьте, с кем найдете нужным, и вообще дайте ему освоиться в ученом киевском мире». На обороте: «Иван Иванович Соколов, кандидат С.-Петербургского университета, домашний учитель в семействе генерала Игнатьева. В Киеве: Прорезная улица, дом Федотовой, кв<артира> генерала Н. П. Игнатьева».

⁶³ Semper jurat in verba magistri (лат.) — буквально: часто клянется словами учителя, т. е. не имеет собственного мнения.

⁶⁴ Будилович Семен Антонович (1846—1900-е гг.) — славист, филолог, профессор Варшавского ун-та, поборник идей славянского единства; Коялович Михаил Осипович (1828—1891) — историк, славянофил, автор трудов по истории униатской церкви. Скабаланович Николай Афанасьевич (1848—1900-е гг.) — историк, публицист, редактор «Церковного вестника».

⁶⁵ Речь идет о работе Миллера «Славянство и Европа». СПб., 1877.

⁶⁶ Котляревский имеет в виду проникновение в экономику России западных компаний и банков и, кроме того, — панславистские тенденции у некоторых видных представителей образованной части общества.

⁶⁷ В примечании Миллер вспоминал критические отзывы Добролюбова и Котляревского на свою магистерскую диссертацию.

⁶⁸ Котляревский А. А. Опыт об изучении древней русской словесности. Воронеж, 1881. «Библиологический опыт об изучении русской народной поэзии» не был закончен. Местонахождение рукописи неизвестно.

⁶⁹ Миллер писал в ответ: «Печатать сопоставление моего отзыва с дубельтовским можете — я никогда не обижусь шуткою. Но за шутку я принимаю и Ваши слова, что статья моя представилась Вам объяснительной запиской к открытию „славянофильских мошей“. Получил я по поводу той же статьи большое письмо от К. Д. Кавелина (известный историк и юрист, либеральный публицист. — *З. В.*): оно вовсе не шуточное и весьма сочувственное людям, — во всяком случае далеко не дюжинным и в высшей степени благородным. Но Кавелин вследствие всех своих семейных потерь не стал мизантропом. (Кавелин почти одновременно потерял жену и сына. — *З. В.*) Жаль, если Вы стали им вследствие нездоровья. Спасибо по крайней мере за то, что не холопствуете перед „Европией“. Но где же „спасение“? — спрашиваете Вы сами. Ответ Ваш представляется мне слишком тусклым» (24.09.1880 г.).

⁷⁰ В этих скупых словах Котляревский осторожно выразил свою мечту о будущем новой России, стране с общественным характером труда и без губительного, как ему тогда казалось, влияния церкви. Миллер не понял его, осуждая уход Котляревского в чисто научные интересы: «Научный аскетизм, — писал он, — если бы даже и можно было опочить на лоне его от жизненных мелочей, и суеты, и дрязг, — никогда бы не удовлетворил пишущего это письмо» (там же).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Е. Э. ЛИНЕВОЙ И В. В. СТАСОВА 1892—1906 гг.

Публикация И. И. Шевченко

Каждое высокое и глубокое настроение душевное, — говорил В. В. <Стасов>, — всякое духовное стремление, коль скоро оно не одностороннее, никогда не будет стерто с лица земли временем; оно никогда не перестанет жить одновременно с прочими проявлениями нашего духа. Поэтому-то всякая художественная форма, однажды вызванная к жизни и послужившая к осуществлению законной, глубокой, справедливой и полной идеи, никогда не отживет своего века.¹

Переписка Е. Э. Линевой и В. В. Стасова охватывает период с 1892 по 1906 г. Началась она по инициативе Е. Э. Линевой и оборвалась со смертью великого критика.

Годам переписки предшествовало десятилетие активной революционной работы собирательницы. Организация московского «Общества переводчиков и издателей» (1882—1884) по выпуску марксистской литературы России отражена в переписке Е. Э. Линевой (урожденной Паприц) с Фридрихом Энгельсом² и в письмах Е. Э. Паприц к П. Л. Лаврову (1884—1890).³

Начало 1890-х гг. в жизни Е. Э. Линевой совпало с замужеством и эмиграцией сначала в Англию (1890—1892 гг.), а затем в Америку (1892—1896 гг.).

Этот период отмечен размышлениями, сомнениями Линевой, ее поисками демократических форм народного просвещения. В 1892 г. она создает в Америке из эмигрантов Русский хор, который исполнял народную музыку России в Нью-Йорке, на Чикагской промышленной выставке, в Бостоне, Филадельфии и других городах. Средства от концертов поступали в Фонд вольной русской прессы,⁴ созданный за океаном русскими эмигрантами-пропагандистами, и шли на оказание помощи революционерам и политкаторжанам.

Именно в этот период Е. Э. и А. Л. Линева, известные в среде эмигрантов, народников-пропагандистов, как «самые непримиримые», ходатайствуют об увольнении их из русского подданства (1893 г.), а вскоре (1895 г.) вновь хлопочут о возвращении на Родину и получают необходимое разрешение. Видимо, сомнения Е. Э. Линева, ее душевное смятение требовали участия и совета сильной личности. Ею оказался В. В. Стасов.

Линева и Стасов не только обменивались письмами, но и были лично знакомы. Их знакомство, вероятно, состоялось в петербургский период жизни Линева (1898—1901)⁵: «Никогда не забуду, как часто В. В. Стасов, усталый после своей работы в Публичной библиотеке, заходил к нам на Пески и говорил, несколько смущаясь, — „а ведь я опять зашел послушать ту заплачку“. Это был причет, который Владимиру Васильевичу очень нравился».⁶

Следует отметить и то, что ни одно серьезное начинание этих лет Линева не осуществляла без совета Стасова. Ее целеустремленность, упорство, верность идеям просвещения народа, видимо, были обращены в том числе и силою духа ее идейного наставника. В переписке Е. Э. Линева и В. В. Стасова нашли отражение издание сборника «Великорусские песни в народной гармонизации», лекции-концерты народной песни в Америке и России, вопросы образования народных масс, основанного на изучении народной музыки (Народная консерватория).

Письма Е. Э. Линева и В. В. Стасова хранятся сегодня в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки в Москве и в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в Ленинграде. Из приводимых семи писем переписки шесть публикуются полностью впервые. Ранее печатавшиеся фрагменты этих писем и письмо № 7 заново сверены с оригиналами. Их републикация воссоединяет все известные на сегодня материалы эпистолярного диалога Линева—Стасов.

1

СПБ Императорская > Публичная >

Библиотека >

17/29 октября 1892 года >

Многоуважаемая Евгения Эдуардовна! ⁷

По желанию Вашему я адресовался к П. И. Бларамбергу ⁸ и он мне дал самые подробные сведения о Вашей личности — к сожалению, до сих пор мне совершенно ⁹ не известной.

Очень благодарю Вас за доверие и попробую оправдать его: — постараюсь напечатать кое-что о Вашем предприятии,¹⁰ которое не могу, конечно, не одобрить и не сочувствовать ему. Если что напечатает, пошлю Вам.

Статей *Кюи* невозможно послать Вам: их было много, но они рассеяны по множеству журналов, и их теперь очень мудрено разыскать и добыть.

Что касается моих статей, то их еще больше (штук 700 и даже больше), как о музыкальных, так и других художественных делах. Но на днях <нрзб. 1>, если найду, то тотчас же пошлю Вам *отдельные оттиски* двух статей моих (помещенных в «Вестник Европы») 1882 и 1885 г. Одна: «Наша музыка за последние 25 лет»,¹¹ другая: «Тормозы русского искусства»¹² (отдел: «Музыка») *, а теперь, куда, высылаю Вам 2 статьи мои, которые у меня случайно нашлись: «Биография Римского-Корсакова»¹³ и «25-летие Бесплатной музыкальной школы».¹⁴

Если все это пригодится Вам, буду очень рад. Желаю Вам всякого успеха, пожелаю также, чтоб Ваши концерты не были чем-то вроде концертов *Славянского*: не были только для грубой, темной, безвкусной толпы и не имели ничего общего с «музыкой» и «музыкантами». Дело рыночное!

Но, думаю, американцы мало будут заботиться о Ваших *лекциях*, а станут только слушать музыку, хоры.

Мне кажется, Вы бы хорошо сделали, если бы напечатали в Америке эти свои лекции с приложением всей музыки <альной> нот <ации>.¹⁵

Ваш В. Стасов

* Я думаю, Вы найдете *Вестник Европы*¹⁶ этих годов в Публ<ичной> Библ<иотеке> в Нью-Йорке.

P. S. Если захотите мне писать, прошу Вас адресовать в Императорскую Публичную библиотеку в С.-Петербург.

2

Адрес:

<Москва>, Кузнецкий пер<еулок>, д<ом> Горчакова.

А. Л. Линеву, для Ев<гении>

Эд<уардовны> Линевой.

8 янв<аря> 1904 г.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич!¹⁷

На Рождество думала быть в Петербурге¹⁸ и надеялась Вас увидеть, но не пришлось поехать. Здесь, в Москве, я работаю много при Музыкально-этнографической Комиссии,¹⁹ (где я секретарем)²⁰ при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. Комиссия эта работает главным образом над собиранием и изучением народных песен, в ней членами такие люди, как Гречанинов, С. Ив. Тапеев, Войденев, Ипполитов-Иванов, Ильинский, Корш, Янчук (он же и председатель) и многие другие хорошие люди, преданные делу. У нас есть уже порядочно собранных материалов, частью *фонографические записи*²¹ песен и былин, многое подготовлено к печати, но... нет средств на издание.²² Собственно обещали помочь, и в Мин<истерстве> Нар<одного> Просв<ещения>, и один из Вел<иких> Кн<язей> обещает ежегодную субсидию тысячи в 2, но это журавль в небе, а время идет, песни тают, наша жизнь уходит, Москва увлекается новым стилем, <нрзб. 1> фабричные бабы сводят с ума, и просто

делается страшно за оставшиеся еще народные сокровища. Владимир Васильевич, будьте добренький, замолвите слово за нашу Комиссию Н. А. Римскому-Корсакову.²³ Не найдет ли он возможным уделить на собрание материала, *служащего основанием русской музыки*, из беляевского капитала хоть самую скромную лепту? Собственно мы, члены, отдаем на это дело все что можем, поездки делаем на свой счет, работаем, конечно, без всякого вознаграждения, но на издание у нас средств не хватает. Подумайте, что можно сделать.

Мой сборник, издаваемый Академией Наук, кончен и в январе или феврале выползает на свет божий.²⁴

Помните, Вы говорили, что учить народные хоры музык^{аль-}ной грамоте нужно, кладя в основу ее песню. В нашей Комиссии приготовлена небольшая книжка для школ,²⁵ в кот^{орой} интервалы изучаются по песням.

Шлю Вам самые искренние пожелания всего лучшего на новый год. Искренне преданная и глубоко уважающая Вас Е. Линева.

Не хотите ли взглянуть на мое *предисловие* к сборнику? Посылаю его Вам в корректуре.²⁶ Буду благодарна за строгую критику.²⁷

3

С. Петербург. Императ^{орская}
Публич^{ная} б^{иб}лиоте^{ка}
17—30 января 1904 г.

Многоуважаемая Евгения Эдуардовна,²⁸

получив Ваше письмо, я в тот же день виделся с Н. А. Римским-Корсаковым, и он, как *первое* лицо из числа трех музыкантов-композиторов, избранных М. П. Беляевым²⁹ для выполнения музыкального отдела его духовного завещания, — сказал мне, и просил сообщить Вам, от лица своего и двух своих товарищей (А. К. Глазунова и А. К. Лядова) следующее:

1) Все трое они глубоко уважают Вас и сочувствуют замечательной и высокоинтересной деятельности Вашей по части записывания русских народных песен посредством граммофона, — но не имеют ни права, ни возможности помогать Вашему превосходному предприятию из сумм, оставленных М. П. Беляевым на музыкальное дело. Суммы эти, и употребление их, строго распределены и ограничены известными рамками, из которых они, распорядители, не имеют никакой возможности выйти.

К этому я прибавлю, что если Вам, быть может, еще неизвестны с точностью условия распределения Беляевских сумм на *все будущие времена*, то Вы легко можете узнать это из сообщения в «Новом Времени», или из моей статьи о М. П. Беляеве, напечатанной в «Ниве», 1904 г., № 2.

2) Далее Н. А. Римский-Корсаков поручил мне передать Вам, что духовное завещание М. П. Беляева официально еще не утверждено Окружным Судом, и еще неизвестно, когда это утверждение последует.

3) После утверждения его, пойдет представление в Министерство Внутренних дел, об утверждении распорядительной Комиссии или Попечительства, и его Устава. Поэтому Комиссия Н. А. Римского-Корсакова с его товарищами начнут свои действия еще не скоро, — вероятно только *с осени*. В настоящее же время у них все хлопоты идут о тех концертах Беляевских, которые были назначены еще при жизни М. П. (Беляевым. — *И. Ш.*), и состоятся теперь, начиная с 17 февраля.

* * *

Теперь обращаюсь ко второй половине Вашего очень дорогого мне письма.³⁰ Я был глубоко обрадован известием, что Ваши прекрасные работы идут так хорошо, и что через несколько недель появится на свет Ваше академическое издание *фонографических* записей народных русских песен. Это дело превосходное, и для меня лично — просто аппетитное. Я им обедаюсь и напиваюсь. Я прочел Ваше «Предисловие» (за которое искренне благодарю) с чувством не только восхищения и радости, но и обожания. Особливо меня поразили и наполнили³¹ великими надеждами и ожиданиями — Ваш последний параграф: «*Исполнение*» и следующее за ним «*Заключение*». Страницы Ваши, от XX-й до XXVII-й исчерпаны у меня карандашом³² — это все заметки мои о том, что мне там показалось новым, прямым³³ и глубоко справедливым. По-моему, здесь в Ваших работах, начинается заря какого-то сильного музыкального переворота для музыки (раньше всего русской). Именно для хоров. Даргомыжский, Мусоргский сделали громадные шаги вперед по части новой и единственно-справедливой формы пения и выражения в опере (русской). Их талантливые и гениальные товарищи подхватили и мощно продолжали начатый ими переворот. Но *хоры* оставались в прежней отсталой и фальшивой форме искусственности, условности и полной невероятности (незвизая на всю красоту и оригинальность, которая часто в них присутствует). Но теперь начинает идти дело и о том, что и с хорами должен произойти полный переворот и революция в опере. И по-видимому, этот переворот предназначен России, русской музыкальной школе. Должна исчезнуть условность и театральность, наступить — правда и естественность также и в хорах. Они перестанут *распеваться*, правильно и условно, они начнут исполняться со всею правдою, капризностью, неправильностью, которые присутствуют в устах народа, со всеми изменениями в количестве *персонала поющих*, из которых одни вступают и пристают, другие замалчивают на несколько секунд и вступают, когда сами захотят, третьи не переставая все время ведут свою музыку; а также со всеми переменами в *ритме, движении* и даже *настроении*, которые присущи людям живым, чувствующим и создающим нечто «свое в хоре, помимо какого-то командующего, соображающего и придумывающего автора».³⁴

Таковы будут, мне кажется, *будущие хоры* в опере.

Давно пора, давно пора расшибить вдребезги старые закостенелые и замерзшие формы хора. Как давно я мечтаю³⁵ о чем-то подоб-

ном! Как давно я говорил об этом перевороте — с Мусоргским! Он со мною соглашался, намеревался это начать и испробовать — но не успел и слишком рано умер. Впрочем, некоторые *пробы* его уже есть в «Прологе» или «Интродукции» *Бориса Годунова*: «Народ на площади в Кремле». Но, конечно, тупой Направник³⁶ постепенно задушит и <нрзб.>³⁷ «глупые нововведения» гениального Мусоргского и заставит *хоры* все сплошь³⁸ всем вместе, не разделяясь (как автор хотел) на группы и подгруппы; Вот и прекрасно! Надлежащий порядок опять прочно введен на сцене. — Но с Вашими изданиями и исследованиями — новая заря начинается.³⁹ Виват Вам!!!

Ваш В. Стасов.

Не знаете ли Вы, где М-те Погосская⁴⁰ и что она? Мне бы надо писать насчет ее фотографий с *крымских* чадр и вышивок. Кажется, я пристрою (продам в музей) эти ее фотографии, очень для меня драгоценные. Хотел бы только знать ее цену, сколько она желает?⁴¹

4

2 февр<аля> 1904 <г.>

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич,⁴²

оживило и согрело меня Ваше письмо и вдохнуло бодрости, ведь я все недовольна своей работой.⁴³ Дело новое и трудное, и такое важное; все кажется, что не охватить его вполне, что нужно много соединенных и дружных сил. Но все-таки так порадовало меня Ваше письмо, что и не выразить всей этой радости. Если бы хоть небольшая доля Вашей отзывчивости была в других людях,⁴⁴ мы бы горы сдвинули.

Вышла интересная брошюра С. В. Смоленского «Практические задачи Рус<ско>-церковной археологии».⁴⁵ Мне бы очень хотелось знать Ваш взгляд на его главную идею — тождественности строения светской и церковной песни и общую их грамматику.

Всей душой Вам предан<ая> Е. Линева.

У меня большая переписка с Ст. В. С.⁴⁶ по поводу брошюры.⁴⁷

5

4 ноября 1904 <г.>

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич,⁴⁸

много раз я вспоминала и мысленно благодарила Вас за совет Ваш не вводить в народных аудиториях преподавания пения, без объяснений склада народной песни.⁴⁹ Именно при ближайшем изучении ее строения я поняла, как важно и, вместе с этим, легко ввести необходимые объяснения в преподавание.

В данный момент, в Москве, предстоит очень интересное дело, к организации которого привлекли и меня.

Городское управление построило на одной из окраин Москвы народный театр на 1000 человек и намеревается, поставив образцово один, построить 10 таких же.⁵⁰ Как видите, ответственность на органи-

заторах большая, т. к. все ошибки отразятся и на других театрах. Кроме представлений по праздникам оперы и драмы или комедии предполагаются по вечерам других дней лекции и курсы, между прочим, и преподавание пения. Вот тут-то и будет случай применить Ваш совет. Если бы Вы пожелали внести еще какую-либо новую идею в наше дело, мы были бы рады и примем Ваши указания с благодарностью.

Сборник мой понемногу распродается, хотя пока в печати о нем не было ни слова, вероятно, потому, что этнографы считают его музыкой, а музыканты — этнографией. Впрочем, Общество Естествознания, Антропологии и Этнографии присудило золотую медаль, что меня несколько смутило, т. к. награду больше заслужили певцы народные.⁵¹

Теперь работаю над малороссийскими песнями, а затем примусь за новгородские, кот^{орых} у меня много и прекрасных.

Искренне желаю Вам здоровья и сил на благо всем работающим в сфере искусства.

Предан^{ная} Вам Е. Линева.

6

Москва. Петровка, д^{ом}
Коровина, кв^{артира} 7.
16 марта 1906 г.>

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич,⁵²

доходили до нас бесконечные слухи о Вашем нездоровьи и, хотя давно мне уже хочется написать Вам, я все откладывала. Но наконец, когда дело «Народной Консерватории»⁵³ начало двигаться вперед, я чувствую, что без Вашего совета нам не справиться, хотя принимают в нем участие люди хорошие и знающие (С. И. Танеев, А. Т. Гречанинов, А. Д. Кастальский и многие другие), сочувствующие и желающие работать и выработать план и программу вполне оригинальную и соответствующую народным требованиям и в то же время требованиям искусства. Мне глубоко запали в душу Ваши слова, что народное музыкальное образование возможно и желательно только в таком случае, если в основу этого обучения будет положена народная песня.⁵⁴ По мере того, как я изучаю эти прекрасные создания народного творчества, я все больше и больше проникаюсь ими и убеждаюсь, что в нем скрыто великое будущее русской музыки. Я чувствую, как во мне все больше и больше перевешивают, под влиянием народной песни, симпатии к ним и развиваются те свойства моей природы, кот^{орые} я унаследовала от матери и бабушки (русских),⁵⁵ а бледнеют привитые условные понятия школьные. Представьте, что я даже решилась попробовать писать в песенном духе и, как только будет возможно, я пришлю Вам на суд 2 вещи. Одна «Слава свободе», а другая «Песня-сказка о страшном чудище и пятачке позолоченной».⁵⁶ Я помню все Ваши советы и, может быть, Вы останетесь довольны построением их — вступлениями хора, голосоведением, етс.

Народная Консерватория, думается мне, спасет народную песню. Необходимость считаться с ней принудит музыкантов приняться за серьезное ее изучение, а раз они «попробуют сладкого, то уже не захотят горького», и народное искусство будет спасено и засияет во всей красе, как и вся жизнь общественная, перестроенная на началах правды.⁵⁷

Ну вот, Вы можете упрекнуть меня в фантазерстве. Но, нет, я глубоко верю в это и дай нам бог дожить, чтобы увидеть все это своими глазами.

Теперь мы работаем над программой и общим планом. Трудное дело. Приходится все вырабатывать вновь, вероятно, необходим целый ряд дешевых изданий — лист<овок> или брошюрок, коп<еек> по 10.

Посылаю Вам мой первый опыт.

Вы найдете в нем «подход» к народным песням (тетрахорды, различие в построении минора натурального и обычного в музыке).⁵⁸

Будьте здоровы и берегите себя для всех нас и для родного искусства.

Ваша Е. Линева

7

30 марта 1906 года.

СПБ. Четверг. Страстная
неделя.

Многоуважаемая Евгения Эдуардовна,⁵⁹

с великим удовольствием получил и прочел Ваше письмо и Вашу *Сентябрьскую* статью с «Народной Консерваторией».⁶⁰ Благодарю Вас, и очень много, за все это. Всего интереснее и важнее показалось мне все то, что Вы говорите об исчезновении в нашем отечестве, упадке нашей⁶¹ русской народной песни. Мне эти факты кажутся важны⁶² и значительны, что мне хотелось бы *вытребовать* с Вас еще несколько статей именно об этом фатальном, постыдном и бесконечно вредном факте. Вы много ездили по России, да и от других слышали, и потому я воображаю, что Вам может быть было бы не слишком трудно составить большой «скорбный лист», где «нрзб. 2»⁶³ говорено было об исчезновении и падении народной песни у нас от *причин внутренних*, каково положение всего национального у нас,⁶⁴ в этнографическом отношении: нравы вообще, жилище, костюм, все вообще бытовые предметы, привычки, обычаи, — а во-вторых, от *причин внешних*, каково невежество, неразумие всяческих распорядителей и задавателей тона. Мне кажется, что⁶⁵ этим оказали бы большую услугу самому существу дела.

Что же касается «Народной Консерватории»,⁶⁶ то это уже совершенно другое дело, которое требует особого обсуждения, и большого взвешивания про и contra. Я должен Вам признаться, что я, *издревле*, человек, не признающий консерваторий и академий в искусстве; об этом я высказывал свое мнение много раз в печати, даже больше 30 лет тому назад (есть о том также⁶⁷ в «Собрании моих сочинений»). Мне кажется, мои предсказания, еще при основании

С. П. Б. консерватории Антоном Рубинштейном,⁶⁸ достаточно с тех пор оправдались на деле; писанное много против Академии художеств — также (Академия наук — совершенно другое дело).

Поэтому я, *в общем*, не могу быть и «нрзб. 1»⁶⁹ на стороне какой бы то ни было консерватории, хотя бы и «народной».

Мне кажется, весь вред в том, что в консерваториях и в академиях *учат слишком много, слишком многому* и почти *вовсе* или *очень мало* учат тому, что надо. По моим всегдашним понятиям, эти учреждения — в большинстве случаев только *вредны*, и больше ничего! Художественного просвещения я, конечно, искренне желаю своему народу, как и всякому другому. Но просвещение это не достигается ни консерваториями, ни академиями художеств.

Всего менее выигрывает при этом *национальный элемент*, а именно он, сколько я понимаю, всего больше Вас интересует и занимает!!

Вот, что я могу сказать покуда вкратце. Более подробно — когда-нибудь⁷⁰ при свидании. А все-таки — большое Вам спасибо и почтение!

Ваш В. Стасов

Когда будете писать ко мне, пожалуйста, черкните мне, хоть где-нибудь в уголке, *где*, в какой *газете* была напечатана Ваша статья о «Народной консерватории».

Вы отметили на ней только *год, месяц и число*. А какая это газета — я так и не знаю. А надо бы.⁷¹

¹ [Линева Е. Э.]. Мысли В. В. Стасова о народности в музыке: Доклад, читанный Е. Э. Линевой в соединенном заседании Музыкально-этнографической комиссии и этнографического отдела имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете 17 марта 1907 г., посвященном памяти В. В. Стасова // Труды Муз.-этногр. комиссии. М., 1911. Т. 2 (114). С. 381.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 147—148; Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. 2-е изд. М., 1951. С. 275—277; К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия: Сб. документов. М., 1967. С. 501—504.

³ См.: Самедов В. Ю. Е. Э. Паприц и московское «Общество переводчиков и издателей»: (К истории распространения марксизма в России) // История СССР. 1970. № 5. (сент.-окт.). С. 103—113.

⁴ См.: ЦГАОР, Нью-Йоркское отделение Фонда вольной русской прессы, ф. 5799, оп. 1, д. № 1—102. Американское отделение Фонда вольной русской прессы завоевало симпатии и расположение таких людей, как Ф. Энгельс, К. Маркс, Марк Твен, Этель Л. Войнич, Бернард Шоу, Уильям Моррис, Джордж Кеннан и др.

⁵ См. об этом: Канн-Новикова Е. Собрательница русских народных песен Евгения Линева. М., 1952. С. 143—144. Автор пишет о том, как Е. Э. Линева «вспоминала о своем пребывании на окраине Петербурга в начале 1900-х годов».

⁶ [Линева Е. Э.] Мысли В. В. Стасова о народности в музыке // Труды Муз.-этногр. комиссии. Т. 2 (114). С. 382 (примеч. 2).

⁷ Письмо В. В. Стасова находится в составе архива Е. Э. Линевой, см.: ГЦММК, ф. 95, ед. хр. 1137, лл. 1—1 об., 2. Оно написано в ответ на письмо Линевой, ныне не обнаруженное. Е. Канн-Новикова (Указ. соч. С. 40) цитирует только несколько строк из этого письма В. В. Стасова.

⁸ Бларамберг П. И. (1841—1907) — русский композитор, публицист, действительный член Музыкально-этнографической комиссии императорского Обще-

ства любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете: (далее МЭК ИОЛЕАиЭ) — был, видимо, знаком с Линевой и Стасовым, а потому мог убедительно представить его адресат. «... Через композитора Бларамберга П. И., активного деятеля Общества Этнографии, Линева были приглашены в Этнографический отдел — Линева как музыкант, ее муж — как инженер, знакомый с новейшими системами граммофона». (К а н н - Н о в и к о в а Е. Указ. соч. С. 47); см.: Б о г д а н о в В. В. Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки: Рукопись // ЛЧ ИЭ, ед. хр. 66/1. С. 106—163.

⁹ Здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые авторами писем — В. В. Стасовым и Е. Э. Линевой.

¹⁰ «Предприятие», о котором упоминает В. В. Стасов, — создание Е. Э. Линевой Русского хора в Америке. Подробнее об этом см.: Ш е в ч е н к о И. И. Русский хор Е. Э. Линевой: (К истории русско-американских культурных связей) // Революционно-демократические традиции и русская культура. Л., 1987. С. 114—122.

¹¹ Стасов В. В. Статьи о музыке: В 5 вып. М., 1980. Вып. 3. С. 143; Стасов В. В. Избр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 391—568. Статья имеет другое название: «Двадцать пять лет русского искусства». «Наша музыка» — 4-й ее раздел (С. 552—568). Стасов, видимо, послал 4-й раздел, обобщенно назвав его «Наша музыка за последние 25 лет».

¹² Стасов В. В. Статьи о музыке. Вып. 3. С. 201; Стасов В. В. Избр. соч. Т. 2. С. 569—689. Статья имеет название «Тормозы нового русского искусства». Раздел «Музыка» помещен на с. 634—689.

¹³ Стасов В. В. Статьи о музыке. М., 1978. Вып. 4. С. 174—197. Статья имеет другое название: «Николай Андреевич Римский-Корсаков»; Стасов В. В. Избр. соч. Т. 3. С. 366—386.

¹⁴ Стасов В. В. Статьи о музыке. Вып. 4. С. 22—42; Стасов В. В. Избр. соч. Т. 3. С. 75—92.

¹⁵ Славянский — псевдоним Д. А. Агренева, организатора хора, которым он руководил с 1868 по 1908 гг. и с которым гастролировал во многих странах мира (1869 г. — США, 1870-е гг. — Англия, Германия, Турция, Франция и др.). Репертуар, костюмы, характер представления народной песни его коллективом вызвали много нареканий музыкальной критики. В обработках народных песен Агренев-Славянский не учитывал развития музыкальной фольклористики и принципиально нового подхода этнографии конца XIX столетия к народному искусству. (Адресат Е. Э. Линевой, некая К. Маевская, писала ей 19 июня 1892 г.: «...Пройдохество Славянского может умалить Ваш успех, тем более, что американцы не музыканты. О Вашем предприятии приятель мой сообщил уже в Русских Ведомостях...», см.: ГЦММК, ф. 95, ед. хр. 1086).

¹⁶ Может быть, именно это пожелание В. В. Стасова наиболее полно реализовалось в издании: Л и н е в а Е. Э. Великорусские песни в народной гармонизации / Под ред. акад. Ф. Е. Корша. СПб.: Изд. имп. Акад. наук, 1904, 1909. Вып. 1—2 (с большими вступительными статьями).

¹⁷ Письмо входит в состав архива Стасовых: ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, ед. хр. 21, л. 1—2 об.

¹⁸ По возвращении из Америки в 1896 г. Линева живут в Харькове, с 1898 г. им разрешено переехать в Петербург, только в 1903 г. они получают официальное право на постоянное жительство в Москве.

¹⁹ МЭК ИОЛЕАиЭ была открыта в 1901 г. (Е. Канн-Новикова в указанной книге ошибочно называет год образования МЭК — 1902). Одним из поводов к ее созданию послужила поездка Линевой в 1896 г. с фонографом в шесть губерний России с музыкально-этнографическими целями, и отчет собирательницы о ней на заседании этнографического отдела 25 сентября 1896 г.: «После детального обсуждения, в котором приняли участие С. И. Танеев, С. В. Смоленский, А. Н. Корещенко, Н. Д. Кашкин, Ю. Э. Конюс, В. П. Прокукин и другие специалисты, музыкальный отдел постановил — образовать Музыкально-этнографическую комиссию». (Отчет о деятельности Муз.-этногр. комиссии за 1896—1897 гг. // Этногр. обозрение. 1897. Кн. 34. № 3. С. 221).

²⁰ Е. Э. Линева была секретарем МЭК ИОЛЕАиЭ с 1903 по 1906 гг. В связи с открытием Московской Народной консерватории (далее: МНК) в 1906 г. обя-

занности секретаря были переданы А. Л. Маслову, действительному члену МЭК ИОЛЕАиЭ.

²¹ Применение этой «удивительно удобной записной книжки» (Линева Е. Э. Деревенские песни и певцы // *Этногр. обозрение*, 1903, № 1. Кн. 41. С. 97; ЛО ААН, ф. 134, оп. 3, № 848, л. 30) подтвердило многоголосное строение народной песни, схваченной с фотографической точностью.

²² Песенная комиссия императорского Русского географического общества (далее: ПК ИРГО) — 1884 г. и МЭК ИОЛЕАиЭ (1901 г.) — два научных объединения, созданные с целью собрания, изучения и пропаганды народного песенного искусства. МЭК, являясь преемницей ПК ИРГО, не только повторила то, что было достигнуто ее деятелями, но в короткий срок творчески развила ее положительные начинания, охватила своим вниманием музицирование народных масс более 25 национальностей страны, принципиально по-новому отнеслась к современной народной песне, обнаружила глубину научного поиска, применив сравнительный метод анализа музыкально-поэтического материала разных областей и разных народностей.

Но если ПК ИРГО существовала на специальные высочайше дарованные средства, то деятели МЭК работали исключительно на энтузиазме и общественных началах. Издание «Трудов» требовало дополнительных дотаций, а потому осуществлялось на средства, специально исходатайствованные в Министерстве финансов.

²³ Н. А. Римский-Корсаков, и это подтверждает письмо В. В. Стасова от 17 января 1904 г., входил в число трех музыкантов-композиторов (еще А. К. Глазунов и А. К. Лядов), избранных М. П. Беляевым (см. прим. 29) в качестве доверенных лиц по осуществлению его духовного завещания.

²⁴ Линева пишет о своем сборнике «Великорусские песни в народной гармонизации». В письмах к академику А. А. Шахматову Е. Э. Линева сетует на то, как долго он печатается («совестно смотреть в глаза людям»). Характеризуя сборник, собирательница указывает на его значение — сборник «нового типа по точности» (записи песен. — *И. Ш.*). Она беспокоится, что работа, сданная давно в типографию Академии наук, может потерять свое первостепенное значение, так как вскоре должен выйти 1-й том «Трудов МЭК», в котором уже все песни записаны фонографом (ЛО ААН, ф. 134, ед. хр. 848, л. 1 об. 2. Письмо от 13.10. 1903 г.).

²⁵ Школьный сборник русских народных песен. Для детей младшего школьного возраста. 1-е изд. М., 1904. (Вып. 1); Изд. 2-е. М., 1916. (Вып. 1).

²⁶ Приписано слева, сбоку на л. 2 об.

²⁷ Приписано сверху на л. 2 об.

²⁸ Письмо сверено с оригиналом по архиву Е. Э. Линевой: ГЦММК, ф. 95, ед. хр. 1138, лл. 1—3. См. также копию: ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, ед. хр. 156, лл. 3—6. Это ответ на предыдущее письмо Е. Э. Линевой. Канн-Новикова Е. Указ. соч. С. 80—81, 143 (фрагменты писем).

²⁹ Беляев Митрофан Петрович (1836—1904) — русский музыкальный деятель и нотопиздатель, основатель «Русских симфонических концертов», организатор кружка «Беляевские пятницы».

³⁰ Вторую часть письма Е. Э. Линева включила в упомянутый доклад памяти В. В. Стасова, см.: *Труды муз.-этногр. комиссии*, 1911. Т. 2. (114). С. 379.

³¹ В копии употреблены глаголы в единственном числе: «поразил и наполнил».

³² Отыскать «Предисловие» из книги Линевой «Великорусские песни в народной гармонизации» с пометками В. В. Стасова, посланные критику в корректуру, пока не удалось.

³³ В копии вместо слова «прямым» написано «верным».

³⁴ Е. Э. Линева, приводя фрагмент 2-й части этого письма В. В. Стасова, писала: «... Может быть энтузиаст народной музыки в своих мечтах о „революции в опере“ заходил за пределы „технических возможностей“ для театра нашего времени, но эта выдержка из его письма бросает целый сноп лучей на вопрос о важности изучения народной песни для современной музыки». (Великорусские песни в народной гармонизации. СПб. Вып. 2, 1909. С. LXXIV—LXXV).

³⁵ В копии употреблен глагол прошедшего времени: «мечтал».

³⁶ Направник Эдуард Францевич (1839—1916) — чех по национальности.

В 1861 г. он приехал в Петербург и связал свою деятельность как дирижер, пианист, органист и композитор с русской музыкальной культурой. Будучи главным дирижером Императорского Мариинского оперного театра, он, в частности, был организатором и руководителем симфонических собраний Петербургского отделения Русского музыкального общества.

³⁷ В копии: «Направник поспешил задушить и затоптать».

³⁸ В копии: «заставлял хор все сплошь всем вместе».

³⁹ В копии: «новая эра хора начинается».

⁴⁰ Погосская Александра Логиновна — сестра А. Л. Линева. Ее работа была связана с магазином кустарных русских изделий (Лондон, 1890-е гг.). Позднее А. Л. Погосская руководила Англо-русским бюро русских крестьянских изделий в Калуге, сотрудничала с Музеем этнографии в Петербурге. Известно, что Государственный музей этнографии народов СССР закупал образцы крестьянской одежды, выпущенные Англо-русским бюро Погосской.

⁴¹ Этот абзац приписан слева сбоку на с. 3 (письмо-копия).

⁴² Письмо Е. Э. Линевой хранится: ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, ед. хр. 21, л. 4. (Ответ фольклористики на письмо В. В. Стасова от 17.01.1904 г.).

⁴³ Е. Э. Линева имеет в виду свой сборник «Великорусские песни в народной гармонизации».

⁴⁴ Е. Э. Линева, вероятно, имеет в виду двух деятелей МЭК ИОЛЕАиЭ: Д. И. Аракчиева (Аракишвили) и А. Л. Маслова, критическое отношение которых к деятельности Линевой нашло отражение в периодической печати 1904—1912 гг. («Русская музыкальная газета», «Музыкальный труженик», «Музыка и жизнь», протоколы «Трудов Муз.-этногр. комиссии»).

⁴⁵ Смоленский Степан Васильевич (1848—1909) — историк православного церковного пения, директор Московского Синодального училища церковного пения (1889—1901), управляющий придворной Певческой Капеллой (1901—1903). Нумерация слов заглавия брошюры принадлежит Е. Э. Линевой.

⁴⁶ Степан Васильевич Смоленский. Письма Е. Э. Линевой к С. В. Смоленскому находятся в ЦГИА Ленинграда в составе архива С. В. Смоленского (Ф. 1119, оп. 1, ед. хр. 150). К сожалению, в них переписка по поводу указанного издания отсутствует.

⁴⁷ Эта фраза приписана Е. Э. Линевой сверху страницы.

⁴⁸ Письмо находится в составе архива Стасовых: ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, ед. хр. 154, лл. 1-2 об.

⁴⁹ Этому указанию В. В. Стасова Е. Э. Линева всегда следовала. Каждый концерт народной музыки она предвляла вступительным словом. Это были своеобразные лекции-концерты.

⁵⁰ Е. Э. Линева, видимо, имеет в виду Народный дом на Введенской площади в Москве, близ Лефортова (Доклад № 187 Московской городской Управы об устройстве занятий и развлечений в Городском Народном доме на Введенской площади 31 мая 1905 г. // ГЦММК, ф. 95, ед. хр. 657). В нем говорится о том, что не позднее сентября 1905 г. Дума поручила Управе совместно с Комиссией по народным развлечениям представить доклад об организации театральных представлений и других развлечений. Для организации дела были приглашены деятели различных просветительных учреждений. Среди них представители литературно-музыкальной интеллигенции (Ю. Д. Энгель, А. Т. Гречанинов, Е. Э. Линева), а также музыканты, уже работавшие по устройству музыкальных развлечений для парада (В. С. Серова, Д. С. Шор, Р. М. Глиэр). Председателем был избран А. Т. Гречанинов. В 1905 г. Е. Э. Линева в этом Народном доме руководила мужским хором.

⁵¹ Отчет о деятельности МЭК ИОЛЕАиЭ за 1903—1904 г. (Этногр. обозрение. 1904. Кн. 62, № 3. С. 122) извещает о том, что МЭК ИОЛЕАиЭ ходатайствовала перед Отделом этнографии о представлении Е. Э. Линевой к награждению золотой медалью за ее выдающиеся труды в области русской музыкальной этнографии. Одновременно А. М. Листопадов награждался серебряной медалью за исследование донских песен.

⁵² Письмо Е. Э. Линевой Стасову от 16 марта 1906 г. находится в составе архива Стасовых: ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 154, лл. 4—5 об.

⁵³ Деятели МЭК ИОЛЕАиЭ и представители «кружка преподавателей хорового пения» 4 марта 1906 г. открыли Московскую Народную консерваторию.

См.: Брюсова Н. Я. (Из воспоминаний). Массовая музыкально-просветительская работа в первые годы после Октября // Советская музыка. 1947. № 6. С. 46—55; Сац И. А. Яворский в Московской Народной консерватории (1906—1916) // Яворский Б. Воспоминания, статьи и письма / Под ред. Д. Шостаковича. М. 1972. Т. 1. С. 77—98; Шевлягина В. Ф. Московская Народная консерватория и ее роль в музыкальном просвещении народных масс России (1906—1916) (Канд. дис.) М. 1975; Шевченко И. И. Московская Народная консерватория: (Из истории музыкального просвещения) // Совершенствование самостоятельного художественного творчества в социалистическом обществе. Л., 1987. С. 104—116.

⁵⁴ МЭК ИОЛЕАНЭ настоятельно рекомендовала включить предмет народного музыкального искусства в учебную программу консерваторий и училищ имп. Русского музыкального общества. Эти планы не смогли осуществиться по ряду причин. Лиева являлась автором программы курса изучения народной музыки, который она, единственная из всех преподавателей Московской Народной консерватории, в течение 12-ти лет там преподавала. (ГЦММК, ф. 95, № 1031).

⁵⁵ Е. Э. Лиева в письме к С. В. Смоленскому от 22 марта 1904 г. писала: «... несмотря на то, что во мне есть иностранная кровь — немецкая и венгерская, я по рождению, воспитанию и симпатиям — русская <...> На русской музыке я выросла. Моя мать (Анна Константиновна Вогак. — И. Ш.) — ученица Глинки, которого она хорошо знала.

Она пела хорошо, а я, не помню с каких пор, знала все, что она пела — конечно *тогдашний* (подчеркнуто Е. Э. Лиевой. — И. Ш.) репертуар *тогдашнюю* русскую песню». (ЦГИА, ф. 1119, оп. 1, № 150, лл. 18 об.).

⁵⁶ Найти сочинения Е. Э. Лиевой пока не удалось.

⁵⁷ Трудно сказать, осуществились ли мечты Е. Э. Лиевой. Народная консерватория народную песню, конечно, не «спасала». Однако обращение собирательницы к изучению песни не осталось бесследным. Новаторские идеи Е. Э. Лиевой намного опередили время. Обращение к этому опыту сегодня помогает решать вопросы изучения и сохранения стилей традиционного народного музицирования.

⁵⁸ «Первый опыт», о котором упоминает Е. Э. Лиева, найти не удалось. В архиве Стасовых к этому письму имеется «приложение», вырезка из газеты «Русские Ведомости» (1905, № 259, 23 сент.) — заметка Евгении Лиевой «Народная Консерватория». Она не содержит сведений о «тетрахордах, различии в построении минора натурального и обычного в музыке».

⁵⁹ Письмо опубликовано: Канн-Новиков А. Е. Указ. соч. С. 152—153. Сверено с оригиналом: ГЦММК, ф. 95, ед. хр. 1139, см. также копию письма: ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, ед. хр. 156, лл. 1—2.

Этот ответ В. В. Стасова на предшествующее письмо Е. Э. Лиевой — последний в их переписке. В. В. Стасов скончался 10/23 октября 1906 г.

⁶⁰ См. сноску 7 к предыдущему письму. Статья имеет пометки В. В. Стасова (красным карандашом).

⁶¹ В копии вместо слова «нашей» написано «и гонении».

⁶² В копии: «кажутся так важны».

⁶³ В копии: «где в одной половине говорено».

⁶⁴ В копии: «каковы понижение всего национального у нас».

⁶⁵ В копии: «Мне кажется, что Вы этим».

⁶⁶ См. комментарии к предыдущему письму.

⁶⁷ См. в скобках: «есть о том статья в».

⁶⁸ Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1913) — русский пианист, композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель.

⁶⁹ См. копию: «не могу быть и нынче на».

⁷⁰ В копии: «Более подробно когда-нибудь при свидании».

⁷¹ Приписка слева, сбоку, на л. 1 письма.

НЕИЗВЕСТНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ Н. Е. ОНЧУКОВА

Публикация В. Ю. Дудник

В последнее время в фольклористике активизировался интерес к жизни и научной деятельности выдающегося собирателя устной народной поэзии, видного фольклориста и этнографа нашего столетия Николая Евгеньевича Ончукова.¹ Биография ученого восстанавливается исследователями в основном по материалам центральных архивохранилищ — архива Академии наук, рукописного отдела Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Центрального государственного архива литературы и искусства. Однако не всем известно, что целый ряд документов, освещающих научную деятельность ученого, находится в архивах Сарапула, Иркутска, Перми и Пензы.

В Государственном архиве Пермской области мы обнаружили «Дело преподавателя Пермского государственного университета Н. Е. Ончукова». Среди бумаг особое внимание привлекает автобиография фольклориста,² позволяющая уточнить отдельные моменты его жизни.

Из публикаций о Н. Е. Ончукове известно, что в 1920 году он пытался поступить учиться на медицинский факультет Иркутского университета, но по возрасту принят не был, и вынужден был подать заявление на историческое отделение. Здесь вскоре узнали о работах Н. Е. Ончукова по фольклору, и его оставили в качестве профессорского стипендиата при кафедре истории русской литературы. Но через год ученый оказался, по его словам, «за штатом, без жалованья и пайка»,³ и ему снова пришлось искать работу. Летом 1921 года появилась надежда на получение места в Пермском университете. Тогда-то и была написана заинтересовавшая нас автобиография. В 1921 году Н. Е. Ончукову, по-видимому, не удалось перевестись в Пермь, но в дальнейшем он проработал на кафедре русского языка педагогического факультета Пермского университета два учебных

года: 1922/23 и 1923/24 гг. Таковы жизненные обстоятельства, вызвавшие написание публикуемой ниже автобиографии Н. Е. Ончукова.

I

Гуманитарному факультету Пермского государственного университета

Профессорского стипендиата
по кафедре истории русской литературы
Николая Евгеньевича Ончукова

Заявление

Прилагая при сем (Curriculum vitae) ⁴ прошу предоставить мне должность ассистента по кафедре истории русской литературы в Пермском университете.

Н. Ончуков

15 июня 1921 г.
г. Иркутск.

II

Автобиография (Curriculum vitae) Ончукова Николая Евгеньевича

Родился в г. Сарапуле Вятской губернии.⁵ По условиям своей жизни не мог поступить в средне-учебное заведение. В 1889 г. окончил курс Казанской фельдшерской школы ⁶ и около 5 лет служил в Казанской, Вятской и Пермской губернии, где и заинтересовался бытом народа, главным образом его творчеством в области слова. Начал записывать и корреспондировать в областные газеты и журналы: «Пермские губернские ведомости», «Вятский край», «Северный край», «Сборник Пермского губернского Земства». ⁷ Работа по журналистике побудила оставить службу по медицине.

В 1898 г. переехал в Петербург, где работал 2-м секретарем гайдебуровского журнала «Неделя». ⁸ После гибели этого журнала работал по статистике в Чердынском уезде Пермской губернии, где между прочим записывал местный говор, песни, сказки и прочее. Изучал быт. За предоставленный этнографический материал по Чердынскому уезду в Географическое общество был избран членом-сотрудником его, а за статью «По Чердынскому уезду» (Живая старина. 1901 г.) ⁹ по представлению академика Вл. И. Ламанского награжден серебряной медалью.

После этого два года подряд Географическое общество командировало меня за былинами на р. Печору (и попутно на р. Мезень). ¹⁰

Результатом этих поездок был ряд работ в «Живой старине» и др. журналах ¹¹ и газетах и изданный Русским географическим обществом том «Печорских былин», ¹² за работы я избран в действительные члены Географического общества, за былины, по представлению академика А. Соболевского, награжден *малой золотой медалью* (выделено Н. Е. Ончуковым. — В. Д.). ¹³ Во время поездок

с этнографическими целями заинтересовался и познакомился с русскими древними рукописями, в 1901 г. был принят в слушатели петербургского Археологического института, где занимался главным образом палеографией.

В 1903 г. институт окончил. За 10 лет жизни в Петербурге имел командировки от Географического общества: 1) на Печору, 2) на Печору и Мезень, 3) в Поморье, 4) в Олонецкий край и 5) в Архангельский и Онежский уезды.¹⁴ Кроме того, получил поручения от Академии наук за рукописи, которые и доставил в Рукописное отделение Академии (см.: «Отчеты» Академии наук).¹⁵

Один раз командировал меня Русский музей (Александра III-го) в Петербурге за предметами материальной культуры в Олонецкий край, привезенные коллекции я же для музея и описал.¹⁶

Во время поездки по Северу всегда осматривал храмы, изучал иконы, делал выписки из архивов церквей. Результатом явилась работа в «Известиях 2-го отделения Академии наук» (1905 г., т. X, кн. 2-я, стр. 339—367 и кн. 3-я, стр. 210—238) «Печорская старина» (рукописи и архив церквей Низовой Печоры). За изданный Географическим обществом том «Северных сказок»¹⁷ моих записей («Записки Географического общества 1908 г.») я получил большую золотую медаль Географического общества по представлению академика С. Ф. Ольденбурга.¹⁸

В 1908 г. вышла моя отдельная книга «Северные народные драмы».¹⁹

Составлено: действительным членом Русского Географического общества, а также Западно- и Восточно-Сибирского его отделов, действительным членом Вятской ученой архивной комиссии и Комиссии архива войны в Омске, членом-учредителем Сарапульского общества «Изучения Прикамского края».

28 ноября 1920 г. избран профессорским стипендиатом по кафедре истории русской литературы в Иркутском государственном университете.

Н. Ончуков

25 июня 1921 г.

г. Иркутск

¹ См.: И в а н о в а Т. Г. 1) Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия // Рус. литература. 1982. № 4. С. 126—137; 2) М. М. Пришвин и Н. Е. Ончуков // Там же. 1984. № 1. С. 230—235; Н а л е п и н А.: 1) Исследователь фольклора Русского Севера Николай Ончуков // Лит. учеба. 1983. № 4. С. 190—198; 2) Фольклорно-этнографическая деятельность Н. Е. Ончукова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1988. Вып. 9. С. 76—94.

² См.: Гос. архив Перм. обл., ф. Р. 180, оп. 2, д. 246, л. 37—37 об.

³ И в а н о в а Т. Г. Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия. С. 132.

⁴ Curriculum vitae (лат.) — жизнеописание.

⁵ Н. Е. Ончуков родился в марте 1872 г. В документах имеются две разные даты его рождения — 3 и 5 марта.

⁶ В статье Т. Г. Ивановой называется другая дата окончания фельдшерской школы — 1893 г. В 1889 г. Н. Е. Ончукову было всего лишь 17 лет. Вряд ли

в этом возрасте он мог получить диплом фельдшера. Скорее всего, в данном случае память подвела ученого.

⁷ П. С. Богословский следующим образом характеризовал работу Н. Е. Ончукова в газетах: «В 1897—1900 гг. сотр<удничал> в пермских и екатеринбургских газетах, полемизировал с фельетонистом „Пермских губернских ведомостей“ — Кри-Кри, превратив его в Хрю-Хрю (вместо) Кричевского — «Не кричи»). В корр<еспонденции> вводил своеобразный юмор». (Б о г о с л о в с к и й П. С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае // Пермский краеведческий сборник. Пермь. 1926. Вып. 2. С. 103).

⁸ «Неделя» — еженедельная газета, основанная в 1868 г. П. А. Гайдебуровым. В конце XIX в. ее редактором-издателем был В. П. Гайдебуров. Газета просуществовала до июля 1901 г.

⁹ Ончуков Н. Е. По Чердынскому уезду // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 37—74.

¹⁰ Экспедиции Н. Е. Ончукова на Печору, во время которых ученый открыл богатую местную эпическую традицию, состоялись в 1901 и 1902 гг.

¹¹ Ончуков Н. Е.: 1) О расколе на Низовой Печоре // Живая старина. 1901. Вып. 3—4. С. 434—452; 2) Старина и старообрядцы // Там же. 1905. Вып. 3—4. С. 271—289; 3) Печорская старина // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1905. № 2. С. 339—363; № 3. С. 210—238; 4) Печорские стихи и песни // Живая старина. 1907. Вып. 1. С. 10—24; Вып. 2. С. 51—54; Вып. 3. С. 73—82; Вып. 4. С. 100—110.

¹² Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904.

¹³ Отзыв действительного члена А. И. Соболевского о трудах Н. Е. Ончукова // Отчет имп. Рус. геогр. об-ва за 1904 год. СПб., 1905. С. 89—90.

¹⁴ Как уже говорилось, на Печору Н. Е. Ончуков ездил в 1901 г., в следующем году он побывал на Печоре и на Мезени; в 1903 г. состоялась экспедиция в Поморье; в 1904 г. — поездка в Олонецкую губернию; в 1907 г. — в Архангельский и Онежский уезды Архангельской губернии.

¹⁵ Собрание Н. Е. Ончукова хранится в БАН, ф. 47. Об этом см.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. С. 111—112.

¹⁶ См.: ГМЭ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 441, л. 1—2. В 1904 г. Н. Е. Ончуков доставил этнографическому отделению музея Александра III (ныне Государственный Русский музей) 105 предметов народного быта. В настоящее время значительная часть коллекций этнографического отделения бывшего музея Александра III находится в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде.

¹⁷ Северные сказки: Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1908.

¹⁸ Ольденбург С. Ф. О трудах Н. Е. Ончукова // Отчет имп. Рус. геогр. об-ва за 1908 год. СПб., 1909. Прил. С. 17—19.

¹⁹ Н. Е. Ончуков ошибся: его сборник «Северные народные драмы» вышел в Петербурге в 1911 г.

Н. П. КОЛПАКОВА

ЗА ПОСЛЕДНИМИ СЕВЕРНЫМИ БЫЛИНАМИ

**из путевого дневника фольклорной экспедиции
института русской литературы (Пушкинский дом)
АН СССР 1956 года**

В 1955 году рабочая группа сектора народнопоэтического творчества ИРЛИ АН СССР отправилась в район среднего течения Печоры, по следам экспедиции 1929 года, проводившейся Государственным институтом истории искусств (ГИИИ). Повторная экспедиция направилась в низовья Печоры в 1956 году. Там с первых лет XX столетия, после работы известного фольклориста Н. Е. Ончукова, никто из фольклористов вообще не бывал.

<Дневник экспедиции>

3 июля 1956 г.

Поезд Ленинград—Воркута

Итак — мы опять едем. Опять на север. Прошлым летом мы в низовьях Печоры не были. Экспедиция ГИИИ 1929 года находилась там короткое время. Ее даже нельзя было считать разведкой. Теперь мы разумно разделили среднюю и нижнюю Печору для более углубленной работы и, побывав в прошлом году вокруг Усть-Цыльмы, направляемся к Великой Виске. С нее и начнем обследование печорских низовьев.

Нас пятеро. Из прошлогодних работников — Ф. В. Соколов, В. В. Коргузалов и я. Новенькие — наша аспирантка В. В. Митрофанова и прикомандированная от консерватории И. М. Ельчева, молодой композитор. Так как мы едем на север, где имя Ирина прозвонится как Иринья, а Ира соответственно как Ирья, то наши девушки называются Ирья и — по аналогии с ней — Верья. Компания подобралась удачная и по характерам, и по отношению к работе, и по серьезному отношению к науке. Можно надеяться, что съездим толково и благополучно.

6 июля 1956 г.

Тот же поезд

Промелькнул Череповец, проплыла маститая Вологда с крепостными стенами монастыря . . . За окном вагона — привычный

пейзаж: глухие леса, тропинка, бегущая вдоль полотна, большие лужи на ней и мелкий северный дождичек из низких плотных туч.

7 июля 1956 г.
Река Печора, пароход «Тургенев»

В десять ноль-ноль отшвартовались от пристани Порт-Печоры, города-новостройки, и vyplыли на простор великой реки.

Плывем великолепно. На палубе шелестит дождичек, берега широкой Печоры в легком тумане, кружат чайки. Пароход порывисто пытит, вздрагивает, колеса с шумом бьют воду. Мимо окна по палубе время от времени проходят старухи-комы в пестрых платках, слышится речь, которой мы не понимаем. . .

К вечеру дождь расходится. Так и льет! Печора вся серая и вода переливается, как расплавленное серебро. Тихо, ветра и волн нет. На берегах — дремучий лес, над вершинами его плывет туман, заволакивающий дымкой даль. Именно в эту туманную даль нас и несет.

Сидеть без работы невыносимо, мы спускаемся в 3-й класс и начинаем первые записи. Частушки. Но нам надо былин, сказок, песен. Настоящей работы! А до нее плыть еще почти двое суток.

10 июля 1956 г.
Печора, село Великая Виска

Ночью в три часа «Тургенев» подтащил нас к глинистому вязкому берегу, на высоком обрыве которого стоит Великая Виска. Погрузили на спины рюкзаки, остальное взяли в руки и пошли. Пошли в тот же самый дом, где останавливались в 1929 году.

Это был дом Егора Ивановича Дитятева, принимавшего когда-то известного фольклориста Н. Е. Ончукова, потом нас; дом, где летней ночью 1929 года, в дождь и грозу, мы слушали одновременно былины, песни, частушки, сказки, смотрели молодежные пляски и записывали заговоры. В ожидании попутного парохода за одни сутки тогда было записано свыше шестидесяти песен, не считая всего другого. . .

Сейчас хозяина уже нет. Он умер от удара в январе 1942 года. В доме только старушка-вдова Анна Васильевна и ее младшая дочь Маша.

Приняли нас, как дай бог всякому. Мгновенно уложили на полу, поперек двух комнат, и до утра мы лежали в глубочайшем сне, как в обмороке. Вскочив после самоварного обряда, кинулись на работу.

Великая Виска — село очень большое, очень старое и очень интересное. Нет почти ни одного дома, который стоял бы прямо. Все малость перекошено и валится то наперед, то назад, а преимущественно на сторону. Цвет бревен на домах, банях и амбарах темно-серый, с прозеленью, кое-где по стенам растет что-то вроде мха. Близо море. Сырости вокруг гораздо больше, чем в среднем течении Печоры. От этого и общий колорит деревни иной, чем был у чернорыжей, сухой и смолистой Усть-Цыльмы.

Быт здесь тоже совсем иной, чем на средней Печоре. Основа хозяйства не скотоводство, а рыба. Женщины, как и мужчины, выходят на лов, плетут сети, живут под морским ветром, окруженные со всех сторон водой — «висками», «шарами», «курьями». «Виска» — это пролив. «Шар» — залив. «Курья» — старица реки. Деревни разделены водными пространствами, встречаются друг с другом редко: по этим пространствам, вдоль и поперек перерезанным водой, не так-то просто съездить к бабушке или к тетке на именины. Никаких общих календарных и семейных праздников, никаких «посидок» зимой, хождений со звездой под Новый год и т. п. развлечений, которыми богата сухопутная домоседка Усть-Цыльма, с ее заливыми лугами, коровами и лесами, здесь нет. Местные жители справедливо объясняют свою малую связь с соседями: некогда.

Поют тоже совсем иначе, чем в Усть-Цыльме. Песни очень старые, но другие — и по текстам, и по манере исполнения, и по музыке. Из песен, записанных нами в 1929 году, многое позабыто. Здесь еще недавно был хор старой песни, который ездил выступать на районных и окружных смотрах, получал грамоты и другие знаки благодарности и почета. Но, к сожалению, две запевалы — Лукия Ивановна и Наталья Семеновна — поссорились из-за первенства, как это бывает иногда и с оперными примадоннами. Тут искусство запевалы — предмет гордости и славы, и ни одна не хочет уступить первого места сопернице. Разгорелась «война алой и белой розы», приостановилась работа хора. В результате пострадали и мы: петь друг с другом — хотя бы даже и для приезжих, хотя бы даже и в занятую «машину» — обе отказались. Лукия соглашается петь с Ульяной, а Наталья — с Феклой. Наше вмешательство и увещания несколько смягчили обстановку. В конце концов «алая роза», гремя в печи ухватом, согласилась петь с соперницей. «Белая роза», яростно щипля лучину для самовара и выплескивая поросяткам помой, тоже кое-как сложила гнев на милость. Так что надеемся вечером собрать весь хор и записывать.

12 июля 1956 г.

Великая Виска

Два дня работаем без усталости (вернее — с усталью, но без передышки). Бегаем по избам, соединяем певиц и певцов в различные голосовые группы, получили в общей сложности за четыре дня сто с лишним разнообразных песен и множество сведений о репертуаре. Как и на средней Печоре, здесь больше всего песен протяжных лирических, но кроме них широко распространены и другие разновидности, не совпадающие со среднечечорским репертуаром. Прежде всего — тут имеется свадебный обряд, привезенный в свое время переселенцами из Москвы, и соответственно — свадебные песни, которых не было в Усть-Цылемском районе. «Горочные» песни усть-цылемов здесь разыгрываются примерно так же на луговинах (которые здесь гораздо меньше по площади, чем в широкой, раскидистой Усть-Цыльме), но называются «лугowymi». Хороводные называются «кругowymi»; разница между «лугowymi» и «кругowymi», насколько

можно понять, заключается в том, что «луговые» требуют больше простора в движении и по содержанию больше связаны с образами природы; «круговые» же сопровождают хороводы, в которых разыгрываются сюжетные игры, не требующие большой площади. Своеобразный тип — песни «игромые». Их исполняют на вечерниках и на свадьбах: парень и девушка выходят на середину избы и ходят наискось из угла в угол; за первой парой идет вторая, третья и т. д. Это — «игромые-двойные», но есть и «игромые-четверные», когда одновременно вторая шеренга движется из другого угла и получается перекрещивание посреди избы наподобие буквы «икс». Под «игромые» песни не пляшут и никаких игр не разыгрывают, — они только для таких хождений.

Живем мы у Дитятевых очень хорошо. Спим на полу, кое-как обедаем: при помощи хозяйки варим в русской печке супы, каши и кисели из концентратов, которых нам в Ленинграде давали столько, что хватило бы для зимовки на дрейфующей льдине. Хозяйка наша веселая, с чувством юмора. Грамотна она не слишком и расписываться умеет не фамилией, а только именем: на денежных переводах, которые ей время от времени присылает сын, она величественно изображает огромными буквами «АННА», на манер императриц всероссийских.

Вчера был местный праздник «Петровщина», сходный с усть-цылемским. Тут тоже издавна существует обычай устраивать в этот день «складыню» (то есть складчину) и гулять в избах, на улицах, на островах и лугах.

Сегодня в ночь поплывем дальше — в деревню Оксино. Там есть Дом престарелых колхозников. Может быть, найдется что-нибудь и былинное? В Великой Виске былин нет совершенно, а нам не хочется возвращаться домой с одними песнями. . . Говорят, в деревне Лабожское должен быть Никандр Тарборейский, сын покойного сказителя В. П. Тарборейского, но неизвестно, где этот Никандр сегодня находится. Тут все деревни переплетены родством, все знают друг друга и всё друг о друге. Нас уверяют, что «Никандра» непременно должен петь старины («а может и не поет, кто знает!»), но, возможно, сейчас он находится на путине, в Носовой, на самом северном становище у выхода в океан. Это океанское место называется (почему бы?!) Болванской Губой.

14 июля 1956 г.

Печора, село Оксино

Продвигаясь к океану, находимся в Оксине. Очень большое село, в недалеком прошлом — районный центр. Стоит на большой песчаной отмели. Напротив через Печору — высокий мохнатый берег, заросший лесом. Так как достаточно просторной избы, чтобы вместить нас всех пятерых, не нашлось, мы расположились в двух рядом стоящих. Огляделись и начали разведку.

Кроме общежития инвалидов (по местному наименованию «Дед-дома») тут есть, конечно, и множество другого населения разных возрастов. На всем — печать райцентра. Люди уже тронуты город-

ской культурой, совсем не такие, какие были в Великой Виске. На сближение идут не сразу. Нет той непосредственности и приветливости, к которым мы привыкли в других местах Печоры. Заставить их распеться не так-то просто. Кроме того, и здесь имеются междоусобные брани, и Нюра Попова не желает петь с Нюрой Безумовой, а Потаповна с Макарьевной. Но поскольку наш магнитофон обычно примиряет все враждующие партии, надеемся вечером все-таки сделать некоторое количество записей.

15 июля 1956 г.
Оксино

Утром обследовали «Дед-дом». Обитатели его сразу не могли ничем нас порадовать, но просили прийти еще раз и обещали вспомнить все, что знали из старинных песен. Однако мы и сегодня начали у них первые записи. Хорошая певица, бабушка Карманова, спела нам четыре прекрасные старые песни: «Ты не пой, не пой, соловьюшка», «Шел мальчишка бережком», «Край кусточка, край было пенечка» и «Ты детинушка, парень сиротинушка». Особенно хорошо прозвучала последняя — песня о волжских разбойниках.

«. . .» Холодно, ветрено и ясно. Дождя нет, но воздух более, чем свежий. Ходим в ватниках. Здешнее население — в меховых шапках и оленьих малицах. Печорский июль — не черноморский. . .

Днем были у разных исполнителей, принимали отдельные группы певцов и у себя дома. Помаленьку лед трогается. Сегодня — успех: записали первую былинну — «Кострюка». Пела ее Е. Т. Суслова, старая певица, которая слыхала и выучила ее от покойного мужа-портного. Больше никто былин не знает, а песни есть очень хорошие. Портной тоже знал только одного «Кострюка».

Чтобы охватить побольше деревень, нам приходится разделяться на группы. Сегодня представился случай отправить Ирью и Верью с В. В. Коргузаловым на моторном боте за 22 километра отсюда в деревню Бедовую: туда шел бот Рыбкооптреста, который вез бочки с растительным маслом, ящики, кули и другие подкормки в местную торговую организацию. Бедовая стоит на маленьком островке; люди заняты там своими работами, целое лето отрезаны от мира, так как пароходы туда не ходят. Только по крепкому зимнему тракту туда и можно проехать более или менее нормально, а летом каждый бот в ту сторону — редкая, счастливая оказия. Мы поспешили ею воспользоваться.

Бот с развеселой командой ушел по пенистым волнам Печоры. А мы с Ф. В. Соколовым после обеда отправляемся за семь километров отсюда пешком в деревню Голубковку, откуда происходит известная Маремьяна Романовна Голубкова.

17 июля 1956 г.
Оксино

Голубковка — небольшая очень старая деревня, с ветхими домами, когда-то, вероятно, богатыми. Большие, тяжелые они стоят серыми массами по обе стороны единственной улицы и производят впечатление совершенно заброшенных. Жители сразу же заговари-

вают с вами о Маремьяне, как о первой достопримечательности этих мест. Мы побывали у ее родных, записали несколько старых песен и с десятков хороших частушек. Но были тут тоже не знает никто.

Очень беспокоимся о наших младших: каково-то у них на боте? Печора сегодня такая бешеная!

19 июля 1956 г.

Оксино

Тревога наша была не напрасна. Вчера к ночи в избу, где живем мы с Ирой и Верой, внезапно явились наши странницы — мокрые, грязные, едва волочащие ноги. Они прошли тридцать километров пешком, так как никто не рискнул перевезти их на лодке через Печору. Последние семь километров брели под ливнем и в конце концов на переходе через ручей Ира повредила ногу, так что сегодня пришлось даже вызывать из местной больницы врача. . .

Сегодня делаем тут последние записи и утром на пароходе выходим в Нарьян-Мар. Печора поутихла, ветра нет, буря улеглась.

При нашем отъезде из Ленинграда Сектор очень просил нас как можно тщательнее фиксировать «ростки нового», которые мы встретим. Но пока на нижней Печоре одни огромные, замшелые, догнивающие пни старого. Фольклор не может создаваться сразу же вслед за той новизной, которая входит в социальное сознание, в быт населения. Все это понимают. И все-таки наш Сектор опять будет горевать и сокрушаться. . . А уж мы ли не ищем!

20 июля 1956 г.

Печора, пароход «Жданов»

Плывем в Нарьян-Мар. По берегам — тундра. С одного бока Большеземельская, с другого — Малоземельская. Но нам все едино: существенной разницы между ними — тем более с парохода — незаметно. Летают дикие утки, спускаются с берегов к самой воде кусты. . . Пустынно, ветрено. . .

20 июля 1956 г., вечером.

Город Нарьян-Мар

Мы в Нарьян-Маре, в гостинице.

Она называется не «Бристоль», не «Метрополь», не «Астория». Она называется коротко — «УПА». Это означает — Управление полярной авиации. Тут, у крошечного домика на краю Нарьян-Мара, в тундре, останавливаются для передышки самолеты, направляющиеся на Чукотку, в бухту Тикси и другие такие же завлекательные для воображения места. Под окнами у нас равнина с кустами можжевельника, над ней — солнце, совсем не заходящее на севере в это время года. Кругом свежие срубы, смоляные бревна и стружки под ногами, в воздухе аромат можжевельника, смолы и морошки. Город растет в тундру.

Хотя Маремьяна Романовна Голубкова и пела, что «посреди тундры город вымахал», однако до крупного города Нарьян-Мару еще махать и махать. Дома тут полугородские, полупоселковые, все

деревянные. Под погами — песок, который в невероятных количествах привезли сюда, чтобы засыпать вековую болотистую тундровую почву. Над песком — деревянные мостки, заменяющие тротуары. Есть хороший универмаг, очень неважные продовольственные лавочки и большой книжный магазин. Улицы называются своеобразно и красиво: Ненецкая, Полярная, Северная, Тундровая и т. п. Местный колорит.

Есть тут и многое другое, типичное для далекого севера: масса судов с углем у пристаней, большие краны, перегружающие тюки и бочки с берега на суда и обратно, множество всевозможных катеров и лодок, буксиров речного и морского типа, толпящихся в районе пристаней. Здесь кончается речное пароходство на Печоре, и транспорт переходит на морские рельсы. Сюда через Баренцево море приходят иностранные суда за лесом и углем, а также пароходы, курсирующие между устьем Печоры и Архангельском. Вверх по Печоре они не поднимаются.

В городе — большое хорошее здание почты, солидный дом, где помещаются управляющие организации. Дом культуры, при нем — маленький музей, посвященный быту и культуре ненцев. А на базаре в специальном ларьке продаются пушистые туфли из оленьего меха, отделанные пестрым сукном. В целом колорит Нарьян-Мара, конечно, очень своеобразен, а огромная Печора, тундра и незаходящее солнце придают городу совершенно особый характер.

Местные школьницы-подростки сложили о Нарьян-Маре песню, которую распевают хором на улицах ребятишки.

У большой реки Печоры
Стоит город небольшой
А зовется — «Красный город»,
Город Тундры вековой.

Вот окончим десять классов
И поедем кто куда,
Но родного Нарьян-Мара
Не забудем никогда.

В Нарьян-Маре мы родились,
В Нарьян-Маре мы росли,
В Нарьян-Маре мы учились
И друзей приобрели.

Став рабочим или ученым,
Мы вернемся в Нарьян-Мар:
«Здравствуй, здравствуй,
 милый город!
Остаемся навсегда!»

И пойдут затем недели,
А за ними месяца,
Будем жить мы в Нарьян-Маре,
Беспокойные сердца!

Песенка немудреная, но как хорошо это желание выразить свою любовь к родным местам, вернуться к ним, жить для них.

Завтра мы с Ф. В. Соколовым выходим на почтовом моторном ботике в самую северную точку обитаемой Печоры — становище Носовую: говорят, там сейчас множество рыбаков из разных мест Печоры, могут быть и былинчики. Младших оставляем работать в деревнях вокруг Нарьян-Мара: во-первых, надо разделиться, чтобы обследовать побольше деревень, а во-вторых, не можем рисковать всем составом экспедиции в небезопасном путешествии.

Вчера около трех часов дня мы с Ф. В. Соколовым погрузились на почтовый моторный бот «Связь № 419», следовавший в Носовую. При отплытии нам было сказано, что к месту назначения прибудем не через шесть часов, как нам сначала обещали, а часов через десять.

Что ж, торговаться не приходилось. Сели. Поплыли.

Бот — маленький, но довольно быстроходный — шел хорошо. Конечно, качало: Печора в этих местах вздымает совершенно морские волны, но терпеть было можно. Около девяти часов вечера прошли Андег, потом Осколково. Попутно забегали в какие-то «шары», обходили какие-то «курьи», завозили почту в разные становища, — словом, без конца блуждали по тому водному лабиринту, который раскинут между островами в устье Печоры. Слегка потемнело, посвежело, приближалась ночь. Я отправилась спать в любезно предоставленную мне капитанскую каюту.

Часа в два ночи просыпаюсь от тишины. Выхожу на палубу. Справа — водная гладь, слева — край тундры: темные кусты, сети на кольях и багровый диск солнца в полуметре от горизонта. Ни души. Только у борта — паренек-юнга.

— Саша, где мы стоим?

— Дак што! Зеленое!

От становища Зеленого до Носовой, я знаю, только несколько километров. Значит, скоро доберемся. Можно возвращаться в каюту.

Но около четырех часов ко мне стучит мой спутник.

— Ситуация сложная! С моря такой туман, что дальше идти нельзя. Стоим на якоре посреди моря.

Действительно: от Зеленого мы отошли, но теперь торчим без движения посреди морского простора и только препротивно качаемся из стороны в сторону. Вокруг нас — огромные волны, идущие с океана, от которого Баренцево море в сущности не отгорожено никаким забором.

— Стало быть, стоим посреди Болванской Губы?

— И крепко!

Туман полз с моря густой, как сметана. Идти дальше оказалось немислимо.

Прождали еще час, когда наступает подъем утреннего прилива. Еще часа два. . .

— Придется поворачивать, — вздохнув, сказал капитан.

И мы повернули назад. Повернули, пройдя от Ленинграда три тысячи километров и не дойдя всего семи верст до Носовой, где, может быть, находились и былины, и былинщики, и вообще все самое для нас нужное! (Только потом узнали мы, что все случилось к лучшему: если бы мы дошли в ту ночь до Носовой, мы застряли бы там из-за погоды дней на десять, а былин там все равно не оказалось: на тонях сидела одна молодежь).

Неподалеку от Зеленого на берегу — метеорологическая станция. Привернули к ней для получения информации о погоде.

— Принесло же вас, голубчиков! — отвечали нам, — возвращайтесь скорее, откуда пришли. С океана идет шторм в десять баллов. Уносите ноги, покауда целы. Ведь надо же вам было! Ни раньше, ни позже!

И вот снова запрыгал наш ботишка по Печорским шарьям, курьям и вискам. Теперь скорее бы, скорее в Осколково.

Не тут-то было. Команда встала к рулю, разогнала бот из всех сил и. . . со всего размаху посадила нас на мель в двух шагах от становища Коржи.

< . . . > Время идет. Мы сидим на нашем боте уже 10. . . 15. . . 20. . . 25 часов. . . В этот пустынный «шар» другой транспорт заходит редко, а телефонов по берегам взять неоткуда: пустынная тундра. Без селений. Без людей. . . Очень далеко от низменного берега вырисовываются контуры одиноких, очевидно, необитаемых избушек. Кругом — огромные пустые просторы, бесконечные пересекающиеся и переплетающиеся проливы да веянье океанских ветров.

< . . . > Говорят, что Никандры Тарборейского в Носовой нет и не было. Надо будет проехать в его родимое село Лабожское. Может быть, там знают, где он.

23 июля 1956 г. Осколково

Совместными усилиями судовой команды и пассажиров при помощи шестов, якорей, лодок, воплей и отчаянной ругани капитана вчера к вечеру наш бот своротили-таки с места и вскоре домчались до деревни Осколково. Кое-как переправились на крутой глинистый берег и устроились на жилье в одном из прибрежных домов.

Фольклористов тут на веку не бывало. Весть о нашем приезде мгновенно облетела всю деревню — и во всех избах запели, готовясь к вечерней записи. Мы быстро очутились в клубе, где пела и плясала молодежь по случаю воскресенья. Она гостила в деревне, а сегодня уехала обратно на становища. Сегодня встретимся с пожилым населением, которое отправка на становища не подлежит и находится дома.

Осколково — деревня небольшая. Жители промышляют ловлей рыбы. Сдают государству и молоко, так как молочного скота много. Все пожны и становища находятся на ближайших островах. Сообщение с ними возможно только по «шарам» и «вискам». За чертой деревни и за спинами домов сразу начинается первобытная тундра: миллиарды комаров да низкие ольховые заросли. Берез и елей нет, никакой лес не растет. Горизонты низкие, равнинные, бескрайние. Куда ни глянь, поблескивают узкие синие ленты водных путей, сияющих под солнцем в ярко-зеленой траве. Надо всем — огромное высокое небо. . . Тишина. . . Своеобразный край!

А люди тут, как и везде на Севере, хорошие. Приветливые и добрые. Проживем тут, вероятно, дней пять.

25 июля 1956 г. Осколково

23-го записывали бабушек, сегодня будем записывать дедушек. А вчера были за семь километров от Осколково, в становище Чугай,

где осколковские рыбаки тянут из Печоры семгу, нельму, сига. Проплыв в лодке по зеркальной, тихой Печоре на становище, записывали частушки и песни от работающих девушек; выходили в море с рыбаками к сетям (добыли между прочими рыбами большую семгу и, вернувшись на берег, сварили уху, немислимую в Ленинграде). Магнитофон был поставлен у самой воды, и вместе с голосами девушек на ленте остался плеск печорских волн.

27 июля 1956 г. Осколково

Работу в деревне мы закончили. Записали все, что было можно. Материала много, он хороший, но... былин нет и здесь! Один только П. Н. Позднеев, приятный, умного вида рыбак, смог нам «рассказать» (то есть передать речитативом, былинным стихом без напева) былинку об Илье и Соколике. Больше и он ничего не знал.

Завтра думаем двинуться отсюда дальше, в Андег.

28 июля 1956 г. Дер. Андег

Только 26-го к вечеру замаячил на реке серый силуэт нашего бота. Он подхватил пассажиров и грузы, приготовленные ему в Осколкове, и мы понеслись вверх по Печоре. Прибыли в Андег, когда вся деревня спала под сумрачным небом и порывами холодного печорского ночного ветра. Постучались в дом местного старожилы А. Г. Голубкова, рекомендованный нам еще в Осколкове, и были просто и приветливо приняты милыми хозяевами. Дом зажиточный, семья небольшая, так что мы никого не стеснили.

И Осколково, и Андег — колхозы-миллионеры. Здесь промышляют рыбной ловлей и охотой. Семга, щуки, сига, горностаи, россомахи, песцы, лисицы, зайцы — вот добыча местных колхозников. Особенно много песцов. Один охотник может набить их за зиму до двух сотен. Семги, случается, в одну тоню выгребают до тысячи штук. Как тут не быть миллионерами!

У здешних рыбаков встречаются удивительно красивые, благообразные, умные лица, с правильными чертами, ласковыми и спокойными глазами; большие бороды, волосы обычно обстрижены «под горшок». И волосы, и бороды часто слегка кудрявятся, и в них блестят отдельные серебряные нити. К этому облику прибавляется спокойная, неторопливая, рассудительная речь, хорошая улыбка, достоинство во всех манерах. Встает чудесный образ древнего русского человека, прямыми потомками которого и являются здешние старики.

Песни тут полностью повторяют репертуар Великой Виски и Оксина, но имеют некоторые совпадения и с Усть-Цыльмой. Былины исчезли совершенно. Мы раздобыли тут два напева с жалкими кусочками текста, из которых даже не поймешь, о чем в этой былинке говорится.

— Да про Добрыню чегой-то, — подумав, говорят исполнители.

— А вы не слыхали, не знаете — кто он был?

— А кто зна! Видать, герой какой-то, Михеич сказывал.

— Какой Михеич?!

— Да старик один. Мы от него-то много старин слышали.

— А где он? Где живет?!

— Да он уж годов сорок как помер!

Свою былинную неосведомленность местные жители объясняют тем, что настоящие былинщики давно вымерли. Былинное пение им послушать не у кого. . .

Картина здешней устной поэтической традиции в отношении эпоса для фольклориста весьма печальна. Зато художник пришел бы от Андега в восторг. Деревне, как говорят старожилы и легенды, около трехсот лет. В ней очень много старых домов, дворов, амбаров, бань и других хозяйственных построек своеобразной архитектуры, напоминающих архитектурные ансамбли старой Москвы.

30 июля 1956 г.

Нарьян-Мар. Гостиница «УПА»

Встреча в «УПЕ» с ожидавшими нас товарищами была очень теплой. За время нашего отсутствия они тоже позаписывали немало и в самом городе, и в деревушках вокруг. Нашли бабушку, которая рассказала три былины в виде сказок. Но настоящих былинщиков не обнаружили. По-видимому, придется ехать домой с пустыми руками. . . До чего обидно!

Сегодня Ира и Вера из-за своих академических дел должны уезжать в Ленинград. Пройдем вместе с ними на пароходе до Лабожского и попробуем поискать там Никандру Тарборейского.

Он представляется нам сейчас последней возможностью найти былины. Как сообщает в сборнике «Печорский фольклор» Н. П. Леонтьев, у старика Тарборейского было три сына: Гаврила, Никандр и Константин. Гаврила умер, Константин ушел куда-то «в Россию», а Никандра должен находиться где-то поблизости. Но где?!!!

31 июля 1956 г. Дер. Лабожское

Прибыли сюда сегодня утром на пароходе «Сыктывкар» — и сразу были ошеломлены. При первом же нашем вопросе о Никандре оказалось, что он действительно живет в Лабожском и не только живет, но даже находится тут же на пристани. И не только находится на пристани, но и прибыл с нами на этом же пароходе. И сидел всю дорогу за стенкой от нас в 3-м классе. Тут же на берегу мы с ним познакомились и договорились, что вечером придем в гости.

Замаячили некоторые былинные перспективы. Еще по дороге, на стоянке, вчера, пока пароход разгружался у Великой Виски, видим: мчится по берегу великолепный дед с развевающейся по ветру бородой. Мчится классически — вытаращив глаза, подгибая колени: живот вперед, ноги назад, как на всех иллюстрациях к бытовым русским сказкам. Дед влетел на пароход, когда уже убрали сходни. Древний инстинкт зверолова и охотника, заложенный, вероятно, с каменного века в каждом фольклористе, нас не обманул.

Дед по имени Тимофей Семенович Ижемцев и в самом деле кое-что знает.

Салон 1-го класса занимает на «Сыктывкаре» весь нос. Он сплошь стеклянный. Дед сидел и пел в магнитофон, а окна вокруг были снаружи облеплены десятками любопытных пассажиров, гулявших по палубе: никто не понимал, что такое происходит в салоне. А дед тем временем пел о том, как бежали «туры златорогие», что были «и во Шахове, и во Ляхове» и видели «диво-дивное» — красавицу девушку, которой ведома была великая невзгодушка, нависшая над Киевом: приближение злого врага, «собаки Тугарина». Словом, дед пел былин о Василии Игнатьеве. До конца он ее не знал, но обещал кое-что вспомнить и спеть нам в Лабожском, куда он направлялся в гости к дочери.

На берегу я отправилась с дедом Ижемцевым туда, где жила его дочь, и поселилась возле него «на вышке» (в светелке), чтобы быть поближе к старику. Соколов и Коргузалов устроились рядом в доме Суслова, местного старожил. Очень быстро выяснилось, что Суслов — тоже Никандра и тоже знает былины. Мы окончательно возрадовались: кажется, начинается наиболее интересный этап нашей экспедиции! До чего жалко, что наши девушки должны были уехать!

За чаем «на вышке» у Авдотьи Тимофеевны нам объяснили, почему Лабожское так называется: место это топкое, болотистое, и первые обитатели его жили «под лабазами», то есть под свайными постройками («лабаз» — на высоких кольях). Название Болванской Губы произошло от того, что когда-то в незапамятную старину здесь, говорят, стояли деревянные «болваны», идолы нерусских жителей тундры. Затем пошли интересные рассказы о старых певцах, былинщиках, о местных суевериях, заговорах и т. п. Завтра пойдем за былинами.

1 августа 1956 г. Лабожское

Наши походы по исполнителям дали различные результаты. Хуже всех оказался Никандра Тарборейский. Ничего толком от отца не перенял. У него густые, блестящие черные волосы на косой пробор, падающие на уши, и желтое скуластое лицо типичного ненца, без бороды и усов. От него мы смогли записать одну совершенно путаную былинку и одну песню.

Напротив того, Никандр Иванович Суслов блистает памятью и эрудицией. Спел нам три очень стройных былины («Женитьба князя Владимира», «Добрыня и Алеша», «Илья и Сокольник») и несколько хороших старых песен. Тимофей Семенович Ижемцев уехал обратно домой в Бедовую, сообщив нам все, что знал.

У нас уже семь хороших былин!

7 августа 1956 г. Тельвиска

В ночь с 3-го на 4-е пароход вывез нас из Лабожского и к полудню доставил в Нарьян-Мар, опять на приветливую базу «УПА».

Тут надо было разузнать о путях в наш последний район работы — Тельвиску и Пустозерск.

Мы опять решили разделить для лучшего охвата материала. В. В. Коргузалов отправился в Пустозерск, к прославленной певице Шайтановой, а мы с Ф. В. Соколовым нашли в Нарьян-Маре на базаре ларек, где колхозницы из Тельвиски ежедневно торгуют молоком, и договорились, что в конце их рабочего дня они вместе с пустыми молочными бидонами доставят и нас в свою деревню. Пешком в Тельвиску не попасть из-за водных проливов и «шаров», а никакого регулярного сообщения у Тельвиски с окружающим миром нет.

В пять часов мы оказались на нашей новой базе — в доме бабушки Агнии Николаевны Кожевиной, в двух больших пустых комнатах верхнего этажа. Живет бабушка одна («старик на поже»), и мы разместились с полным комфортом. Правда, есть совершенно нечего, сидим на хлебе и воде: ленинградские запасы кончились, а в лавке, кроме черного хлеба, имеются только соленые серо-зеленые помидоры. Все время ходим голодные. Нет еды, но есть главное: быliny!!!

Счастливы мы безмерно. Нашелся прекрасный старик Тимофей Степанович Кузьмин, 68 лет. За эти дни записали от него десять (десять!!!) былин, среди которых есть и Илья Муромец с Соловьем разбойником, и тот же Илья с «нахвалящиком»-сыном, и Святогор, и отважный Сухман, и Дюк, и Чурила, и Василий Буслаев, и Садко. Словом, богатство найдено такое, какое и не снилось нам после нашего долгого безбылья. Так не все ли равно после этого — обедать или не обедать!

10 августа 1956 г.
Нарьян-Мар

Положительно, звезда удачи и благополучия твердо укрепилась в нашем небе. Не успели приехать сюда, опять в наш номер в «УПА», привеза с собой тринадцать былин от Кузьмина и одну от Е. В. Шайтановой, как отыскался еще былинник — Андрей Федорович Пономарев, старый солдат, живущий буквально в двух шагах от гостиницы.

Старик живет в чистенькой квартирке со своими родными, которые, как видно, очень любят и берегут его. Наши взволнованные и радостные расспросы в первый момент его не очень растрогали, хотя он внимательно выслушал кто мы, зачем приехали и т. п.

— Почему же нам никто столько времени вас не называл, Андрей Федорович? Ведь мы все время всех расспрашиваем, нет ли здесь кого-нибудь, кто быliny поет, — разве вас в Отделе культуры не знают?

Старик хмурится.

— Как не знать! Знают! Да я-то их знать не хочу!

— Почему? Что они вам сделали?

— Изобидели! О прошлом годе концерт устроили. Ну, хором пели, да отдельно мужики и бабы пели, кто чего знал. Да девки плясали, хороводы водили. . . И меня позвали. Я много чего помню:

я еще, бывало, с отцом покойным певал, да с приятелем его, Василием Петровичем Тарборейским, папашей Никандровым. Ну, перед концертом-то, накануне, как начал я на пробу петь, они послушали и говорят: «Нет, дед, этак не пойдет, больно долго да скушно. Ты чего-нибудь поскорее, покороче, без голоса, а просто так, словами перескажи!» Ну, мне, конечно дело, обидно стало: как же это старину да покороче, да без голоса? Разве ее простыми словами перескажешь? Ну, ругнулся я и не пошел к ним больше. И ходить не хочу. И леший с има!

Мы принялись утешать старика, вполне разделяя его негодование и обиду на местное «культпросветначальство», по недомыслию и безграмотности оскорбившее и певца, и фольклор. Старик скоро развеселился.

— Дак што... Вам-то, конечно, спою. Неужто и вправду в книжке будет?

Эта мысль ему очень понравилась.

— А помнить-то я помню... Как не помнить!

И дальше все пошло, как по маслу. Мы просидели у старого былинщика два утра — вчера и сегодня, записали шесть больших былин («Про Сокольника», «Добрыня и Змей», «Василий Касимирович», «Иван Горденович», «Святогор», «Про Луку Степановича») прекрасной сохранности, в очень хороших и цельных вариантах необычайной длины. Так, например, «Ивана Горденовича» он пел целый час без двух минут (мы засекали время). У нас руки немеют от этих записей: нелегко записывать былинщика в течение часа без перерыва, без минуты отдыха! Но мы так счастливы, что забываем обо всех трудностях. В общей сложности мы записали в этом году 37 былин. Из них 29 больших полных текстов, пять фрагментов с напевами и три былины-сказки. Это удастся далеко не каждой из современных экспедиций. Такого мы сами никак не ожидали, особенно поначалу.

Да... Так вот еще какой враг оказался у русского эпоса: малограмотные «культработники» на местах! Это враг страшный. И бороться с ним, конечно, очень трудно.

13 августа 1956 г.

Река Печора, пароход «Молоков»

Вот уже третьи сутки плывем домой, на юг. Как-то непривычно слышать, что «на юг» — значит в Ленинград. Отплыли из Нарьян-Мара 10-го вечером.

9-е и 10-е прошло в бурном общении с нарьян-марскими певцами, в частности с А. Ф. Пономаревым. В благодарность за его искусство и доброе отношение к нам мы не могли удержаться и лично от себя купили ему на память в подарок рубашку. Дед был очень доволен и немедленно отправился с нею в баню. Он пел нам совершенно бескорыстно и никогда не вздумал бы просить что-нибудь, но нам очень хотелось его порадовать. А вечером, распростившись с ним, мы отправились через весь город на пристань.

В гостинице мы жили совсем по-домашнему, и милые хозяева, супруги Ревины, расстались с нами более, чем по-дружески. Нам

дали с собой две банки только что сваренного морошкового варенья (морошки тут — пропасть), дали пакет копченых «зельдей» (местной рыбы, не имеющей ничего общего с известными всем сельдями), и все семейство, включая уборщицу Настасью Васильевну, отправилось нас провожать и тащило наши чемоданы. Ну где еще, кроме как на Севере, можно найти гостиницы, в которых постояльцам давали бы на обратный путь банки с вареньем и несли бы на себе их багаж до самой пристани? Как же не повторить в сотый раз: чудесные люди северяне!

У экспедиции 1956 года был приятный эпилог: через несколько недель после нашего возвращения домой мы получили из Нарьян-Мара письмо. Писал тов. Тунгусов, зав. отделом партийной жизни в газете «Нарьян-вындер»:

«. . . Недавно мне привелось быть в Виске и Тельвиске, разговаривать с Кузьминым, Тороповым, Шальковой Н. С. и Барахматовой М. Я. — вашими знакомыми. Все они тепло отзываются о вас и вашей экспедиции, показывали фотокарточки, сделанные и присланные вашими товарищами < . . > Надо бы обязательно организовать нам экспедицию по записи песен. Лента у нас есть, а в Доме культуры имеется магнитофон. И если найдется мастер, то такую поездку сделать будет можно».

С большим удовольствием читали мы все это. Стало быть, работа наша заинтересовала людей, заново подняла в них любовь и внимание к народной песне.

ИЗ РАННИХ ЗАПИСЕЙ ГРУППОВОЙ ПРИЧЕТИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Публикация Ю. И. Марченко

Групповые причитания относятся к числу наиболее распространенных музыкально-поэтических форм севернорусского обрядового фольклора. Они широко представлены в классических и современных изданиях, но лишь с недавнего времени подверглись тщательному текстологическому изучению. Частично мы согласны с В. А. Лапиным, который характеризует состояние изучения этой традиции следующим образом: «Групповая причеть севернорусской свадьбы — особый музыкально-поэтический феномен, который, с одной стороны, эмпирически нащупывался музыкантами-собираателями в полевой работе, а с другой — почти умозрительно, логически «вычислялся» современной наукой, этнографией и фольклористикой. Понадобилось почти 50 лет после первых фонографических записей групповой причети, сделанных Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд на Пинеге, чтобы эта форма стала наконец предметом исследований. . .»¹ Но категорически возражаем этому суждению в той его части, согласно которой первая фонографическая запись и первая публикация групповой причети оказываются связанными с работой Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд, получившей отражение в известном сборнике «Песни Пинежья».²

Анализ музыкально-этнографических публикаций XIX—начала XX в. раскрывает иную картину. Ранние собиратели севернорусского фольклора, столкнувшись с активно бытующими формами групповых причитаний практически на всей подвергавшейся обследованию территории, зафиксировали их в своих собраниях. Но сложность распознавания этих форм обусловлена особенностями публикации материалов и использованием методики слуховой записи, при которой отдавалось предпочтение записям от одиночных исполнителей. Кроме того, для большинства напевов, как стало известно после детального современного обследования севернорусских традиций, одинаково

типичны и сольные, и групповые формы исполнения. Поэтому только сравнение с современными записями с учетом этнографических особенностей местных свадебных и погребальных обрядов может служить надежным гарантом верного толкования ранних материалов.

Недавно усилиями Вл. В. Протопопова была вновь опубликована незаслуженно преданная забвению статья А. Жаравова «Сельские свадьбы Архангельской губернии», вышедшая в свет впервые в 1853 г. в журнале «Москвитянин» (№ 13).³ Эта одна из первых музыкально-этнографических работ могла быть известна специалистам и по Нотографическому указателю.⁴

Среди 18-ти напевов, помещенных в статье, 5 относятся к причети (№ 6—10). Известно, что материал записывался в трех селах — Вознесенском Архангельского уезда (устье Сев. Двины), Куростровском Холмогорского уезда (устье Пинеги) и Усть-Важском Шенкурского уезда (устье Ваги). Лишь к одному из напевов дана короткая сноска, согласно которой устанавливается точное место записи — село Усть-Важское.⁵ При сравнении с современными материалами из Архангельской обл., записанными на Северной Двине и на Ваге, обнаруживается, что все 5 напевов могли быть связаны с традицией группового исполнения, но рассмотрим мы лишь один из них — именно тот, который точно паспортизирован (№ 9).⁶

Пример 1

Аналогичные формы строфических причетных напевов подробно рассматриваются в одной из наших работ.⁷ Такие напевы типичны для групповых причитаний Виноградовского и Верхне-Тоемского районов Архангельской обл. и распространены от Двинского Березника до Нижней Тоймы, включая и села на Ваге. Ниже приводим одну из современных записей, сделанную почти через 130 лет после публикации А. Жаравова в населенном пункте, расположенном на Сев. Двине параллельно селу Усть-Вага.⁸

Пример 2

Да как серебряно колечико
Да распаятисе хо...<чет>,
Ой как дружба-то наша великая
Да раздружитисе хо...<чет>.
Ой завсегда мы вместе ходили
Да по долгим вечера...<ночкам>,
И в одну мы лавочку садилисе,
Пели весёлые пе...<сенки>.
Ой пели песенки весёлые
Да во всю буйную го...<лову>,
Ой мы горя да не споминывали,
Веселья не забыва...<ли>.
Ой нам пошто горё споминывати,
Весельё позабыва...<ти>?
И надо тем-то горё споминывати,
Весельё позабыва...<ти>,
Которы выданы бедны, выброшены

На чужу дальнюю сто... <рому>.
 И хошь сторонка-то не дальная,
 Да только люди чужи... <е>.
 И хошь и сколь-то добры чужи —
 Да не отец да не ма... <тушка>.
 Они с добра да не побудят-то,
 Да с весела не наре... <дят>.
 Ой всё скажут: «Вставай-то, вставай, колодина,
 Да пробужайсе, валё... <на>».
 И уж я встала да умыласе
 Своей тоской да кручи... <нушкой>.
 И говорила я утром батюшку,
 Утром по раннему у... <тречку>:
 — Ой ты сходи-ко ты, родной батюшко,
 Да к кузнецу хитрому.
 И уж ты скуй-ко, родимой батюшко,
 Да топор-вострую са... <бельку>,
 И засеки-ко мене засеку
 Да от востока до за... <пада>.
 И чтобы той да дивьей красоте
 Да не пройти, не прое... <хати>,
 Ой не пройти да не проехати,
 Да соколом не лететь.

Отметим достаточную точность записи напева в публикации А. Жаравова. Различия с современной записью касаются ладового наклонения, что совершенно допустимо, и одной метро-ритмической детали, разрушающей четную периодичность при соединении двух музыкальных фраз. Подтекстовка напева выполнена правильно.

Образец группового причитания, записанный в Унском посаде (Летний берег Белого моря), помещен в собрании Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша.⁹

Пример 3

Почти 100 лет спустя эта форма была зафиксирована экспедицией Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР как активно бытующая в традиции группового исполнения.¹⁰

Пример 4

На пяту двери отворилисе,
 На крюках двери остоялисе.
 Тут идут-то ведь, поступают-то
 Чёсны званые госьи да небывалые.
 Которы век в доме не бывали-то,
 Хлеба-соли-то не едали-то,
 Те пришли-то ведь, прикатилисе
 Во наш дом-от ведь, тёпло витоё.
 Ой во гнездышко оне крёст кладут,
 Не по-учёному ой поклон ведут,
 Не по-писаному оне честь отдают.

Сравнение показывает, что запись напева осуществлена Г. О. Дютшем в основном верно. Разночтения связаны главным образом с подтекстовкой. По-видимому, Г. О. Дютш исходил из привычных пред-

ставлений о соответствии долготы произнесения слога и акцентности тонического стиха, о преимущественно равномерном слогопроизнесении в музыкальных формах, направленных на произнесение слова. Но это не всегда согласуется с нормами, закрепившимися в народно-песенной практике.

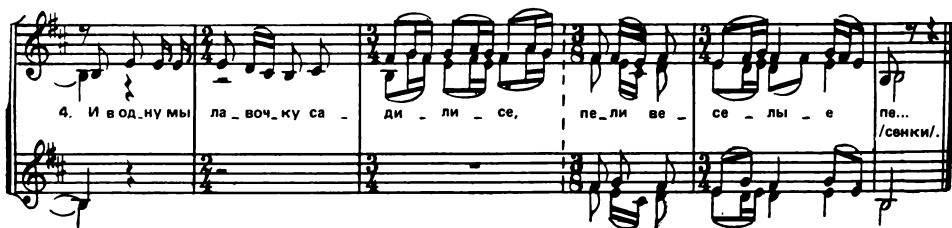
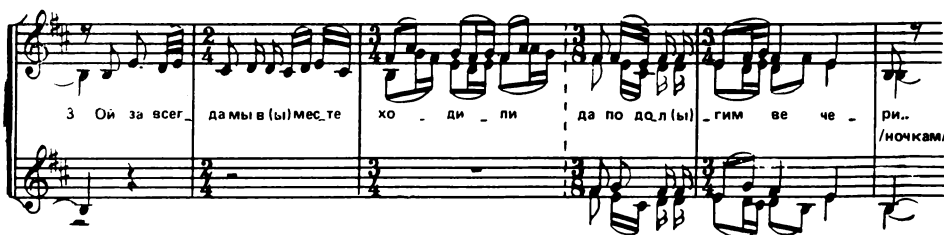
Наибольшее количество напевов групповых причитаний содержится в издании Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова.¹¹ Эти материалы требуют обширного текстологического комментария. В настоящей работе мы рассмотрим лишь один образец.¹²

Пример 5

Этот напев приводит Ф. А. Рубцов для иллюстрации некоторых особенностей ладообразования в ранних формах музыкального фольклора. Он, в частности, указывает на то, что «в данном напеве условность воплощения исходного интонационного прототипа (плачевой интонации. — Ю. М.) сказывается в широко развитых внутрислоговых распевах, благодаря которым причитание приобретает качества подлинной песенности, не выходя, однако, в плане музыкального содержания из круга монотонной речитации».¹³ Тем самым Ф. А. Рубцов поставил вопрос о закономерности образования песенных форм причети и указал на существование таковых. Высказанная им мысль стала исходной посылкой для многих исследователей, добившихся на пути изучения севернорусской причети ощутимых результатов. Жаль только, что приоритет Ф. А. Рубцова при этом замалчивался.

Современные экспедиционные обследования районов Кубены (по маршруту Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова), а также юго-западных районов Вологодской обл. (Грязовецкого, Междуреченского, Сокольского) показали, что развитые формы однострочных напевов широко бытуют в групповой свадебной причети местных традиций. К сожалению, именно на Кубене состояние местной песенной культуры оказалось крайне неудовлетворительным и добиться записей, прямо подтверждающих материалы Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова, не удалось.

Методика ранних собирателей оказывалась недостаточной для фиксации причетных напевов коллективной традиции исполнения. Все же в некоторых источниках содержатся наблюдения и комментарии, позволяющие составить более полное представление о формах бытования причети на Русском Севере. А. Л. Маслов в материалах Зимнего Берега Белого моря отмечает следующее: «Невеста, закрывшись кисейным платком, заводит слезливым голосом первую плачь, т. е. причитание. Когда невеста окончит плачь, ее повторяют 2 или 3 плачей, но уже другим напевом».¹⁴ И далее: «Что касается свадебных причитаний, то они исполняются по два раза: один раз невестою — на один мотив, а вслед за тем другой раз плачами — на другой мотив».¹⁵ Несколько важных замечаний находим в материалах Терского берега Белого моря: «Для обозначения плачей употребляются термины: „плакать“, „выплакивать“, „приплакивать“ и изредка „причитывать“ <...>; отвечать плачью — „отплакивать“. Женщины,

Довольно скоро

3

Бла - го - сло - ви - ко - пре - свя - та | бо - го - ро - ди - ца, |
 Бла - го - сло - ви - ко - пре - свя - та - бо - го - ро - ди - ца.
 Ко - то - ра божь - я мать | бо - го - ро - ди - ца. ||
 Ко - то - ра божь - я мать бо - го - ро - ди - ца

$\text{♩} = 72-76$

4

1 На - пля ту д(ы) - ве - ри о - т(ы) во - ри - ли - се,
 2. На к(ы)рю - ка - х(ы) д(ы) ве - ри о - с(ы) то - я - ли - се.
 3. Ту - т(ы) и - дв - т(ы) то ве - д(и), по - с(ы) ту - па - ю т(ы) - то
 4. Че - с(ы) - ны з(ы) - ва - ны - е го с(и) и да не бы ва - лы - е

$[\text{♩} = 68]$

5

Ой да кра - со - та ли да мо - я да кра.. Да

♩ = 52

6

Э - по - вей - те - (т) - кось вы

по - те - ни - те - ко да вет_ры, ве_т(ы)_ры бу...

[♩ = 164] (а) со всех со грех_то со че_ты_рех сто...

1. Бла_го с(ы)ло - ви - т(ы) ко те_бя, бо_же гос_поди,

2. Да при_с(ы)вя - га - бо_ж(и)_я да бо_го ро ди_ця,

3. Да бе_лой_то ле - бе_ди мне - ка вос_кли_ка_ти,

4. Да кра_с(ы)ной_то де - вуш_ки мне - ка вос_пла_ка_ти

♩ = 72

7

1. Да сла_ва те_бе, сла_ва да те_бе го(споди) Ох!

2. Да я по_смы_ла я да кра_сна де(вушка) Ох!

3. Да со_бе_ла, со_бе_ла ли_ца сле_зи(ночку). Ох!

4. Да с_ре_ти_ва, с_ре_ти_ва серд_ца кру_чи(нушку). Ох!

6. Да я и_ду, и_ду да кра_сна де(вица) Ох!

7. Да по_сле бай.. по_сле бай_ни, да по_сле па(рущ) Ох!

1 у ко - ро - тал - то ба - тю - ш(и) - ко

2. Да мне - то пу - ти да до - ро...

мне - то пу - ти до - ро - жо - н(и) - ки.

3 Да при - за - кры - ла - то ма...

при - за - кры - ла - то ма - мү - ш(и) - ка

4 Ой мно - го - то све - ту - го бе...

мно - го - то све - ту - го бе - ло - го - то

5 Дак э - то бо - же то, бо . (ох)

э - то то бо - же то, бо - же с(ы) - во

6. Да во и - мя то И - сус... то Хрис -
во и - мя то И - сус Хрис - тос

7. Да пре - свя - та я то тро...
пре - свя - та я то тро - и - ця то

8. Да ма - терь то бо го ро...
да мать то бо го ро - ди - ця то

9. Да гы ров но то про гне..

помогающие невесте плакать, называются „плацеями“; обыкновенно плачей бывает 3—5. Плачи поются на один или на два напева; для похоронных плачей — напев особенный».¹⁶ Там же помещен и первый убедительный образец двухголосного группового причитания, нотированный А. Л. Масловым с фонографической записи. Этот пример интересен и тем, что устанавливает ритмосинтаксические параллели с напевом, опубликованным Д. М. Балашовым и Ю. Е. Красовской.¹⁷ Такие параллели могут рассматриваться как косвенное свидетельство о групповой традиции исполнения последнего.

Пример 6

Важный образец группового причитания с разделением функций участников опевального обряда в процессе его совершения помещен в Новгородском собрании Е. Э. Линевой. Публикация сопровождается следующими замечаниями: «На первой ноте последнего такта перерыв „Ох!“ Если причитает или голосит невеста, то охают все девушки вместе, если же причитальщица — специалистка, нанятая, или из родни, то охает и рыдает невеста».¹⁸

Пример 7

Подобные формы исполнения причети широко распространены в северных районах Вологодской обл. Некоторые из них прокомментированы в «Русской свадьбе».¹⁹

Напев Е. Э. Линевой и отобранный нами напев из собрания Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова записаны в соседних районах и принадлежат единой причетной традиции. Эта традиция и генетически и исторически тесно связана с новгородской культурой, но вместе с тем ярко представляет песенность, распространенную на территории современной Вологодской обл. в ее западной части.

В материалах упомянутых классических собраний насчитывается более десятка напевов групповых причитаний. Однако не менее ценные и убедительные образцы содержатся в неопубликованном архивном наследии ранних собирателей. Поэтому мы видим свою скромную задачу еще и в том, чтобы наиболее важные для истории фольклористики записи стали, наконец, доступны специалистам.

В фонографических материалах экспедиции Е. Э. Линевой 1901 г. удалось обнаружить два неопубликованных напева, представляющих культуру групповой причети. Первый из них записан в д. Курицыно Кирилловского уезда б. Новгородской губ. (ныне — Кирилловский район Вологодской области). Никаких дополнительных сведений о нем в рукописном архиве Е. Э. Линевой не содержится. Фонограмма поддалась расшифровке, которую мы приводим ниже полностью.²⁰

Пример 8

〈Ты〉 меня, Господи, ты благослови
Меня, душу-ту да красну девицу.
Благословите-тко вы Божьи святители,

Да прикажите-тко вы спородители
 Да мне спустить да красной девице
 Да тонка-звонка да мне прогласыця.
 Да мне-то бы по <...> по любим лесам-болотам,
 <...> да чтобы поцюли пащицю. . .

Этот образец может рассматриваться в контексте с белозерской записью Е. Э. Линевой и кубенской записью Истомина-Ляпунова.

Второй напев записан в д. Михалево Вельского уезда б. Архангельской губ. (ныне — Устьянский район Архангельской обл.) от группы женщин и девушек.²¹

Пример 9

Укоротал-то батюшко
 Да мне-то пути да доро. . . мне-то пути-дороженьки,
 Да приакрыла-то ма. . . приакрыла-то мамушка
 Ой много-то свету-то бе. . . много-то свету-то белого-то.
 Дак это-то Боже-то, бо. . . (ох) это-то Боже-то, Божество,
 Да во имя-то Исус. . . во имя-то Исус-то Христос.
 Да Пресвятая-то Тро. . . Пресвятая-то Троица-то,
 Да мать-то Богоро. . . да мать-то Богородица-то,
 Да ты ровно-то прогне. . . <вилась>. . .

В архиве Е. Э. Линевой имеется синхронная запись поэтического текста причитания, которую мы помещаем без каких-либо поправок.²²

Укоротил батюшка
 Мне пути дороженьки,
 Приакрыла матушка,
 Да приакрыла-то матушка
 Много свету-то белого,
 Это Боже Божеский
 Во имя Исус Христос
 Да Пресвятая-то Троица
 Мать Богородица
 Ты ровно прогневилась,
 Прогневилась на меня
 Батюшко и матушка
 Братцы и сестрицы
 Дядюшки и тетюшки.

Сравнение текста, зафиксированного на фонограмме, с рукописным текстом показывает, что запись последнего осуществлялась Е. Э. Линевой скорее всего в технических целях. Она должна была облегчить расшифровку материала. Поэтому в качестве оригинала здесь предпочтительнее рассматривать звучащий текст.

В 1927 г. состоялась экспедиция Государственного института истории искусств на Мезень. Руководил работой В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Участники экспедиции стремились зафиксировать максимальное количество музыкально-поэтических форм мезенского свадебного и похоронного обрядов. Среди них исключительно ценными оказались записи групповых причитаний, осуществленные в четырех селах. Параллельных записей поэтических текстов и фонограммам

в рукописном архиве экспедиции не содержится. По-видимому, образцовые материалы выпрашивались специально у отдельных знатоков. На фонограф фиксировались лишь образцы звучания причети, причем с наиболее нейтральных в поэтическом отношении «общих мест». Мы сочли возможным ограничиться в публикации лишь тем текстом, который сохранился в звукозаписи.

В. Н. Всеволодский-Гернгросс записал напевы в двух версиях. Первая версия представлена вариантами из сел Пылема, Малые Нисогоры и Верхний Березник.²³ Эти записи удобны для демонстрации принципов варьирования одной музыкальной формы в трех местных песенных традициях.

♩ = 96 10

1. М (ы)_не _цю _ш (и) _ ко то _ ш (и) _ не _ хо.и (и)! ко!

2. Ай от_во ро _ цю да ли _ це ве _ ло _ ё

3. А от боль _ ша _ тл (и)ко _ уг (ы) _ ла пе _ ре _ д (ы) _ не _ го...

Пример 10

Мнецюшко тошнёхонько!
Ай отвороцю да лицё белоё
А от больша только угла переднёго. . .

Пример 11

Отвороцусе я многокруцинная
От больша-то угла передняго,
Иконы-то да лику Божьёго. . .

1. От_во_ро_ цю_се я мно_ го_ к(ы)ду_ ци_ н(ы)на_ я

2. От боль_ ша то у_г(ы)ла пе_ ре_ д(ы)ня_ го,

3. И_ ко_ны то да ли_ ку бо_ ж(и)е_ го...

Пример 12

Ой ох ти мнecюшко тошнёхонько!
 Ай отвороцю да лицё белоё
 А я уж от угла передняго,
 Ай от иконы-то да лику Божьёго...

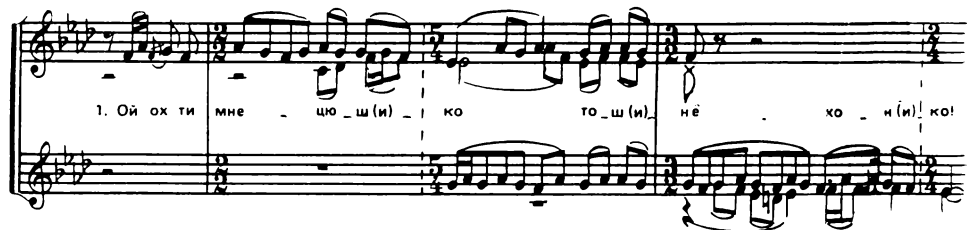
Вторая версия трижды записана в селе Койнас — дважды со свадебными текстами, один раз — с текстом похоронного причитания.²⁴ Тем самым устанавливается диапазон варьирования напева в одной певческой традиции. Кроме того, запись группового похоронного причитания уже сама по себе заслуживает пристального внимания.

Пример 13

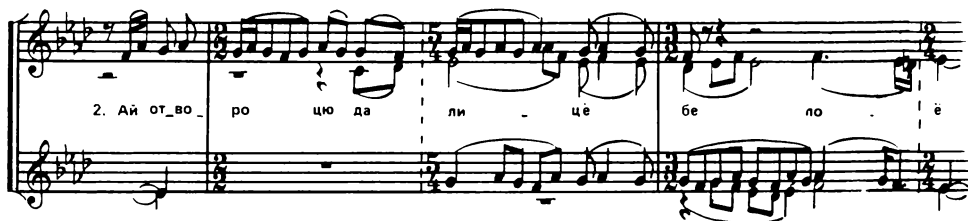
А ты дай-ко, мой да красной со... <лнышко>,
 А ты дорогого да цветна пла... <тыца>,
 А мне дорогого хоть шолку ра... <зного>,
 А мне мелкой бисерной да басомент.
 А мне средитце да сподоби... <тце>
 А мне во всё в то да цветной пла... <тыце>,
 А мне в дорого, мне хоть шолку ра... <зного>...

Пример 14

Ай уж я выйду, горё злосця... <стная>,
 И из своей-то да светлой горницы,
 Из-под дубовой да крутой хоро... <мины>.
 И вот я стану, горё злосця... <стная>...

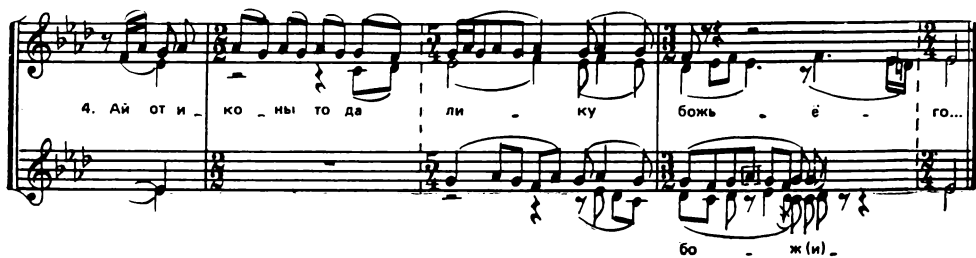
1. Ой ох ти мне - цю - ш (и) - ко то - ш (и), не хо - н (и) ко!

2. Ай от во - ро цю да ли - це бе ло - є

3. А я уж от у - г (ы) ла пе - ред - ня - го.
ре - д (ы)

4. Ай от и - ко - ны то да ли - ку божь - є - го...
бо - ж (и) -

1. А ты да - й (и) ко, мой да - кра - с (ы)_но - ё со...
/лнышко/.

2. А ты до - ро - го го да_ц (ы)_ве - т (ы)_на п (ы)_ла...
/тьица/.

3. А мне до - ро - го - го хоть шо - л (ы)_ку ра...
/зного/.

4. А мне ме - л (ы)_ко й (и) би - се_о (ы)_ной да ба - со мент.

5. А м (ы)_не с (ы)_ре - дит - це да с (ы)_по - до би...
/тце/.

6. А м (ы)_не во в (ы)_се в (ы)_то да_ц (ы)_ве - т (ы)_но - ё пла...
/тьице/.

7. А мне в до - ро - го м (ы)_не хоть шо - л (ы)_ку ра...
/зного/...

1. Ай у ж(ы) я вы _ й(и)ду, го _ ре з(ы)ло _ сця...
/стная/

2. И из с(ы)_во _ е _ й(и)то дас(ы)вет _ лой гор _ ни _ цы,

3. Из _ под ду _ бо _ вой да к(ы)ру _ то _ й(и)хо _ ро...
(мины/.

4. И во_т(ы) я с(ы)_ та _ ну, го _ ре з(ы)_то _ сця...
/стная/...

♩ = 96

2. А в(ы)-се на ла - воц(и)ку да на б(ы)-ру-с(ы)-ця... /тую/

3. А я ко - ко - шач(и)ху да я к(ы) пе - ре... /днемү/,

4. А я к(ы) про-с(ы) - те моц(ы)ку да но - н(и) пе - ре... /днемү/,

5. Ай я во с(ы)-ле - за - к(ы) ле да с(ы) го - бо - й(и), ро... /дненький!/,

6. А я ко с(ы)-во - ё - му да к(ы)-ра - с(ы)-ну со... /лньшкү/

7. А я ко ро - ви - те - лю да к па - па - н(и) - ке...

<. . .> А все на лавоцьку да на брусця. . .<тую>,
 А я к окошоцьку да я к пере. . .<днему>,
 А я к простеноцьку да нонь пере. . .<днему>.
 Ай я во слезах ле да с тобой, ро. . .<дненький>!
 А я ко своёму да красну со. . .<лышку>,
 А я ко родителю да к папаньке. . .

Материалы, собранные В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, позволяют рассматривать напевы групповых причитаний не изолированно друг от друга, а в контексте местной музыкальной культуры. Совершенно очевидно, что собиратель преследовал цель фиксации различных форм причети в разных условиях исполнения. Такая методика приближается к современной методике записи причети. Сейчас еще не наступило время для окончательной оценки работы В. Н. Всеволодского-Гернгросса, выполненной более чем 50 лет назад. Остается лишь сожалеть, что его материалы не получили должного освещения в музыковедческих публикациях и в основной своей массе пока еще не известны.

Таким образом, Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд оказались прямыми последователями своих предшественников. Они по сути завершили первый этап изучения севернорусской плачевой культуры, зафиксировав образцы групповой причети на Пинеге (Шотова гора) в 1927 г. и в последующих экспедициях на Мезень (по архивным материалам — Малые Нисогоры, Лебское, Латьюга). Спустя 30 лет эта работа все в том же мезенском направлении была продолжена сотрудниками ИРЛИ АН СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лапин В. А. Воля — групповое голошение в лужско-шелонской свадебной традиции // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики: Сб. статей. Л., 1986. С. 105.

² Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Песни Пинежья. М., 1937. Кн. 2. С. 517—519.

³ Протопопов Вл. В. Забытая публикация русских народных песен // Музыкальная фольклористика. М., 1986. Вып. 3. С. 90—104.

⁴ Бадер Д. М., Рабинович Б. И. Русская народная музыка: Нотографический указатель (1776—1973). М., 1981. Ч. 1. С. 150—151, № 508.

⁵ Протопопов Вл. В. Забытая публикация русских народных песен. С. 90, 98.

⁶ Здесь и далее все напевы из ранних публикаций приводятся в нашей редакции.

⁷ См.: Марченко Ю. И. Напевы групповых причитаний в междуречье Северной Двины и Ваги // Русская народная песня. Стиль, жанр, традиция. Л., 1985. С. 54—55, № 10 (а, б), 12 (б).

⁸ Зап.: Выходцев П. С., Марченко Ю. И., Морохова Л. Ф., Петрова Л. И., Толстикова И. Б. 1 июля 1980 г. в с. Тулгас Заостровского с/с Виноградского р-на Архангельской обл. Исп.: Ракитина Т. А. 1910 г., Зыкова А. Ф. 1910 г., Скорнякова А. А. 1910 г., Скорнякова А. С. 1913 г. // ФА ИРЛИ, МФ 2056—04. Здесь и далее все впервые публикуемые образцы приводятся в нашей нотировке. Реконструируемые части слов здесь и далее заключены в квадратные скобки.

⁹ Песни русского народа / Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. С. 83, № 3. В верхнем ряду приводится подтекстовка Г. О. Дютша. Напевы групповых причитаний в сольных вариантах содержатся и в собрании О. Х. Агреневой-Славянской. См., например: А г р е н е в а - С л а в я н с к а я О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. М., 1887. Ч. 1. Нотн. прим. № 1.

¹⁰ Зап.: Коргузалов В. В., Хомчук Н. И. 22 июля 1976 г. в с. Уна Пертоминского с/с Приморского р-на Архангельской обл. Исп.: Мошкова Х. С. 1906 г., Мошкова А. А. 1908 г., Мошкова П. Л. 1913 г., Мошникова Т. С. 1912 г., Серукина М. Ф. 1903 г., Зарубина А. А. 1908 г. // ФА ИРЛИ, МФ 1273—01.

¹¹ Песни русского народа / Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899. С. 55 (№ 1), 60—65 (№ 4—8), 69 (№ 10), 75 (№ 12), 82 (№ 17).

¹² Там же. С. 61 (№ 5). Тот же напев — см. № 6 (с. 62).

¹³ Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен. Л., 1964. С. 62—63.

¹⁴ Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1. Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица // Труды Муз.-этногр. комиссии, состоящей при имп. Об-ве любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1906. Т. 1. С. 121.

¹⁵ Там же. С. 145.

¹⁶ Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2. Терский берег Белого моря (южное побережье Кольского полуострова: с. Кандалакша, д. Федосеевка, с. Кузомень, с. Варзуга) // Труды Муз.-этногр. комиссии. . . М., 1911. Т. 2. С. 15—16; напев см.: Там же. Музыкальное приложение. Напевы Терского берега Белого моря. С. 13 (№ 72).

¹⁷ Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969. С. 30—31 (№ 1). Вариант см.: Там же. С. 53—54 (№ 14).

¹⁸ Великорусские песни в народной гармонизации. Вып. 2. Песни новгородские / Записаны Е. Линевой; Текст под ред. акад. Ф. Е. Корша. СПб., 1909. С. 36—37 (№ 15).

¹⁹ Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Устюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 35, 46, 48.

²⁰ ФА ИРЛИ, ФВ 2485—02.

²¹ ФА ИРЛИ, ФВ 2551.

²² ИРЛИ, р. V. колл. 34, п. 6, л. 134.

²³ ФА ИРЛИ, ФВ 686—02, 689—04, 684—02.

²⁴ ФА ИРЛИ, ФВ 687—06, 688—02 (свадебные причитания), 687—07 (похоронное причитание).

АРХИВНЫЕ ЗАПИСИ ПИНЕЖСКОГО ЭПОСА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ ИСКУССТВ 1927 года)

Публикация А. Ю. Кастрова

В общем числе музыкальных публикаций севернорусского эпоса наименее представлены напевы пинежской эпической традиции. Ограниченность источниковых материалов затрудняет исследование музыкальной типологии и стилистики пинежского эпоса в достаточно полном объеме. Даже столь фундаментальное издание, как «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», содержит образцы эпических напевов, записанных в основном на нижнепинежской территории (от д. Угзеньга до д. Шотогорка).¹

Последующая публикация пинежского эпоса, осуществленная А. М. Астаховой² по материалам комплексной экспедиции 1927 года Государственного института истории искусств (ГИИИ), включает большую часть собранных поэтических текстов сказителей территории среднего течения реки Пинега (от покшеньгских до сурских деревень). Напевы эпической традиции, записанные на фонограф участниками экспедиции З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиусом, представлены в этом издании единичными образцами. За пределами тома остались не только тексты и напевы ряда баллад, но также напевы двух былин. Из числа неизданных материалов впоследствии был опубликован лишь напев баллады «Кострюк», записанной в д. Шотова гора от А. П. Вехорева.³ Настоящая публикация, вводящая в научный оборот архивные музыкальные материалы экспедиции ГИИИ, призвана дополнить и расширить сложившиеся представления о музыкально-типологических и стилевых особенностях эпической традиции Пинежья. В состав публикации входят расшифровки экспедиционных фонограмм и слуховые нотации из полевой тетради З. В. Эвальд.⁴ Особенности методики собирательской работы фольклористов ГИИИ обусловили (за редким исключением) несинхронность записи музыка-

ведами напевных инципитов, а филологами — полных поэтических текстов от одних и тех же исполнителей, а в конечном итоге — значительные расхождения между рукописями и фонограммами. Вследствие этого тексты к публикуемым нотным расшифровкам приводятся в объеме, зафиксированном на фоноваликах.

Два образца былинных напевов, записанные в верховьях Пинеги и на ее центральной территории, существенно различаются по типологическим и стиливым признакам. Декламационный напев былины «Дюк Степанович», являющийся уникальным образцом былинного эпоса на территории пинежско-вашкинского бассейна и единственной фиксацией данного сюжета на Пинежье, представляет собой форму воплощения собственно сказительского стиля и обнаруживает, помимо параллелей с нижнепинежскими напевами,⁵ интонационное и структурное родство с тирадными напевами обонежской традиции.⁶ Незначительный объем источниковых материалов не позволяет определить принцип тирадной организации в качестве структурно-стилистической закономерности для верхнепинежских эпических напевов. Отметим только, что черты тирадности просматриваются в нескольких образцах напевов — духовного стиха «Страшный суд», потешки («Уточка моховая») и небылицы («Кашка прела-горела»), записанных в д. Сульца экспедицией ИРЛИ 1983 года. Ввиду отсутствия полного текста настоящей былины,⁷ невозможно с уверенностью атрибутировать ее сюжет. Однако обращает на себя внимание некоторое противоречие между каноническим зачином и мотивом боя на Волхове, типичным для сюжета «Василий Буслаевич».

Фонограмма былины «Илья Муромец и станичники», записанной в д. Карпова гора (с. Карпогоры), до настоящего времени не сохранилась. Фоновалик «выключен по акту от 23.10.1934 как разбитый при перевозке». Осталась лишь перебеленная рукопись нотации фонограммы с подтекстовкой. Установить автора нотировки не представляется возможным, поскольку расшифровкой пинежских фонограмм в разное время были заняты З. В. Эвальд, А. Г. Кудышкина и Е. В. Гиппиус. Несмотря на отсутствие в паспорте фоновалика и в рукописи сведений об исполнителе, косвенные данные довольно точно позволяют атрибутировать запись. Из всех карпогорских сказителей былина с указанным сюжетом была записана экспедицией ГИИИ только от И. А. Ломтева. Имеющийся в нотной рукописи фрагмент поэтического текста наиболее близок к зачину опубликованной былины И. А. Ломтева.⁸ Наконец, А. М. Астахова отмечает факт записи сказителя на фонограф.⁹

Ритмосинтаксические и интонационные признаки напева в форме строфического периода, состоящего из двух двенадцатимерных слогоритмических периодов, позволяют отметить черты песенной реализации эпического текста. Песенная стилистика напева былины находит воплощение и в особенностях организации структуры поэтического текста, выраженной в форме цепной строфы. Типичность указанного структурного признака для местных вариантов текста былины «Илья Муромец и станичники» подтверждается записями А. Д. Григорьева¹⁰ и материалами современных фольклорных экспедиций. Заслуживают

Пример I

$\text{♩} = 54$

Из сла-но-го и-з(ы) го-ро-да Му-ро-ма
 Про-ле-га-ла до-ро-га ши-ро-ка-я.
 Про-ле-га-ла до-ро-га ши-ро-ка-я,
 И ши-ро-ка до-ро-га, г(ы)-лу-бо-ка-я

Пример II

а. Из сла-но-го из го-ро-да Му-ро-ма
 Про-ле-га-ла до-ро-га ши-ро-ка-я.
 б. Не в ве-ли-ком Доб-ры-нюш-ка воз-рас-ти
 в. Не по-смет вор-со-ба-ка вца-ри-ти-ся
 г. (Да) шо не бе-ла-я ль бе-рез-ка к зем-ли кло-нит-ся
 д. За-ле-га-ла до-рож-ка пря-мо-ез-жа-я
 е. Как ша-тал-ся, ва-лял-ся ста-рой ста-рик

внимания факты определения некоторыми сказителями данной былины в качестве песни и указания на ее бытование в групповой форме исполнения.¹¹ Стилиевые особенности напева настоящей былины органично вписываются в общий контекст традиции преимущественно артельного исполнения эпоса, распространенной на среднепинежской территории и отмеченной исследователями и современными собирателями.¹² Сопоставление современных вариантов пинежского напева былины «Илья Муромец и станичники» обнаруживает его стабильность, свойственную коллективным песенным формам. А сравнение их с напевом И. А. Ломтева позволяет гипотетически рассматривать последний в качестве нижнего голоса многоголосной фактуры. В качестве одного из аргументов высказанных выше положений приводим инципит былины, записанной 1 д. Церкова гора от Вассы Алексеевны Кузнецовой.¹³

Пример I

При рассмотрении приведенного напева в контексте музыкальной эпической традиции Пинежья черты наибольшего схождения по звуковысотному и слогоритмическому параметрам (с различиями в композиционной структуре) можно обнаружить в напеве М. Д. Кривополеновой «Добрыня и Змей» (см. пример IIб).¹⁴ Необходимо также отметить существование ритмосинтаксических параллелей пинежского напева былины с одним из типов эпических напевов олонедкой традиции (см. пример IIв),¹⁵ с группой напевов кулойско-мезенской традиции (см. примеры IIг, IIд)¹⁶ и с калужскими былинными напевами (см. пример IIе).¹⁷

Пример II

Публикуемые напевы пинежских баллад составляют особый диахронный историко-стилевой слой музыкальной эпики. Без привлечения современных записей, расширивших круг известных музыкальных форм балладного эпоса, любые выводы о специфике музыкально-стилевых закономерностей и типологической характеристики напевов пинежских баллад будут неполными. Поэтому ограничимся указанием на тенденцию песенного воплощения поэтических текстов как общую для музыкальной эпической традиции среднепинежского ареала.

К особенностям бытования эпических баллад в бассейне средней Пинеги относятся преимущественное их распространение среди женского населения¹⁸ и отмечавшаяся выше традиционность групповой формы исполнения. В качестве иллюстрации последнего положения в публикации представлен образец напева «Небылицы». Выученный у М. Д. Кривополеновой и занесенный в карпогорские деревни¹⁹ сольный вариант напева трансформировался в условиях устойчивой и жизнеспособной артельной исполнительской традиции.

Нотировки звуковых материалов экспедиции ГИИИ дополняются слуховыми записями эпических напевов, отображенными нами из 37 разножанровых набросков З. В. Эвальд. В издании сохранены автор-

ские особенности нотного текста, допущенная в отдельных случаях коррекция тактировки отмечена в комментариях.

Публикуемые фрагменты поэтических текстов приведены в соответствии с современными орфоэпическими нормами и отражают лишь некоторые диалектные особенности.

Отточиями в угловых скобках отмечены моменты нарушения в процессе исполнения стабильности передачи музыкально-поэтического текста (внетекстовые элементы, связанные с остановками, исправлением ошибок, оговорок и пр.). В квадратные скобки заключены реконструируемые элементы музыкально-поэтического текста. Необходимость подобной реконструкции вызвана наличием в фонограммах лакун, обусловленных несовершенством техники акустической записи на восковые валики.

¹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 г. М., 1904. Т. 1 (далее — Григорьев 1). Слуховые записи напевов М. Д. Кривополеновой «Егорий» и «Вознесение», выполненные В. Г. Каратыгиным, служат дополнением к публикации А. Д. Григорьева. См.: О з а р о в с к а я О. Э. Бабушкины старины. Пг., 1916. С. 121.

² Былины Севера. Т. 2. Прионежье, Пинега, Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951 (далее — Астахова 2).

³ Исторические песни XIII—XVI веков / Издание подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. Нотное приложение № 30.

⁴ Все публикуемые материалы хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ.

⁵ Григорьев 1, напевы № 1, 2, 4, 44, 45, 47.

⁶ Близость между рапсодическими музыкальными формами Обонежья и Пинежья отмечена В. В. Коргузаловым в статье «Напевы былин новгородского цикла» в кн.: Новгородские былины / Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978, С. 336—338, 342.

⁷ Рукописи поэтических текстов, фиксировавшихся собирателями-музыковедами во время звукозаписи, не были своевременно сданы в архив, место их нахождения неизвестно. Текстовые записи, выполненные З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиусом в пинежских экспедициях, ограничиваются машинописным экземпляром 1 тома сборника «Песни Пинежья», хранящимся в Рукописном фонде Фонограммархива (ФА ИРЛИ, РФ, п. 10).

⁸ Астахова 2. № 208. Вариант текста, см.: К о л п а к о в а Н. П. У золотых родников. Л., 1975. С. 77.

⁹ Астахова 2. С. 584.

¹⁰ Григорьев 1, № 105 (141) — комментарий, №№ 119 (155), 126 (162).

¹¹ И. М. Ломтев, дядя И. А. Ломтева, отмечал, что «ее старики пели, когда собирались вместе» (Григорьев 1. С. 471).

¹² Григорьев 1. С. 234, 463, 471, 509, 549; Астахова 2. С. 680; Материалы фольклорных экспедиций ИРЛИ 1983—86 гг. // ФА ИРЛИ, колл. 353, 356.

¹³ ФА ИРЛИ, МФ 2595.03. Зап. и нот. А. Ю. Кастрова. В комментариях сказительницей акцентирована традиционность артельной формы исполнения былины. Биографические сведения о В. А. Кузнецовой см.: Астахова 2. С. 569.

¹⁴ Григорьев 1, напев № 46. Исполнительский вариант ритмики слоγοпроизнесения в клаузуле-каданс данного напева осуществлен путем перераспределения музыкального времени между акцентным слогом и финалисом (на одну единицу увеличена долгота первого за счет сокращения длительности второго).

¹⁵ Исторические песни XVIII века / Издание подготовили О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966. Нотное приложение № 5. В приводимой формуле слогоритмического периода длительности увеличены вдвое.

НОТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

1

$\text{♩} = 94$

С да _ ле _ ча, из Га _ ли _ ча,

Из За _ мость _ я креп _ ка _ го,

Да из той Ко _ ре _ лы из бо _ га _ ты _ е.

Из той пу _ сты _ ни из Да _ ни _ ло _ вой.

Из Да _ ни _ ло _ вой,

Бо _ яр _ ской сын да Дюк Сте _ па _ но _ вич.

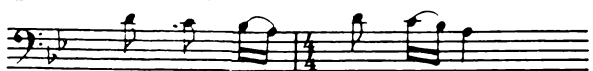
Он дра _ л се бо _ ро _ л се на ре _

_ ке на Вол _ хо _ вей.

Вы _ вз _ жа _ ли ре _ бя _

туш _ ки, взы _ гра _ ли _ си,

Е _ ще да _ ле _ ко о _ ни за _ е _ ха _ ли.

Так со _ би _ ра _ лись с ре _ бя туш ка _ ми...

$\text{♩} = 96$

Из_за сла_в_но_го го_ро_да Ки_е_ва,
 Из_за сла_в_но_го го_ро_да Му_ро_ма
 Там ле_жа_ла до_ро_га ши_ро_ка_я.
 Там ле_жа_ла до_ро_га ши_ро_ка_я,
 Што ши_ро_ка до_ро_га, глу_бо_ка_я.

$\text{♩} = 84$

[А у ца]_ря бы_ло у Фе_до_ра
 И ро_жа_ло се д(ы)_ва_от ро_ка,
 Два от_ро_ка да и две до_че_ри.
 И ро_жал_ся то Е_го_рей_свет.
 Вы_рос_тал Е_го_рей де_ся_ти_не_дель,
 По су_ду_то Бож_ю до де_ся_ти го_дов.

Вы рос та_л(и) Е го рей до двад ца ти не дель

По су ду то Божь ю_до двад ца ти го дов

Што со ту сто_рон куй што со та_пад ну

По ды ма ло се_то ца

ри що Де_мь(и) я ни_що

При ру бил всю си лу кре_ще ну ю,
Кре ще ну си лу да бла сло_в(и) ле_ну ю.

4

$\text{♩} = 60$

Во слав но м(и) во Рим_ском во_ца_рь(и)стве,

При мла до_м(и) ца_ре да при О ну_ферье

у бо_га_то_го кня_зя да Е_фи_мь(и) я_на

Не бы_ло от_родь_я да ни_ка_ко_го

Ни му - же - ска, жен - ско - го по - лу.

О - н (ы) мо - лит - се Гос - по - ду Бо - гу

Во той же, во Божь - ей, ва -

пос - толь - ской церк - ви да во со - бор - ной.

О - н (ы) мо - лит - се Бо - гу да со - и сле - за - ми,

С вос - ко - я - ро - вей - ма да со - и све - ща - ми.

Он про - сит у Гос - по - да де - ти - ща.

— Гос - по - ди Спас да Пре - свя -

та - я Ма - ти Божь (и) я да Бо - го - ро - ди - ца!

Дай - ко м (и) не хо - тя - бы е -

ди - но - го де - ти - ща,

сы - на, ле бы до - черь -

На м(ы) - ла - ды - е ле - та да на у - те ху,

При ста - рос - тей лет да на ко - р(ы) - мле ньё,

На смерт - ной ча_с(ы) ду - ши да на по - ми нок. —

Бо_го - ро - ди - ца гла_сом да про_гла - си - ла:

— Пол - но <Е - фимь_ян>, Бо - гу мо - лить - ся,

Тво - и к Бо - гу мо - лит - вы сдо - хо - д(ы)_ны,

Тво - ё Гос - подь мо - ле - ни - е при - ме(т)

5

6

♩ = 60

Труд - ник мо - ли - л (ы)_ся в пус - ты - нях,

Не вла - дел о - н (ы) ни ру - ка - ми, ни но - га - ми

Во снях е - му Пят - ни - ца я - ви - лась:

— Ты вста - вай, тру - д (ы), ни, к (ы) Бо - жой - от че - ло - ве - че!

Ты пой - ди ко все - му ми - ру и на - ро - ду.

От - ве - чай все - му ми - ру и на - ро - ду.

Што бы три дни в не - де - лю да о - веть з (ы) - на ли:

В сре - ду и в пя - ток по - сти лись,

В вос - кре - се - ни - е Хри - сто - во

Гос - по - ду мо - ли - лись

Дру - г (ы) дру - га да на - ве ща - ли,

Брат бра - та да по чи - та - ли

И де ти от цей — ма те —
рей не за бы ва — ли,

От_цы ма_те_ри де_тей не про_кли_на_

8

Пре_крас_на_я ма_ти, пус_ты_мя,
Пю_без_на_мо_я е_жа_ни_на.

9

$\text{♩} = 78$

Как по_е_хал(ы) князь Ми_хай_ло да на гроз_ну служ_бу,
На гроз_ну служ_бу да на ве_ли_ку_ю.
О_ста_в(ы)_ля_ет он кня_ги_ну на сво_ю ма_ме,нь(и)ху ро_ди_му.

Уж ты, ма_ме_нь(и)_ка мо_я ро_ди_ма, да бе_ре_ги мо_ю кня_ги_ну

Ты спус_кай мо_ю кня_ги_ну да во Божь_ю це_р(и)кву,

Во Божь_ю це_р(и)кву, спус_кай, да Бо_гу мо_лить_ся..

10

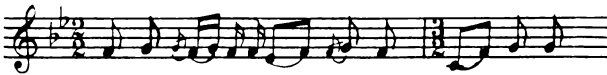
< Как по е_хал князь Ми_кай по... >
 < Вос_гра саб_ля пе_ре_ло_ми лась... >
 < Го_ре_це ка_мень_е_на_жи_га ла... >

11

Ка по шла на_ша Ов_доть_я Ми_хай лов_на

За Дом ной Фа_ли ле_ев_ной

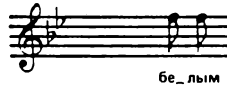
♩ = 54

Allegretto

♩ = 54

$\text{♩} = 62$

Не бы - ли - ца в ли - цах, не - бы - валь - ши - на,
 Да не - бы - валь - ши - на да не - слы - кать - ши - на.
 Да сын на ма - ге - ри да все сно - пы во - зил
 Да не - бы - ли - ца в ли - цах не - бы - валь - ши - на,
 Да не бы валь - ши - на да не - слы - кать - ши - на
 Все сно - пы во - зил да все ко - чо пла - ны
 Да не - бы - ли - ца в ли - цах, не - бы - валь - ши - на,
 Да не - бы валь - ши на да не слы - кать - ши на

¹⁶ Григорьев 3 (СПб., 1910. Т. 3), напев № 45. Приводится формула обобщенного ритма слогопроизнесения. Григорьев 2 (Прага, 1939. Т. 2), напев № 27. Указанный тип напева встречается также в низовьях Пинеги (Григорьев 1, напевы № 3, 13), на Печоре (Астахова 1, напев № 3) и в Поморье (Астахова 2, напев № 23).

Сопоставление обозначенных музыкальных форм пинежской и кулойско-мезенской эпической традиции, обнаруживающее наличие между ними типологических взаимосвязей на уровне интонационных и слогоритмических структур (а между публикуемым пинежским и мезенским напевами также на уровне строфообразования), позволяет рассматривать их в качестве составляющих единой системы. Необходимо подчеркнуть, что форма цепного соединения парных строф поэтического текста, отмеченная в пинежских былинах, не является исключением для севернорусской эпической традиции. Принцип цепной организации структуры былинного стиха находит воплощение в строфической версии основного типа кулойско-мезенских напевов (см. также Григорьев 2, напевы № 24, 32) и в ряде строфических напевов территории Обонежья—Кенозера.

В контексте вышеизложенного, вскользь брошенное замечание о специфичности строфического напева мезенской былины «Василий Буслаевич» (Григорьев 3, напев № 45), представляющего, по мнению автора высказывания, «не что иное, как приспособленный к былинному стиху типовой напев свадебной мезенской песни» (Васильева Е. Е. Истинный мир былин / Сов. музыка. 1985. № 3. С. 103), выглядит поверхностным и излишне поспешным. Тем более, что автором не вскрыты причины и механика репродуцирования нижнемезенским сказителем из старообрядческой деревни Кильца среднемезенского типового свадебного напева (специфично женского круга песен) и реализации последнего в традиционной эпической форме.

¹⁷ Селиванов Ф. М., Канчавели Л. Г. Песня на былинный сюжет в Калужской области // Музыкальная фольклористика. М., 1986. Вып. 3. С. 77, пример 1. В статье значительное место уделено рассмотрению ритмосинтаксических параллелей между напевами центрально-, южно- и севернорусской эпических традиций. Отметим также наличие сходства интонационных, ритмосинтаксических и структурно-композиционных признаков пинежских и калужских напевов былины «Илья Муромец и станичники», а также — параллелей в структурной организации поэтических текстов.

¹⁸ Астахова 2. С. 717, 778, 791.

¹⁹ Там же. С. 787. Ср. напев М. Д. Кривополеновой: Григорьев 1, напев № 55; Озаровская О. Э. Указ. соч. С. 119.

Нотное приложение 1

С далеца, из Галича,
Из Замостья крепкого,
Да из той Корелы из богатые,
Из той пустыни из Даниловой.

Из Даниловой,
Боярской сын да Дюк Стёпанович.
Он дралсе-боролсе на реке на Волохове-й.

Выезжали ребятушки, взыгрались,
Ещё далеко они заехали.

Дак собирались с ребятушками...

Нотное приложение 2

Нотное приложение 3

[А у ца]ря было у Фёдора
И рожалосе два отрока,
Два отрока да и две дочери.
И рожался-то Егорей-свет.
Выростал Егорей десять недель,

По суду-то Божью — до десяти годов.
Выростал Егорей до двадцати недель,
По суду-то Божью — до двадцати годов.
Што со ту сторонку-й, што со западну
Подымалосе-то царицо Демьяницо.
Прирубил всю силу крещёную,
Крещёну силу да благословлё[ную]. . .

Нотное приложение 4

[Во славном] во Римском во царьстве,
При младом царе да при Онуферье
У богатого князя да Ефимьяна
Не было отродья да никакого —
Ни мужеска, женского полу.
Он молитсе Господу Богу
Во той же, во Божьей в апостольской церкви да во соборной.
Он молитсе Богу да со-й слезами,
С воскояровейма да со-й свечами.
Он просит у Господа детища:
— Господи Спас да Пресвятая Мати Божья да Богородица!
Дай-ко мне хотя бы единого детища —
Сына, ле бы дочь
На молодые лета да на утеху,
При старостей лет да на кормленьё,
На смёртной час души да на поминок. —
Богородица гласом да прогласила:
— Полно, <Ефимьян>, Богу молиться,
Твои к Богу молитвы сдоходны,
Твоё Господь моление примёт).
Ты пойдй домой в белокамянны палаты —
Ещё тут твоя великая княгина Огропида
Тобё сына родила
На молодые лета да на утеху,
При старостей лет да на кормленьё,
На смертной час души да на поминок.
Зазывай к себе священников в палаты,
Нарекай свято имё да Олексём,
Прибирай себе ласкова кума и куму. . .

Нотное приложение 5

Нотное приложение 6

Нотное приложение 7

Трудник молился в пустынях,
Не владел он ни руками, ни ногами.
Во снах ему Пятница явилась:
— Ты вставай, трудник, Божой-от человеце!
Ты пойдй ко всему миру и народу!
Отвечай всему миру и народу,
Штобы три дни в неделю да оветь знали:
В среду и в пяток постились,
В воскресение Христово Господу молились.
Друг друга да навещали,
Брат брата да почитали < . . . >
И дети отцев-матерей не забывали,
Отцы-матери детей не проклинали.
Жиды у Христа проклятые,
Жидовья Христа продавали,
За триста злотых-й отдавали,
На чуден крест да росковали,

В рѹки и в ноги гвоздѣ вколотили,
И тѣм дѹшам нету прощенья,
В том чинѣю всех гласов поеньѣ,
Во пресвѣтлом раю да не бывати,
Самого Христа в очи да не видати. . .

Нотное приложение 8

Нотное приложение 9

[Как] поехал князь Михайло да на грозну службу,
На грозну службу да на великую.
Оставляѣтъ он княгиню на свою маменьку родиму.
— Уж ты, маменька моя родима, да береги мою княгиню.
Ты спускай мою княгиню да во Божью церкву,
Во Божью церкву, спускай, да Богу молитесь. . .

Нотное приложение 10

Как поехал князь Михайло
На грозну службу велику.
Добра лопадь подошнулась,
Пухова шляпа свалилась,
Востра сабля переломилась:
— Верно, дома да не совсем,
Верно, маменька больная,
Лебо моя кнегина,
Молода жона Катерина. —
Как вернулса князь Михайло
Со грозной службы великой.
Ен к дому приезжаѣ —
Его маменька встречаѣ.
— Уж ты, маменька родима,
Где моя кнегина,
Молода жона Катерина? —
— Как твоя-то кнегина,
Она горда стала, спесива,
Всех слугов пригоняла,
Лошадей всех притомила. —
— Уж ты, маменька родима,
Где моя-то кнегина,
Молода жона Катерина? —
— В твоей горнице высокой. —
Как бросалса князь Михайла
В нову горницу высоко —
Не нашол своей кнегины,
Молодой жоны Катерины.
— Уж ты, маменька родима,
[Где-то моя кнегина,]
Молода жона Катерина? —
— У соборной службы великой. —
Как бросалса князь Михайло
К соборной службы великой —
Не нашол своей кнегины,
Молодой жоны Катерины.
Ему нянушки сказали,
Ему маленьки рассказали:
— Твоя маменька родима
Жарку баенку топила,
Горѣце камень нажигала,
<В> белу дубову колоду
Она твою-то кнегину положила,

На утробы камня накладала,
 Из утробы младеня выжигала,
 Трое обручей да наводила,
 На сине морё Хволинско^у на опустила. —
 Как бросалсе князь Михайло
 На сине морё Хволинско.
 Перву тонючку закинул —
 Ницего не вытенул.
 Втору тонючку закинул —
 Ницего не вытенул.
 Третью тонючку закинул —
 Белодубову колоду вытенул.

 Он бросалса на три ножика булатных.
 Его маменька родима
 Она по бережку ходила,
 Громким голосом кричала:
 — Уж я тяжко согрешила,
 Три души да погубила:
 Еще перва-то душа безответна,
 Еще друга-то душа безымянна,
 Еще третья-то душа занапрасна^а. —

Нотное приложение 11

Как пошла наша Овдотья Михайловна
 Да за Домной Филалеевной:
 — Да уж ты Домна, ты Домнушка,
 Да ты Домна Филалеевна,
 Да ты пойдем-ко в гости к нам.
 Да у нас Митрея Михайловица дома нет,
 Он уехал во чисто поле
 Да он за серыма утицами,
 Да за белыма лебедицами. —

Нотное приложение 12

[Во первом во] терему живё(т) Роман с же[ной],
 Во другом-то терему живё(т) Настасья Романовна <...>
 Да Настасьюшку матёнка спать уклада:
 — Уж ты спи-ко моё дитятко, [Нас]тасья Романовна.
 Да поутрышку вставай-ко ранёхонько,
 Ты умойсе, учешисе-й да Богу помолисе. —
 Поутрышком Настасьюшка встала ранёхонько,
 Она умылась, учесаласе, Богу помолиласе. . .

Нотное приложение 13

Как во первом терему живет Романушко,
 Во втором-то терему живет Романова жена,
 Во третьем-то терему живет Настасьюшка.
 Как пошла наша Настасьюшка к родимому-то татеньке,
 Расплакалась да разжалиласе:
 — Уж ты татенька, татенька, где ж моя маменька? —
 — Маменька ушла во чисто поле гулять. —
 Пошла наша Настасьюшка во чисто поле искать.
 Да искала да ходила наша Настасьюшка —
 Не могла она найти свою мамыньку.
 И пошла наша Настасьюшка к родимому-то татеньке,
 Расплакаласе да разжалиласе:
 — Уж ты татенька, татенька, где ж моя маменька? —
 — Маменька ушла во темной погребок. —

Пошла наша Настасьюшка во темной погреб искать —
 Не могла наша Настасьюшка своей мамыньки найти.
 Пришла наша Настасьюшка ко родимому ко татеньке,
 Расплакалась да разжалилась:
 — Уж ты татенька, татенька, где же моя маменька? —
 — Маменька ушла во Божью церкву молиться. —
 Пошла наша Настасьюшка во Божью церкву искать.
 Пришла наша Настасьюшка ко Божьей церквѣ,
 Да заходит наша Настасьюшка на церковно на крылецко,
 Да поклон-от кланяёт по-богоданному,
 Да крест-от кладёт по-уцёному.
 Да зашла наша Настасьюшка во Божью церкву,
 Да спросила она у народа:
 — Не видали-ли, не слыжали-ли моей маменьки? —
 Народ-то говорят:
 — Не видали, не слыжали твоей маменьки. —
 Да пошла наша Настасьюшка на церковно на крыльцо,
 Опять наша Настасьюшка молится.
 Она видит да бегут волки серые.
 Да спросила она:
 — Да куды вы, волки, идите, да куды серые спешите? —
 Волки те и говоря:
 — Как Роман жену убил, в цисто поле схоронил. —
 Пошла наша Настасьюшка к родимому ко татеньке,
 Расплакалась да разжалилась:
 — Уж ты татенька, татенька, нету моей маменьки на всем свету. —
 — Ты не плачь-то, Настасьюшка — золотой перстень куплю. —
 — Мне не надо золотой перстень, нать родимая маменька. —
 — Ты не плачь-ко, Настасьюшка, три куньи шубы сошью. —
 — Мне не надо три куньи, нать родимая маменька. —
 — Ты не плачь-ко, Настасьюшка, молодую жену возьму. —
 — Мне не надо молодой, надо родимая своя.
 У молодой-то матери по концу стола сидеть,
 Да богоданного глядеть. —

Нотное приложение 14

— Лю-лю-лю, Настасьюшка Романовна, баю.
 Ещё кто тебя, Настасьюшка, поутру будёт будить? —
 Как вставала да Настасьюшка ранёшенько,
 Умывалась Настасьюшка белёшенько,
 Утиралась Настасьюшка тонким белым полотёнышком.
 — Родитель-батюшка, Роман Василь[евич]. . .

Нотное приложение 15

[Не]былица в лицах, небывальщина,
 Да небывальщина да неслыхальщина.

Да сын на матери да всё снопы возил.

Да небылица в лицах, небывальщина,
 Да небывальщина да неслыхальщина.

Всё снопы возил да всё коноплены.

Да небылица в лицах, небывальщина,
 Да небывальщина да неслыхальщина.

Да как старая мать да во корню была.

Да небылица в лицах, небывальщина,
Да небывальщина да неслыхальщина.

Да молода жона да пристяжной была.

Да небылица в лицах, небывальщина,
Да небывальщина да неслыхальщина. . .

КОММЕНТАРИИ К ПОТИРОВКАМ

В комментариях к нотировкам фонограмм, записанных З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиусом, указываются шифры хранения в валичном фонде ФА ИРЛИ: инвентарный номер *ФВ* и номер записи на валике. Географические сведения приведены согласно паспортным данным записей и скорректированы на основе принципов современного административно-территориального деления. После фамилии исполнителя указывается дата звукозаписи. Слуховые нотации З. В. Эвальд имеют шифры Рукописного фонда Фонограмммархива (ФА ИРЛИ, *РФ*). При наличии поэтических текстов к публикуемым напевам приводятся шифры хранения в Фольклорном архиве Рукописного отдела ИРЛИ (ИРЛИ, р. V), указывается фамилия собирателя и дата фиксации текста. Напевы № 1, 3, 4, 7, 9, 11, 13, 14 нотированы автором публикации.

1. «Дюк Степанович». *ФВ* 123.01. Верхне-Тоемский р-н Северного Края, Выйско-Ильинский с/с (Верхнетоемский р-н Архангельской обл., Выйский с/с), д. Заборье. Бабиновский Трофим Андреевич, 68 л., 26.06.1927. Рукопись поэтического текста не найдена. Деревни Выйско-Ильинского погоста, равно как и окружающая территория верховьев Пинеги, исторически входили в состав Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. В исполнении Т. А. Бабиновского помимо былины записаны на фонограф лирические песни местного традиционного репертуара: «Распремилы девушки», «Во поле, во поле», «В сенокос, в поры-времячко родился», «Горемычная серая кокушка», «Экой Ваня». Нотации напевов двух последних песен опубликованы: Г и п п и у с Е. И., Э в а л д З. В. Песни Пинежья. М., 1937. Кн. 2. №№ 25, 26.

2. «Илья Муромец и станичники». *ФВ* 157.02. Карпогорский р-н Северного Края, д. Карпова гора (Пинежский р-н Архангельской обл., с. Карпогоры). Ломтев Иван Александрович, 51 г., 1.07.1927. Публикуется по нотной рукописи, *РФ*, п. 1, № 368. Текст записан А. М. Астаховой 24.06.1927 — ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 1, № 13. Текст опубликован: А с т а х о в а 2. № 208. Биографические сведения об исполнителе: там же. С. 584. В публикуемой нотации скорректирована тактировка.

3. «Егорий Храбрый». *ФВ* 177.01. Карпогорский р-н Северного Края, д. Смоленец (на р. Покшеньге) (Пинежский р-н Архангельской обл., Покшеньгский с/с), д. Лохново. Смоленская Матрена Федоровна, 70 л., 10.07.1927. Текст записан А. М. Астаховой 8.07.1927 — ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 2, № 35 (см. в наст. изд. публикацию Л. И. Петровой «Духовные стихи на Пинеге», текст № 4). Биографические сведения об исполнительнице: А с т а х о в а 2. С. 628—629; Г р и г о р ь е в 1. С. 458. Варианты типового напева: наст. публ. № 5, 6.

4. «Алексей, человек Божий». *ФВ* 126.01. Карпогорский р-н Северного Края, (Пинежский р-н Архангельской обл., Карпогорский с/с), д. Марьяна гора. Чуркина Екатерина Матвеевна, 88 л., 29.06.1927. Текст записан А. М. Астаховой 26.06.1927 — ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 2, № 28 (см. в наст. изд. публикацию Л. И. Петровой, текст № 1). На фонограмме в 18-й строке текста зафиксирована исполнительская оговорка: «Полно, Олексей, Богу молиться». Биографические сведения об исполнительнице: А с т а х о в а 2. С. 613—614. Варианты типового напева: наст. публ. № 7, 8.

5. «Алексей, человек Божий». *РФ*, п. 1, № 375.03. Сура (Пинежский р-н Архангельской обл., Сурский с/с), д. Засурье. Мёрзлая Дарья Романовна, 62 г., 15.06. [1927]. Текст записан А. М. Астаховой 14.07.1927 — ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 2, № 4. Форма записи напева допускает множественность вариантов подтекстовки, отсутствующей в нотной рукописи. Полный текст и биографические сведения об исполнительнице см.: наст. изд.; публ. Л. И. Петровой, № 3.

6 «Алексей, человек Божий». *РФ*, п. 1, № 375.31. Дата записи и фамилия исполнителя в рукописи не указаны. Место записи «Сура?» и заголовок «Стих про Алексея Божьего человека» выписаны З. В. Эвальд над нотной строкой напева. Текст баллады записан А. М. Астаховой в следующих сурских деревнях: д. Горúшка — от Т. Н. Черноусовой, 60 л.; д. Погáнец (Городецк) — от А. Е. Храмовой, 59 л., от В. С. Поповой, 45 л. (ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 2, № 9, 16, 18).

7. «Трудник (Пятница)». *ФВ* 126.01. Сведения о месте записи и исполнительнице см. комментарий № 4. Запись 29.06.1927. Рукопись поэтического текста не найдена. Дialeктизм «оветь» — обет.

8. «Царевич Иоасаф, пустыжник». *РФ*, п. 1, № 375.28. Карпова гора (Пинежский р-н Архангельской обл., с. Карпогоры), Екатерина Григ[орьевна] (фамилия в рукописи не указана), 2.07.1927. В публикуемой нотации скорректирована тактировка. Среди карпогорских исполнителей в материалах экспедиции 1927 г. Екатерина Григорьевна не значится. Однако сопоставление нотировок З. В. Эвальд с текстовыми записями А. М. Астаховой позволяет сделать предположение об ошибочности указания отчества исполнительницы в нотной рукописи и скорректировать атрибуцию напева. По всей вероятности, запись напева выполнена З. В. Эвальд от Екатерины Гавриловны Мельниковой 47 л. из д. Айнова гора. Гипотеза подтверждается наличием сходства между подтекстовками в нотациях З. В. Эвальд и начальными строками текстов, записанных А. М. Астаховой от Е. Г. Мельниковой, а также тождеством эпического репертуара последней с репертуаром Екатерины Григорьевны («Царевич Иоасаф, пустыжник», «Два Лазаря», «Дмитрий и Домна», «Князь Михайло»). Не вошедшая в состав настоящей публикации нотная запись без подтекстовки из полевой тетради З. В. Эвальд, выполненная собирательницей от той же исполнительницы, озаглавленная «Лазарь» (*РФ*, п. 1, № 375.29) и полностью совпадающая с первой строкой нотного текста напева «Царевич Иоасаф, пустыжник», способствует уточнению атрибуции напева, поскольку в беловой рукописи А. М. Астаховой (ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 19, № 8, л. 40 об.) имеется пометка о существовании нотировки напева к тексту Е. Г. Мельниковой «Два Лазаря» (фрагмент текста, составляющий три стихотворные строки, см. ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 2, № 31). Важным аргументом в пользу высказанной гипотезы служит совпадение дат записи нотных и поэтических текстов, выполненных от Е. Г. Мельниковой и Екатерины Григорьевны (лишь поэтический текст «Царевич Иоасаф, пустыжник» был записан А. М. Астаховой раньше — 30. 06.1927). Поэтому допустимо предположение о совместной работе А. М. Астаховой и З. В. Эвальд 2.07.1927 г. в д. Карпова гора по записи эпического репертуара Е. Г. Мельниковой. Полный поэтический текст к настоящему напеву, а также биографические сведения об исполнительнице см. в указанной публикации Л. И. Петровой (текст № 8).

9. «Князь Михайло». *ФВ* 167.02. Карпогорский р-н Северного Края, Сура (Пинежский р-н Архангельской обл., Сурский с/с), д. Гора. Мурина Василиса Осиповна, 50 л., Мурина Прасковья Яковлевна, 44 г., Титова Матрена Архиповна, 56 л., Филина Александра Петровна, 24 г., 4.07.1927. Текст записан А. М. Астаховой 19.06.1927 — ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 1, № 6. Текст опубликован: Астахова 2. № 190. Биографические сведения об исполнительцах: Там же. С. 527. От указанных исполнителей в экспедиции 1927 г. была записана баллада «Роман и Настасья» (*ФВ* 167.01) с данным типовым напевом. Опубликовано: Астахова 2. № 189, напев № 14. Варианты типового напева: № 10, 11, 12 настоящей публикации.

10. «Князь Михайло». *РФ*, п. 1, № 375.30. Сведения о месте записи и исполнительнице см. комментарий № 8. Запись 2.07.1927. Поэтический текст записан А. М. Астаховой 2.07.1927. Публикуется по полевой рукописи собирательницы (ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 19, № 4, л. 41 об.—43 об.). Приводится пропетый вариант текста. Сокращенная в полевой тетради форма записи, а также пропущенная 30-я строка текста восстановлены по беловой рукописи (ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 19, № 8, л. 41 об.—42 об.). Подтекстовка нотации выполнена на основе наблюдений над особенностями слоговой ритмики пинежских вариантов баллады «Князь Михайло». Тактировка нотной записи произведена автором публикации.

11. «Дмитрий и Домна». *РФ*, п. 1, № 375.27. Сведения о месте записи и исполнительнице см. комментарий № 8. Запись 2.07.1927. Текст записан А. М. Аста-

ховой 2.07.1927 — ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 19, № 4. л. 41. Публикуется пропетый вариант текста по полевой рукописи собирательницы. В полевой тетради А. М. Астаховой имеется пометка к 8-й строке текста: «Второй раз: лебедеми». Тактировка нотной записи выполнена автором публикации.

12. «Роман и Настасья». *ФВ* 72.02. Карпогорский р-н Северного Края (Пинежский р-н Архангельской обл., Сурский с/с), д. Засурье. Мёрзлая Аграфена Родионова (возраст не указан), 17.06.1927. Рукопись поэтического текста не найдена. Сведения об указанной исполнительнице в материалах экспедиции отсутствуют. Из всех вариантов текста баллады, записанных в сурских деревнях (д. Засурье, д. Гора, д. Остров), наиболее близким к фонограмме является текст Агриппины Михайловны Черноусовой, 43 л. из деревни Засурье (записан А. М. Астаховой 14.06.1927 — ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 1, № 3; опубликован: Астахова 2. № 193; биографические сведения об исполнительнице: там же. С. 538). Принимая во внимание пометку А. М. Астаховой в белой рукописи текста (ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 19, № 6, л. 9 об.) о существовании фонограммы баллады «Роман и Настасья» в исполнении А. М. Черноусовой, можно предположить, что авторами звукозаписи была допущена ошибка в ее паспортизации. В расшифровке фонограммы реконструкция начальной строки поэтического текста произведена на основе варианта А. М. Черноусовой.

13. «Роман и Настасья». *РФ*, п. 1, № 375.12. (Пинежский р-н Архангельской обл., Сурский с/с), д. Сура. Евдокия (Ивановна?) Рябова, [12 л.], 15.06. [1927]. Биографические сведения об исполнительнице: ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 19, № 6, л. 44 об. Текст записан Н. П. Колпаковой 16.06.1927 — ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 1, № 1 (ошибочно датирован 16.07.1927). Вследствие отсутствия полевой тетради собирательницы в архиве, текст публикуется по белой рукописи (ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 19, № 7, л. 2—3). Сравнительное рассмотрение ритмосинтаксической формы напева и структуры стиха баллады позволяет предположить, что в рукописи зафиксирован либо пересказанный исполнительницей текст, либо сводный вариант пропетого и сказанного. Подтекстовка напева осуществлена на основе выписанной над нотным станом начальной строки текста. В публикуемой нотации скорректирована тактировка.

14. «Роман и Настасья». *ФВ* 176.03. Сведения о месте записи и исполнительнице см. комментарий № 3. Запись 8.07.1927. Текст записан А. М. Астаховой 8.07.1927 — ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 1, № 52. Текст опубликован: Астахова 2. № 223. Вар.: Григорьев 1, № 113 (149).

15. «Небылица». *ФВ* 131.01. Карпогорский р-н Северного Края (Пинежский р-н Архангельской обл., Карпогорский с/с), д. Марьяна гора. Савина Марфа Николаевна, 44 г. и две девушки 16—18 лет; 29.06.1927. Запись текста А. М. Астаховой 27.06.1927 — ИРЛИ, р. V, колл. 3, п. 1, № 35. Текст опубликован: Астахова 2. № 220. Биографические сведения об исполнителях: Там же. С. 625.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ НА ПИНЕГЕ В ЗАПИСЯХ А. М. АСТАХОВОЙ 1927 года

Публикация Л. И. Петровой

Тесно связанный в своих истоках с древнерусской письменностью, духовный стих формировался под мощным воздействием стихии фольклора, и прежде всего — эпической традиции. Тем не менее он словно бы оказывался лишенным исследовательского и читательского доверия начиная с 1920—1930-х гг. В результате мы имеем представление об этом, далеко еще не изученном явлении народной культуры, в основном лишь по ставшим библиографической редкостью собраниям и исследованиям XIX—начала XX в., а также по более поздним единичным перепечаткам.

Тексты духовных стихов в меньшей степени подвержены региональному варьированию, нежели произведения других фольклорных жанров. Тем не менее принцип регионального изучения традиции и здесь не утрачивает своего значения, особенно при рассмотрении духовных стихов в системе эпики в целом.

В настоящей публикации мы ограничиваемся материалами экспедиции 1927 г. Государственного института истории искусств на Пинегу. Духовные стихи неизменно оказывались в поле зрения участников экспедиции, и прежде всего — А. М. Астаховой. Но в собрание «Былины Севера»,¹ составленное по результатам полевых исследований, эти материалы не вошли.

Существующие публикации пинежских духовных стихов немногочисленны. В фундаментальном труде А. Д. Григорьева опубликованы 4 варианта «Голубиной книги»,² в сборниках О. Э. Озаровской — 4 стиха в записи от М. Д. Кривополеновой.³

Участники экспедиции ГИИИ 1927 г. не проводили сплошного обследования традиции духовного стиха на Пинеге. Записи производились А. М. Астаховой выборочно, в основном от сказителей былин, но вместе с тем не были случайными. В совокупности с приводимыми собирательницей сведениями об исполнителях, их учениках, о ма-

нере пения — чего не достает в известных собраниях П. Бессонова,⁴ В. Варенцова⁵ и др. — астаховские материалы, безусловно, дополняют наши представления о формах бытования народной эпической поэзии.

Полевые записи А. М. Астаховой хранятся в фольклорном архиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Почти все они переписаны набело самой собирательницей, но уже после экспедиции, по прошествии некоторого времени. Как показывает сравнение, эти беловые копии содержат разного рода неточности и поэтому могут служить лишь справочным материалом при подготовке текстов к публикации. В архиве имеются также машинописные копии перебеленных текстов.⁶ Однако они не только повторяют все погрешности беловой рукописи, но привносят в текст дополнительные ошибки, поэтому учитывать их при подготовке материалов к изданию не следует.

Духовные стихи, включенные в настоящую публикацию, печатаются по полевой записи.⁷ Сохраняются почти все зафиксированные собирательницей морфологические и фонетические особенности речи сказителей, в том числе и колебания произношения в пределах одного произнесения.

Тексты записывались А. М. Астаховой, как правило, сразу «с голоса». Разумеется, ни о какой абсолютной точности слуховой записи не может быть и речи. Отсюда ясно, что далеко не всегда непоследовательность в передаче собирательницей фонетики сходных слов вызвана действительными колебаниями их произнесения (в таких, к примеру, случаях, как «заглянул» и «загленул», «палаты» и «полаты», «жили» и «жыли» и т. п.). Тем не менее мы вряд ли вправе без достаточных на то оснований приводить такого рода разночтения в полевой записи к единообразию.⁸

Согласно принципам издания текстов А. М. Астаховой, нами снимаются случаи фиксации в полевой записи ассимиляции согласных и оглушения согласного в конце слова — как случаи полного совпадения диалектного произношения с литературной нормой. В отличие от полевой записи сохраняется «ь» при написании глагола 2-го лица ед. числа (как чисто орфографический момент). Все остальные отступления от оригинала отмечаются в комментариях.

Если в полевой записи слово или часть его, обычно окончание, написано неразборчиво, то оно печатается по беловой рукописи⁹ и выделяется курсивом. То же, если вместо слова — знак повтора или оно не дописано, а воспроизведение его может быть двояким (например, «богатой» или «богатый»). Дополнительно в комментариях оговариваются при этом лишь случаи, когда прочтение слова или его части вызвало сомнение и у самой собирательницы при переписывании текста набело.

«Г» фрикативное обозначено в публикуемых текстах «г»; зафиксированные в полевой записи так называемые вставные гласные заключены в круглые скобки.

Текст, восстанавливаемый по беловой рукописи, заключен в прямые скобки и специально оговаривается в комментариях. Реконструи-

рованный нами текст приводится в угловых скобках, что также непременно комментируется.

Каждая публикуемая запись сопровождается текстологическим комментарием. Данные о хранении рукописей, о местах записи произведений, о напевах и т. п. приводятся в примечаниях в конце публикации. Туда же отнесены сведения об исполнителях, их репертуаре, манере исполнения и прочие сведения, дополняющие материалы, опубликованные А. М. Астаховой в «Былинах Севера».

Пунктуация приведена в соответствии с современными нормами грамматики. Сохранены знаки ударения, проставленные А. М. Астаховой.

В настоящей публикации духовные стихи сгруппированы по сюжетам, определения которых даны нами в соответствии с принятыми в научной литературе. В примечаниях к отдельным текстам перед сведениями о месте хранения записи приводятся иные заглавия (при наличии таковых в рукописях А. М. Астаховой), принадлежащие, видимо, самим исполнителям,

¹ Былины Севера / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л. 1951. Т. 2. (Далее — Астахова 2, с указанием страницы).

² Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1. (Далее — Григорьев 1, с указанием страницы).

³ Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пг., 1916; 2-е изд. — Госиздат, [1922].

⁴ Калики переходные: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861—1864. Вып. 1—6.

⁵ Сборник русских духовных стихов / Сост. В. Варенцовым. СПб., 1860.

⁶ ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 2.

⁷ Далее — *нз*.

⁸ А. М. Астахова стремилась максимально приблизиться к точному воспроизведению реально звучавшего текста. Об этом свидетельствуют хотя бы многочисленные примеры фиксирования собирательницей своих сомнений при передаче фонетических особенностей речи. Имеются в виду случаи, когда над одной буквой в слове надписана другая: особенно часто — «ц» над «ч» и «ч» над «ц».

⁹ Далее — *бркл*.

Алексей, человек Божий

1

Во славном во Римском во царьстве,
При млáдом царе да Онурии,
У богатого князя Эфимьяна
Не было отрóбдья никакого,
5. Ни мужеска ни жепска полу.
Он молитця Богу со слезами,
Воску ярова да со свещами,
Он просит у Господа Бога детíща:
«Господа Спаса Пресвета́я Мати Богородица!

10. Дай мне хотя бы единого детища,
Сына или дочь.
На младые летá на утеху,
При старосте лет на кормленье,
На смёртнѣй час на поминанье».
15. Богородица гласом да прогласила:
«Полно, Эфимьян, Богу молитця!
Твои Богу молитвы доходны,
Твое моленье примет.
Иди во белокаменны полаты:
20. Твоя-то ведь кнегиня Ограпида
Тебе сына родила,
На младые летá да на утеху,
При старости лет да на кормленье,
На смёртнѣй час душе да на спасенье.
25. Называй священников в палаты,
Нарекай светое имя Олексеём,
Прибирай себе ласкова кума и кúму».
Тут-то Эфимьян да ужахнулса,
Господу Богу да помолился,
30. Выходил из Божьей апостольской церкви из соборной,
Гредёт он по Римьскому царьсву,
Заходил во белы камянны полаты.
Уж и тут его великая кнегиня Огропида
Ему сына родила
35. На младые летá — на утеху,
При старосте лет да на кормленье,
На смёртнѣй час — на поминанье.
Тут-то князь Эфимьян да зрадовалса.
Зазываё священников во полаты,
40. Нарекаё свято имя Олексеём,
Прибирае себе ласкового кúма да кúму.
Заносили младеня в церкву,
Крестили младеня во купели,
В крещёную веру приводили
45. Богатого князя да Эфимьяна
С любимым сыном Олексеём.¹
Тому времени прошло немало.
Стал Олексей человек пети-шти ² —
Богатый князь да Эфимьяне
50. Велел ему грамоту учить.
Ему грамота далася,
Скоро рукописание.³
Тому времени прошло немало,
Прошло годов семнадцать.
55. Богатый князь Эфимьяне
Велел его младóго жонить.
Пошли они по Римьскому царьсву

- Прибирать себе невесту по обычаю.
Выбрали кнегшу да Катерину
60. Да из того из царьского рода.
Заводили Олексея да во Божью церкву
С той ли кнегиной Катериной,
Венчали золотыми венчами,
Обруцали злачеными перстнями;
65. Единый мёд да испивали,
Единый чуден крест да человали.⁴
Олексея да со браком проздоровляли —
Да с той кнегиной Катериной.
Богатого князя Эфимьяна —
70. С любимым сыном да Олексеем,
С той же с кнегиной Катериной.
Садилися они да все за трапёзу,
За кушанья, яства да за сахарны,
За все различные напитки.
75. Пьют, едят, воскушают,
Различные напитки да выпивают.
Един Олексей сидит да не вкушает,
Никакого питинья не испивает,
Уливаетца горючима слезами.
80. Богатый князь да Эфимьяне
Увидал своего любимого сына Олексея:
«Что ж ты сидишь, — ничего не вкушаешь?
Никакого питинья не испиваешь?
Тебе кушанья-яства не по ндраву,
85. Различные те напитки не по обычаю,
Молода тебе кнегина да не по разуму?»
Отвечает Олексей да своему батюшку:
«Батюшка мой возлюблённый,
Богатый князь да Эфимьяне!
90. Тут мне-ко всё по разуму:
Кушанья—ества мне все по ндраву,
Различные те напитки по обычаю,
Молода-то мне кнегина Катерина всё по разуму».
С тех же речей-то Олексея
95. Повели их во тёплую спальню
С той же кнегиной Катериной.
В перьвом то часу было ночи:
Вставал Олексей да умывалса,
Засветил воску ярова свещу
100. Да тому чудну образу Спасу.
Распоясывал шёлковый пояс,
Снимал с руки перстень обруцальный,
Отдавае своей кнегине Катерине:
«На тебе, кнегина Катерина,
105. Мой шолковый пояс да злачен перстень.
Когда меня живого не будет —

- Расплетётца ⁵ мой шолковый пояс,
 Распоятца ⁵ перстень обручальный».
- Роздевае с себя цвётное ⁶ платье,
 110. Надевае на себя чёрной платье.
 С отцом-матерью забочно ⁷ распростилса,
 С молодой-то с кнегиной Катериной простилса.⁸
 Молода-то кнегина Катерина
 Супротив его да умолчала,
115. Ответу-привету не давала,
 А уливалась горечема слезами.
 Выходит Олексей да из теплой спальни,
 Гредет он по Римьскому царьству,
 Заходит он на пристань корабельню,
120. Ступает он на легонькой кораблик,
 Молился он Богу со слезами:
 «Пресвятая Спаса Мати Богородица,
 Перенеси меня за синёе морё,
 Принеси меня ко граду ко Египту,
125. Ко той к Даниловой пустыне».⁹
 На море погода да взволновалась,
 Понесло его в синёе морё,
 Принесло его ко граду ко Египту,
 Ко той ко Даниловой пустыни.
130. Выходит он из легонького кораблика,
 Гредет он по граду по Египту,
 Заходит во Данилову пустыню.
 Становилса он по правую руку ко притвору,
 Где стоят нищия братья,
135. Стоят калики-то перехожи.
 Тому времени прошло немало.
 Семнадцать годов Господу молился,
 За младые летá трудилса.
 Каждную он неделю исповедывалса,
140. Каждную субботу он прицясалса.
 Богородица гласом да прогласила:
 «Полно, Олексей, Богу молитыця! ¹⁰
 Твои Богу молитвы доходны,
 Твое моленье примет.
145. Пойди в твои белокаменны палаты:
 Твой отец с матерью да не узнают,
 Молода-то тебя ¹¹ кнегина Катерина не опознаёт».
 Тут-то Олексей да ужахнулса,
 Господу Богу да помолился,
150. Ко всем светым да приложилса,
 Со своей братею простилса.
 Выходит Олексей из Даниловой пустыни,
 Греде по граду по Египту,
 Заходит он на пристань корабельню.

155. Становился он на леганький кораблик,
Взмолилса он Господу Богу:
«Господи Спаса Мати да Пресвета Богородица!
Перенеси меня за синёе море,
Принеси меня ко Римьскому царьсу,
160. Ко той ко пристани корабельней».
На мори погода да взволновалась —
Понесло его за синёе морё,
Принесло ко Римьскому царьсу,
Ко той ко пристани корабельней.
165. Выходит Олексей из легонького кораблика,
Греде он по Римьскому царьсу,
Заходит он во Божью во апостольску церкву во
соборну.
- Становилса он по правую руну да ко притвору,
Где стоят нищяя братья,
170. Где стоят калики перехожи.
Все пошли от обедни:
Попы, дьяки да патриархи
И богатой князь да Эфимьяне.
Грядет он от обедни,
175. Подавает он милостыньку.
Олексей же милостыню принимает,
Господа Бога да проздравляет,
По своей братии разделяё.
Речет калика да Эфимьяну:
180. «Богатой ¹² князь да Эфимьяне!
Возьми меня, убогого, с собою,
Построй мне маленькую келью
Поближности своему дому.
Прокорми меня хлебом и солью
185. Для-ради Господа Бога,
Для-ради своего любимого сына Олексея».
А тут Эфимьян слезно заплакал,
Скрозь слёзы слово промолвил:
«Что ж ты калика да перехожая,
190. Радостну весь да провещает?
Как ты про моего сына знаёшь,
По имени да называёшь?
Не видал я своего любимого сына Олексея
Сам годов семнадцать!»
195. Отвечала калика да Эфимьяну:
«Как про твого сына не знати,
По имени да не называти! ¹³
Единому Господу Богу молились,
Единое спасенье да получили».
200. Богатой ¹² князь да Эфимьяне
Повелел он с собой калику взять:
«Греди ты, убогой, со мною,

- Построю тебе маленьку келью
Поближности своего дома,
205. Прокормлю тебя хлебом да солью
Для-ради Господа Бога,
Для-ради своего любимого сына Олексея».
Сцѣ¹¹ князь Эфимьян пѣёт да воскушает —
То калике на келью да отсылает.
210. Слуги те были да несправедливы:
Кушанья да яства обжирали,
Блюдь-тарелки полоскали —
Тое калике на келью да отсылали.
Олексей нужду принимаё,
215. Господа Бога проздравляе.
Услыхал себе кончину жизни —
Берет чернильницу да гумагу.¹⁴
Пишет житие на гумагу:
В котором граде родился,
220. В которой стороне Богу молился.
Родился⁸ во Римском царьсви
У богатого да князя Эфимьяна,
Молился во граде во Эгипте,
Во той же во Даниловой пустыне.
225. Семнадцать годов Господу молился,
За младые лёта трудился.
Каждую неделю исповедывался,
Каждую он субботу прицясцался.
Богородица гласом да прогласила:
230. «Полно, Олексей, Богу молитця!¹⁰
Твои Богу молитвы доходны,
Твоё Господь моленё примет.¹⁵
Ты пойдй во [твой]¹⁶ белокаменны полаты:
Отец с матерью не признают,
235. Кнегина [Катерина]¹⁷ не узнает».
Тут Олексей Богу представился,
Тут¹⁸ демьяном, ладаном¹⁹ запахло
По всему по Римскому царьсву.
Весь народ да ужаснулся:
240. «Что за светой да просветился,
Что за богомолец проявился¹²
По нашему по Римскому по царьсву?»
Ищут по Римскому по царьсву —
Нигде отыскать не могут.
245. Богородица гласом прогласила:
«Степаний патриарх!
Ищите светого во граде
Поближности царьского дома!»
Во той же во маленькой келье
250. Лежат мощи, опочивают.
В руках лежит рукописание —

- Никому рукописанье не даётца:
Ни попам, ни дьякам, ни патриархам,
И ни младому царю да Онурию.
255. Богатой ¹² князь да Эфимьяне,
Вставал он на колени:
«Мощи вы мощи, светые мощи!
Отдайте из рук рукописанье!
Почём мы будем вас, мощи, знати,
260. Как и́менем да называти?»
Богатому князю да Эфимьяну
Далось в руки рукописанье.
Стал Эфимьян читати,
Во котором граде родился,
265. ²⁰ С которой стороны ²¹ Богу молился.
«Родился во Римском во царьстве
У богатого князя Эфимьяна.
А молился во граде во Эгипте
Да во той в Даниловой пустыне.
270. Семнадцать годов Господу молился,
За младые летá трудился.
Каждую неделю исповедывался,
Каждую субботу прицяскался».
Тут Эфимьян слёзно заплакал,
275. Стал рвать себе волосы русы.
Рвёт на себе цвётное платье:
«Сын ты мой да возлюблённый!
Свят Олексей, человек да сын Божий!
Зачем пришол из Даниловой пустыни да не сказалса?
280. Построил бы келью не такую
Поближности нашего дома!
Прокормил бы хлебом да солью
Для-ради Господа Бога!»
Услыхала ²² великая ¹² кнегина ¹² Огропида.
285. Идёт ко светому, сама плаче,
Жалобно и умильно причитает:
«Сын ты мой да возлюблённый,
Свят Олексей, человек сын Божий!
Зачем пришол из Даниловой пустыни да не сказалса?
290. Построили бы мы келью да не такую,
Поближности нашего дома!
Прокормили хлебом да солью».
Услыхала молода кнегина ¹² Катерина.
Идёт ко светому, сама плачет,
295. Жалобно и умильно причитает:
«Муж ты мой да возлюблённый,
Жених-то мой да обручённый!
Зачем пришол с Даниловой пустыни — не сказалса?
Сама бы пищу приносила,

300. Вмѣстех бы мы с тобой Богу молились,
Единогo спасенья молили!»
Клали Олексѣя в долгу злату гробницу,
Понесли его, свѣта, да погребати.
Несли его трѣ дни и три нощи.
305. Много народу прикопилось —
Со всего со Римьского царьсва.
Богатого князя да Эфимьяна
Народ не допускает.
Богатый князь да Эфимьян
310. Повелел золоту казну да расточити,
По большим дорогам да рассыпати —
Никто на злато не взирает,
А всё ко светому да припадает.
Всем Господь Бог даёт милось:
315. Безруким даёт Господь руки,
Безногим даёт Господь ноги,
Глухим даёт да услышенье,
Слепым дает да обозренье.
Заносили Олексѣя во гробънице²³ во Божью церкву.
320. Гробница его во Божьей церквы,
Житие его да в светой книге,
Лик его пишут на иконы.
Слава Олексѣя, человека Божья, отныне и до веку!

¹ В *пз* «Олесеём», что считаем опиской соб. ² Т. е. пяти — шести лет. В *пз* и *бркп* «петішши», что считаем неточным. ³ Далее в *пз* знак вопроса (осталось незафиксированным какое-то слово?). ⁴ В *пз* и *бркп* над «ч» в слове надписано «ц». ⁵ В *пз* конец слова написан неразборчиво. Печ. по *бркп* (но над конечным «-ця» в *бркп* — знак вопроса). ⁶ В *пз* и *бркп* над «ц» в слове надписано «ч».

⁷ Т. е. «заочно». ⁸ В *пз* неясно: «-ся» или «-са» в конце слова. В *бркп* — «са», но со знаком вопроса. В последующих аналогичных (спорных для самой соб.) случаях печ. везде «-са», т. к. в *бркп* против глагола «молился» (стих 137) имеется приписка: «По-видимому, всюду твёрд<ое> оконч<ание> «са»“». ⁹ Далее (стихи 126—308) печ. по *бркп*, т. к. *пз* этой части текста не обнаружена. ¹⁰ В *бркп* над «ь» в слове — знак вопроса. ¹¹ В *бркп* рядом со словом — знак вопроса.

¹² В *бркп* конец слова со знаком вопроса. ¹³ В *бркп* «а» в приставке слова под вопросом. ¹⁴ Вм. «бумагу». ¹⁵ «Отсюда сказывает, больше петь не могла. (Видно, спуталась, и невозможно было наладить)» — примеч. соб. ¹⁶ В *бркп* отмечено, что исп. оговорилась, сказав зд. «мон». ¹⁷ В *бркп* отмечено, что исп. оговорилась, сказав зд. «с Катериной».

¹⁸⁻¹⁹ Тимьян — ароматическое растение, употребляемое (наряду с ладаном) для курения при богослужении. В данном случае, вероятно, имеет место искаженное произнесение слова исп. (хотя возможна и неточность фиксации произнесения). ²⁰⁻²¹ Вм. «В которой стороне». В *бркп* перед стихом — знак вопроса.

²² Далее в *бркп* пропуск и знак вопроса. Конец слова тоже под вопросом.

²³ В *пз* «гробе» и знак вопроса. (Первоначально в *пз* четко зафиксировано лишь начало слова, конец выправлен, вероятно, после пения. Считаем такого рода правку неточной: ср. стихи 302, 320).

Во Римском было во царьсве,
Во Римском было в гсударьсве,
При млáдом царé при Онуріе

- Был-жил князь Ефимьян.
5. Не было у их ни единого чяда,
Не было у них отродья никакого.
Ходя они во Божью церковь,
Моляця Господу Богу со слезами.
Проя у Господа милости великой —
 10. Сына или дочь:
При младости лет — на утеху,
А пред старости лет — на призренье,
На смертном цясу — на погребенье,
На долгие веки — на воспоминанье.
 15. И заходит князь Ефимьян
Во свою полату белокаменну;
И лежаться все по разным келиям.
Во девятом цясу темной ночью
Ангел кнегину Аглавею оцривил.
 20. Кнегина Аглавея стала черевата,
Не выходит из полаты никуда.
Князь Эфимьян ходит во Божью церковь,
Моляця Господу Богу:
«Дай же мне, Господи, милости великой —
 25. Сына или дочь:
При младости лет — на утеху,
При старости лет — на призренье,
На смертном цясу — на погребенье,
На долгие веки — на воспоминанье».
 30. И заходит князь Ефимьян
Во свою полату белокаменну,
И лежаться все по разным келиям.
В девятом цясу темной ночью
Богородица гласом провозгласила:
 35. «Вставай, князь Эфимьян!
Родилось у тебя чядо».
Князь Эфимьян скоро ото сна пробуждается
И скорехонько умываецця,
Белым полотенечком утираецця.
 40. Господу Богу помолился
И пошел ко княгине Аглавее.
Родилось у ней чядо.
Собирали попов, и дьяков, и переев,
Нарекали ему имя,
 45. Нарекли ему имя Алексеем.
Стали Алексея испытывать¹ в страхи Божиём,
Допоили, докормили до седми лет.
Стали Алексея грамоту учить —
 50. Алексею скоро грамота далася
И скоретово свое рукописание.
[Допоили],² докормили Алексея

- До семнадцати лет —
 Сдумали Алексея пожонити.
55. Алексею жонитися неохвота.
 Во девятом цясу темной ночью
 Богородиця гласом провозгласила:
 «Не гневи, Алексей, отца-матерь!»
 И прибрали княгиню Катерину.
60. И заходя за столы дубовые
 И за скатерти браные.
 Алексей же не пьёт, не ест и не веселитця —
 Столько обливаецця горячими слезьми.
 Князь Эфимьян слово молвил:
65. «Что ж ты, чядо, не ешь, не пьёшь и не веселишься —
 Столько обливаешься горячими слезьми?»
 Олексей слово не спромолвил,
 И выходит из-за столов дубовых
70. И из-за скатертей браных,
 И лежаться все по разным келиям.
 Олексей с княгиней Катериной — в ёдной кельи.
 Господу Богу помолились,
 Со княгиней Катериной спать они ложились.
75. Во девятом чясу темной ночью
 Богородиця гласом провозгласила:
 «Пора теб<е>»,³ Алексей, за синее за море побывати,
 Ко тому же архиерею Василиску!»
 Алексей же скоро ото сна пробуждаецця
80. И скоретово умываетця.
 Господу Богу скоро помолился,
 Снимает с себя ризу белую,
 Надевает на себя ризу чёрную,
 Подпоясыват свой шелков пояс,
85. Складывает свой злат перстень,
 Отдаваёт⁴ княгини Катерины:
 «На, княгиня Катерина, шелков пояс и златой перстень.
 Когда же шелков пояс розростаё,
 А перстень россветаё —
90. Тогда я буду домой побывати.
 Когда же шолков пояс розорвется,
 А перстень распаяется —
 Тогда я представляюсь».
 Княгиня Катерина слёзно плаче:
95. «На что тебе было жениться,
 Чужа дитя на пóзор брать?
 Отец меня с матерь⁷ не залюбит,
 И все Римское царсьво надсмеется».
 И пошел Олексей ко синю морю,
100. Становитця он на лёгонькой кораблик,
 Просит он у Господа Бога милости великой —
 Путиёго ветра, лёгонькой погодики:

- «Перенеси меня, Господи, за синёе море,
Ко тому архиерею Василиску!»
105. *Перешил* Алексей за синее море,
И приходит он к тому же архиерею Василиску.
Василиско Олексея хорошо принимаё,
Дает ему хижину ⁵ <у> красного крылецъка.⁶
Жил тут Алексей семнадцать лет.
110. Трижды в месяц исповедался,
На каждую субботу приобщался.
Во девятом цясу темной ночью
Богородиця гласом провозгласила:
«Пора тебе, Алексей, за синее море побывати,
115. Во своём во Римском царьсве!
Отець тебя и мати не признае,
Княгина Катерина не подумает.
Алексей же скоро ото сна пробуждаетця,⁷
И скоретово умываетця.⁷
120. Господу Богу помолился,
И выходит он ко синю морю,
Становитця он на легонькой кораблик.
Кораб стоит не тлее, и парус не колыха.
Просит он у Господа Бога
125. Путнего ветра, легонькой погодики:
«Перенеси меня, Господи, за синее море,
Во свое во Римьцкое царьсво!»
Перешел Олексей за синее морё,
И заходит он во свое во Римьцское царьсво.
130. Накатаетця тут тучя грозна камениста
На тоё на Римское царьсво.
Собираютце все во Божию церковь,
Все кнезья да бояры,
Все православные христианы.
135. Алексей же идет во Божью церковь,
Становитця он к церковному престолу,
Крест-от кладёт по-писаному,
Поклон ведет по-уцёному.
Князь Ефимьян видит, что человек стоит неимуций, —
140. Подает ему милостыню едину серебрёницу.
Олексей на ту милостыню свечи покупает,
Ставит Светой Божьей Матери, Господу Богу.
Просит он у Господа Бога со слезами милости великой:
Чтобы пронесло, прокатило
145. Ту тучу грозну каменисту
Мимо Римского царьства на пусто место.
Что пронесло, прокатило
Тут туцу грозну каменисту
Мимо Римьцского царьсва,
150. Выпало каменье претрашно велико
⁸ [На пусто место].⁹

- И выходят из церкви все князья и бояры,
Православные христиана.
Олексей же идёт из Божьей церкви.
155. Князь Эфимьян слово молвил:
«Пойдём ко мне, добрый человек,
Хлеба-соли покушать!»
— «Благодарю тебя, князь Эфимьян,
На пестное милостыне и на серебрянице
160. Ради Господа Бога
И возлюбленного твоего сына Алексея».
Князю Эфимьяну слово ¹⁰ приглянуло:
«Как ты моего сына Алексея знаешь,
По имени называёшь?»
165. — «Как мне не знати:
Вдруг мы родились,
Вместе грамоту учились,
Вдруг мы женились,
В одной келье Господу Богу молились.
170. Лишь дай мне, князь Эфимьян, хижину убогу
У красного у крылечка».
И дал ему князь Эфимьян хижину убогу
У красного у крылецка.
С тех пор у княгини Катерины
175. Пояс розростае и перестень розсветае —
Кнегина Катерина не подума.
Что пили-ели — то ему посылали:
Слуги сами съедали,
Ополасками глаза плескали.
180. Прожил Олексей тут семнадцать лет.
Богородица гласом провозгласила:
«Пора тебе, Алексей,
Свое ¹¹ рукописанье написать,
На тот на свет побывать».
185. Алексей же скоро ото сна пробуждается,
Господу Богу помолился,
И написал он своё рукописание.
Тут Олексей и представился.
И прошло благоуханіе
190. По всему Римскому царьству.
Стали благоуханіе искати.
Тридцать три кельи обходили —
Не нашли такого цёловека.
Князь Ефимьян слово молвил:
195. «Есть еще хижина убога».
Пошли эту хижину смотрети
И нашли благоухание.
И хотели процитать рукописание —
Некому́ рукописание не далось.
200. Идет Эфимьян — ему рукописание далось.

- Стал он цитати —
 Стал он волосы рвати:
 «Мощи вы мощи,
 Почто вы мне ранее не сказались?»
205. Не те бы палаты были даны,
 Не та пища шла!»
 Услыхала кнегина Аглавея,
 Тецет ко мощам, слёзно плаце:
 «Мощи вы мощи,
210. Пошто вы мне [не]¹² сказались?
 Не те бы палаты были даны,
 Не та бы пища шла!»
 Услыхала княгина Катерина,
 Тецет к мощам, слёзно плаце:
215. «Мощи вы мощи, светые мощи,
 Пошто вы мне не сказались?
 Не те бы палаты были даны,
 Не та бы пища шла!
220. Со мной на одной тарелке воскушáли,
 На одной бы постéле спали,
 Во одной келье Господу Богу молились».
 И прошло благоуханíе
 По всему Римцѣскому>¹³ царьсву.
 Стали Алексея хоронити.
225. Хоронили Алексея три дня и три ночи.
 Князь Эфимьян кидает злато и серебро —
 Никто на злато и серебро не гледит,
 Только к мощам прикладаютца —
 И здравы бывают.

¹ Здесь в значении «воспитывать». В записях Астаховой после «испытывать» поставлена запятая. Далее текст дан с новой строки, причем запятой между «божiём» и «допоили» нет. Т. е. слова «в страхи божiём» отнесены соб. к словам «допоили, докормили», что считаем неточным. Вероятно, А. М. Астаховой «испытывать» было понято как «испытывать». ² В *пз* «докормили»: оговорка исп. или описка соб. Печ. по *бркл*. ³ В *пз* «тебя»: вероятно, оговорка исп. или описка соб. В *бркл* над конечным «я» стоит «е» и знак вопроса. ⁴ В *пз* первоначально «отдават»; «ё» вписано и поставлен знак вопроса. Печ. по *бркл*. ⁵ В *пз* и *бркл* над «и» после шипящего надписана «ы». ⁶ В *пз* «ц» правлено на «ч», сверху вновь подписана «ц», в *бркл* «чъ», над «ч» — «ц». Соб. явно затруднялась в передаче звука: вероятно, среднего между мягким согласным «ч» и «цъ». ⁷ В *пз* слово не дописано. Печ. по *бркл*, где на конце — «ця», но со знаком вопроса. ⁸⁻⁹ В *пз* отсутствует. В *бркл* слова взяты в скобки. Вероятно, они остались незафиксированными по чистой случайности: внимание соб. было отвлечено необходимостью указать на перестановку двух предыдущих слов. ¹⁰ В *пз* «слову»: вероятно, оговорка исп. Печ. по *бркл*. ¹¹ В *пз* «двое», что считаем дефектом скорописи. В *бркл* «двое» со знаком вопроса. ¹² В *пз* отсутствует, что считаем опиской соб. Печ. по *бркл*. ¹³ В *пз* слово не дописано, но «Римцѣ...» читается ясно. В *бркл* «Римскому», что считаем неточным.

- Во Римском православном царстве
 Тут и жил и был Ефимьян князь богатый.
 Не было у него малого цада.
 Он ходил ко Божьей церкви, молился.
5. Он просил у Господа Бога —
 Он просил же малого цядя:
 «Мене с младых лет для потехи,
 А под старость мне для замены».
 Богородица гласом прогласила:
10. «Уж ты гой еси, Ефимьян, князь богатый!
 Созови ты всех попов и протопопов,
 Созови ты всех крылосных и духовных».
 Со молитвой двери отворяли,
 Со крестом ему имя нарекали:
15. Нарекали ему имя Олексеем.
 Стал Олексей годов семи —
 Стали грамоту учить.
 Стал Олексей годов десятка —
 Стал ко Божьей церкви ходити,
20. На правом крылоси стояти,
 По-церковному стал пети.
 Стал он годов девятнадцати —
 Стали Олексея жонити.
 Олексею жонитьця не хотелось —
25. Отца-матушку прогневить не захотелось —
 На обруцина княгина Катерина.
 И задумал Олексей от обруцной княгини уходитьи.
 И оставил он ей пояс шелковой
 И перстень золотой.
30. И доколе этот пояс не сорвётся,
 И перстень не распаяется —
 Дотуль домой не воротитця.
 Пошёл Олексей к синему морю,
 К пристани корабельной:
35. Бежит кораблицек невеличек.
 Побежал кораблик за синее море,
 Ко той ко пристани корабельной.
 Пошол он в горы и пещоры.
 И молился он, спасался лет тридцать —
40. Показалось Олексею за три года.
 Богородица гласом прогласила:
 «И докуль ты, Олексей, целовек Божий, здесь будешь
 жити?»
- Дома-то тридцать лет поминают
 И тридцать лет милостоньку подавают!»
45. Олексею грамота¹ далася.
 И пошол Олексей к тому же синему морю,

- К той же пристани корабельной,
Вышел он из кораблица
И пошел в свое Рымское царьство.
50. Приходит он во Рымское царьство —
У церкви служба.
И зашел он в церкви на крылецько:
И ведут его отца Ефимьяна под руки.
Ефимьян и проговорил:
55. «Уж ты гой еси, ты калицынька ты прохожая,
Ты прохожая калика перехожая!
Не знашь ты моего сына Олексея?»
— «Уж я как же твоего сына не знаю:
Вдруг мы с им зародились,
60. В одной мы купели купались,
В одних пеленах пеленались,
Волосом как я и возрастом с меня,
Уж ты гой еси, Ефимьян, кнезь богатый!
Дай ты мне какую-сь келью жить!»
65. Да<л>² ему он келью подкрылецьну;
И пошлет с кухаркой ему кушать —
И кухарка ему всё принесёт ополбсок.
И сконцялся Олексей, целовек Божий,
В кельи подкрылецьной.
70. И розошёлс по всему по Рымскому царьству ладошный
дух.
И народ заходили:
Где-то кто-то светой помер.
У Эфимьяна³ не калика ли помер подкрылецьный?
И пошли смотреть — пробовать двери,
75. Стали двери отпирать.
Некому эти двери не отпирались —
Ефимьяну⁴ эти двери отперлись.
Оставил у себе на грудé записоцьку.
Прочитал Эфимьян записку.
80. Стали они плакать и стали с себя волосы рвать.
«Кабы я знал, что мое детище —
Не такую я бы дал ему келью», — Эфимьян говорит.

¹ Здесь, вероятно, в знач.: «послание» (послание «свыше», наказ Богородицы).

² В *пз* и *бркп* «дай» — случайная оговорка исп. ³ В *пз* первоначально «Ефимьяна», начальное «Е» правлено на «Э». В *бркп* везде — «Эфимьян». ⁴ В *пз* перед начальным «Е» — в скобках «Э».

Мучения Егория

4

А у царя было у Фёдора:
И рожалосе да и два ботрока,

- Два бѣтрока да и две доцери.
И рожалсѧ Егорій-свет.
5. Выростал Егорей до десьти недель —
По суду-то Божью — до десьти годов.
И выростал Егорій до двадцати недель —
По суду-то Божью — до двадцати годов.
Што ¹ со ту сторону со западну
10. Подымалосе царіщѣ Демьянищѣ:
Прирубил всю силѹ крещѣную,
Крещѣну силѹ да бла'ословлѣную,
Царя-то Фѣдора под мир склонил,
Света Егорья с собой увѣл,
15. С собой увѣл да во свою землѹ,
Во свою землѹ да во жыдовскую.
Стал у Егорья выпрашивать,
Стал у светого выведывать:
«Ты котору, Егорій, веру веруешь?»
20. Веруй ты веру жыдовскую,
Молись ты богам нашим жыдѡвьям». ²
Тут-то Егорій да возглаголуѣт:
«Не верую веры жыдовское,
Не молюсь я богам вашим жыдѡвьем ² —
25. Верую я веру крещѣную,
Крещѣну веру да бла'ословлѣную.
Молюсь я Спасу Прецистому,
Пресветое Божьей Матери Богородицы». ³
Тут ведь царіщѣ да осержаитцѧ,
30. Демьянищѣ да воспылуитцѧ.
Приказал Егорья да в топоры рубить —
⁴Не добра ⁴ Егорья да топоры берут: ⁵
По лезвьям топоры да приломалисе.
Тут-то царіщѣ да осержаитцѧ,
35. Демьянищѣ да воспылуитцѧ.
Приказал Егорья да во пилы пилить —
Не добра Егорья пилѧ берѣ:
От светѧ Егорья пила сыплетце,
По зубцѧм пилы ⁶ да приломалисе.
40. Тут-то царіщѣ да ⁷ осержаитцѧ,
Демьянищѣ да воспылуитцѧ.
Приказал Егорья да на огни жогци —
Не добра Егорій да на огни горит:
Под светым Егорьем вода тецѣ,
45. Вода тецѣ, да тут трава ростѣ,
Трава ростѣ, да тут цветы цветут.
Тут ведь царіщѣ да осержаитцѧ,
Демьянищѣ да воспылуитцѧ.
Приказал Егорья да на воды топить —
50. Не добра Егорій да на воды тонѣ:
Светѧ Егорій на плиты пловѣ,

- На плитѣ пловѣ да сам стихи поѣ,
 Ай, стихи поѣ да херувимскіе,
 Э, гласы возносит да ангельскіи,
 55. По-ангельскіи да по-архангельскіи.
 Тут-то царищѣ да осержаитцѣ,
 Демьянищѣ да воспылуитцѣ.
 Приказал Егорья да во погрѣб садить,
 Во глубок погрѣб да сорока сажон,
 60. Посадили Егорья да во глубок погрѣб,
 Во глубок погрѣб да сорока сажон.
 Забросали Егорья песком-каменѣм,
 Замыкали Егорья да золоты замки.
 Говорил Егорью да наговаривал:
 65. «Не бывать Егорью на светой Руси,
 Не видать Егорью свету белого!»
 Што ⁸ со ту стороноцьку с востоцьную
 Подымалась туця грозная со падером,⁹
 Да сорывала туця да золотѣ замкѣ,
 70. Розбивала туця пески-каменѣ —
 Выходил Егорий на светую Русь,
 Увидал Егорий свету белого.
 Пошол Егорий да ко Божѣй церквѣ.
 Э, нынѣ в той церквѣ да нынѣ пустѣм-пусто,¹⁰
 75. Да нынѣ пустѣм-пусто да некѣм-некого —
 Одна Пресвета Мати Божья Богородица,
 Гласом его да прогласила:
 «Ты пойдѣ, Егорий, да ко синю морю,
 Ко синю морю да к золоту столбу!»
 80. Ты возьми, Егорий, коня со семи цепей,
 Ты возьми, Егорей, копьѣ да бурзаменьскоѣ,¹¹
 Ты возьми, Егорей, саблю вострую,
 Ты возьми, Егорей, ту палицу железную». Пошол Егорий ко синю морю
 85. Да к золоту столбу.
 Взял Егорий коня да со семи цепей,
 Взял Егорий копьѣ да бурзаменьскоѣ,
 Взял Егорий саблю вострую,
 Взял Егорий ту палицу железную,
 90. Поехал Егорий во чисто поле.
 <Дое>зжал ¹² Егорий до заставы,
 До заставы да до великоей,
 До великоей да до Горлин-птици: ¹³
 «Я тебя, Егорий, живьѣм сгложу!» ¹⁴
 95. — «Полетай ты, птица, на Горлин-горѣд,
 Ешь-пей, птица, да всё готовое!»
 Тому птица да не услышала,
 Улетела птица на Горлин-остров.
 Доезжал Егорий до заставы,
 100. До заставы да до великоей,

Да до того же змейща до лютого.¹⁵
«Ещё я тебе, Егорий, живьём сглоню!»

¹⁶Ударил Егорий по хоботу,

Отрубил Егорий три головы.

105. Проезжал Егорий ту заставу,

Ту заставу да великую.¹⁷

¹ В *пз* в слове наложение «ч» и «с». В *бркп* «Съто» со знаком вопроса. Считаем такое произнесение случайностью, не имеющей отношения к фонетической характеристике текста. ² В *пз* и *бркп* над конечной «е» в слове стоит «я». ³⁻⁴ Т. е. «не добро», нехорошо. ⁵ Далее при сказывании текста следовало: «От светá Егорья топор ломитце». При пении стих опущен. ⁶ В *пз* «пила», но относящееся к сказанному тексту: «По зубцам пила да пила сыплется». При пении слово осталось, вероятно, невыправленным. соб. Печ. по *бркп*, где конечная «а» исправлена на «ы». ⁷ В *пз* на месте части стиха, в том числе этого слова, — пропуск и знак повтора текста. В *бркп*, где текст приведен полностью, «да» опущено, что считаем необоснованным. Текст восстановлен на основании стиха 29. ⁸ В *пз* и *бркп* «Сто». См. примеч. 1. ⁹ По словам исп. — «дождь большой». ¹⁰ «Как теперь в церк-вах» — комментирует исп. (вероятно, во время первоначального сказывания текста). ¹¹ Традиционный «идеализирующий» эпитет (вар.: бурзамецкое, бурзу-мецкое, мурзамецкое, мурзумецкое). От «мурза» — титул феодальной власти у татар. ¹² В *пз* и *бркп* «Зжал». Вероятно, начало слова было произнесено не-внятно. ¹³ Далее при сказывании текста следовало: «Она ему сказала». При пении опущено. ¹⁴ Далее при сказывании текста следовало: «Он и сказал». При пении опущено. ¹⁵ Далее при сказывании текста следовало: «Как спроговорит змейще то лютое». При пении опущено. ¹⁶⁻¹⁷ Стихи не спеты, а сказаны. На вопрос соб., весь ли стих, исп. ответила: «Столько и поём, бывало».

Два брата Лазаря

5

Жил-был славен богат целовек,
Сделал он почёстен пир,
Назвал богатой попов и дьяков,
Грамотных людей, надобных.

5. Край пути-дорожецьки Лазарь лежит:

«Братец, ты братец, богат целовек,
Напой, накорми, теплом обогрей!»
— «Какой ты мне братец, откуда пришол?
Есть у меня братцы получше тебя:

10. Попы да дьяки, да духовны отцы,

Грамотны люди, надобны.
Было у богатого два лютых пса.

По подстолью хóдили,

Коски да кроски собирали да Лазарю нóсили,

15. Раны гноёны зализывали.

Оттого Лазарь здравен стал.

Стал Богу молитця, бессмертья просить:

«'Осподи, 'осподи, Спас милосливый,
Пóшли мне, Господи, двух ангелов,

20. Двух немилосливых.

- Выньте мою душеньку нѣчестно,
 Поднимите мою душу на вѣстро копѣ,
 Понесите мою душу в кромѣшной ад».
- Услышал *Господи* моленье его,
 25. Принял *Господи* молитву его,
 Послал двух ангелов,
 Двух ангелов, да двух милосливых.
 Вынели душеньку пѣчестно,
 Посадили его душеньку на пелену,
30. Понесли его душу к Оврамию в рай.
 Вышел богатой за воротá,
 Стал Богу молитця, бессмертья просить:
 «Услыши, *Господи*, молитву мою!
 Пошли мне, *Господи*, двух ангелов,
35. Двух ангелов, двух милосливых.
 Выньте мою душеньку пѣчестно,
 Посадите мою душеньку на пелену,
 Понесите мою *душеньку* к Оврамию в рай».
- Не услышал *Господи* моленье его,
 40. Не принял *Господи* молитву его.
 Послал ему двух ангелов,
 Двух ангелов, двух немилосливых.
 Вынели душу его нѣчестно,
 Посадили его душу на вѣстро копѣ,
45. Понесли его душу в кромѣшной ад.
 Увидел богатой брата своего:
 «Братец, ты братец, убог человек!
 Омочи, омочи мизѣнный перст,
 Окропи, окропи тело мое,
50. Чтобы мое тело не горело,
 Чтобы моя головушка не щемела!»
 — «Какой ты мне братец, откуда ты пришол?
 Есть у тебя братцы получше [меня]:¹
 Попы да дѣяки, да духовные отцы,
55. Грамотны люди, надобны».

¹ В *па* «тебя» — оговорка исп. Печ. по *бркп.*

- Жилó-былó два брата, два Лазаря.
 Один-то Лазарь был убогой¹ человек,
 Другой брат был богатой¹ человек.
 Богатой Лазарь пил сладко, носил хорошо,
5. Нищих, убогих поил² не кормил,
 При пути-дорожки теплом не огревал,
 При гробе умерших не провожал.
 Сделал богатой свой почестен пир.
 Позвал на пир попов и дѣяков,

10. Попов и дьяков да людей грамотных,
Люди грамотны, люди надобны.
Вышел богатой за ворота —
При пути-дорожке Лазарь стоит.
Взмолился Лазарь брату своему:
15. «Сотвори³ себе трапезу, а мне милостыню!»
— «Какой ты мне брат!
Есть у меня братья получше тебя,
Получше тебя да побогаче меня».
У богатого брата было вижлока⁴.
20. Они по постолыцу ходили, они крошки собирали,
Бедному Лазарю относили.
С того бедный стал сыт пребывать,
Стал сыт пребывать, стал Бога прословлять.
Стала тут бедного скорьбь зобирать,⁵
25. Скорбливая и уродливая.
Взмóлился бедной Господу Богу:
«Пóшли мне, пóшли двух ангелов!
Не тихих, не смирённых — двух немилостливых.
Выньте мою душеньку очень тяжело,
30. Понесите очень высоко
И спустите мою душеньку в кiпящую смолу».
Услышил Господь молитву праведника,
Послал Господь двух ангелов —
Двух тихих, смирённых, двух милостливых.
35. Вiняли его душеньку очень легко,
Пóнесли его душеньку ясно-высоко́,
Снесли его душеньку к Óврааму в рай.
Стала богатого скорьбь зобирать,
Скорбливаё и уродливаё.
40. Возмолился⁶ богатой Господу богу:
«Пóшли мне, Господи, двух ангелов —
Тихих, смирённых, милостливых!
Понесите душеньку ясно-высоко́
К Óврааму в рай, к двум ангелам».
45. Услышил Господь молитву неправедника,
Пóслал ему Господи двух ангелов:
Не тихих, не смирённых, не милостливых.
Вiняли его душеньку очень тяжело,
Пóнесли его душеньку ясно-высоко́,
50. Спустили его душеньку в кiпещу смолу. . . ⁷

¹ В *пз* неясно: «-ой» или «-ий» («ый») в конце слова. В *бркп* здесь и далее в тексте при употреблении тех же слов (за исключением стиха 22) — окончание «-ой», как правило, со знаком вопроса. Печ. по *бркп*. ² Вм. «не поил». ³ В *пз* «сотворим», что считаем опиской соб. ⁴ По всей видимости, то же, что «лютые псы». (Вероятно, от «виж», что означает на севере короткий издалека слышимый визг). ⁵ В *пз* неясно «забирать» или «зобирать». Печ. по *бркп*. То же для стиха 38 (но в *бркп* «зобирать» со знаком вопроса). ⁶ В *пз* первая часть слова написана неразборчиво. В *бркп* «вмолился», что считаем неточным. Печ. по аналогии со стихом 26. ⁷ «Тем и кончилось», — заключает исп. «Не слыхал, поётся ли, „как

они встретились". Рассказывает прозой, как богатый просит бедного дать ему воды («тошно ему было»), а бедный отвечает, что не его воля, — примеч. соб.

- Жила-была ¹ да два брата родные,
Да оба Лазари.
Едина их матушка на белой свет родила —
Не едина их участь Господь Бог наделил.
5. Еще большогó-то братцá — богатством-тьмой,
Еще меньшогó-то братцá — убогу сиротой.
Задумал брат богатой пир и почесть да разводить.
Он ведь созвал попов и дьякóв,
Он попов и дьяков и богатых мужыков.
10. Он рóдимого-то братьця не позвáл к себе.
Тут пришол брат убогой к богатому под окно,
Постуцался, поколотился да у колодного окна,
Сотворил молитву Иисусову:
«Уж ведь брат, ты мой брат, да брат — богатой цéловек!
15. Сотвори-ко, брат богатой, мне, убогому, милостыньку». ¹
Загленул же брат богатой да за колоднойè окно:
«Ты какой же мне брат: да я с роду не видал!
Есь у тя два брата — да два кобеля́.
При таких цестных гостях под окошечком да стуцишь,
20. Под окошечком стуцишь, меня братом называшь». ²
И пошол брат убогой, заплакал, от окна.
Тут пошол же брат убогой во цистойè полё,²
Стал молитце, трудитце, себе бессмертие просить:
³«Ты пошли, да Господи, двух ангелов,
25. Двух крутых, двух рьяных и двух немилостивых:
Да вырвали мою душецку не цестью,
Посадили мою душецку на вострое на копьё».⁴
Еще услышил Господи мóление да его.
Тут услышил Господь его,⁵
30. Послал же ему Господи двух ангелов,
Двух тихих и д(ы)вух смиренных и да двух милостливых.
Еще вынели его душецку пóчестью
И посадили его душецку на злато на блюдó,
Понесли его душецку весьма высокó,
35. Весьма высокó, на превечное житье,
Во превечное житье, во христовой рай.
Тут слышал богатой, что бедный брат представился.
Тут пошол да брат богатой во цистойè полё,
Стал молитце, трудитце, да себе бессмертье просить:
40. ⁶«Ты услыши, Господи, мóление моё!
Ты пошли мне, Господи, двух ангелов,⁷
Двух кротких, двух смиренных, двух милостливых,
Чтобы вынели мою душецку пóчестью,
Посадили мою душецку на злато на блюдó».

45. Услышал Господи мѡленье его,
Услышал Господи молитву его,
 Послал ему Господи двух ангелов,
 Двух крутых, да двух рьенѣх, да двух немилостливых.
 Еще вырвали его душецку нѣ цестно,
50. Посади́ли да его душецку на остро да на копьѣ,
 Понесли же его душеньку весьма высоко,
 И весьма высоко, во превечной житѣ,
 Во превечной житѣ, да кромешный ад:
 В огне гореть да в смолы кипеть.

¹ В *пз* в этом и предыдущем словах ударение не проставлено. Печ. по *бркл*.
² При первичном сказывании текста далее шел стих, уточняющий повествование: «И на три годика во гной сле» — опущен при пении. ³⁻⁴ В *пз* фрагмент текста заключен в круглые скобки, служившие соб. в *пз* показателем того, какие из сказанных стихов пропускались или заменялись во время пения. В данном случае остается, однако, неясным, были ли пропеты второй и последний из заключенных в скобки стихов. Рядом со вторым поставлен к тому же знак, который можно истолковать как условное перечеркивание стиха. Печ. по *бркл*. ⁵ Знак вставки в *пз* позволяет предполагать, что этот стих был пропет вместо сказанного «услышил Господи мѡлиту еѡ». ⁶⁻⁷ В *пз* стихи заключены в круглые скобки, смысл чего не совсем ясен. Между этими стихами при сказывании текста был зафиксирован стих «Услыши, Господи, мѡлиту мою», с прочерками вместо первого и второго слова. Между прочерками в *пз* помета соб. «нет», которая, на наш взгляд, свидетельствует о пропуске всей этой строки при пении. В *бркл* стих отнесен и к пропетому и к сказанному вариантам.

Царевич Иоасаф, пустынный

8

- «Ты пустыня, ты пустыня,
 Да ты прекрасная светая,
 Да введи ¹ меня, ² пустыня,
 Да во небесной царство».
5. Как спроговѡрит пустыня,
 Отвѡчаѣ Осафью:
 «Как у нас-то да во пустыни
 Нету ситнего хлеба —
 Только есть у нас в пустыне
10. Одна гнилая колода».
 — «Как гнилая-то колода
 Лучше ситняго хлеба.
 Ты пустыня, ты пустыня,
 Ты прекрасная светая,
15. Да ³ поведи меня, пустыня,
 Да во небесной царство».
 — «Как у нас-то во пустыни
 Нету сладкого мѣду.
 Столько есь у нас во пустыни
20. Одна ключевая вода».
 — «Нам ключѡвая водицка,

- Ты лучше сладкого мёду.⁴
 Ты пустыня, ты пустыня,
 Ты прекрасная светая,
 25. Да *поведи* меня, пустыня,
 Да во небесной царство». .
 Как спрогворит пустыня:
 «Как у нас-то во пустыне
 Да нету цветного платья.
 30. Столько есь во пустыне
 Одне чёрные⁵ ризы». .
 — «Нам чёрные ризы
 Лучше цветного платья.
 Ты пустыня, ты пустыня,
 35. Ты прекрасная светая,
 Да *поведи* меня, пустыня,
 Да во небесной царство».⁶
 Как спрогворит пустыня:
 «Как у нас-то во пустыне
 40. Нету саду с виноградом.
 Столько есь у нас во пустыне
 Тёмные леса».
 — «Нам-то тёмны-то леса
 Лучше саду с виноградом.
 45. Тут налетят птицы царски,
 Запоют песни райски».

¹ В *пз* исправлено из «поведи». В *бркп* «воведи», первоначально со знаком вопроса. Печ. по *бркп*. ² В *пз* «меня», что считаем дефектом скорописи. Печ. по *бркп*. ³ В *пз* неясно: «Ты» или «Да». Печ. по *бркп*. ⁴ В *пз* над «ё» в слове надписано «я». ⁵ В *пз* в слове наложение «ц» и «ч». Печ. по *бркп*. ⁶ В *пз* вместо стиха — помета «и т. д.», в *бркп* «Во небесной во царство», что считаем неточным. Восстанавливаем текст на основании стиха 5.

9

- Прекрасная мати пустыня,
 Любезна моя ежанина.¹
 Пойду я по мхам, по болотам,
 Пойду по горам, по вертэпам,²
 5. А где же бы мне водворитьце,
 Со усердией Богу помолитьце.
 Поставлю я малую хижню,³
 Буду я в хижне пребывать,
 А стены мне пользу приносили.
 10. Умилени<я>⁴ глас прогласило:
 Кокушка в тебе вскокувала.
 Пойду я в леса розгулятьце,
 Пойду я дравá согледати.
 На котором дравá плоду нету —

15. То огню на подгнету.⁵
Ленивы мы стали,
Ленивым спасенья нету:
Огню на подгнету.

¹ В первом варианте (сказанном или пропетом — см. примеч. к тексту) «дружи́на», т. е. друг, подруга. «Ежани́на» — вероятно, в значении «дающая пищу», кормилица (от «ежа» — еда, кушанье). Ср. обращение Иоасафа к пустыне: «И буди ты мне, яко мати, / Своим мя млеко́м воспитати»; «Потщися, мати, восприя́ти / И от недр мя своих пита́ти» (Калики перехожие. 4.1. Вып. 1. С. 251, 253).² Т. е., вероятно, по местам, где происходят представления на библейские сюжеты.³ От «хижа», «хижица» — шалаш в лесу; лачуга, убогий кров.⁴ В *пз* и *бркп* «умиление» со знаком вопроса. В таком варианте слово выступает уже не в роли дополнения или определения («умильный»), а в роли подлежащего, что меняет смысл фразы.⁵ Т. е. в качестве исходного материала для разжигания огня.

Христос и нищая братия

10

- Светлое Христово воскресенье,
Светлое Христово вознесенье,
Вознесся Христос на небеса¹
С ангелами с херувимы,
5. С апостолами с серафимы.
Осталась на земли нищая братья,
Осталась на земли убогая сирота:
«Уж ты истинной² Христос, царь небесной!»²
На кого ты нас оставляешь,
10. На кого ты нас спокидаешь?»
— «Не печальте, вы нищая братья,
Не рыдайте, убогая сирота:
Оставлю я вам гору золотую,
Оставлю я вам реку́ медовую».
15. Как спроговори́л Иоанн Златоусте:
«Уж ты истинной Христос — царь небесной!
Не владать им горой золотой,
Не владать им рекой медовой:
Узнают богатые люди,
20. Услышат пёстрые власти —
Отымут у их гору золотую,
Отымут у их реку медовую.
Оставь ты им имя Христово:
Они будут ходить по сёлам, по деревням,
25. Они будут сыты и пьяны,
Они будут обу́ты, одеты,
От темной ночи укрыты».

¹ Ударение на втором слоге вызвало сомнение у Астаховой при перебеливании текста. В *бркп* «небеса́» (знак ударения под вопросом).² В *пз* окончание написано неразборчиво, в *бркп* — «ой» со знаком вопроса.

- Светло Христово воскресенье
 Дошло до Вознесенья.
 Вознесся Иисус Христос на небо,
 Остались нищи да убоги на землі.¹
5. Расплакались нищи и² убоги:
 «Цем нам буде ³пить и ⁴исть,⁴
 Цем нам буде одеватця, обуватця,
 От темной ноци укрыватця!»
 — «Не плачьте вы нищи и убоги:
10. Оставлю вам гору золотую
 Да реку медвянѹю.
 Будете вы сыты и довольны,
 Обуты и одеты,
 От темной ноценьки укрыты».
15. Проговорили нищи и убоги:
 «Нам золотой горой не владети,
 Нам медвяной рекой не владети:
 Наедут кнезья и бояре,
 Отнимут у нас гору золотую
20. И реку медвянѹю».
 Спроговорил Иисус Христос:
 «Не плачьте вы нищи и убоги!
 Оставлю вам имя Христово.
 Будете по миру ходити,
25. Христа велицѣти.
 Будете сыты и довольны,
 Обуты и одеты,
 От темной ноценьки укрыты».

¹ В *па* ударение отсутствует. Печ. по *бркп*.² В *па* наложение «и» на «да». В *бркп* — «да». Печ. по правленому варианту *па*.³⁻⁴ В *па* слова написаны нечетко. Возможно прочтение: «пити — исти». Печ. по *бркп*.

Михайло-архангел

- ¹Ты зайди-ко, да человеце да [на] гору,²
 Посмотри, да человеце, да на все цетыре стороны!
 Еще чем да земля изукрашена?
 Еще чем да луга да изустроены?
5. Еще чем да луга да наполнены?
 Изукрашена земля да красным солнышком,
 Изустроены луга да Божьима церквами,
 И наполнены луга да людьми грешныма.
 Посмотри, целовече, да на другу-то сторону!

10. На другой-то стороны река-то вогненна,
За рекой-то стоят души грешные. . . ³

¹⁻² В лз «посмотри» правлено на «зайди-ко». Предлог «на», взятый в скобки, отсутствует. Стих печ. по бркн.³ Далее текст соб. не зафиксирован.

13

- «Михайло-архангел
Со ангелами да со архангелами!
Перевези меня за огненну реку
Ко Христову ко раю!»
5. На одной-то стороне души грешные стоят,
А на другой-то стороне — Михайло-архангел.
Они кличут и перекликаютця:
«Михайло-архангел, перевéзи за реку́!»
— «Уж вы души-то, души грешные,
10. Души грéшные да окайнные!
Уж вы жили, души грешны, на вольном на свету́.
Вы не знали, души грéшные, ни середы,
Ни середы, ни пятницы
Ни Христова светлова воскресеньца,
15. Ни Филиппова говенья, ни Великова поста.
Не ходили, души грешны, ко Божьей церквы́,
Не молились, души грешны, Богу Господу,
И не слушали, души грешные, цетья-петья ¹ церковного
И звону колокольного.
20. Вы бредите, души грешные, через огненну реку!»
До колéна-то забрёл — дак он расплакался,
Дó пояс забрёл — дак с белым светом распростился.
Вся нога, вся рука — вверху,
Вся буйна голова — ко дну.

¹ «Цетье-петье» — чтение и пение (в церкви во время богослужения).

Стих о Петре и Павле

14

- Ой еси, Петр и Павел,
Постойте ¹ за истенну веру,
Всех душ в рай запускайте,
Живых и мёртвых примайте,
5. Только три души в рай не пущайте:
Те души тяжко согрешили.
И перьва душа тяжко согрешила —
Отця́ и мать по-мáтерьну бранила.
А той души нету спасенья,

10. Той души нету прощенья,
Тол(и)ко есть ей одно покаёньё.
Во свет(ы)лом раю не бывати,
Самого Христа в оци не видати.
Втора душá тяжко да согрешила —
15. В ут(ы)робе младеня погубила.
А той души нету спасенья,
Той души нету прощенья,
Тол(и)ко есть ей одно да покаёньё.
Во свет(ы)лом раю не бывати,
20. Самого Христа в оци не видати.
А третья душá тяжко сог(ы)решила —
Из хлеба, из соли споринú вымáла.
Той души нету спасенья,
Той души нету прощенья,
25. Только ей есть одно да покаёньё.
Во свет(ы)лом раю не бывати,
Самого Христа в оци не видати.

¹ В *пз* читается «пáстойте». Возможно, так и было пропето. Печ., однако, по *бркп*, т. к. такого рода произнесение слова не связано с диалектными особенностями речи.

Расставание души с телом

15

- Два ангела да два архангела!
Уж вы где были да куды летáли?
— Уж мы тут были да тут и летáли,
Где душа с телом да разосталасе,
5. Разосталасе, да не простиласе,
Назадъ пошла, да воротиласе:
«Ты прощай, прощай, да тело грешноё,
Ты прощай, прощай, да окаянноё!
А тебя, тело, да во землю кладут,
 10. А меня, душу, да на ответ ведут
К самому Христу — царю небесному».

16

- Как на тех же было да на ростаньюшках:
Душа с телом да разосталася.
Разосталася, да не простиласи,
Не простиласи, да воротиласи:
5. «Ты прощай-ко, прощай, да тело грешное!
Как тебя-то, тело грешное, всё во гроб клодут,
Во гроб клодут, да хоронить везут.
А меня-то, душу грешную, по делам ведут,
По делам ведут да отвечать велят,

10. Отвечать-то велят да самому Христу,
Самому Христу — царю небесному.

О распятии Христа

17

- Сó страхом, братья, мы послушаем
Божье писание, Господни страсти.
Пророки пророчили за тысячу лет,
Другие сказали за триста годов:
5. Во пятый во тысячи в пятистах годах
Рожденье-мученье Исуса Христа.
Во марте во месяце, во последних днях,
Страстная неделя во пятничной день.
Во святом во граде во Ерусалиме
10. Плакала-ходила Святая Дѣва.
При ней было три мироносиц жѣн.
Во граде встречу грядут два жидá.
Восплакалась, спросила у них Святáя Дѣва:
«Где вы, жены,¹ были, куда гредѣте?»
15. Что возговорят Дѣве два жидовинá:
«Жйвем мы теперича во Ерусалиме,
А мы били, мучили Исуса Христа.
Я же, бивши, мучивши, в темницу всадил.
В шѣстом часу в пятницу рáспяли его.
20. В нози и во длани прибили гвоздѣ,
Исуса кóпием ребрá пробѣли —
Земля обáгрена от крови его».
- Услышала глагол у них Светая Дева,
Ударилась о землѣ едва будь жива.
25. Жѣны соблюдели и были при ней.
Застанет, заплачет, в горести речет:
«Увы, мать-сыра земля, возьми меня к себе!
Сыне мой любезный, надежда моя!
И что оставляешь матери своя?
30. Вкупе я вкусила с тобою смерть.
Вчераś не хотела отпустить тебя —
Волею пошел на крестною смерть.
О, злые ругатели беззаконные!
За кóе вы дело Исуса били?
35. Плачьте, рыдайте, солнце и луна!
Плачьте и стоните, вдовы и сиротá!
Наставник-учитель покинул нас всех.
Кто ныне утешет от горьких мня слез?
Архангел Гавриил, помоги ты мне!
40. Радость моя сошед во гроб. . .²

¹ Оговорка исп.² «Дальше не помнит», — примеч. соб.

- Жи́ды Христа распина́ли,
В руки и в ноги гвозди́ наколоті́ли,
В буйну́ голову́ ко́пьем пробивали,
Горячу́ю кровь проливали.
5. Мати́ родима́я не знала
Пресвята́я Дева́ Ма́рия.
Ни́же ¹ солнце́ и ме́сяц поме́ркли,
И ча́сты зве́зды потемнели.
Тогда́ ма́терь родима́я упала
10. Пресвята́я Дева́ Ма́рия,
И слёзно́ она́ плакала́, рыдала́,
Горя́щую кровь проливала́.
«Не пла́чь, моя́ ма́терь родима́я
И пресвята́я Дева́ Ма́рия!
15. Че́рез три́ дни́ я тебе́ при́ду
И са́м я из тебе́ ду́шу выну́,
Спишу́ я тво́й лик на и́кону,
Поставлю́ и́кону за престо́лом.
Будут-то́ тебе́ лю́ди моли́ться,
20. Будут тебе́ лю́ди обеща́ться.

¹ В пз «ниже» написано поверх «и». Возможен вариант: «И солнце и месяц померкли».

Сон Богородицы

19

- А́нгел мой, сохрани́тель мой,
Сохрани́ мою́ ду́шу и скрепи́ се́рдце моё́,
И враг — са́тана, отка́чнись от меня́.
У меня́ нет ни пи́тинья, нет ни куша́нья.
5. Е́сть одна́ Дева́ Ма́рия:
Исти́нного Христа́ споро́дила
Ме́жду райскими́ двере́ми
На шелковой́ на тра́вѣ.
На бе́лы́х ру́ки бра́ла́,
10. В пеле́ны пелена́ла и в по́ясы́ по́ясала́:
Во пеле́ны берца́тны,¹ во по́ясы шелко́вы.
Шла́ она́ по пу́тям, по доро́гам,
С го́рода на го́род,
Те́мными́ леса́ми, це́рными́ гре́зями.
15. Шла́ — приу́стала, ле́гла — приу́снула.
Не́много́ спало́сь — мно́го сны́ ви́делось.
Привиде́лся сон цю́дѣн и стра́шон.
(И)иде́т Ию́да,
На встре́ту Ию́ды — жи́довя:
20. «У́ж ты го́й еси́, Богоро́дица! ²

- Скажи ³ истинного Христа — царя небесного).
 — «Пойдите заглени́те
 В заднее кутнее ⁴ окошко:
 Сидит истинный Христос — царь небесный,
 25. Хлеб кушае, в сольнице ма́дет».
 Взели жидовя истинного Христа,
 И сковали руки и ноги,
 И повалили на кипарис-древо.
 Голову ко́пьем пробивали
 30. И горящею кровь проливали.
 Как из раю в рай река теде́т —
 Так из истинного Христа кровь теде́т;
 Как с сухого дерева кора валитця —
 Так с истинного Христа тело валитця.
 35. Уцюла Мати Божия Богородица,
 Падала она во сырую землю:
 «Теките, мои кр́вьяные слёзы!
 Промоците тонку белую полотнену рубашку!»
 Уцул истинный Христос:
 40. «Уж ты гой еси, Мати Божия Богородица!
 Не падай ты во сырую землю,
 Не моци тонкую белую полотнену рубашку,
 А сказывай этот сон старому и малому,
 Попам и дьяцкам».
 45. Кто до трою на день процитае —
 Тому ве́чная мука не будет.

¹ Т. е. узорчатые. ² Ошибочно вм. «Иуда». ³ В знач. «покажи», «укажи». ⁴ Т. е. угловое.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Алексей, человек Божий

1. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 2а, л. 58 об.—63 — лз; к. 3, п. 19, ед. хр. 7, л. 51 об.—57 об. — *бркл.* Зап. 26.06.27 от Екатерины Матвеевны Чуркиной, 88 л., в д. Марына Гора Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Карпогорский с/с). Зап. напева 29.06.27. З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса: ФА ИРЛИ, *ФВ* 126.01. (См. в наст. изд. публикацию А. Ю. Кастрова «Архивные записи пинежского эпоса», нотн. прил. № 4). Биографические сведения о Е. М. Чуркиной, ее репертуар см.: Астахова 2. С. 613—624. Е. М. Чуркина — дочь известного в свое время пинежского сказителя Матвея Андреевича Ломтева (о нем см.: Астахова 2. С. 584) и родная сестра Ивана Матвеевича Ломтева, который славился «как песенник по окрестным деревням» (Григорьев 1. С. 471—478). М. А. и И. М. Ломтевы владели эпической традицией, но духовные стихи в их репертуаре не зафиксированы.

Публикуемый текст был пропет сказительницей почти до конца, самый конец сказан. Но и при сказывании текста, по замечанию собирательницы, выдерживался ритм стиха. Текст записывался А. М. Астаховой сразу «с голоса». Судя по карандашной лз, собирательница с трудом успевала фиксировать слышимое: многие слова первоначально написаны очень неразборчиво, многие не дописаны. Неразборчиво зафиксированное исправлено в лз тем же карандашом — видимо, сразу после исполнения стиха. Несколько слов (и их частей) вписано сверху тем же карандашом — вероятно, непосредственно во время пения.

Публикуемый текст представляет собой самый полный из записанных А. М. Астаховой на Пинеге вариантов «Алексея, человека Божия».

2. «Про Алексея». ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 2, л. 2—9 об. — *нз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 56—63 — *бркл*. Зап. 16.06.27 от Василисы Степановны Поповой, 45 л., в д. Поганец б. Пинежского у. (Архангельская обл., Пинежский р-н, Сурский с/с, д. Городец). Биографические сведения о В. С. Поповой, ее репертуар см.: Астахова. 2. С. 542—545. По свидетельству А. М. Астаховой, сказительница знала довольно много духовных стихов и исполняла их с большим искусством. Но были записаны от нее лишь стих «Про Алексея» и начальные строки псалм. В. С. Попова знала еще стих «Расставание души с телом», частично «Сон богородицы», с зачином «Ангел, хранитель мой. . .» и интересным (как отмечено в *нз*) напевом.

«Алексея, человека Божия» сказительница переняла от отца, который, однако, сам не пел. По ее словам, «он почитал по книжке» (там же был якобы и «Сон Богородицы»), «а она сама запела» (*нз*, л. 10). По утверждению А. М. Астаховой, стих исполнялся на тот же напев, что и опубликованная в «Былинах Севера» баллада «О Михайле», сам же напев усвоен от старух. В полевой тетради зафиксировано от В. С. Поповой: «А вот была старуха и пела другим запевом, а у меня сил не хватает, я другим пою — скорее» (*нз*, л. 10). Пела — как и все сказители — в Великий пост и за работой. Дочь Поповой Анна, 22 л., тоже знавшая «про Алексея», говорила, что маленькими слушали этот стих и плакали.

Текст фиксировался А. М. Астаховой непосредственно во время исполнения. Некоторые стихи были, возможно, не спеты, а сказаны (хотя собирательницей это отмечено лишь в отношении последних четырех строк). В ряде случаев нами отредктировано графическое оформление текста.

Происхождение единичных правок в *нз* остается неясным. Так, стихи 8, 13 вписаны между строк. Начальные «А», «И» — соответственно в стихах 12 и 17 — тоже вписаны в текст. Стих 23 вписан вместо строк: «Просит у Господа Бога милости великой / Сына или дочь». В *бркл* помета относительно этих стихов: «Первый вариант (потом поправились)». Остальные правки носят фонетический характер, к примеру: «г» исправлена на «г» в ряде случаев, «палату» исправлено на «полату», «келиям» на «келиям», «ц» на «ч» и «ч» на «ц» в нескольких местах. Никаких свидетельств о том, что текст или часть его исполнялась дважды, нет: «Стала мне петь про Олексея, потом встала, взяла работу (питьё) и стала продолжать». (*бркл*, л. 56). Печ. по правленому тексту *нз*.

Публикуемый вариант «Алексея, человека Божия» выделяется среди других записанных на Пинеге особой последовательностью в воплощении идеи предначертанности человеческой судьбы. Всякое действие, любое деяние предваряются здесь явлением Богородицы — предвещающей свершение, оповещающей о свершившемся или приказывающей что-либо совершить. Даже женится Алексей (это, пожалуй, особенно показательно в плане отличий от других вариантов) по наказу Богородицы не перечить воле родителей.

Любопытно включение в стих такого эпизода, как спасение Алексеем Римского царства от «тучи грозной каменистой». (В известных нам публикациях этот эпизод отсутствует). Разумеется, не сам Алексей, а Господь отвел тучу «на пусто место», но вняв мольбам святого. И это — фактически единственное деяние Алексея, которому не предшествовало явление Богородицы.

3. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 1, л. 11—15 — *нз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 3—5 — *бркл*. Зап. 14.06.27 от Дарьи Романовны Мёрзлой, 62 л., в д. Засурье Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Сурский с/с). Зап. напева 15.06.27 З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса: ФА ИРЛИ, *РФ*, п. 1, № 375.03 (см. в наст. изд. публикацию А. Ю. Кастрова, нотное приложение № 5).

Д. Р. Мёрзлая родом со Слуды, в Засурье замужем 43-й год. Кроме «Алексея, человека Божьего» от нее записаны: 1) «Стих о Михайле-архангеле», 2) «Богородицын сон» (см. наст. публ. № 12, 17). Стихи переняла еще девочкой от Офимьи Михайловны Новиковой — старушки, которая «50 лет как умерла». «Голубиную книгу», «Двух братьев Лазарей», «Егорья» не знает. Начало «Алексея, человека Божьего» пела, потом начала рассказывать — предположительно — с 27-го стиха (собирательницей не указано). Публикуемый вариант стиха явно неполный. Как следствие забвения исполнительницей ряда фрагментов — встречающиеся в тексте алогизмы.

Кроме публикуемых, А. М. Астаховой было записано на Пинеге в 1927 г. еще 5 вариантов «Алексея, человека Божьего»: в д. Поганец от Храмцовой А. Е., 59 л. — 178 строк (к. 3, п. 19, № 2, л. 37 об.—44 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 7, лл. 8 об.—13 — *бркл*); в д. Карпова Гора от Заверниной Н. А. — 98 строк (к. 3, п. 19, ед. хр. 2а, л. 23 об.—27 — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 7, лл. 28—30 об. — *бркл*.); в д. Карпова Гора от Фофанова М. И. — ок. 60 строк и прозаич. пересказ (к. 3, п. 19, ед. хр. 4, л. 36 об.—39 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 8, л. 43 об.—46 — *бркл*); в д. Засурье от Черноусовой А. М. 43 л. — прозаич. пересказ (к. 3, п. 19, ед. хр. 1, л. 25 об.—27 об. — *пз*.; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 12—13 — *бркл*); в д. Горущка от Черноусовой Т. М., 60 л. — 116 строк и прозаич. пересказ (к. 3, п. 19, ед. хр. 1, л. 36—43 — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 46 об.—51 — *бркл*).

Мучения Егория

4. «Егорий». ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 5, лл. 32 об.—36 — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 29 об.—32 об. — *бркл*. Зап. 8.06.27 от Матрены Федоровны Смоленской, 70 л., в д. Смоленец (Лохново) б. Пинежского у. (Архангельская обл., Пинежский р-н, Покшеньгский с/с). Зап. напева 9.07.27 З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса: ФА ИРЛИ, ФВ 177.01 (см. в наст. изд. публикацию А. Ю. Кастрова, нотное приложение № 3).

Подробные сведения об исполнительнице, ее репертуаре см.: Астахова 2. С. 628—637, 720, 771—772, 793.

От М. Ф. Смоленской, талантливой пинежской сказительницы, впервые были произведены записи А. Д. Григорьевым в 1900 г. Записав от нее три эпических текста, Григорьев отметил, что «она знает еще духовные стихи: „Алексей“, „Егорий“, „Лазарь“, „Трудник“» (Григорьев 1. С. 458). А. М. Астаховой, делавшей от М. Ф. Смоленской повторные записи в 1927 г., исполнительница сообщила, что кроме «Егория» помнит «Алексея, человека Божьего», а раньше знала про двух Лазарей. «Трудника» слыхала, но знает мало слов. Записан был А. М. Астаховой только «Егорий».

Стих о мучениях Егория сказан, а затем спет. Записанный при сказывании текст выправлен собирательницей во время пения. Публикуется пропетый вариант.

В 1927 г. стих о св. Егории был зафиксирован А. М. Астаховой на Пинеге в единственном варианте. Судя по ответам сказителей, исполнение его к этому времени стало уже редкостью: «Егория мало пели», «Стих» про Олесея здесь пели, про Егория мало пели» (ед. хр. 8, л. 4). Трудно сказать, насколько широко сюжет был распространен на Пинеге прежде. Мы имеем пока лишь одну публикацию пинежского варианта текста и напева «Егория»: Озаровская О. Э. Бабушкины старины. С. 103—108, 121.

Два брата Лазаря

5. «Про Лазаря». ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 2а, л. 43—45 — *пз*, к. 3, п. 19, ед. хр. 7, л. 40 об.—42 — *бркл*. Зап. 24.06.27 от Паладии Степановны Заверниной, 87 л. в д. Карпова Гора Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, с. Карпогоры).

П. С. Завернина — жена Павла Ивановича Завернина. В 1900 г. от него, тогда 40-летнего крестьянина д. Карпова Гора, А. Д. Григорьевым была записана баллада, которую П. И. Завернин выучил еще в детстве от старшей сестры. Последняя немало странствовала, была даже в Архангельске (см.: Григорьев 1. С. 481—483).

П. С. Завернина — неграмотная. На нее А. М. Астаховой указали как на ту, которая «всякую старину знает». От П. С. Заверниной кроме «Двух братьев Лазарей» записана баллада о князе Михайле. Из стихов сказительница помнила еще «Алексея, человека Божьего» (данный ею пересказ содержания А. М. Астахова не зафиксировала). Собрать более полную информацию о репертуаре сказительницы А. М. Астаховой, по-видимому, не удалось. К сожалению, остались незаписанными духовные стихи от дочери П. С. Заверниной, женщины примерно 65-летнего возраста: «Расставание души с телом», «Царевич Иоасаф, пустынный», «Михайло-архангел». Она знала также «Житие Алексея, человека Божьего», но стиха об Алексее не знала.

Стих «Про Лазаря» был спет. Пела П. С. Завернина, как отмечено в *пз*, хорошо, напев интересный. Текст записывался сразу «с голоса» и записывать, по признанию Астаховой, было очень трудно. Публикуемый вариант — наиболее полный из записанных А. М. Астаховой на Пинеге. Нетрадиционен конец стиха. Обычно (ср., например, текст № 6 наст. публ.) на просьбу богатого брата уменьшить его страдания в загробном мире бедный Лазарь отвечает: «. . . рад бы, да здесь не моя воля — Господняя». В данном же случае подчеркивается нежелание облегчить участь неправедника.

6. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 4, л. 3 об.—5 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 8, л. 26 об.—27 об. — *бркл.* Зап. 29.06.27 от Андрона Онисимовича Никифорова, 49 л., в д. Ваймуша Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Карпогорский с/с).

А. О. Никифоров — сын Марфы Кузьмовны Никифоровой. В 1900 г. от нее, тогда 55-летней крестьянки, А. Д. Григорьев записал балладу «Роман и его дочь Настасья». Григорьевым было также отмечено, что в молодости М. К. Никифорова «ходила с отцом просить и пела стихи; теперь она живет хорошо, стихов не поет и потому забыла их» (биогр. свед., репертуар см.: Григорьев в 1. С. 508—509).

По сведениям, полученным А. М. Астаховой от двоюродного брата А. О. Никифорова, пел стихи и его отец: ходил вместе с сыновьями. Однако сам А. О. Никифоров это отрицал. Он помнил, как еще мальчиком, лет 13, ходил пел духовные стихи (в Пинеге на ярмарке) вместе с братом Апполином, ставшим потом священником. Запевалой был брат. А. О. Никифоров, по его словам, хорошо знал М. Д. Кривополенову, «еще когда та нищенкой была, знал и тогда, когда Кривополенова известной стала и рассказывала о том, как ее возили» (*пз*, л. 2 об.).

Кроме публикуемых текстов (см. № 10), от А. О. Никифорова записано содержание «Алексея, человека Божьего». За неимением времени он лишь пересказал текст. Сам Андрон говорил: «Скоро сказываю, а стих долго поется, часа два». По мнению собирательницы, редакция обычна на Пинеге, но вариант очень полный (*пз*, л. 5 об.—6).

Первую часть стиха о двух Лазарях А. О. Никифоров сказал, затем пропел стих уже до конца. Публикуется пропетый вариант.

7. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 2а, л. 9 об.—11 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 7, л. 16—18 — *бркл.* Зап. 19.06.27 от Василисы Осиповны Муриной, 50 л., Матрёны Архиповны Титовой, 56 л., Прасковьи Яковлевны Муриной, 44 л., в д. Гора Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Сурский с/с).

Основные сведения об исполнителях, их репертуаре см.: Астахова 2. С. 527—532. Кроме публикуемых здесь стихов («Два брата Лазаря» и «Царевич Иоасиф, пустынный» — см. № 8) исполнители знали еще «Трудника» («Жил-был трудник в пустыне») и «Распечудная царица Богородица». Последние А. М. Астаховой записать не удалось.

20.06.27 стихи были записаны на фонограф З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиусом (см. об этом *бркл.*, л. 15 об.), однако фоновалики не сохранились. По утверждению А. М. Астаховой, все стихи и баллады исполнялись в данном случае на один напев, который то «растягивался», то «сжимался» в зависимости от структуры текста. Вероятно, некоторое представление о музыкальной форме публикуемых стихов может дать напев № 14 к тексту «Роман и его дочь Настасья», помещенный в «Былинах Севера».

Стих о двух Лазарях сначала был сказан М. А. Титовой при участии остальных двух исполнительниц, а затем пропет. Сказанный текст был записан и выправлен в процессе пения. Печ. пропетый вариант.

Большой интерес вызывает ансамблевое исполнение стиха, тем более что такого рода записи представлены в коллекциях собирателей XIX—нач. XX в. единичными образцами.

Эпизод встречи двух братьев после смерти (обычная концовка стиха о Лазарях) в данном тексте отсутствует. В остальном отличия этого варианта от двух других, публикуемых здесь же, носят частный, «пословесный» характер.

Во время экспедиции 1927 г. зафиксирован еще один вариант «Двух братьев Лазарей»: ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 4, л. 41 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 8, л. 40 об. — *бркл.* (см. примеч. 9).

8. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 2а, л. 14 об.—15 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 7, л. 21—21 об. — *бркл.* Зап. 19.06.27 от Василисы Осиповны Муриной, 50 л., Матрёны Архиповны Титовой, 56 л., Прасковьи Яковлевны Муриной, 44 л., Александры Петровны Филиной, 56 л., в д. Гора.

Сведения об исполнителях, их репертуаре см. примеч. 7. Стих записан А. М. Астаховой сразу «с голоса».

9. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 4, л. 34 — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 8, л. 40 об.—41 — *бркл.* Зап. 30.06.27 от Екатерины Гавриловны Мельниковой, 47 л., в д. Айнова Гора Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н., Карпогорский с/с). Зап. напева 2.07.27 З. В.Эвальд и Е. В. Гиппиуса: ФА ИРЛИ, *РФ*, п. 1, № 375.28 (см. в наст. изд. публикацию А. Ю. Кастрова, нотное приложение № 8).

Е. Г. Мельникова по отзывам — «песельница». Кроме публикуемого текста от нее записана баллада «Князь Михайло» и отрывок баллады «Дмитрий и Домна» (см. в наст. изд. публикацию А. Ю. Кастрова, тексты 10 и 11), а также «покаянный» стих «Солнце катитце да всё ко западу». Е. Г. Мельникова знала еще духовный стих о двух братьях Лазарях. Зафиксированы три первые строки:

Было два брата, два Лазаря:
От одной они матенки родимые —
Не одним их Господь участью-таланом наградил. . .

и напев (ФА ИРЛИ, *РФ*, п. 1, № 375.27). По утверждению А. М. Астаховой, редакция «Двух братьев Лазарей» та же, что и у А. О. Никифорова. Стих исполнялся на один напев с «Царевичем Иоасафом».

Судя по *пз* и *бркл.*, публикуемый текст был сначала сказан исполнительницей, затем спет (либо дважды спет). Возможно, сказанный (или пропетый в первый раз) текст выправлялся во время записи на фонограф, т. е. 2.07. Печ. второй пропетый вариант.

Кроме публикуемых, А. М. Астаховой записан на Пинеге еще 1 вариант «Царевича Иоасафа» в д. Айнова Гора от Т. Д. Мельниковой, 40 л. (о ней см.: Астахова 2. С. 579) и Мельниковой М. А. — 19 строк (к. 3, п. 19, ед. хр. 4, л. 10 — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 8, л. 31 об.—32 — *бркл.*).

Христос и нищая братия

10. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 4, л. 3—3 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 8, л. 26—26 об. — *бркл.* Зап. 29.06.27 от Андрона Онисимовича Никифорова, 49 л., в д. Ваймуша Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Карпогорский с/с).

Биографические сведения об исполнителе, его репертуар — см. примеч. № 6. Стих А. О. Никифоровым был сказан, напева исполнитель не помнил.

11. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 2а, л. 42 об.—43 — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 7, л. 40—40 об. — *бркл.* Зап. 24.06.27 от Паладии Степановны Заверниной, 87 л., в д. Карпова Гора Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, с. Карпогоры).

Биографические сведения об исполнительнице, ее репертуар — см. примеч. № 5. Стих спет, записан сразу «с голоса». Записывать, по признанию собирательницы, было очень трудно.

Публ. пинежского варианта (текст и напев) см.: Озаровская О. Э. Бабушкины старины. С. 97—98, 121.

Участниками экспедиции 1927 г. на Пинегу был записан еще один вариант стиха «Христос и нищая братия» в д. Остров от Дорофеевой Е. А., 63 л. — 18 строк (к. 3, п. 19, ед. хр. 7, л. 3 об.— *бркл.*). Запись произведена Н. П. Колпаковой, опубликована в ее книге «У золотых родников. Записки фольклориста» (Л., 1975. С. 67—68).

12. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 2а, л. 27 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 7-л. 31 — *бркл.* Зап. 23.06.27 от Натальи Антоновны Заверниной, 61 г., в д. Карпова Гора Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, с. Карпогоры).

Биографические сведения об исполнительнице, ее репертуар — см.: Астахова 2. С. 592.

По мнению А. М. Астаховой, все баллады и духовные стихи исполнялись сказительницей на один напев, отличавшийся особой гибкостью, благодаря чему в него легко укладывались самые прозаические фразы. К сожалению, А. М. Астаховой записано лишь начало стиха о Михайле-архангеле, хотя текст Н. А. Заверниной отличался полнотой (по свидетельству самой собирательницы). Тем не менее мы публикуем данный отрывок, т. к. вместе с последующим текстом (№ 13) он дает некоторое представление о бытовавших на Пинеге вариантах духовного стиха о Михайле-архангеле.

Ср. запись от М. Д. Кривополеновой: О з а р о в с к а я О. Э. Бабушкины старины. С. 100—102.

От Н. А. Заверниной были записаны «Алексей, человек Божий» и «Сон Богородицы». Слышала сказительница и стих о мучениях Егория, но в ее репертуар он не вошел.

13. ИРЛИ, к. 3, п. 19, ед. хр. 1, л. 18—19 — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 6 об.—7 об. — *бркл.*

Зап. 14.06.27 от Дарьи Романовны Мёрзлой, 62 л., в д. Засурье Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Сурский с/с).

Сведения об исполнительнице, ее репертуаре см.: примеч. 3. Стих был сказан, хотя, по свидетельству исполнительницы, «это белось».

Стих о Петре и Павле

14. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 3, л. 12 об.—13 — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 8, л. 6 — *бркл.* Зап. 27.06.27 от Акулины Степановны Батюковой, 63 л., в д. Покшеньга Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Покшеньгский с/с.).

А. С. Батюкова — родом с Немноги, жила в д. Кротово (Покшеньга), неграмотная. Очень талантливая женщина, с богатым фольклорным репертуаром, исчерпать который собирателям так и не удалось. А. С. Батюкова великолепно причитала, знала заговоры, довольно хорошо пела. От нее записана также баллада «Про Михайлу». Слышала исполнительница и стих о том, «чем земля изукрашена» (т. е. «Михайла-архангела»), но в ее сознании этот духовный стих смешивался с балладой «Мать князя Михайлы губит его жену». «Вот этот-то и есть князь Михайло-архангел — перевозчик через огненную реку», — утверждала она после пения баллады.

Публикуемый стих о Петре и Павле сказан, затем выправлен по пению. Напев стиха, по мнению А. М. Астаховой, чрезвычайно интересный. Печ. пропетый вариант.

Расставание души с телом

15. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 4, л. 18 — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 8, л. 34 — *бркл.* Зап. 29.06.27 от Прасковьи Павловны Яковлевой, 50 л., в д. Айнова Гора Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Карпогорский с/с).

П. П. Яковлева, по характеристике А. М. Астаховой, — веселая, приветливая женщина, говорившая про себя, что «на песнях замешана». Кроме песен и духовного стиха от нее записана баллада «Дмитрий и Домна».

Публикуемый стих был сначала сказан, затем пропет. Сказанный текст выправлен во время пения. Пела П. П. Яковлева, по замечаниям А. М. Астаховой, очень хорошо, но текста всего не знает.¹

Публикуется пропетый вариант.

16. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 1, л. 23—23 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6,

л. 10 — *бркл.* Зап. 14.06.27 от Агриппины Михайловны Черноусовой, 43 л., в д. Засурье Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Сурский с/с).

Сведения об исполнительнице, ее репертуаре см.: Астахова 2. С. 538. Из духовных стихов А. М. Черноусова знала также «Алексея, человека Божьего» — в прозаическом пересказе (см. примеч. № 3), и «Сон Богородицы» (не был записан).

Остается неясным, был ли публикуемый стих спет или просто сказан. В *бркл* помета соб.: «мотив знает — не записан» (л. 10).

А. М. Астахова зафиксировала на Пинеге в 1927 г. еще один вариант «Расставания души с телом», но в форме молитвы: к. 3, п. 19, ед. хр. 1, л. 45—46 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 52—53 — *бркл*; сведения об исполнительнице см. примеч. 18.

О распятии Христа

17. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 1, л. 52—53 — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 54 об.—55 об. — *бркл.* Зап. 15.06.27 от Марьи Осиповны Порохиной, средних лет, в д. Похорово Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Сурский с/с).

Приводимые А. М. Астаховой в *пз* сведения об исполнительнице довольно скупы. Марья Осиповна — невестка Марфы Андреевны Порохиной, которая, по отзывам, знала и стихи и песни. От нее Марья Осиповна и выучила стих «О распятии Христа». Исполнительница слышала еще некоторые стихи и даже списывала их в д. Поганец, но скорее всего речь шла о псалмах (см. примеч. № 2).

Из записей А. М. Астаховой остается неясным, сказан был публикуемый здесь текст или спет. В *бркл* помета: «Поет?»

18. ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 1, л. 46 об.—47 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 53 об. — *бркл.* Зап. 15.06.27 от Татьяны Никитичны Черноусовой, 60 л., в д. Горюшка Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Сурский с/с).

Сведения об исполнительнице, ее репертуаре см.: Астахова 2. С. 533.

Кроме публикуемого стиха, от Т. Н. Черноусовой записан «Алексей, человек Божий» (см. примеч. № 3), а также «Расставание души с телом» в форме молитвы с повторяющимися: «Аллилуйя, аллилуйя, / Господи помилуй». Знала она и «Сон Богородицы».

Текст последнего остался незафиксированным, но, по утверждению собирательницы, он схож с записанным от Д. Р. Мёрзлой (см. № 19).

Стихи Т. Н. Черноусова пела с охотой (кроме «Алексея, человека Божьего»). Молодая невестка слушала ее пение с большим вниманием. Стих записан сразу «с голоса».

Сон Богородицы

19. «Богородицын сон». ИРЛИ, р. V, к. 3, п. 19, ед. хр. 1, л. 15 об.—17 об. — *пз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 5—6 об. — *бркл.* Зап. 14.06.27 от Дарьи Романовны Мёрзлой, 62 л., в д. Засурье Карпогорского р-на Северного Края (Архангельская обл., Пинежский р-н, Сурский с/с).

Сведения об исполнительнице, ее репертуаре см. примеч. 3.

Нетрадиционный для духовного стиха зачин в публикуемом тексте — общий для всех перечисленных ниже записей «Сна Богородицы» на Пинеге. Этот зачин, сама структура стиха, включение явно «заговорных» формул («Как из раю в рай река течёт — / Так из истинного Христа кровь тецёт; / Как с сухого дерева кора валитця — / Так с истинного Христа тело валитця») — свидетельство обретения духовным стихом в процессе своего бытования функции «охранительной» молитвы, молитвы-заговора. На это явление, как на типичное в ряде районов Севера, указывает Ю. А. Новиков в статье «К вопросу об эволюции духовных стихов» (Русский фольклор. Л., 1971. Т. 12. С. 211—212). Вероятно, не случайно исполнительница не поет текст, а наговаривает, утверждая при этом, что и прежде его не пели, а сказывали.

Кроме публикуемого, А. М. Астаховой записаны еще 2 варианта стиха: в д. Карпова Гора от Заверниной Н. А., 61 г. — 33 строки (к. 3, п. 19, ед. хр. 2а, л. 22 об.—23 — *нз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 7, л. 27—27 об. — *бркп*); в д. Сура от Дуни Рябовой, 12 л., перенявшей стих от матери-староврки — 42 строки (к. 3, п. 19, ед. хр. 1, л. 31 об.—32 об. — *нз*; к. 3, п. 19, ед. хр. 6, л. 45 — *бркп*).

От Т. П. Черноусовой, 60 л. (см. примеч. 18) и А. М. Черноусовой, 43 л. (см. примеч. 16), тоже знавших «Сон Богородицы», тексты не записаны, но указано на их аналогию с публикуемым вариантом. По свидетельству собирательницы, «Сон Богородицы» знали и другие женщины. Следовательно, сюжет имел в 1920-х годах на Пинеге широкое распространение.

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИНЫ В ЗАПИСЯХ Н. М. МАЛЕЧИ

Публикация Н. М. Щербанова

Начало собиранию и изучению фольклора уральских (яицких) казаков было положено еще в XVIII в. В трудах П. И. Рычкова, П. С. Палласа, П. С. Рунича содержится довольно много фольклорно-этнографических материалов уральского казачества.¹

В XIX веке казачьим фольклором интересовались А. С. Пушкин, В. И. Даль, В. А. Жуковский, М. Л. Михайлов, В. Г. Короленко. Особенно большое количество устнопоэтического материала уральских казаков собрано И. И. Железновым, Н. Ф. Савичевым, Н. Г. Мякушиным и А. и В. Железновыми.²

В советское время, начиная с 1934 г., казачий фольклор собирался и изучался уральским этнографом, лингвистом и краеведом Нестором Михайловичем Малечей (1887—1979). Под его руководством фольклорные и диалектологические экспедиции Уральского педагогического института им. А. С. Пушкина обследовали 180 населенных пунктов Уральской, Оренбургской и Гурьевской областей (территория бывшего Уральского казачьего войска).

В результате в фольклорном собрании Малечи имеются былины; исторические, семейные, любовные, свадебные песни; предания, легенды, а также большое число произведений тех жанров, которые не получили достаточного освещения в трудах исследователей и собирателей казачьего фольклора (сказки, духовные стихи, частушки, анекдоты, пословицы, поговорки, загадки, считалки, описания свадебного обряда, сведения по народной медицине, астрономии и проч.).

Малечей написано несколько капитальных работ. В их числе «Словарь уральского казачьего диалекта русского языка», содержащий 26 тысяч словарных статей, — своеобразная энциклопедия русского населения края; «Словарь личных собственных имен уральских казаков», в котором содержится около 7000 имен паспортных, бытовых, уменьшительных, ласкательных, уничижительных и других; первая в нашей фольклористике обстоятельная монография о дет-

ских считалках (1976 г.); труды по археологии, краеведению в Приуралье. В его статьях, опубликованных в газете «Приуральская правда» («Археологическое изучение Западного Казахстана» — 1945. 7 окт.; «А. С. Пушкин в Уральске» — 1946. 17 мая; «Собирайте фольклорные материалы» — 1946. 31 мая; «Словарь уральского диалекта» — 1961. 21 февр. и др.), были намечены пути комплексного изучения края.

Среди фольклорных записей из личного архива Малечи особую ценность и научную значимость представляют тексты былевого эпоса и исторических преданий.

Как известно, живое бытование былин на Урале (Яике) было открыто И. И. Железновым в пятидесятых годах XIX в. Он записал почти все известные на Урале сюжеты былин: «Добрыня и Маринка», «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши», «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец на соколе-корабле» и другие произведения песенно-эпического характера («Спор сокола с конем», «Устиман-зверь», «Индрик-зверь», «Харко»). Последующие собиратели и издатели фольклора уральских казаков Н. Г. Мякушин и Александра и Владимир Железновы в основном перепечатывали (не всегда исправно) записанные в свое время И. И. Железновым былины, добавляя некоторые варианты к уже известным сюжетам. В публикациях Железнова отсутствуют только два былинных сюжета, имевшихся в устном репертуаре уральских казаков: былина о Дюке Степановиче, имеющаяся в единственной записи П. И. Небольсина,³ и былина о Ставре Годиновиче (опубликована в сборнике А. и В. Железновых «Песни уральских казаков» с пометкой «Записана от 75-летнего старика-казака В. Ф. Ж.»). По этим записям почти невозможно судить о степени распространенности сюжетов о Дюке и Ставре среди уральских казаков.

Железнов не только записал на Урале в середине XIX в. тексты былин, но и сделал ряд интересных выводов и наблюдений над характером их бытования, дал комментарий к каждому тексту, сообщил сведения об исполнителях, об их отношении к исполняемым произведениям. Он пришел к выводу о том, что раньше, в XVII—XVIII вв., былевой репертуар уральских казаков был более разнообразен. Так, приведя былинку «Устиман-зверь», Железнов сообщает: «Старики уральцы <...> сказывали мне, что песня об Устимане-звере в старину была на Урале в большом ходу, но с 1820-х годов ее почти не стало слышно. Сколько, думаю, пропало подобных песен!»⁴ Железнову посчастливилось наблюдать живое бытование былин на Урале. Следует, однако, отметить, что былина в развернутой классической форме уже в то время была большой редкостью. Собиратель с сожалением писал: «Вообще в памяти молодого поколения казаков мало сохранилось старинных песен, а если и сохранилось что, то в весьма небольших и, большей частью, нескладных отрывках».⁵ Железнов, однако, не сумел рассмотреть в этих «отрывках» своеобразных черт, характерных именно для уральского казачьего типа былин. Былины, записанные Железновым, да и позднейшими собирателями, нельзя рассматривать как отрывки класси-

ческих былин, отличающихся «краткостью, скомканностью содержания, контаминациями»,⁶ а это, по справедливому утверждению А. М. Астаховой, «особые песенные сюжеты, рисующие богатырей в различных обстоятельствах».⁷

Наличие былины в современном фольклорном репертуаре уральских казаков подтверждает эту мысль. Записи былин Железнова и Малечи позволяют ответить на ряд интересных вопросов. Во-первых, почему среди казачества были распространены определенные сюжеты былин; во-вторых, какие творческие изменения претерпели эти сюжеты во время длительного бытования на Урале.

Попад в казачью среду, классическая былина пережила, на наш взгляд, три стадии эволюции. Можно высказать предположение, что на первой стадии былина усваивалась в казачьей среде в своем полном, классическом виде. Этот процесс продолжался примерно до начала XVIII в. В середине XIX столетия Железнову удалось зафиксировать только один случай, когда старый казак Иван Михайлович Бакиров знал былинку «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши» в большом объеме. Большинство же исполнителей сохранили в памяти только ее начало: «Случалось мне, кроме Ивана Михайловича, сталкиваться с казаками-песенниками, певали они про Добрыню эту же самую песню, но дальше начала все-таки не шли. . .»⁸ В это же время создаются и собственно казачьи эпические песни былинного типа, такие как «Харко», «Спор сокола с конем», «Устиман-зверь», «Индрик-зверь», а также «Илья Муромец на соколе-корабле».⁹ Основой этих песен послужили местные события, опозитизированные в духе классической эпической традиции.

На второй стадии, начиная приблизительно с конца XVIII в., былина, сохраняя традиционную общерусскую основу, значительно изменяется. Текст ее сокращается, забываются отдельные эпизоды. Основное внимание сосредоточивается на распеве наиболее важных, центральных ситуаций. Иногда же распевается только начало былины с прибавлением к нему сокращенного окончания. Богатыри в основном сделались уральскими казаками, и подвиги их происходят на земле Уральского казачьего войска. К середине XIX в. тексты былин приобрели уже четко выраженную краткость и композиционную завершенность. В таком виде былины дошли до нашего времени, о чем свидетельствуют записи Малечи.

Особенно ярко эти изменения видны в былине «Добрыня и Маринка». Эта былина, как подчеркивал еще Железнов, была очень популярна на Урале. Эпическая Маринка всегда ассоциировалась исполнителями-казаками с исторической личностью авантюристки Марины Мнишек, жены Лжедмитрия, которая вместе с Иваном Заруцким скрывалась от преследования царских войск на Яике после бегства из Астрахани в 1614 г. За период многовекового бытования среди казаков эта былина претерпела существенные изменения, в ней сохранился только основной эпизод — столкновение Добрыни и Маринки. Причем особое внимание в былине сосредоточено на «двух голубчиках», которые олицетворяют собой зло и чародейство, идущие от Маринки. Действия Добрыни, стреляющего в них из лука,

вполне естественны. Этим эпизодом вполне исчерпывается содержание былины.

На третьей стадии, начиная с конца XIX в., мы наблюдаем дальнейшее затухание былинной традиции на Урале.

Записи Малечи дают также основание для вывода о том, что, попадая в казачью среду, былина приобретала функциональное разнообразие. В частности, она использовалась как обрядовая песня (см. текст 8).¹⁰

Большое влияние былина «Добрыня и Маринка» оказала на исторические предания уральских казаков о деве-воительнице. Поэтому главная героиня записанных Малечей преданий совмещает в своем характере и облике как положительные, так и отрицательные начала.

В одних преданиях она предстает защитницей Русской земли: «Маринка воевала против татар. Когда татары кинулись громить Росею, то она кинулась защищать Росею». В других она изображена разбойницей, предводительницей «полка из девушек», который нападал врасплох на селения. В третьих преданиях подчеркивается коварство и чародейство героини: «Маринка была женщина, как упырица какая. Свое войско держала. Маринка в Кеиве шибаширничала» (т. е. нападала, грабила), «Маринка могла оборотиться в корову, в свинью, в лошадь и в другие различные предметы». Вместе с тем во всех этих преданиях, как и в записях И. И. Железнова, четко просматриваются два мотива, которые, на наш взгляд, являются исконными.

Во-первых, героиня преданий («Марина», «Маринка») неизменно выступает как предводительница воинства, в большинстве случаев женского: «Маринка имела полк деушек», «Маринка была воевода, отряд имела», «Свое войско держала».

Во-вторых, девушка-воин имеет не только дружину, но и свою крепость. Так, в преданиях постоянно подчеркивается: «Было городище, там и жила»; «Между поселками Гребенщиков и Кулагин был дворец Маринки в четырех верстах от Кулагина. Дворец был обнесен большими валами», наблюдательным пунктом у воительницы, как и у другого героя казачьих преданий Харко, подчас служит гнездо на высоком дереве: «Тополи были. Жила какая-то Маринка. Были осоко́ря, было гнездо на осо́коре етой, Маринка пряталась».

Публикуя по рукописям часть фольклорного архива Н. М. Малечи, мы сделали только предварительные выводы. Записи ученого нуждаются в более пристальном и обстоятельном изучении.

В примечаниях к былинам приняты следующие сокращения:
Железнов — Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков: В 3 т. СПб., 1910.

Мякушин — Сборник уральских казачьих песен / Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб., 1890.

А. и В. Же — Песни уральских казаков / Записали Александра лезновы и Владимир Железновы. СПб., 1899.

¹ См.: Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте // Рус. старина. СПб., 1870. Т. 2. С. 7—12.

² См.: Мякушин Н. Г. Сборник уральских казачьих песен. СПб., 1890; Железновы А. и В. Песни уральских казаков. СПб., 1899; Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков: В 3 т. СПб., 1910; Работы Н. Ф. Савичева печатались на страницах газеты «Уральские войсковые ведомости» с 1867 по 1885 гг.

³ Небольсин Павел. Уральцы // Библиотека для чтения. 1855. Т. 131. С. 96—97. При позднейшей перепечатке Н. Г. Мякушин ошибочно указывает в качестве источника «Библиотеку для чтения», 1861, № 3. В этом номере журнала действительно напечатаны фольклорные материалы уральских казаков, но былины о Дюке Степановиче там нет. В. Ф. Миллер, анализировавший эту былину в статье «Казачьи эпические песни XVI—XVII вв.» (см.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. С. 277), также неточно указывает источник первой публикации былины: Библиотека для чтения. 1851. № 3.

⁴ Железнов И. И. Указ. соч. Т. 1. С. 153.

⁵ Там же. Т. 3. С. 230.

⁶ Миллер В. Ф. Указ. соч. С. 249.

⁷ Астахова А. М. Вопросы изучения донской былины // Народная устная поэзия Дона: Материалы науч. конф. по народному творчеству донского казачества 18—23 дек. 1961 г. Ростов н/Д, 1963. С. 61.

⁸ Железнов И. И. Указ. соч. Т. 3. С. 230.

⁹ К подобному типу эпических песен относится и сюжет о подвигах казачьего героя Алексеюшки Митрасова, записанный П. М. Языковым в с. Головине Симбирской губ. в 1838 г., см.: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского // Лит. наследство. М., 1968. Т. 79. С. 351—352.

¹⁰ Об использовании былинных текстов в качестве обрядовых известно науке. Так, А. А. Киреевский сообщал из Сибири о том, что былина о соколе-корабле исполнялась там во время святок как обычная колядка. Былина «Добрыня и Маринка» у уральских казаков известна и как свадебная песня. Исполнительница В. Н. Красильникова, сообщая в 1973 г. нам эту былину, отметила, что впервые услышала ее на свадьбе.

Былина о Добрыне и Маринке

1

Шольничал ¹-вольничал наш Добрынюшка,
Шольничал-вольничал двадцать пять лет.
Как на двадцать шастым годе погулять он захотел
Как по славному по городу Кеиву,
По большую, славный улицы по Маринкину.
У Маринки под окном (окошком) два голубчика сидят,
Оба сизыя, сизокрылыя.
Оне гулятся, смеются и улыбаются,
Над самим оне Добрыней насмежаются.
Показалось Добрыне за досадушку,
За такую за досаду за великую.
Тут снимал наш Добрыня свой тугой лук.
Вынимал наш Добрыня из колчана стрелычку,
Он накладывал наш Добрыня на свой тугой лук,
Он натягивал кисемычку ² шелковую.

Убивал, ушибаил наш Добрыня
Голубчиков на окне.³

Зап. в 1947 г. от И. Л. Винникова (род. в 1871 г. в пос. Барановка, в 1918 г. переселился в пос. Бударино, а оттуда в 1947 г. в г. Уральск).

Вар.: Железнов. Т. 2. С. 249—250; Мякушин. С. 3—5; А. и В. Железновы. С. 3—5.

¹ Шатался, мотался.

² Тесемочка.

³ И. Л. Винников добавил: «В Кеиве стоит памятник Добрыне. Маринка была женщина, как упырица какая. Свое войско держала. Маринка в Кеиве шибаширничала» (нападала, грабила).

2

Как по славному городу по Кеиву,
По большой широкой улице по Маринкиной,
Под окошком два голубчика сидят,
Оне оба сизые и созокрыленьки.
Оне гулятся и смеются, улыбаются,
Надо мною, Добрынюшкой, насмеваются.
За досадушку такую
Он натягивал тугой лук. Пушал он стрелу...
Захотелось мне, Добрынюшке... Из колчана тугой лук,
Натягивал стрелочку кленовую,
И он пушал-отпускал он ее во Маринкин двор.

Зап. в 1947 г. от Н. Т. Ларшина в пос. Коловертном Чапаевского района Уральской области.

3

У Маринки под окном два голубчика сидят,
Воба сизыя и сизокрылыя.
Оне гулятся, смеются и улыбаются,
Над самую над Добрынею насмеваются.
Показалось Добрыне за досаду,
За такую за досаду, за великую.
Как со етой со досады стал по гореньке ходить...
Вынимал наш Добрыня из колчана тугой лук,
Закладаил наш Добрыня стрелушку кленовую
И натягивал наш Добрыня струнушку шелковую,
Убивал наш Добрыня...¹

Зап. в 1947 г. от И. Г. Недопекина в пос. Бударино Чапаевского района Уральской области.

¹ Далее «замстило» (забылось), как сказал Иван Гаврилович, прибавивший, что Маринка была любовница Добрыни.

4

Шорничал-ёрничал Добрынюшка Никитович
Он двенадцать лет,
А на тринадцатом гадочке погулять он захотел

Как по славному по городу по Кеиву,
 По большой широкой улице по Маринкиной.
 А в Маринки под окном два голубчика сидят,
 Оне сизенькия, сизокрыленькия.
 Оне гуляться-смеются и улыбаются,
 А над самим над Добрыней насмежаются.
 Показалось Добрыне за досадушку терпеть. . .¹

Зап. в 1947 г. от Я. Л. Ефремова в пос. Коловертном.

¹ Я. Л. Ефремов добавил: «Добрыня Никитич был; за народ стоял. Дело было на нашей казачьей земле. И он был вроде уральского казака после Рыжечки» (Рыжечка — герой исторического предания уральских казаков. — Н. Щ.).

5

Как по славному по городу по Кеиву,
 По большой-то по славной улице по Маринкиной,
 Выходил-то наш Добрынюшка.
 У Маринки под окошком два голубчика сидят,
 Оба сизенькии, сизокрыленькии.
 Они гуляются, смеются, верно улыбаются,
 Над самим-то над Добрыней насмежаются.
 За досаду-то Добрыне показалось,
 За такую за досадушку за великую,
 За великую яму грубость становилось.
 Вынимал тут Добрыня из колчана тугой лук,
 И накладывал он стрелочку кленовенькую,
 И натягивал тесемочку шелковенькую,
 И стрелял он ды во правый глаз самого татарского
 боярина,
 Убиваил да ушибаил он самого змея Тугарина.

Зап. Н. М. Малечей и П. Т. Строгановым в 1948 г. от Митрясовых и Зарубиных в г. Чапаеве (бывш. Лбищенск) Уральской области.

6

Как по славному по городу по Киеву,
 По большой славной улице Маринкиной,
 У Маринки пер'д окошком два голубчика сидят,
 Они гуляться, смеются, улыбаются,
 Над самым-то над Добрыней насмежаются.
 Показалось Добрыне за досадушку таку,
 Он налаживал стрелочку кленовую,
 Он натягивал тесемочку шелковую,
 Он стреляил, убиваил двух голубчиков в окне:
 Оне сизии да сизокрылии,
 Оне гуляться, смеются, улыбаются.

Зап. в 1948 г. от Н. Ф. Лакаева в пос. Каленый Чапаевского района Уральской области.

Как по славному по городу по Киеву,
 По большой-то по славной улице Маринкиной
 Выходил-то наш Добрынюшка. . .
 У Маринки под окошком два голубчика сидят,
 Оба сизеньки, сизокрыленьки.
 Они гуляться, смеются, верно улыбаются.
 За досаду-та Добрыне показалось,
 За такую, за досадушку, за великую,
 За великую яму грубость показалось.
 Вынимал-то тут Добрыня из колчана тугой лук.
 И накладывал он стрелочку кленовенькую,
 И натягивал тесемочку шелковенькую,
 И стрелял он ды во правый глаз самого татарского
 боярина.
 Убиваил да ушибаил он самого змея Тугарина.

Зап. Н. М. Малечей и П. Т. Строгановым в 1948 г. от Митрясовых и Зарубиных в г. Чапаеве.

8

У Маринки под окошком два голубчика сидят,
 Оне гуляются, смеются, улыбаются,
 К себе в комнату гостей дожидаются.
 Гости идут по крыльцу,
 Несут девкам по кольцу.

Зап. от Н. А. Железновой в 1948 г. в пос. Коловертном.

9

Шорничал, ёрничал наш Добрынюшка.

 У Маринки под окошком два голубчика сидят.
 Оне бают-рассуждают, речь хорошу говорят.

Зап. в 1948 г. от С. Г. Мазанова в г. Уральске.

10

Шорничал, ёрничал наш Добрыня девять лет,
 На десятым годочке погулять он захотел.
 Как по славному городу по Киеву,
 На славный как улице Маринкиной,
 В касятышном окне у Маринки во дворе
 Не два жужлиčka — два голубчика.
 Оне вьются и смеются, улыбаются,
 Над тобой, душа Добрыня, насмеваются.
 Становилось Добрынюшке за досадушку,

Как за грубую насмешку становилось.
Вынимал из колчана тугой лук,
Он накладывал стрелочку кленовую
И натягивал тесемочку шелковую,
Убивал друга милого — Змея Тугарина.

Зап. в 1951 г. от Е. Т. Филиппова, 78 лет, в г. Уральске.

11

Как по славному по городу по Кеиву,
Как по большой широкой улице Маринкиной.
У Маринки под окошком два голубчика сидят,
Оба гуляются, смеются, улыбаются.
Над самым Добрынюшкой подсмеваются.
За досаду показалось Добрынюшке,
Вынимал из колчана тугой лук,
Он натягивал тесемочку шелковую
Он накладывал стрелочку кленовую.
Уж он баял, убиваял князя Гагарина самого.
Он за то яво убил,
Штоб он к Маринке больше не ходил.

Зап. Н. М. Малечей и Р. Бобневой в 1953 г. от И. С. Карташева в г. Чапаеве.

12

У Маринки под окном два голубчика сидят,
Оба сизеньки, сизокрыленьки;
Они гуляются, улыбаются,
Над Добрынюшкой своей насмеваются.

Зап. Н. М. Малечей и З. А. Сергеевой в 1962 г. в пос. Илек Оренбургской области.

Предания о Маринке

1

На низу есть поселок Харькин и вблизи яво было дерево большая. На этом дереве проживал Хартка, он много делал нашествий на своих врагов. И вот там-та была под названием Маринка, и она жила тут же неподалеку. Названия етого места Яр Маринкин. И вот етот самый Хартка как смог ее обмануть и победить. Она была сильна, волшебна и вот, когда он ее победил, то народ стал ходить на ету местность. Не стали бояться етой Маринки. А то она сильно напугивала народ. Маринка могла оборотиться в корову, в свинью, в лошадь и в другие различные предметы. Накаких вы. . .ыф, просто пугала народ. Хартка, по всему видно, больше знал.

Зап. в 1947 г. от Я. Л. Ефремова, 70 лет, в пос. Коловертном.
Вар.: Железнов. Т. 3. С. 35—50. Предание «Харко».

Тополи были. Жила какая-то девка Маринка. Были осоко́ря, было гнездо на осо́коре етой, Маринка пряталась. Здесь раньше было озеро, а тепе́рь — чагана́к, котлуба́ня красная, Маринкин ерик.¹ Маринка раньше была вроде воеводы; атамана какого. . . Маринка была воевода, отряд имела. Было городище, там и жила.

Зап. в 1947 г. от С. Я. Дамрина, 71 г., в пос. Янайкино, Чапаевского района, Уральской области.

¹ Это название «Маринкин ерик» является отголоском «Смуты» на Руси в начале XVII в. Здесь, на Урале, 25 июня 1614 г. около поселка Кулагина на Медвежьем острове («Маринкин городок») после боя была схвачена Марина Мнишек (со своим сыном), жена Дмитрия Самозванца.

3

Маринка отколь-то появилась, она колдуни́ха была што́ль. Набрала девок несколько, ето в пре́жни времени было, она с Добрыней воевала. Добрыня да́внишний казак из прядков (предков. — Н. Щ.) был, вот сумел победить, си́льный был. Они возили татаром да́нь, от ца́ря возили да́нь. Привезет да́нь, тут яо (его) бы и уморить. Добрыня, когда повез, казаков взял. Потом их оставил, один повез. А Маринка султа́ну говорит: «Давайте ему́ яду да́дим». Ну, а он говорит: «Вы впе́ред по́пробуйте», догадался. Вот тут дра́ка и за́вязалась. Он один ее победил и татар победил. Маринка в Кулагин (поселок) побежала, он тут и на́шел ее. Победил, а девок войску роздал, казаки на них переженились. Так казаки с той поря стали за́селяться, а Урал-то им не отхо́дит. А тут роди́лся Ры́жечка, за́воевал яо (его), с прито́ками. Она, Маринка сна́чала жила в Ке́йве, она его там боя́лась в Ке́йве, Добры́ни-то. Он иде́т по Ке́йву, и си́дят голу́би, куку́ют. А тут он доста́ет туго́й лу́к, уби́вает их. Маринка ему́: «Я те́бя сде́лаю соро́кой бело́бой, бу́дешь по́ свету ле́татъ, ме́ртвечи́ну соби́ратъ». А он ей гово́рит: «Я те́бя сде́лаю кобы́лой водо́возно́ю: бу́дешь по́ свету хо́дитъ, же́ребяток выво́дитъ». Тут она на Урал побежала. Пре́жде тут море́ было. Вот бывало на ры́бальство нае́дут. Пойде́т один ста́рик ра́сказы́вать; в мы си́дим, ма́льчишки все: «Де́душка, е́ще, е́ще!». Так и усне́шь. Что все пра́вду было. Песня-то с ве́ков нача́лась, так и иде́т один от одного.

Зап. Н. М. Малечей и Г. Л. Федоровой в 1948 г. от К. П. Лячугина в пос. Котельном Уральской области.

Вар.: Железнов. Т. 2. С. 248—266. Предание «Маринка-чародейка».

4

Здесь были татары поселены. Оне чувствовали здесь себя хозяевами. И вот Маринка воевала против татар. У ней было два полка. Она и стояла до Кулагина. И ей пришлось идти на Волгу. Когда татары кинулись громить Росею, то она кинулась защищать Росею.

И чем вперед идти на Росею, то она зарыла где-то в Яру две лодки с капиталами.

Зап. Н. М. Малачей и А. Я. Шибачевой в 1948 г. от Н. П. Мысникова в пос. Каршинском Уральской области.

Вар.: Железнов. Т. 2. С. 269—278. Предание «Марина Кайдалова».

5

Между поселками Гребенщиков и Кулагин был дворец Маринкин, в четырех верстах от Кулагина. Дворец был обнесен большими валами. Маринка имела полк из деушек. Этот полк грабил и громил жителей врасплох. Казаки напали на косяк пасущий этого полка. Казаки были в волчьих шкурах, лошади напугались этих волков и все разбежались, а девки все остались пешими. Казаки их переловили, некоторых взяли за себя в жены, а достальных побили, а казну Маринкину делили на себе на Бухарским Красным Яру, близя Чипушинской старицы, до сечашнего время называют Дуванный Яр. Маринкину казну, золото, делили, то-исть дуванили, шляпами. В Красных Ярах жил Савелка, а в Харькиным жил Хартка. Савелкина дружина двенадцать казаков были женаты на деушках Маринкинова полка. Через некоторое время казаки были зарезаны этими девками. Один казак мог дать весть Хартке. Хартка поехал на похороны, девок заставил рыть могилы и деленую казну насыпал каждому казаку. И убил всех деушек, положил каждому всех двенадцать деушек, их зарыли в могилы. Могилы были вырыты между старым и новым поселком Красных Яров.

Зап. в 1951 г. от Е. Т. Филиппова, переехавшего в г. Уральск в 1930 г. из поселка Гребенщиков Испульского района Гурьевской области.

Вар.: Железнов. Т. 3. С. 35—50. Предание «Харко».

Илья Мурынц и Добрыня Никитыч¹

Отец рассказывал: Илья Мурынц и Добрыня Никитыч шли вместе. И у них обеих были луки, а стрелы у них были из бревен. И вот оне между себе говорят: «Мы с тобой ходим и не знам, кто из нас старший брат; давай стрелим из луков, у которого будет дальше стрела, тот будет старший брат». И вот оне стрелили. Шли двое суток и увидали: одна стреляла так что в земле. Добрыня Никитыч Илья Муронцу говорит: «Твоя, мол, стрела». А Илья Мурынц ему говорит: «В моей стреле драгоценный камень врезанный, он будет сиять». Когда оне подошли к стреле, — оказалась ета стрела Добрыни Никитыча. А потом шли полтора суток — тогда стрела Ильи Муронца. И он сделался старшим братом. И вот теперь пошли в Сарачик.² И вот оне пришли в Сарачик. В ета время был хан. И вот народ собрались, и хан принес им двум гостям Добрыне Никитычу и Илья Мурынцу еду. Еду развел, шоб их умарить обеих. Ну оне не пили. И, значит, Илья Мурынц взошел к хану наверх, а Добрыня Никитыч остался внизу в народе. Когда Илья Мурынц взошел наверх, внизу сле-

лался шум. Хан спросил Илья Мурынца, што, мол, такое там, что за шум внизу. «А ета мой воробей просу твою клюет». Хан и отворил окно, взглянул вниз. Илья Мурынц снял с себя шляпу и шляпой ударил его по затылку, и хан слетел вниз.

Зап. в 1948 г. от Т. Е. Лытомина в пос. Сахарном Тайпакского района Уральской области.

¹ Вероятно, это прозаический пересказ распространенной когда-то былины об Илье Муромце и Добрыне Никитиче. Варианты в сборниках уральского казачьего фольклора отсутствуют.

² «Сарачик» (Сарайчик) — древняя столица Ногайского ханства, разрушенная в 1580 г. Ныне Сарайчик — поселок Баксайского района Гурьевской области.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

А. А. ГОРЕЛОВ

РОМАН Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» И ГЕРОЙ ВОЛЖСКО-ПЕНЗЕНСКИХ ПРЕДАНИЙ

В романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» характеристика «особенного человека» Рахметова содержит аналогию между этим персонажем и героем народных преданий и вместе реальным волжским богатырем-бурлаком Никитушкой Ломовым. Дворянин-интеллигент Рахметов, сумевший физическими упражнениями и тяжелым физическим трудом приобрести и поддерживать в себе «непомерную силу» («Так нужно, — говорил он: — это дает уважение и любовь простых людей», — подразумевая необходимость революционной пропаганды среди народа), во время бурлацкой работы был окрещен «товарищами его по лямке <...> Никитушкой Ломовым по памяти героя, уже сошедшего тогда со сцены».¹

Волжская работа Рахметова при переводе на реальную хронологию относится комментаторами книги к 1854 году.² О самом же Ломове Чернышевский сообщает, что его имя славно «между миллионами людей», но «только на полосе в 100 верст шириною, идущей по восьми губерниям . . .» (204). Обращаясь к «читателям остальной России», Чернышевский так объяснял им популярное в Поволжье имя: «Никитушка Ломов, бурлак, ходивший по Волге лет 20—15 тому назад, был гигант геркулесовской силы; 15 вершков ростом, он был так широк в груди и в плечах, что весил 15 пудов, хотя был человек только плотный, а не толстый. Какой он был силы, об этом довольно сказать одно: он получал плату за 4 человек. Когда судно приставало к городу и он шел на рынок, по-волжскому на базар, по дальним переулкам раздавались крики парней: „Никитушка Ломов идет, Никитушка Ломов идет!“ — и все бежали на улицу, ведущую с пристани к базару, и толпа народа валила вслед за своим богатырем» (204).

В черновой редакции романа есть некоторые отличия в условной топографии преданий о Ломове. Первоначально Чернышевский писал, что «из 60 губерний только 6 знают это славное имя <...>»

(574—575). Если взглянуть на карту Поволжья времен создания романа «Что делать?», то наиболее вероятными местами подразумеваемого писателем бытования фольклора о бурлаке Никите Ломове следует назвать с низу до верха Волги «бурлацкие» губернии — Астраханскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Нижегородскую, Костромскую и Ярославскую. Кстати сказать, Рахметов проходил бурлаком от Дубовки до Рыбинска (205), т. е. шел по семи указанным губерниям, исключая Астраханскую. Ссылка на то, что имя Ломова «гремит славою» по берегам Волги в зоне 100 верст (то есть как бы 50 плюс 50 по каждому берегу, кроме пустовавших, незаселенных территорий), практически выводит из условно-вероятного списка несших фольклор о Ломове губерний Пензенскую, отстоявшую от великой реки более нежели на 100 верст, а между тем последняя тяготеет и нередко причисляется к губерниям Поволжья. И что особенно существенно, именно Пензенская губерния была источником фамилии или прозвища героя преданий: там протекают речки Ломов и Ломовка, там находятся на первой — два города Верхний и Нижний Ломовы, а на второй — Ломовская Слобода, с которыми так или иначе связана родословная бурлака Никитушки Ломова.

По-видимому, при жизни Чернышевского предания о Ломове не требовалось выискивать, так как, по свидетельству романиста, имя героя было известно «между миллионами людей». Средой же, хранившей эпос о Ломове, был прежде всего рабочий люд волжских пристаней, городских предместий, посадов: речные матросы, бурлаки, грузчики, носильщики тяжестей, масса пролетариев, крестьян-отходников.

Бурлацкий фольклор, к сожалению, никогда не был предметом целенаправленно-тщательных полевых исследований. Казавшиеся всем известными рассказы исчезали почти бесследно. После Чернышевского предания о богатыре-бурлаке Ломове фиксировались всего единожды в 1870—1880-е годы, когда поэт и собиратель фольклора Д. Н. Садовников предпринял ряд поездок по центральному Поволжью. Среди произведений популярной устной несказочной прозы Садовниковым были записаны предания о Степане Разине, разбойниках, бурлаках. В посмертно изданном его сборнике «Сказки и предания Самарского края» под № 121 опубликован устный рассказ «Про Никитушку Ломова», представляющий собой цикл из четырех преданий, — это запись, сделанная в г. Симбирске от неизвестного лица (или лиц) и, вероятно, реставрированная или обобщенно изложенная поэтом (характерно признание в начале текста: «Про силу его (Никиты. — А. Г.) на Волге рассказывают чудеса») и оттого отмеченная некоторой обезличенностью, а также стусеванностью непосредственно устных повествовательных признаков.

В преамбуле к преданиям излагаются важные сведения о герое: «На Волге, в тридцатых годах, ходил силач-бурлак Никитушка Ломов; родился он в Пензенской губернии. Хозяева судов дорожили его страшной силой: работал он за четверых и получал паек тоже за четверых».³

Садовниковская запись прямо именует родиной Ломова Пензенскую губернию. Как и у Чернышевского, здесь конкретизированное время действия — николаевская эпоха, место действия — Волга и Каспий. Герой и работает, и получает плату за четверых. Последняя деталь подтверждает наличие устного источника у автора романа «Что делать?», как известно, зачастую внимавшего в Саратове фольклорному «мнению» «низших слоев среднего класса» и «городских слоев простонародья».⁴ Это отразилось и в знаменитой книге.

Первый сюжет о Ломове по сборнику Садовникова — победная схватка богатыря с «трухменцами», грабившими по ночам в открытом море русские суда. Второй сюжет — история о том, как Ломов наказал упрямство возчиков на постоялом дворе, будучи вынужден силой расчистить дорогу. Третий сюжет — отмщение Ломова богатому купцу, обманувшему при расчете мужиков, вытаскивавших для него якорь. Четвертый рассказ говорит о том, как бечевой бегущий с многопудовыми кулями Ломов одолевает в состязании бегущих пустопорожними собратьев-бурлаков.

Предания о Ломове — апология мужицкой физической мощи, являющейся важным элементом классового самосознания и формой самоутверждения низов общества. Одновременно предания славят справедливость, чувство товарищества. Герой устных рассказов — заступник за артель, защитник от разбойников (в этом, а не в какой-либо национальной неприязни смысл предания о «трухменцах»). Как художественный эффект, постоянный в устной народной эпике и соответствующий вкусам масс, рисуется у Садовникова посрамление тех, кто не верит в богатство героя. Эта типическая черта эпоса наиболее выразительна во втором и четвертом сюжетах симбирских преданий.

Последующие записи прозаического фольклора о Никите Ломове осуществлены трижды, спустя почти век или более того после Садовникова (в марте, а затем — более точная — в декабре 1955 и в октябре 1986 гг.), автором данного сообщения. Сделаны они в Ленинграде от уроженцев села Кривозерье Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии — отца и сына Сазыкиных (Николая Сергеевича и Алексея Николаевича). Уникальность услышанного явилась побудительным поводом к настоящей публикации.

Но прежде — некоторые биографические сведения о рассказчиках преданий.

Николай Сергеевич Сазыкин (1878—1968) — земледелец по происхождению (ближайшие его предки — из государственных крестьян) — был человеком энергичным, сметливым, мастером разнообразных сельских ремесел. До 1930 года в основном крестьянствовал, но подчас занимался потребными в деревне промыслами (катал валенки и т. д.). В молодые годы Н. С. Сазыкин отходничал: с артелью косил на Нижней Волге в богатых селах, «матросил» на камских, волжских барках («павозках»), в 1899 году плотничал близ Харбина на строительстве Китайско-Восточной железной дороги. В первую империалистическую войну служил госпитальным санитаром, преподавал устав солдатам маршевой роты. Отец шестерых

детей, он гордился, что в советские годы все сыновья и дочери получили высшее образование. Однако с горечью и гневом вспоминал необоснованное и неожиданное свое раскулачивание (он имел в лучшие свои годы две лошади, а к роковому моменту — одну лошадь, корову; наемным трудом не пользовался), за чем последовала ссылка под Караганду. Позже Николай Сергеевич работал чернорабочим на Волховстрое, на ленинградских заводах, в годы блокады — кочеваром, был донором.

Окончивший два класса церковно-приходской школы Н. С. Сазыкин смолоду полюбил чтение (сохранил в сундучке библиотечку копеечных исторических книжек, издававшихся для народа). Обладая отличной памятью, помнил наизусть всего «Конька-горбунка», огромное количество строк из поэм Некрасова. Часто рассказывал деревенские анекдоты, авантурные сказки, популярные у односельчан и в рабочей среде предания о силачах (волжских кулачных бойцах, бурлаках, заводских богатырях), об отмене крепостного права, былички. Охотно вспоминал фамильные рассказы о предках, эпизоды из собственной жизни. Любил пользоваться пословицами. Напевал старинные баллады о солдатах. Знал заговоры от болезней. В последние годы жизни постоянно читал том сказок Ф. П. Господарева.

От Н. С. Сазыкина автор публикации неоднократно слышал с 1930-х годов предания об известном среди пензенцев их земляке — бурлаке «Миките Варьжинском» (или в другом произносительном варианте — «Варежинском»), впрочем, никак не соединяя и даже не подозревая близости героя ниже-ломовской молвы с легендарным персонажем поволжского фольклора, известным по роману Чернышевского. Такая связь естественно возникла в 1950-е годы, когда пришло знакомство с вариантами пензенским устным «памятям» из села Кривоозерья текстами-посредниками из сборника Д. Н. Садовникова. Тогда же были сделаны после специальной просьбы собирателя записи преданий (отрывочная — в марте, полная — в декабре 1955 г.).

Алексей Николаевич Сазыкин, военный врач, усвоил рассказы о бурлаке Никите через отца, своего брата Андрея Николаевича⁵ и односельчан. В памяти этого человека, обладавшего живой речью и склонностью к анекдотам,¹ насмешке, удержались, однако, не все сюжеты, прежде записанные от его отца.

Ниже следуют тексты преданий, не имевших при многоразовых повторениях никаких принципиальных сюжетных вариаций.⁶

ЗАПИСИ ОТ Н. С. САЗЫКИНА (ДЕКАБРЬ 1955 г.)

Про Микиту Варьжинского

Он был из села Варежка⁷ одного с нами уезда,⁸ одной губернии, верст пятьдесят от нас. Бурлачил на Волге.

Домой по десять пудов рыбы из Астрахани носил в куле рогожком. Тыща верст! Вот шел дорогой (а там есть трясины, топкие, болотные места, как у нас), глядит: ехал барин с коляской — в тря-

сину лошади и попали. А он шел дорогой подальше, выбирал, где посуше.

А, знаешь, крепостные?.. У барина лакей, кучер. Он и велит: «Ступайте, мужика позовите!» Те — рысью.

Ну, он, Микита, куль — на землю, подходит. Лошадей — за хвост и за гриву, — как ягнят, повывкидал!

Коляску вывез на сухое, барин и говорит:

— Спасибо тебе, добрый человек! Садись, подвезу.

Ну, что же? Микита куль поставил в коляску, сел сам. Дак ведь лошади только шагом пошли!

Слез. Смеется:

— Нет, барин. Езжай уж с богом. Я пешком скорей дойду!

Взвалил куль — и пошел.

.....
Был Микита на барках. Хозяин поджимал. Маловато платил. Тянули одна матросы якорь (пудов двадцать пять!), идут за деньгами. Хозяин रुपь платит, а рядились за три. Зашумели.

Микита говорит:

— Нехорошо, хозяин. Обманул.

Тот ему — дескать:

— Тебе прибавлю!

— Нет! Ты всему комплекту прибавь!

Нет и нет. Отказывается.

Микита рассерчал, говорит:

— Ну, это ему даром не пройдет.

Глядят: он якорь из воды вынес, взянул, версты полторы пронес — на иглицу⁹ повесил лапой.

Хозяин напугался:

— Прибавлю, прибавлю всем! Только сыми!

Микита ему:

— Ладно! Снять-то сыму, а несть-то не понесу!

Они его и несли, человек десять!

.....
Микита в извоз ездил. Заночевал на постоялом дворе.

С вечера говорит:

— Ребя-а-ты! Вы бы не заставляли дорогу, я рано поеду.

(А его воз был назаде).

Мужики смеются:

— Еще не знай, кто раньше выедет!

Он проснулся (а те спят еще!) — которые сани на сани поставил, а два воза на лабаз поставил. Очистил дорогу.

Так они там целый день возились!

Воз — двадцать пять пудов клажи (чего насыпное возили), да сани пудов семь или шесть, — и на лабаз сунуть! Как салазки! А мы и салазки-то насилу поставим порожние!

.....
Ему (Миките. — А. Г.) было запрещено драться: он мог убить доразу человека. В праздник, бывало, народ начнет с ним шутить, а он возьмет — и, как снопов, и повалит их всех!

У него дочь зародилась — никто замуж не брал: убьет. Богатырка. Подписку дала — тогда взял ее один мужичонка.

Еще, рассказывают, бил ее. Она его возьмет да положит. Он дрегаться — и утихнет!

У нее родился сын, — видно, в дедушку пошел. Ему было четырнадцать лет. Он чего-то на поросенка рассерчал, цоп его за ногу — и через сарай перебросил. Взвесили: четыре пуда!

ЗАПИСИ ОТ А. Н. САЗЫКИНА (30 ОКТЯБРЯ 1986 Г.)

О Никите Варьжинском

Он был из села Варевка, про него много рассказывали.

Из Астрахани шел Никита пешком. А вокруг — грязь. Идет, видит: тройка барина засела в грязь. Карета не вылезет никак. И ку-чер не может вытащить.

Идет Никита с полутарком рыбы. А в нем не много, не мало — пятнадцать пудов. Он чувал взял — и нес на плече.

Когда он поровнялся, барин зовет:

— Добрый человек, помоги! А то ямщик замучился! .

— Разнуздай лошадей, — велит Никита.

Взял одну за одной за хвост, за гриву — на сухое покидал. Карету за оглобли — вывез.

— Садись! — приглашает барин.

Сел — не пошли кони. Тяжел больно. Еще с чувалом.

Уж тут барин взмолился:

— Слезь!

Еще было.

Никита в извоз ездил зимой. Вот заехал на постоянный двор ночевать. (А он рано ложился и рано вставал). Ложится — говорит извозчикам:

— Вы не заставляйте дорогу. Я рано поеду.

Они не послушались. А он встал раньше всех, часть возов — на возы поставил (а воз двадцать пять пудов!), часть — на лапаз. (Знаешь, что такое лапаз? Навес — ровный, чтобы во дворе не было снегу. Стойки, на которых держится лапаз — временные. Так вот — стойка, так — выкопают ямку в сугробе — и приморозят! А весной убирают, а снег вывозят).

Вот он их как проучил!

Дочь Никиты никто не брал замуж: рассердится — может убить. А вышла за шибздика. Жили ладно. Но прогневается — возьмет его, спеленает. Он полежит, подрежется. Она спрашивает:

— Ноженьки-то, рученьки освободить тебе? . .

Циклизированные вокруг фигуры героя пензенские рассказы, демонстрируя известные сюжетные утраты при переходе от поколения

к поколению даже в пределах одной семьи, вместе с тем обнаруживают не только «выщелачивание», а и парашение зрительно ярких, точных бытовых деталей, указывают на полнокровность устной жизни преданий спустя столетие с лишком после их возникновения.

Последние записи определенно дают ключ к дальнейшим фактическим поискам в двух направлениях. Во-первых, возможны новые записи преданий о Никите Ломове — Миките Варьжинском в пензенском регионе — с опорой на упоминание о деревне Варежке Ломовского уезда. Во-вторых, становятся более вероятны находки данных о реальном прототипе легендарного фольклорного персонажа. Для этого есть указания на время (1830—1840-е гг. по Д. Н. Садовникову и Н. Г. Чернышевскому) и место его исторической жизни.

Ради облегчения последней задачи остается добавить, что упоминаемая в рассказах Н. С. и А. Н. Сазыкиных деревня (село) Варежка угадывается в сходных названиях пензенских населенных пунктов. На крупномасштабной губернской карте, приложенной к «Памятной книжке Пензенской губернии за 1870 год» (Пенза, 1871) упомянуты 2 деревни с наименованием «Варишка» (одна — к юго-востоку от Нижнего Ломова, другая уже на территории Чембарского уезда). Село «Головинская Варижка» находилось в Каменской волости в юго-восточной части Нижне-Ломовского уезда.¹⁰

¹ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Изд. подготовили Т. И. Орнатская и С. А. Рейсер. Л., 1975. С. 205. При ссылке на это издание романа страницы указаны в скобках в тексте.

² Пинаев М. Т. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1963. С. 108.

³ Сказки и предания Самарского края / Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884. С. 381.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 640—641.

⁵ Записей от Андрея Н. Сазыкина, инженера-экономиста (1901—1979), своевременно сделано не было.

⁶ Хранятся в личном архиве автора публикации.

⁷ В произнесении звучало: «Варевжка». Ударение скользило: «Варьжинский» и «Варьжинский». Возможно, имело место произносительное сокращение гласного «е» в слове «Варежинский».

⁸ То есть Нижне-Ломовского.

⁹ «В столбах ворот продавливаются иглица, а на ней — сарайчик!» (пояснение рассказчика). Видимо, речь идет о поперечном верхнем бруске ворот. См.: Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12. С. 62.

¹⁰ См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб., 1902. Т. 2. С. 499.

В. Я. П Р О П П

ВРУБЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР

(ТЕКСТ ДОКЛАДА. НАБРОСОК)

Публикация Л. М. Ивлевой

Сравнительно небольшая часть научного наследия Владимира Яковлевича Проппа остается в настоящее время неизданной. К числу не опубликованных до сих пор материалов относится и работа «Врубель и фольклор». Тематически она стоит как бы особняком среди всего написанного Проппом, будучи уникальной по отраженной здесь направленности его научных интересов. Вместе с тем можно вспомнить, например, неоднократно повторяемую ученым мысль о том, что именно фольклористы способны дать образцы нового подхода к проблеме «литература и фольклор» и во всеоружии фольклористического знания предложить новые решения этой проблемы, наметить новые ее аспекты. Естественно предположить, что не только *писательский* фольклоризм относится в понимании Проппа к числу собственно фольклористических проблем, тем более что в публикуемом тексте им проведена аналогия между темами «Врубель и фольклор» и «литература и фольклор» (в разных ее вариантах). Настоящая работа и представляет собой огромной ценности опыт конкретного изучения фольклоризма (в данном случае фольклоризма художника), приобретающего в последнее время не только историческое и теоретическое, но в значительной степени и собственно практическое значение.

Фольклористический взгляд на творчество Врубеля приводит Проппа к постановке принципиально важной для понимания художника проблемы «искусство и действительность», с общим решением которой и сопряжен ряд оригинальных трактовок произведений Врубеля в предлагаемой работе. В этом смысле она, безусловно, тесно примыкает к трудам ученого, объединяемым одной из ключевых в его творчестве тем — «фольклор и действительность».

«Врубель и фольклор» — это записанный автором текст доклада, прочитанного им в 1965 г. на спецсеминаре по русскому фольклору,

который в течение многих лет Пропп вел на филологическом факультете Ленинградского университета для студентов русского отделения. Датировать это занятие семинара позволили сохранившиеся конспективные записи, которые велись нами на протяжении нескольких лет (1964—1967).

Данный текст создавался именно как доклад, о чем свидетельствует и его жанровое определение в подзаголовке (кстати, на обложке рукописи произведены необходимые хронометрические расчеты). С этим связан ряд жанрово-стилистических особенностей публикуемого материала (в его общей структуре, в повторах, которыми насыщен текст, конечно же, великолепно учтена специфика слухового восприятия). Сам Пропп не предназначал рукопись для публикации: докладом он вводил участников семинара в свою исследовательскую лабораторию; кроме того, он ставил перед собой, вероятно, и чисто педагогическую задачу — в форме доклада «наравне» со студентами дать им образец выступления на семинарских занятиях.

Рукопись Проппа хранится в кабинете фольклора Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова;¹ это 88 листов-карточек, исписанных только с одной стороны. Материал воспроизводится практически без купюр (изъятые из основного текста фрагменты, зачеркнутые автором в оригинале, целиком приводятся в примечаниях; знаками отточия обозначены пропуски авторских ссылок на иллюстративный материал — на издания с репродукциями работ Врубеля, главным образом на книгу С. П. Яремича «М. А. Врубель»). При подготовке текста к публикации в нескольких случаях незначительно изменена авторская пунктуация, в угловых скобках раскрыты недописанные и сокращенные слова, исправлены явные описки, а также некоторые фактические неточности (последнее, как правило, оговаривается в примечаниях). В рукописи все сноски на использованные источники даны с сокращениями непосредственно в тексте; здесь они перенесены в примечания. В большинстве случаев не составило труда отыскать соответствующие источники и выверить по ним встречающиеся в тексте цитаты. При этом ссылки на разные издания книги «Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике» (М.; Л., 1963; Л., 1976) и одновременно на книгу «М. А. Врубель. Письма к сестре...» (Л., 1929) обусловлены, с одной стороны, необходимостью сохранить авторские ссылки (В. Я. Пропп работал с мемуарными и эпистолярными материалами по изданиям 1929 и 1963 гг.), с другой — возможностью использовать для комментария более полный свод источников.

ВРУБЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР

(ТЕКСТ ДОКЛАДА. НАБРОСОК)

Изучение изобразительного искусства не входит в задачи семинара в узком смысле.

В широком же смысле мы были бы плохими исследователями, если бы ограничивались академическим изучением только предмета своей

специальности. Мы изучаем один из видов народного творчества.

Народное творчество — один из значительнейших факторов национальной культуры. Народное творчество воздействует на другие виды искусства.

Влияние фольклора на литературу хорошо исследовано. Мы имеем такие работы, как «Пушкин и ф<ольклор>», «Лермонтов и ф<ольклор>», «Лесков и ф<ольклор>», «Маяковский и ф<ольклор>», «Блок и ф<ольклор>», «Шолохов и ф<ольклор>» и другие.

Между тем связь живописи с ф<ольклором> изучена очень слабо. Историкам живописи не хватает эрудиции в области истории изобразительного искусства. Между тем такие художники, как, например, Васнецов, Рябушкин, Билибин, Поленов, Врубель, не могут быть поняты до конца вне их отношения к народному творчеству.

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что Врубель — художник не только великий и крупный, но гениальный. Понять его не совсем легко. Он глубоко индивидуален и не похож ни на одного другого художника. В дни моей юности мы им увлекались, смутно чувствуя его силу. Но и теперь его ценят. Когда в 1958 году,² в столетнюю годовщину рождения, в Г<осударственном> Р<усском> м<узее> была устроена выставка его работ, на ней всегда было множество людей, особенно молодых, которые медленно и внимательно его рассматривали и изучали. В книге отзывов выражалось восторженное преклонение перед ним, здесь были призывы к советским художникам учиться у Врубеля.

Но вместе с тем Врубеля трагически не понимали при его жизни, не понимают его многие и сейчас.³

Чтобы хорошо понять Врубеля и его обращение к народной поэзии, надо хорошо знать творческий и жизненный путь Врубеля вообще, а также ту эпоху, в которую он выступил.⁴

Я совсем коротко изображу эволюцию Врубеля, чтобы затем лучше подойти к своей основной цели. Врубель в Академии был блестящим рисовальщиком. На него смотрели, как на чудо. Лично я сравнил бы его с одним из самых замечательных рисовальщиков мира — с Ingre'ом. Академические рисунки Врубеля отличаются необычайной четкостью и точностью. Достаточно посмотреть на такие заданные Академией рисунки, как «Введение во храм» <...>. «Античный мотив» <...>, «Пирующие римляне», «Анатомический этюд» <...>. Это не окружающая человека XIX века действительность, так как Академия была далека от таких стремлений. Ее круг сюжетов, в котором воспитывались студенты, ограничивался античностью и Библией. Но в пределах этих границ Врубель необычайно точен и тонок в изображении человеческих фигур, многообразия их поз и складок одежд. Одно из заданий было на тему «Орфей в аду». Врубель изобразил на нем 100 фигур, все с разными, индивидуально отличными лицами. Этот рисунок был сделан за одну ночь.⁵ Впоследствии Врубель, освободившись от сюжетных рамок, налагаемых Академией, писал замечательные, совершенно

реалистические портреты и картины, под которыми мог бы подписаться Репин. Я назову некоторые: «Портрет г-жи Кнорре»⁶ (старушка в очках, опустивши глаза, вяжет), «Семья <Я. В.> Тарновского за карточным столом» <...>, «Портрет в красном» (девушка со спины в профиль со свисающими волосами), «Портрет Арцыбушева» (1897), некоторые автопортреты. К этой совершенно реалистической манере он возвращается к концу жизни: портрет жены, сидя, в капоте, с<о> сложенными руками.

Этот совершенно реалистический стиль составляет не столько этап в творчестве Врубель, сколько линию, которая тянется от окончания Академии и до конца жизни. Таких вещей у него мало, но в них виден величайший мастер, полностью овладевший техникой такой передачи действительности.

Новая струя начинается по окончании Академии. Из Киева обратились с просьбой рекомендовать художника для участия в реставрации древних фресок Кирилловской церкви и для написания нескольких новых композиций. В Академии <...> рекомендовали лучшего рисовальщика, добросовестного и упорного в работе Врубель, и Врубель поехал в Киев. Это назначение было для Врубель большим счастьем. Здесь, в Киеве, ему открылся новый мир, и это открытие до некоторой степени предопределило его дальнейшее развитие как художника. Здесь открылся ему мир *византийского искусства* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые В. Я. Проппом. — Л. И.) в русском преломлении, здесь открылось то, чему в Академии не учили: что есть великое искусство, основанное на совершенно иных принципах, чем то, чему учили в Академии.

Определяя и понимая это искусство как византийское, Врубель, может быть, и ошибался. Русская фресковая живопись имеет свой национальный характер, отличный от Византии. Но он унаследован от Византии, и основные законы его остались в России нерушимыми.

Я не буду определять здесь признаков этого искусства. Оно основано не на передаче действительности, а на монументализме форм. Оно основано не на передаче естественной окраски вещей, оно представляет собой симфонию красок, основано на гармонии цветов. Его душевный рефлекс — <не> любованье существующим, а настроенность на высокий душевный лад.

Освоение этого искусства произошло не сразу и не во всем. Там, где Врубель изображает отдельных святых, образы их, получается именно *изображение*, причем портретно-пространственная передача фигуры происходит в формах церковно-иконой условности. Так, чтобы изобразить богоматерь, он пишет этюды с жены руководителя работ профессора <А. В.> Прахова. У нее совершенно русское круглое лицо, большие глаза, мягкие губы. Чтобы изобразить младенца Христа, он пишет портрет девочки. Получается живая русская женщина с живым ребенком на коленях, но она сидит на кресле совершенно прямо и иконописно смотрит вперед на зрителя, ее лицо окружено нимбом, таким же нимбом окружен младенец; пальцы ребенка сложены в жест благословения <...>.⁷ Длинная черная одежда женщины ниспадает искусно уложенными складками. В та-

ком же стиле сделаны иконы Афанасия и Кирилла ⁸ и образ Христа. Так на реалистическое портретное искусство наслоились византийские формы, и это соединение неорганично. Это неудача, этого требовал заказчик.

Совершенно иное представляют собой не портретные иконы, а большие композиции там, где нужно заполнить большие сводчатые плоскости церковных стен. Это — «Сшествие св. духа», роспись на своде хора церкви: 12 сидящих в белых одеяниях фигур в полукруге с одной стоящей фигурой в центре. <С. П.> Яремич: «Произведение это, проникнутое радостью откровения, серебрится, светится и переливается едва заметными радужными оттенками. Лица очерчены бесподобно. Они проникнуты восторгом созерцания» ⁹ <...>. Сюда же относятся фигуры двух ангелов со знаменами, в стремительном движении вперед с развевающимся будто на ветру подолом одежды, сложенной в многочисленные не свисающие, а динамически указывающие движение складки.

Никто не мог открыть Врубелью теоретически основ этого искусства. Он постиг его сам, причем не отвлеченно, не путем умозрения, а путем творческого проникновения, действия; поразительно, как Врубель овладел не только теорией, но *техникой*.¹⁰ Но Врубель чувствовал, что киевские старинные фрески не дают еще полного представления о величии этого искусства. Он едет в Равенну, где имеются знаменитые мозаики XIII века, в Венецию, где он изучает мозаики собора св. Марка и других церквей, на остров Torcello, где есть мозаики XII века. Здесь происходит чрезвычайное углубление в понимание византийского стиля.

Но здесь происходит и другое. Врубель ходит по музеям, приобщается к венецианской школе итальянской живописи, а венецианцы — это преимущественно пышные колористы (Bellini, Джорджоне, Тициан). Живопись как праздник красок — вот что здесь впервые в таких размерах и с такой силой увидел и усвоил Врубель. Эти впечатления потом скажутся в таких вещах, как «Венеция».

Но пока преобладающими все же были византийские впечатления. После окончания работ в Кирилловской церкви Врубель был привлечен к участию в работах по реставрации и росписи Владимирского собора. Для этой работы он создал эскизы, которые, может быть, представляют собой самое совершенное, что вообще создал Врубель. Это — «Надгробный плач», «Воскресение» и некоторые другие эскизы. Органическое слияние с архитектурой, совершенно в пропорциях монументальных, симметрично расположенных форм, сияние и сочетание красок — светлых в «Воскресении» и красочно-густых в «Надгробном плаче» — соединяются с глубоким психологизмом в изображении душевных движений и переживаний. Взгляд на византийское искусство только как на монументально-представительное и формальное неправильный. Древние живописцы — мастера в изображении лиц со сложными, глубокими переживаниями. В особенности это касается выражения скорби. Глубокие, остановившиеся печальные женские глаза, и не просто печальные, а глубоко горестные, можно встретить в древнейшей как фресковой, так

и станковой живописи. Так же экспрессивно выражены горе и отчаяние в движениях, например, рук, в отчаянии поднятых кверху над телом умершего, или ладоней, в горе покрывающих лицо, в оставившихся поникших позах. Все это воспринял Врубель, но воспринял не механически, а творчески, органически.

Эскизы Врубеля не были утверждены. При некоторой внешней каноничности Врубель был по существу слишком нов и смел, слишком экспрессивен, необычен и непривычен. Заказ был сделан не Врубелю, а богомазу, державшемуся бездарной казенной иконописной традиции, сложившейся в XIX веке.

Но Врубель и не мог бы стать иконописцем. Как ни велики и генерально были созданные им произведения, его художественное призвание состояло не в том, чтобы принимать заказы на росписи церквей, а в совершенно другом.

Русское средневековое архитектурное и живописное искусство есть искусство народное, национальное. Это особенно ясно сейчас (музей Рублева). Но народное искусство выражает себя не только в искусстве церковном. Так Врубель закономерно должен был прийти к образам, созданным народной поэзией. К этому он пришел с багажом реалистического отношения к действительности, монументализма искусства древнерусского и византийского и красочностью искусства венецианцев. Так сложен и глубок был его приход к фольклору. Я не хочу этим сказать, что Врубель стал художником-фольклористом. Он значительно шире. Но эту фольклорную струю в его творчестве надо выделить и проследить.

Врубель пришел к народному искусству не путем непосредственного обращения к нему, <не> путем поездок и экспедиций, а из книг, театра, музыки, из переживания русских пейзажей и через весь уклад русской и преимущественно московской жизни. «Ах, милый, милый Василий Евмеевич, сколько у нас красоты на Руси!» — пишет он в письме к художнику Савинскому.¹¹ Слово «красота» в устах художника звучит значительно, и особенно значительно в устах Врубеля. Девизом его жизни было «il vera nell bella» <. . .>, т. е. истина в красоте.¹² Красота есть путь к познанию истины — вот почему художник во всем прежде всего ищет красоты. Она открывается не только в каких-либо философских или морально-отвлеченных сентенциях, она есть форма бытия, форма существования человека и познается через форму: «И знаешь, что стоит во главе этой красоты — форма, которая создается природой вовек. . .»¹³ Здесь скрыта декларация, которую можно было бы развить в целый трактат; в этом же письме он пишет, что творчество есть «способность <. . .> глубоко чувствовать».¹⁴ А это значит «забыть, что ты художник, и обрадоваться тому, что ты прежде всего человек».¹⁵ Но человек для Врубеля — не *отвлеченное* понятие, а совершенно *конкретное*. Письмо писано в Венеции, но оно все — о России. «А где так можно почувствовать, как не среди родных комбинаций?»¹⁶ Слова «родные комбинации» звучат несколько странно, но понять их легко: они означают совокупность того, что только в России окружает русского человека.¹⁷ Врубель живет тем, что в России есть прекрасного, ве-

ликого и высокого.¹⁸ Летом 1891 г. он пишет сестре: «Сейчас я опять в *Абрамцеве*, и опять меня обдаёт, нет, не обдаёт, а слышится мне та интимная национальная нотка, которую мне так хочется поймать на холсте и в орнаменте. Это *музыка цельного человека*, не расчлененного отвлечениями упорядоченного, дифференцированного и бледного Запада».¹⁹ Опять — необычайно значительные слова, которые я не буду расшифровывать, так как их надо или понимать сразу, или отказаться от их понимания; перевод же их на язык умозаключений совершенно бесполезен.

Запомним пока слова «музыка цельного человека» — они станут яснее несколько ниже.

Каталог произведений Врубеля, в которых он непосредственно касается тем «народного эпоса», довольно значителен. Я могу коснуться только наиболее интересных и значительных. При этом надо иметь в виду, что деление произведений Врубеля на относящиеся к фольклору и не относящиеся к фольклору ошибочно, так как главный принцип, принцип народности — так, как это понимает Врубель, — пронизывает все основные произведения Врубеля. Так, его иллюстрации к Лермонтову и главное произведение его жизни — «Демон» — органически связаны со всеми идейными истоками его творчества как чего-то при всем разнообразии очень цельного и единого как по стилю, так и по эмоциональному содержанию.

Самое раннее произведение Врубеля, связанное с фольклором, — это «Восточная сказка», созданная между работой для Кирилловского собора и для Владимирского. Это — дань венецианским колористическим увлечениям. Это не иллюстрация к сказке, не сюжет и не контуры, это — сказочная красочность. В монографии <С. П.> Яремича²⁰ она воспроизведена в черно-белой технике, что совершенно искажает весь замысел. Сидят полукругом люди на диванах, перед ними с опущенной головой изображенная слева девушка — это все, что здесь видно. Но главное не в этом, а в том, что все покрыто и занавешено коврами. Возможно, что эта девушка — Шехеразада, рассказывающая сказку, но не это существенно. Главное — сказочная пестрая праздничность. Проходит 10 лет, раньше чем Врубель снова касается народнопоэтических тем. Это — декорации для оперы «Гензель и Гретель». «Гензель и Гретель» — сказка братьев Гримм, на которую написал замечательную оперу вовсе не знаменитый, но очень замечательный композитор <Э.> Гумпердинк. С этого момента почти ежегодно Врубель пишет произведения, связанные с народной поэзией, причем иногда по несколько в год в самых разных жанрах. В связи с постановкой этой оперы в жизни Врубеля произошло событие, которое во многом определило всю его жизнь. Здесь он впервые встретил певицу Надежду Ивановну Забела, которая впоследствии стала его женой и, можно сказать, его музой, музой всей его жизни.

Внешние события этого эпизода имеют самое непосредственное отношение ко всему его творчеству и потому должны быть рассказаны хотя бы кратко. Как произошла эта первая встреча, мы знаем из воспоминаний самой Надежды Ивановны и сестры Врубеля,

Анны Александровны.²¹ В театре Панаева в Петербурге гастролировала труппа московской частной оперы известного богатого мецената С. И. Мамонтова.²² Декорации должен был писать <К. А.> Коровин, но он заболел, и из Москвы выписали Врубеля. Гретель исполняла Забела. На одной из репетиций к ней на сцену вдруг подбежал какой-то человек, поцеловал ей руку и сказал: «Прелестный голос». Надежда Ивановна была несколько шокирована, но певица <Т. С.> Любатович, исполнявшая роль Гензеля, поспешила представить ей этого человека: «Наш художник, Мих<аил> Алекс<андро>вич <Врубель>», — и шепнула ей на ухо: «Человек очень экспансивный, но вполне порядочный».²³ Надежда <Ивановна> в воспоминаниях прибавляет, что на сцене было темно, и Врубель не мог разглядеть ее, но ему понравился голос, он был очарован ее исполнением. Впоследствии он сказал о ее голосе: «Другие певицы поют, как птицы, а Надя поет, как человек».²⁴

Врубель, никогда не учившийся музыке, сразу ее глубоко понял и оценил. Забела была не только замечательная, но выдающаяся русская певица <...>.²⁵ Ее исполнение отличалось глубокой лиричностью и музыкальностью, какой-то проникновенной человечностью, так что оно трогало до слез. Ее очень ценил <Н. А.> Римский-Корсаков.²⁶ Специально для нее он писал роль Марфы в «Царской невесте». К певцам и вообще к исполнителям Римский-Корсаков был всегда очень требователен и неумолим. Но о Забеле как певице он всегда отзывался с величайшим уважением. В «Летописи моей музыкальной жизни» он неоднократно о ней упоминает в таких, например, выражениях: об исполнении оперы «Садко» — «Забела пела превосходно и создавала поэтический образ царевны».²⁷ В операх Римского-Корсакова она исполняла главные роли: в «Садко» — морскую царевну, в «Сказке о царе Салтане» — царевну-Лебедь, в «Царской невесте» — Марфу, в «Снегурочке» — Снегурочку и т. д.

Врубель, как уже упоминалось, никогда не учился музыке, но он был музыкален, очень восприимчив к музыке и обладал каким-то особым, если так можно выразиться, музыкальным строем души. Описав свою первую встречу с Врубелем, Забела пишет: «Так чувствителен к звуку голоса М. А. был всегда <...> Вообще, пение и музыку он любил чуть ли не больше всех других искусств. Почти всегда присутствовал он при разучивании мною с аккомпаниатором партий, и повторения не утомляли его. Не обладая никакими специальными музыкальными знаниями, М. А. часто поражал меня своими ценными советами и каким-то глубоким проникновением в суть вещи».²⁸ Он мог подсказывать тонкие оттенки нюансов и темпа, и Забела, и ее аккомпаниатор, оба профессионалы, сейчас же принимали их к исполнению. Врубель всегда присутствовал на спектаклях, где пела его жена. Морскую царевну в «Садко» она пела 90 раз, и все 90 раз Врубель присутствовал. Он слушал оркестр и голоса. На вопрос: «Неужели тебе не надоело?», — он отвечал: «Нет! Я могу без конца слушать оркестр, в особенности МОРЕ».²⁹ С темы моря начинается увертюра, и она пронизывает оперу.

Врубель делал костюмы для своей жены и сам следил за тем, как они надеты. Он же сочинял для нее концертные платья.³⁰ Он любил переливы красок. Чтобы достичь этого, платье состояло из нескольких слоев прозрачной материи разных цветов: «. . .внизу великолепная шелковая материя, розово-красная, светлая, потом черный тюлевый чехол, потом пунцовый».³¹ Сестра Забелы пишет в своих воспоминаниях: «Михаилу Александровичу нравилось достигать самых причудливых и редких цветов, и концертные платья сестры были обыкновенно из массы чехлов прозрачной материи разных цветов. . .».³² Это наблюдение позволяет нам понять некоторые особенности картины «Морская царевна» с ее необычайными переливами разных цветов.

Женитьба на Забеле привела к дружбе с Римским-Корсаковым, который оказал на Врубеля очень сильное влияние. В письме к Римскому-Корсакову от 8 мая 1898 г. Врубель пишет: «. . .я благодаря Вашему доброму влиянию решил посвятить себя исключительно русскому сказочному роду».³³ Под «сказочным родом» понимается не только сказка в собственном смысле этого слова, но весь эпический русский фольклор — кроме сказки, Врубеля особенно привлекала былина.

Хронологически первое произведение Врубеля из области русского эпоса — это панно «Микула Селянинович». В 1896 году в Нижнем Новгороде открылась «Всероссийская художественная и промышленная выставка». Для этой выставки Врубель по заказу Мамонтова³⁴ сделал два больших панно: «Принцесса Греза» и «Микула Селянинович». Я остановлюсь только на последнем.

Этому панно Врубель придавал особое значение. Сохранились эскизы и картон, и по ним видно, как замысел совершенствовался, как мучительно работала и зрела творческая мысль Врубеля. Это панно никак нельзя считать иллюстрацией к былине. В былине Микула одет по-боярскому — на нем иногда зеленые сафьянные сапожки и соболиные шубы. В былине разукрашена и соха. В былине она кленовая, гужики — шелковые,

Прпсощечек у сошки серебряный,
А рогачик*-то у сошки красна золота.³⁵

Все эти гиперболы в былине даны не для того, чтобы изобразить крестьянина, а для того, чтобы возвеличить его самого и его труд. Ничего этого у Врубеля нет. Микула у него — обыкновенный и типичный великорусский мужик с бородой и непричесанной головой, остриженной в скобу, босой, в белой холщовой рубашке и белых штанах. Князь — на великолепном коне с роскошной сбруей, пышно по-воинскому одетый. Как былина вовсе не изображает крестьянина, так Врубель не изображает былинку: он средствами изобразительного искусства воплощает народную идею. А идея эта состоит в *противопоставлении* князя-крепостника, воплощающего социальную власть

* Ручка, за которую держат соху (Прим. автора. — Л. И.).

и силу, и труженика Микулы, крестьянина-пахаря, сила которого в труде. Внешнее превосходство Вольги блекнет перед внутренним превосходством Микулы. У Врубеля Микула стоит, облокотившись о грубо сработанную соху, князь нагнулся над ним с коня, трогает его за предплечье и пристально в него всматривается. Фигура Микулы в своей силе статична, фигура Вольги, как и его коня, взрывающего своим копытом землю, динамична, дана в движении. Сын художника <Н. Н.> Ге, женатый на сестре <Н. И.> Забелы, выразил свое впечатление так: «. . . в этом роде я ничего подобного не видал. Я считаю, что это панно — наше классическое произведение. Я долго стоял перед этой чудной картиной. До сих пор я охвачен этой страшной мощью, этой силой, этой экспрессией фигур Микулы, Вольги, его коня. Наблюдения из народной жизни — сфера, особенно интересующая меня, и я думал: какой непонятной силой г. Врубель выхватил все существо землепашца-крестьянина и передал его в этой страшно мощной и в то же время инертной фигуре Микулы, во всей его фигуре, в его детских голубых глазах, меньше всего сознающих эту свою силу и так поразительно выражающих ее».³⁶

Между тем панно это не было утверждено выставочным комитетом: оно слишком выходило за рамки трафаретного искусства с вылизанным бесхитростным изображением быта.

Но Мамонтов,³⁷ заказавший это панно, не успокоился. Он на свои средства выстроил специальный павильон для врубелевских панно, где их можно было видеть.³⁸ На этой выставке был и Горький. Здесь, между прочим, он слышал привезенную сюда знаменитую вопленицу Ирину Федосову. Здесь же он видел панно Врубеля. Они ему не понравились, и он назвал их декадентскими. Только много лет спустя Горький переменял свое мнение о Врубеле и понял в нем великого художника и его стремление воплотить в своем искусстве народную силу и народные идеалы.

Это уже не тот Врубель, который в Академии создает точные и четкие рисунки. У него появились размах, сила, динамика, идея, появился свой индивидуальный стиль. Под влиянием Римского-Корсакова и своей жены Врубель теперь увлекается театральным искусством, и прежде всего теми операми, в которых Римский-Корсаков воплощал на сцене сюжеты народнопоэтического творчества.

В 1896 <году> на сцене впервые появилась «Садко». В этой опере главную женскую партию — партию Морской царевны — пела Забела. К 1897 году относится замечательная картина Врубеля «Морская царевна». Это не портрет жены в театральном костюме, <это не изображение на полотне сцены из оперы, это целостная картина Врубеля — воплощение народнопоэтического замысла.

Здесь изображена женщина, поздно вечером или рано утром при красновато-желтом свете стоящая на берегу реки. Река эта — Волхов. Женщина опустила руки и сложила их. Мы видим воду и высокий камыш. Над водой — темный силуэт противоположного берега. Луна придает воде блеск; женщина как-то освещена, а остальное — в полутьме. Эта женщина — царевна из сказки. Она существо водяное. Через разрез платья видна нога, покрытая серебристой

рыбьей чешуей. Но не это, а весь облик ее придает ей сказочный характер. На голове ее — блестящий красивый убор, на плечи, руки и грудь свисают длинные волосы каштаново-красноватого цвета. Женщина красива, она видна в профиль, красивы ее обнаженные руки; цвет ее наряда определить невозможно. Он переливается всевозможными цветами. Мы вспоминаем концертные платья, которые Врубель сочинял для своей жены, состоящие из прозрачных тканей разных цветов. Но ни одна ткань и ни одно сочетание их не может дать той игры красок, которую Врубель придал платью Морской царевны и которая невозможна в действительности. Вся фигура ее исполнена глубокой задумчивости. И хотя это и не иллюстрация к опере «Садко», смысл картины раскрывается только тогда, если хорошо знать и понимать былинку о Садко. Римский-Корсаков развил и дополнил образ Морской царевны, Врубель воплотил его в красках. Ее красота — демоническая, русалочья красота. Она должна погубить человека солнечного мира, навсегда удержать его в подводном царстве при себе. Но она сама пленилась им, а Садко ушел от нее, у него — земная жена и малые детишки.

Впрочем, дело все же не в этой трагедии, которая в самой былинке едва намечена, а в целостном ее облике. Кто-то заметил Врубелю, что луна на этой картине изображена астрономически неправильно и невозможно. Врубель признал свою ошибку, но не подумал ее исправить: его задача состояла вовсе не в том, чтобы астрономически правильно изобразить луну, или ботанически правильно изобразить камыши или сосны, или анатомически правильно изобразить человеческую фигуру, а в том, чтобы создать чарующий глаз, душу и мысль сказочный образ, и это ему удалось.

Нечто подобное произошло и с картиной «Пан». Когда Врубель показал эту картину Репину, Репин заметил, что плечо Пана измято. Врубель посмотрел на свою картину и равнодушно признал, что оно действительно измято, но опять не захотел ничего исправлять.³⁹ Времена, когда в Академии он делал совершенно точные анатомические этюды, вырисовывая выпуклость каждой мышцы, давно прошли. Зрелый и здоровый Врубель подобные замечания выслушивал спокойно. Но когда уже больной Врубель более или менее закончил своего повергнутого Демона, а Серов и Головин отказались принять его на выставку, так как ноги Демона сделаны анатомически неправильно, Врубель впал в бешенство.⁴⁰

Лучше, чем критики и художники, его понимали простые люди. Сестра Врубеля ⁴¹ пишет: «Я видела уже раньше, как работал другой художник, Николай Николаевич Ге, и разница в работе была большая, хотя бы начиная с того, что Ге все писал с натуры, а Врубель не делал этого; его увлекала сказочность, он и не хотел, чтобы лица и жесты были скопированы с действительности; кажется, он нарочно делал слишком большие глаза, жесты, которые невозможно сделать, точно у его фигур нет костей».⁴²

Врубель писал не с натуры, а по памяти или воспроизводя образ, увиденный внутренним зрением, оком художника. Манера Врубеля становится особенно ясной, если сравнивать его картины с фотогра-

фией. Есть фотография Забелы в роли Снегурочки и соответствующая ей картина Врубеля. На фотографии это — театральная артистка. На ней белая кофта, отороченная снизу, на бортах, на воротнике и на манжетах горностаем; так же оторочена юбка. На юбке белый выпуклый узор звездами. На голове белая «прзб. 1» и звезды, руки сложены на груди, пальцы ушли под мышки. Голова слегка наклонена, лицо смотрит прямо, улыбается приветливо. Фон — словно ветка в снегу. На картине звезды на платье блестят — это большие снежные звезды, и такие же снежные звезды в волосах. Руки не сложены на груди, а прижаты к талии, видны изящно изогнутые, тонкие пальцы. Снегурочка смотрит не вперед себя, а огромными грустными глазами немного в сторону. Она трагична и грустна. Фон — свисающие елочные ветви в снегу — только намечен. Реальность превращена в сказку.

Врубель теперь много работает для театра или в своих работах отталкивается от театра. Такова его картина «Садко» (не видел), эскиз для декоративного панно «Снегурочка», а также для «Царя Салтана». Эти панно, заказанные для дома И. А. Морозова, исполнены не были. Сохранились эскизы (и их не видел). [В 1899 году Врубель для мастерской в Абрамцеве создает ряд майолик (статуэтки из глины, обожженные и покрытые лазурью и красками). Сюда относятся такие скульптуры, как «Садко», «Царь морской», «Волхова», «Снегурочка», «Купава», «Лель», «Весна»⁴³ <...> Эти фигурки очень изящны. «Первые экземпляры обожжены под наблюдением самого мастера и превосходны по расцветке (Гельсингфорсский музей). К сожалению, последующие экземпляры раскрашивались как попало и очень часто в прямой ущерб красоте пластической формы».⁴⁴ Мы знаем, каким мастером перелива красок был Врубель и как от этим дорожил. Майолика для игры красок представляет собой благодарнейший материал, но только в руках мастера этого дела. Но <так> <как> это условие в копиях и повторениях не было соблюдено, то эти фигурки не производят такого сильного впечатления, как картины Врубеля. Может быть здесь и другое. Художественные принципы Врубеля выработались у него для живописи. Скульптура — другое искусство, на которое нельзя переносить принципы искусства живописного изображения. Изломы, угловатость, мозаичность и колоритность изображения, какие характеризуют стиль Врубеля, невозможны в скульптуре. Все эти попытки относятся к 1899 году, и после них Врубель к этой технике уже не возвращался. Нам важно, что попытка освоения этой техники сделана почти исключительно].⁴⁵ К 1898 году относится его картина «Богатырь» (Русский музей). Задача, которую поставил себе Врубель, состоит в том, чтобы богатыря представить как воплощение *силы*. Этой основной идее подчинена вся композиция. Об этой картине искусствовед <Э. П.> Гомберг-Вержбинская во вступительной статье к сборнику писем и воспоминаний, посвященных Врубелю, пишет так: «Сюжет былины о Микуле и Вольге послужил толчком к созданию обобщенного образа русского богатыря <...> В грузном всаднике с руками, подобными корням дерева, в его славянском

народном лице с ястребиными светлыми глазами, в непомерно плотной, короткой лошади, точно вросшей ногами в почву, сказочное переплелось с реальным <...> Условность, присущая сказке, отличает врубелевского „Богатыря“ от „Богатырей“ В. Васнецова, созданных немного ранее (в 1898 году).⁴⁶ Врубель создал своего «Богатыря» отчасти против Васнецова, подчеркнувшего прежде всего физическую красоту богатырей и коней. Конь врубелевского «Богатыря» несколько не красив. Как и в других случаях, Врубель отступает от текста былины. Илья Муромец едет на неприглядном «косматом бурушке». Таков один из законов поэтики русского фольклора. Контраст внешней неприглядности и внутренних качеств в фольклоре весьма обычен. Но Врубелю хотелось другого. Композитор <Б. К.> Яновский вспоминает: «Показывая „Богатыря“, Врубель разъяснял нам все ее детали. Так, относительно лошади он говорил, что ему хотелось изобразить настоящую русскую лошадь, поэтому он за образец взял тяжелого битюга-ломовика».⁴⁷ Из других источников мы знаем, что Врубель искал такую лошадь по трактирам и дворам, где останавливались извозчики.⁴⁸ Фигура самого богатыря гиперболизирована. Он, как и Микула, изображен статически, в покое, он необыкновенно грузен, очень широк в плечах. Под кольчугой угадываются могучие руки. Рукой, всеми пятью растопыренными пальцами, он опирается о бедро. Он не вооружен, сила его не в оружии, а в нем самом.

В настоящем своем виде картина искажена тем, что верхний край ее срезан, т<ак> к<ак> при пожаре она обгорела. Верхний край имеет форму треугольника, голова упирается о край картины. Возможно, что картина была обрезана и по краям. Нет дали, нет пространства, фигура слишком близка к зрителю.

Современники оценивали эту картину различно. Дягилев отказался взять ее на выставку «Мира искусства», т<ак> к<ак> устроители решили «примириться с публикою и не выставят ничего возмутительно смелого».⁴⁹ Эта картина, конечно, не соответствует изящным и утонченным полотнам Бенуа или Сомова — в ней ничего изящного нет. Дягилев очень скоро изменил свое мнение и телеграммой просил прислать эту картину, но Врубель отказался сам. Римский-Корсаков же и другие ценил<и> эту картину очень высоко.

После создания «Богатыря» Врубеля влекло не к созданию отдельных неподвижных фигур, а к композициям, связанным с большими сюжетами. В конце 90-х годов Римский-Корсаков начал работу над «Сказкой о царе Салтане». Этот замысел охватывает и Врубеля.

Он создает декорации для «Салтана». Один из акварельных эскизов для этих декораций носит название «Волшебный город». Но его занимала не только театральная постановка. Он создает картину «33 богатыря» в нескольких вариантах, в акварели и маслом <...>— ГРМ. Если «Богатырь» воплощает в своем образе спокойствие силы, то здесь, наоборот, все в стремительном движении <...>. Она отражает не внутреннее мятежное беспокойство, которым Врубель был охвачен в последние годы жизни и которое находит свое

высшее воплощение в «Поверженном Демоне» и многочисленных эскизах и вариантах к нему.⁵⁰

Одна из последних работ Врубеля, относящихся к этой области, — это «Царевна-Лебедь». Это, может быть, наиболее совершенное и прекрасное создание Врубеля. В ней сосредоточено все, чем он жил в последние годы своей жизни. Она венчает его искания, начиная с юных лет. Чтобы понять эту картину, надо мысленно представить себе всю эволюцию Врубеля. Все, что достигал Врубель, отложилось в этой картине. Врубель начал как изумительно точный и тонкий рисовальщик, умеющий совершенно точно передавать малейшие детали человеческих фигур — разнообразнейшие повороты и изгибы тела, провисание, облегание и складки одежды, выразительность рук, их анатомии и движения.

Второй этап Врубеля — его византийский период. Теперь Врубель приобретает монументальность. *Непосредственных* следов этого периода внешне здесь как будто нет. Но без фигур его стоящих ангелов или ангелов в движении не было бы и царевны Волхова и других его картин. Здесь имеется особое соотношение фигуры переднего плана и красочного фона, из которого она выступает.

Увлечение Венецией связано с колоризмом Врубеля. Всю жизнь и во всех его произведениях имеются разнообразные, но всегда продуманные и глубоко пережитые симфонии красок. В этом — один из признаков праздничности его искусства.

Встреча с Забелой до пределов обогатила и углубила эмоциональную жизнь Врубеля. С ней же связано и увлечение народнопоэтической стихией, образы которой она так прекрасно воплощала на сцене.

Особое свойство, которое можно назвать *музыкальным строем души* <...> и которое состоит не только в том, что человек переживает музыку и восприимчив к ней, а в каком-то инстинктивном понимании совершенства любых форм и их связи с душевной жизнью человека, всегда в высшей степени было свойственно Врубелю.

И, наконец, все это объясняется самым важным — художественной гениальностью Врубеля. Он — один из величайших живописцев мира.

Внешне «Царевна-Лебедь» есть живописное воссоздание одного из образов оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» на текст Пушкина, сценически воплощенной его женой, исполнявшей эту роль. Так эта картина понимается, и все это несомненно верно, но не это самое главное.

Описать картину так же невозможно, как невозможно описать музыкальную пьесу. Тем не менее иногда это бывает необходимо, нужно при этом, однако, чтобы читатель видел перед собой то, что описывается.

Каждая картина имеет некоторый центр, на который поневоле падает первый взгляд зрителя, который прежде всего приковывает его к себе, притягивает к себе. В «Царевне-Лебеди» это глаза ее. Это — совершенно особые, врубелевские, глаза. Такие глаза есть уже в некоторых вариантах «Надгробного плача», где они смотрят

с невыразимой скорбью. Несколько раз Врубель переписывал глаза Поверженного Демона, придавая им различное выражение — от глубокой грусти до нечеловеческого гнева. Что выражают глаза Царевны-Лебеди, сказать словами невозможно. Это женские глаза, которые смотрят вопросительно-испытующе; они как бы проникают в душу зрителя. Вместе с тем они глубоко скорбны. Но если глаза Демона выражают скорбь мятежа, то здесь — скорбь грустная и лирическая.

В какой степени это лицо похоже или не похоже на лицо Забелы? Есть несколько ее фотографий, по которым видно, что Врубель вовсе не стремился передать внешнее сходство. У нее глаза очень приветливые, но скорее миндалевидные, чем округленные. Но вот что поразительно: в 1904 году Врубель создает портрет жены на фоне березок. Здесь у нее те же глаза, что и в «Царевне-Лебеди». Это *ее* глаза, но глаза, увиденные взглядом художника, глаза, отражающие не внешнюю форму, а душу ее. Еще одна особенность врубелевских глаз: они почти всегда немножко неровные, поставлены не совсем симметрично. Вряд ли Врубель делал это сознательно. Но это придает этим глазам какую-то отрешенность. То же имеем и здесь.

С глаз зритель переводит взгляд на лицо. Овал лица совершенно детский, щеки чуть-чуть округлены. Эта детскость придает этому лицу особую трогательность и нежность.

Голову украшает старинный русский убор тончайшей работы, унизанный сверкающими разными цветами драгоценными камнями. Это — совершенно русский венец. Здесь он не только создает красоту, не только *украшает* голову, здесь он означает, что изображена *царевна*, и притом *невеста*. Врубель вряд ли знал, что есть хороводные песни, в которых говорится:

А моя-то царевна,
А моя королева...
На ней вэнчик сияет.

Такой жених видит свою невесту. В былинах о Потыке герой видит свою будущую невесту в образе лебедя:

Она через перо была вся золота
А головушка у ней увивана красным золотом
И скатным земчугом усажена.⁵¹

Врубель угадал *суть* этих сказочных женских образов царевны-невесты.

На венец наброшена легкая прозрачная шаль. Этим древнерусский характер убора нарушается. Так никогда не поступил бы Маковский или другие художники, изображавшие боярынь или боярышень. [Врубель был мастером изображения тканей. Здесь это — легчайшая ткань, сквозь которую просвечивают тяжелые темно-русые косы].⁵² Но так поступает Врубель, для которого основной закон — это закон красоты, который стремится не к правдоподобию, а к правде. Эта легкая шаль не только украшение. Сквозь прозрач-

ный газ просвечивает тяжелая русая коса. Серебристая обшивка тяжелее ткани. Ткань свисает на спину, образуя важный композиционный элемент. Чисто женским движением царевна собрала ткань под подбородком и придерживает ее. Ее рука стройна. Зритель видит только спинку руки. Один палец слегка приподнят. Видны прекрасные золотые кольца с камнями. Эти кольца на руке соответствуют ее головному убору. Угадываются длинные и стройные пальцы. Вся фигура дана в трех оборотах — она как бы уплывает от зрителя, но лицо обращено назад; зритель видит лицо почти спереди. Но вместе с тем он видит в полуобороте спину и левое плечо, на которое накинута шаль. Может быть, самое трудное в этой картине было соединение лебединого и человеческого облика. В сказках девы-лебеди предстают либо в человеческом, либо в лебедином облике. Придя к воде, они сбрасывают оперение и приобретают человеческий облик. Выйдя из воды, они надевают шкурку и улетают. Именно из таких дев герой выбирает себе невесту, прячет ее оперение и заставляет ее стать человеком. В «Сказке о царе Салтане» у Пушкина и в фольклоре она имеет лебединый облик, она «лебедь средь зыбей»:

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

Она *обертывается* царевной:

Встременулась, отряхнулась
И царевной обернулась.

Но Врубель думал не о Пушкине и не о фольклоре. Он думал о той опере и той театральной обстановке, которую он сам же создал для «Салтана». Царевна-Лебедь — царевна и лебедь одновременно. У Врубеля это соединение не механическое, а совершенно органическое и целостное. Шаль внешне скрадывает линию соединения. Лебедь (лебедушка) в народной поэзии — всегда символ девичьей красоты и чистоты. Именно поэтому в свадебной поэзии невеста всегда именуется лебедушкой.

Оперение лебеди занимает две трети картины, но зритель этого не замечает, настолько привлекательно это оперение. Мы видим два слегка отодвинутых крыла. На белом оперении играет розоватый отсвет вечерней зари. Белое и розовое дано сквозь голубизну, и эта голубизна гармонирует с вечерней темной синевой моря, как розовый отсвет на крыльях гармонирует с о светлой полосой дальнего горизонта. Эта открывающаяся перед зрителем даль влечет вдаль и взоры. В эту даль устремлена и Царевна-Лебедь. Слева мы видим огни сказочного города — там ее дом. Вся фигура дана в движении вперед, прерванном внезапной остановкой, внезапным взглядом царевны на зрителя.

Эта картина завершает цикл произведений, связанных с народной поэзией. Но вместе с тем <это> последняя вполне внутренне гармо-

ническая картина Врубеля. Теперь он всецело посвящает себя восставшему против божества мятущему Демону, пока болезнь не затемнила его сознание, как она затемнила его глаза, когда этот весь ушедший в краски мира художник потерял зрение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЛГИТМиК, архив кабинета фольклора, папка № 10, ед. хр. 1.

² В рукописи ошибочно названа другая дата — 1918 г. Столетия годовщины рождения Врубеля — 1956 г. Установить точную дату юбилейной выставки его работ в ГРМ не удалось.

³ Из основного корпуса работы нами извлечен публикуемый ниже отрывок, перечеркнутый автором пунктирной линией, видимо, при попытке хронометрировать свое выступление: «Я постараюсь объяснить, как я ее понимаю, только одну картину Врубеля, а именно „Царевну—Лебедь“. Эта картина известна во всем мире. В Западной Европе давно выпущены в продажу прекрасные репродукции. У нас ее тоже неоднократно репродуцировали, но репродукции эти слабые, не дают полного представления о всех изумительнейших цветовых оттенках и переливах этой картины. Сам Врубель о ней никогда ничего не говорил и не писал, в письмах нет упоминаний. В монографиях, посвященных Врубелю, о ней говорится несколько спорно».

⁴ Следующий фрагмент рукописи также перечеркнут В. Я. Проппом: «В годы, когда выступил Врубель, господствовал взгляд, что искусство существует для того, чтобы изображать действительность. Это — одна из его основных задач. Она тесно связана с другой — искусство существует для того, чтобы человека поучать».

Этот взгляд существует и по сегодняшний день.

Я не берусь сейчас входить в критику этого взгляда. Но с такими взглядами понять Врубеля нельзя. Это не значит, что взгляд этот не правилен, но он совершенно недостаточен, так как под „действительностью“ понимается быт. Такая точка зрения была свойственна передвижникам».

⁵ См. воспоминания об этом сестры художника, Анны Александровны Врубеля, в кн.: В р у б е л ь М. А. Письма к сестре. Воспоминания о художнике / Вступ. статья А. П. Иванова. Л., 1929. С. 23 (прим. ред.).

⁶ Эта работа известна под названием «Старушка Кнорре за вязанием» (1883).

⁷ Здесь имеется в виду «Богоматерь с младенцем» — образ, написанный Врубелем в 1885 г. для Кирилловской церкви в Киеве.

⁸ Иконы св. Афанасия и св. Кирилла Александрийского для Кирилловской церкви в Киеве.

⁹ Я р е м и ч С. П. М. А. Врубель. М., 1911. С. 54.

¹⁰ Ниже, на оставшейся части листа, как и на следующем листе рукописи, В. Я. Проппом сделан ряд карандашных заметок о врубелевской манере работать в этой технике: «трудность заполнения *крупных* плоскостей леса; не делал квадратов, эскизов; сразу писал на стену, верхнюю половину отдельно и нижнюю отдельно. Цельное стало ясно только тогда, когда убрали леса».

¹¹ Письмо В. Е. Савинскому (Венеция, март—апрель 1885 г.), см.: Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. Л.: Искусство, 1976. С. 75.

¹² См.: В р у б е л ь А. А. Воспоминания // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике / Сост. и коммент. Э. П. Гомберг-Вержбинской и Ю. Н. Подкопаевой. М.; Л.: Искусство, 1963. С. 202.

¹³ Письмо В. Е. Савинскому. См. примеч. 11.

¹⁴ Там же. С. 74—75.

¹⁵ Там же. С. 75.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Следующая фраза рукописи вычеркнута В. Я. Проппом: «Врубель никогда не был революционером. Революционеры живут тем, что на родине есть отрицательного, тяжелого, такого, что требует борьбы».

¹⁸ Следующая фраза в тексте оригинала вычеркнута автором: «Эти два мирозосерцания не исключают одно другое — они по-разному продиктованы любовью к своему народу».

¹⁹ Письмо А. А. Врубель (лето 1891 г.), см.: Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 1963. С. 79.

²⁰ Я р е м и ч С. П. Указ. соч.

²¹ См.: За б е л а Н. И. М. А. Врубель (Листки воспоминаний) // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 1963. С. 203—204; В р у б е л ь А. А. Воспоминания // Там же. С. 194.

²² Здесь и далее автор несколько раз ошибочно называет Морозова вместо С. И. Мамонтова.

²³ За б е л а Н. И. Указ. соч. // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 1963. С. 203.

²⁴ Об этом см.: В р у б е л ь А. А. Указ. соч. // Там же. С. 148.

²⁵ «Надежда Ив. Забела (1868—1913) — жена художника, выдающаяся русская певица конца XIX—начала XX века, лирико-колоратурное сопрано, лучшая исполнительница партий в операх Римского-Корсакова, друг композитора. Пела в Русской частной опере и Мариинском театре в Петербурге. После безвременной смерти Забелы в 1913 г. <...> А. А. Врубель писал Б. К. Яновскому: „Я потеряла в ней человека с редко высоким строем души. С ней ушел навсегда целый мир поэзии, выливавшейся в звуках ее голоса и, главное, в необычайном по тонкости исполнении, которое повышалось в своей проникновенности до пределов возможного“. Здесь В. Я. Пропп цитирует примечание составителей в кн.: Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 1963. С. 163.

²⁶ Особенно сильное впечатление произвело на композитора исполнение Забелой партии Морской царевны-Волховы в опере «Садко». С тех пор он считал Забелу лучшей исполнительницей и этой и многих других ролей в его операх («Снегурочка», «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане»). «А еще скажу Вам, — писал он ей 30 декабря 1901 г., — что Вы, кроме того, что прелестная певица и милая женщина, еще очень хороший человек». В данном случае В. Я. Пропп цитирует комментарий к кн.: Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 1963. С. 174.

²⁷ Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. 9-е изд. М.: Музыка, 1982. С. 265.

²⁸ За б е л а Н. И. Указ. соч. // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. С. 155.

²⁹ Там же. С. 156.

³⁰ Об этом вспоминают многие мемуаристы; см., например: К о в а л ь с к и й Л. С. Встречи с М. А. Врубелем // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. С. 166; Д у л о в а М. А. Воспоминания о художнике М. А. Врубеле // Там же. С. 252—253; Г е Е. И. Последние годы жизни Врубеля // Там же. С. 266, 271, 275.

³¹ Г е Е. И. Указ. соч. // Там же. С. 275.

³² Там же. С. 271.

³³ Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. С. 88. В рукописи письмо ошибочно датировано 1896 г.

³⁴ См. примечание 22.

³⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1950. Т. 2. № 156.

³⁶ Сестра Н. И. Забелы, Е. И. Ге, цитирует здесь (по памяти) не своего мужа, а статью В. Дедлова (псевдоним В. Л. Кигна), опубликованную в газете «Неделя» (1896, № 35); см.: Г е Е. И. Указ. соч. // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. С. 265.

³⁷ См. примечания 22 и 34.

³⁸ Об истории создания панно «Микула Селянинович» и «Принцесса Греза», а также о нижегородской выставке подробно вспоминает сын профессора А. В. Прахова, Н. А. Прахов (см.: Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. С. 210—212).

³⁹ С. П. Яремич пишет об этом: «Репин утверждал, что у Пана „плечо измято“. Всем присутствующим казалась смешной придирчивость Репина. Врубель отнесся к вышучиванию Репина крайне сухо и сдержанно: „Да, плечо и действительно измято, Репин прав“» (см.: Я р е м и ч С. П. Указ. соч. С. 153—154).

⁴⁰ В письме к М. А. Врубелю (февраль 1902 г.) В. А. Серов пишет: «Хотя для тебя и безразлично мнение мое, т. е., вернее, критика моя, но все же скажу—

ноги не хороши еще» (Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. С. 108). Как вспоминает С. Ю. Судейкин («Две встречи с Врубелем»), Серов входил в число членов Совета Третьяковской галереи и честно заявил, что он «не понимает анатомии Демона, а потому не может голосовать за него» (Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. С. 291).

⁴¹ Цитируемые ниже воспоминания принадлежат не сестре Врубеля, а сестре Н. И. Забелы, Е. И. Ге («Последние годы жизни Врубеля»).

⁴² Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 1963. С. 212.

⁴³ См.: Я р е м и ч С. П. Указ. соч. С. 132—137 (иллюстрации).

⁴⁴ Там же. С. 185.

⁴⁵ Текст, заключенный автором в квадратные скобки (карандашом), не дописан.

⁴⁶ Г о м б е р г - В е р ж б и н с к а я Э. П. Врубель в его переписке и воспоминаниях современников // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 1963. С. 30.

⁴⁷ Я н о в с к и й Б. К. Воспоминания о Врубеле // Там же. С. 253.

⁴⁸ «Огромного коня с толстыми ногами и широко раздутыми боками он отыскал где-то на извозничьем дворе, где стояли так называемые ломовики. . .» (Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. С. 212).

⁴⁹ Письмо Н. И. Забелы Е. И. Ге (1899 г.) цит. по воспоминаниям Е. И. Ге «Последние годы жизни Врубеля» // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. С. 274.

⁵⁰ На этом листе рукописи после основного текста идут следующие карандашные пометки В. Я. Проппа: «переливы красок, наяды».

⁵¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. / Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1958. С. 149 (Сер. «Лит. памятники»).

⁵² Текст, взятый нами здесь в квадратные скобки, в рукописи обведен чернилами.

Т. Г. ИВАНОВА

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТАТЬИ М. Ф. ГНЕСИНА
О М. Д. КРИВОПОЛЕНОВОЙ**

Выдающаяся сказительница Мария Дмитриевна Кривополенова занимает в истории русской фольклористики особое место. Для науки пинежскую «Махоню» (так прозвали ее земляки за малый рост) открыл в 1900 году А. Д. Григорьев.¹ Через пятнадцать лет с былинщицей встретила московская артистка и любительница фольклора О. Э. Озаровская,² которая организовала целую серию концертов М. Д. Кривополеновой в Москве, Петербурге и других российских городах (1915, 1916 и 1921 гг.).

Выступления сказительницы пользовались огромным успехом и собирали большую аудиторию. М. Д. Кривополенову слушали ученики гимназий и студенты Московского университета, члены Русского географического общества в Петербурге и участники Третьего конгресса Коминтерна. Не забыта пинежская бабушка, собиравшая «кусочки» в селах по берегам родной реки и платившая людям за хлеб своими старинами и небылицами, и после смерти. Она сама и ее творчество не только неизменно приковывали к себе внимание ученых, но и стали предметом художественного осмысления: о ней писали Б. В. Шергин, Б. Л. Пастернак, К. П. Гемп, В. Страхов, И. Бражнин, В. Личутин.³ М. Д. Кривополенова стала главной героиней двух повестей — Олега Ларина и Анатолия Рогова.⁴ Ее образ волновал творческое воображение Ф. А. Абрамова.⁵ «Махоне» посвящена экспозиция в краеведческом музее села Пинега. Словом, советский читатель хорошо знает биографию этой былинщицы. Многочисленные разыскания, посвященные творчеству М. Д. Кривополеновой, по праву позволили К. В. Чистову назвать ее выступления «лучше других изученными» по сравнению с аналогичными концертами других сказителей.⁶ Тем не менее поездка М. Д. Кривополеновой в 1916 году по российским городам остается наименее ясным периодом в ее творческой биографии.

В своем очерке об этой сказительнице О. Э. Озаровская перечислила города, в которых былиныца побывала весной 1916 года — Саратов, Харьков, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Таганрог, Екатеринодар, Вологда, Архангельск.⁷ Мы предприняли просмотр всех доступных нам газет, издававшихся в предреволюционный период в указанных городах, и обнаружили целый ряд статей о М. Д. Кривополеновой, не введенных до сих пор в научный оборот и не учтенных ни в одной библиографии по русскому фольклору.

Среди газетных публикаций наше внимание привлекли две заметки, напечатанные в «Ростовской речи» и подписанные инициалами «М. Г.» и «М. Ф. Г.».⁸ Первая заметка появилась накануне концерта «пинежской бабушки» (М. Г. К приезду сказательницы Кривополеновой. — Ростовская речь. 1916. 27 мар. № 87). Вторая была опубликована через день, 29 марта, и содержит впечатления о прошедшем концерте (М. Ф. Г. За жемчугом. — Ростовская речь. 1916. 29 мар. № 89). Ниже мы публикуем указанные заметки полностью.

1

В воскресенье обычные посетители наших концертов услышат, по всей вероятности, впервые в жизни — *былины и песни* (здесь и далее выделено автором заметки. — *Т. И.*) из уст высокоодаренной «сказательницы» крестьянки Кривополеновой.

Народное музыкально-поэтическое творчество предстанет перед нами в *первоисточнике* — неиспорченным и неисправленным.

Мы ждем этого дня как большой художественной радости, хотя, быть может, он окажется днем художественного испытания для нас.

Мы проверим, способны ли мы заразиться творческим воодушевлением народного певца, можем ли мы, привыкшие к «культурному» пению, услышать красоту в «сказывании».

Музыкантов не может не увлечь народное искусство, но вот оказывается всюду, где появлялась до сих пор «сказательница» Кривополенова, и *топла*, большая столичная толпа очаровывалась ею.

На всем протяжении музыкальной истории мы наблюдаем оплодотворяющее воздействие народной музыки на творчество композиторов.

Мотивы народных песен служили музыкальными темами для сложнейших церковных хоровых произведений в средние века; народным песням и пляскам обязаны своим существованием фортепианные и другие инструментальные сочинения, писавшиеся в так называемых «песенно-танцевальных» формах; народные мотивы в изобилии рассыпаны в сочинениях Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Вебера, Шопена; очень велико было значение народной музыки в творчестве крупнейшего из скандинавских музыкантов — Грига; но всего сильнее сказалось влияние народной песни на сочинениях русских композиторов. От Глинки с его предшественниками и до появления Скрябина не было у нас ни одного более или менее крупного композитора, в чьих сочинениях мы бы не замечали воздействие со стороны народного песнетворчества.

Композиторы же «богатырской» эпохи в нашей музыкальной истории были сами и составителями сборников народных песен.

Сказатели былин, или по народному «старинок», причитальщицы и «вопленицы» были их учителями и наставниками.

Мы не только видим в их сочинениях художественное воспроизведение песен (Глинка, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков) и былин («Сказка про царевну Ладугу» в «Псковитянке», две песни Нежаты в «Садко» и т. д.), не только наблюдаем зависимость в сюжетах и огромное влияние на способы музыкального сочинения; но и самая, быть может, яркая из идей, высказанных и проведенных в жизнь русскими музыкантами, их пламенный призыв к правде в ой декламации в сочинении и исполнении — есть проповедь возвращения к народным способам передачи в музыке.

Ведь былина не поется, а «сказывается». Из младшего поколения наших композиторов — Аренский отразил свое увлечение искусством сказателей в «Фантазии для фортепиано с оркестром на темы Рябикина».

2

С радостью отмечаем, что публика наша не оказалась бесчувственной к «жемчугу» народной поэзии.

Слушать О. Э. Озаровскую и «сказательницу» Марию Кривополенову собралось очень много народу. И слушали внимательно, и когда понадобилось принять участие в «небывальщине» и от этого не отказались и подтягивали довольно стройно припев: «Небылица, небывальщина, небывальщина да неслыхальщина!»

Иным, правда, по привычке хотелось «вторить», но это не удавалось; в этих древнейших музыкальных формах нет намеков для хоровой конструкции.

То, что рассказывала даровитая О. Э. Озаровская в своем (о своем? — Т. И.) путешествии «за жемчугом», представляло большой интерес. Превосходны и песни, и сказки, очень красиво рассказанные ею.

Что же касается «старин», «былин» и «скоморошных» Марии Кривополеновой и самого ее исполнения — то это целое море поэзии, чарующий язык, [благородные] ⁹ и прекрасные образцы былинных напевов и своеобразной музыкальной [техники] — первоисточник корсаковских [пяти/семи]должных размеров, какое-то изобилие непередаваемых красот в деталях.

Прослушав Кривополенову, мы лучше понимаем рассказ Олениной-д'Альгейм об огромном влиянии на нее одной из сказительниц: «Она посвятила меня в самые скрытые тайники дара исполнителя. Она научила меня тому, что такое пение в природе, в человеческой природе».¹⁰

Возможно, что не всех способно так волновать народное искусство, как оно волнует музыканта.

Но для нас оно — образец высочайшего «аристократизма».

Для музыканта — честь быть слушателем у народного певца.

Содержание приведенных заметок убеждает нас в том, что они написаны одним и тем же лицом. В первой публикации автор выражает тревогу, сможет ли ростовская публика воспринять подлинное фольклорное искусство («Мы проверим, способны ли мы заразиться творческим воодушевлением народного певца» и т. д.). Во второй статье радостно отмечается, что слушатели не оказались бесчувственными к «жемчугу» народной поэзии. Обе статьи, особенно первая, свидетельствуют о том, что они написаны не просто любителем музыки, а профессионалом, глубоко разбирающимся в музыкально-фольклорной проблематике. Инициалы под заметками — «М. Г.» и «М. Ф. Г.» — соответствуют имени, отчеству и фамилии М. Ф. Гнесина, выдающегося композитора и организатора музыкального дела, который в 1916 году жил в Ростове и принимал активное участие в культурной жизни города. Список литературных работ композитора¹¹ подтверждает сотрудничество М. Ф. Гнесина с «Ростовской речью». Все это косвенные данные, позволяющие поставить вопрос об атрибуции приведенных выше статей М. Ф. Гнесину.

Располагаем мы и прямыми указаниями на авторство М. Ф. Гнесина. Описание композитора по поводу того, смогут ли все слушатели по достоинству оценить предлагаемое им исполнение старин, оказалось не напрасным. В том же номере газеты, где М. Ф. Гнесин писал о концерте М. Д. Кривополеновой: «Для музыканта — честь быть слушателем у народного певца», — был опубликован фельетон некоего бойкого и едкого писака, скрывавшегося под псевдонимом «Тамбурин». Тамбурин назвал пинежскую сказительницу старушкой, «дрессированной и стилизованной госпожой Озаровской», а ее произведения «эпическими стилизациями сказов и былин». Сама же О. Э. Озаровская была им представлена «ловкой антрепренершей», «импрессарио», эксплуатирующей М. Д. Кривополенову.¹² К чести ростовчан, бесцеремонный выпад Тамбурина в адрес обеих артисток не остался без ответа. Они заступились за М. Д. Кривополенову и незаслуженно оскорбленную О. Э. Озаровскую. Некая госпожа С. Цейтлин в письме в редакцию ростовской газеты «Приазовский край», указав на ответственность журналиста перед публикой, отметила, что Тамбурин «искажил правду отношений» между московской артисткой и пинежской бабушкой, и подчеркнула, что «журналисты, подобные г. Тамбурину, не являются выразителями общественного мнения» жителей Ростова.¹³ Между С. Цейтлин и Тамбурином завязалась полемика.¹⁴ С. Цейтлин пришлось еще раз взяться за перо. В ее втором письме в редакцию «Приазовского края» говорится: «Что же касается суждений г. Тамбурина о дрессированности и стилизованности сказительницы М. Д. Кривополеновой, — мы не можем придавать им серьезного значения. Всем известна высокая оценка Марии Дмитриевны как художницы такими авторитетами, как проф. П. Н. Сакулин¹⁵ и М. Ф. Гнесин, восторженный отзыв которого мы прочли на страницах того же издания, в котором работает г. Тамбурин (курсив наш. — Т. И.).¹⁶ Таким образом, авторство М. Ф. Гнесина для заметки «За жемчугом» сви-

детельствуется материалами ростовской прессы. Принадлежность этой статьи и публикации «К приезду сказательницы Кривополеновой» одному и тому же перу, как мы уже говорили, вытекает из содержания обеих статей.

В одном из майских номеров «Ростовской речи» М. Ф. Гнесин еще раз вернулся к выступлениям О. Э. Озаровской. Московская артистка после концертов, данных совместно с пинежской бабушкой в Таганроге и Новочеркасске, приехала опять в Ростов и приняла участие в одном из благотворительных вечеров. М. Ф. Гнесин, весьма сдержанно отзывавшийся о программе вечера, специально отметил успех О. Э. Озаровской. Он писал: «Прекрасно читала О. Озаровская, особенно в первом отделении (народные песни и сказки)».¹⁷ Эта оценка показывает, что М. Ф. Гнесин отнюдь не был согласен с мнением Тамбурина об О. Э. Озаровской как о «ловкой антрепренерше». Как видим, хотя и косвенно, он также принял участие в полемике между Тамбурином и С. Цейтлин.

Общезвестно, какое большое место в композиторском творчестве и в литературно-критических работах М. Ф. Гнесина занимал фольклор и народная музыка. В 1932 году он выпустил в свет сборник своих обработок для двух скрипок, альты и виолончели «Народные песни Азербайджана»; в 1939 году — сборник «Пять песен народов СССР», содержащий переложения фольклорных мелодий для фортепиано в четыре руки; в 1941 году — издания «Четыре песни народов СССР» и «Песни и танцы адыгейских черкесов» и др. Фольклорной музыке посвящены статьи М. Ф. Гнесина «Народный стиль у композиторов-интеллигентов», «Музыкальный фольклор и работа композитора», «Черкесские песни» и т. д.¹⁸ Две заметки о былиннице М. Д. Кривополеновой приоткрывают еще одну грань фольклорных интересов М. Ф. Гнесина. Попутно укажем, что русская эпическая традиция, носительницей которой была пинежская сказительница, привлекала внимание композитора и позднее, уже в советское время. В 1940 году М. Ф. Гнесин писал П. П. Назаревскому: «. . . у меня есть небольшая научного характера работа: анализ донских вариантов народных былин (по листопадовскому сборнику¹⁹). Я доказываю в этой работе строение народной мелодии согласно с принципом „золотого сечения“».²⁰ В свое время я зачитывал этот доклад в Гос[ударственном] институте музыкальной науки в Москве».²¹ Таким образом, статьи о М. Д. Кривополеновой не были случайным эпизодом в литературно-критической деятельности М. Ф. Гнесина. Они явились отражением одной из граней научных интересов композитора.

¹ Подробнее см. нашу статью «А. Д. Григорьев и его собрание „Архангельские былины и исторические песни“» в настоящем издании.

² См.: Озаровская О. Э. Бабушкины старины. 2-е изд. Пг., 1922.

³ См.: Страхов В. Е. На лесной реке. Архангельск, 1964. С. 69—72 (гл. «Государственная бабушка»); Бражнин И. Сумка волшебника. Л., 1978. С. 135—144 (гл. «Зеленая глина»); Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983. С. 138—140 (гл. «Сказительница»); Пастернак Б. Из переписки с писателями // Из истории советской литературы 1920—1930-х годов:

Новые материалы и исследования. М., 1983. С. 735—737 (Лит. наследство. Т. 93); Ш е р г и н Б. Марья Дмитриевна Кривополенова // Шергин Б. В. У Архангельского города. Архангельск, 1985. С. 72—77; Л и ч у т и н В. В. Государственная бабушка // Личутин В. В. Дивись-гора: Очерки, размышления. портреты. М., 1986. С. 208—215.

⁴ Л а р и н О. И. Узоры по солнцу. М., 1976. С. 125—191 («Махоня»); Р о г о в А. Махонька // Дружба народов. 1984. № 5. С. 126—177. Рец.: Г а л и м о в а Е. Повесть о великой бабушке // Север. 1985. № 4. С. 118—120.

⁵ Дом в Верколе / Документальное повествование Л. В. Крутиковой // Наш современник. 1986. № 4. С. 106—116.

⁶ Ч и с т о в К. В. Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 80.

⁷ О з а р о в с к а я О. Э. Указ. соч. С. 15.

⁸ В Ростове-на-Дону О. Э. Озаровская и М. Д. Кривополенова выступали в 20-х числах марта 1916 г. Местная пресса весьма доброжелательно оценивала их концерты.

⁹ Здесь и далее в квадратных скобках заключены фрагменты текста, где прочтение затруднено вследствие типографского брака.

¹⁰ О л е н и н а - д'А л ь г е й м М. А. Заветы М. П. Мусоргского. М., 1910. С. 35.

¹¹ См.: Литературные работы М. Ф. Гнесина / Сост. библиографии Г. М. Ванькович-Гнесина // М. Ф. Г н е с и н. Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1961. С. 315—317. Г. М. Ванькович-Гнесина учла следующие статьи, опубликованные в «Ростовской речи» за 1916 г. и подписанные как полным именем композитора, так и его инициалами: «Музыка столицы» (1 февр.); «А. С. Аренский (К 10-летию со дня смерти)» (14 февр.); «Концерт Олениной-д'Альгейм» (17 февр.); «Пиковая дама» (10 марта); «Спектакли товарищества артистов русской оперы» (16 марта); «„Светлый праздник“ в русской музыке» (17 апр.) (у Г. М. Ванькович-Гнесиной ошибочно указано 17 марта); «Симфонический концерт учащихся музыкального училища императорского [русского] [музыкального] общества» (20 апр.) (ошибочно указано 18 марта); «Народно-певческое дело в России» (9 мая).

¹² Т а м б у р и н. Воскресным вечером // Ростовская речь. 1916. 29 марта. № 89.

¹³ Ц е й т л и н С. (Письмо) // Приазовский край. 1916. 8 апр., № 93 (раздел «Письма в редакцию»).

¹⁴ Т а м б у р и н (Письмо) // Приазовский край. 1916. 9 апр., № 94 (раздел «Письма в редакцию»).

¹⁵ П. Н. Сакулин (1868—1930) — известный литературовед; в марте 1916 г. выступал с чтением лекций в Ростове-на-Дону.

¹⁶ Ц е й т л и н С. (Письмо) // Приазовский край. 1916. 14 апр., № 97 (раздел «Письма в редакцию»).

¹⁷ М. Ф. Г. Вечер народной поэзии // Ростовская речь. 1916. 9 мая, № 127.

¹⁸ Г н е с и н М. Ф.: 1) Народный стиль у композиторов-интеллигентов // За 7 дней. СПб., 1913. № 133. С. 402—415; 2) Музыкальный фольклор и работа композитора // Музыка. 1937. № 20; 3) Черкесские песни // Народное творчество. 1937. № 12. С. 29—33.

¹⁹ Имеется в виду сборник «Песни донских казаков, собранные в 1902—1903 гг. А. М. Листопадным и С. Я. Арефимым. Вып. 1» (М., 1914).

²⁰ О законе «золотого сечения» в музыке см.: Р о з е н о в Э. К. 1) О применении закона «золотого деления» к музыке. Эстетическое исследование // Известия С.-Петерб. об-ва муз. собраний. 1904. Июнь—июль—август. С. 1—19; 2) Закон золотого сечения в поэзии и в музыке // Сборник работ физико-психологической секции Гос. ин-та муз. науки. М., 1925. Вып. 1. С. 96—136 (перепечатано: Р о з е н о в Э. К. Статьи о музыке. Избранное. М., 1982. С. 119—157); М а з е л ь Л. Опыт исследования золотого сечения в музыкальных построениях в свете общего анализа форм // Муз. образование. 1930. № 2. С. 24—33.

²¹ Письмо М. Ф. Гнесина // Муз. жизнь. 1958. № 2. С. 22.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ В ПУБЛИКАЦИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ 1981—1985 гг.

Составила Т. Г. Иванова

Предлагаемый библиографический обзор, не претендующий на исчерпывающую полноту, содержит сведения о наиболее значительных исследованиях, посвященных истории русской фольклористики и появившихся в советской печати на русском языке с 1981 по 1985 г.

Материал расположен по алфавиту в 5-ти разделах: 1) исследования по истории дореволюционной фольклористики; 2) исследования по истории советской фольклористики; 3) персоналия дореволюционная; 4) персоналия советская; 5) народные сказители в истории фольклористики.

Полное библиографическое описание сборников статей дается только при их первом упоминании.

Указатель завершается индексом имен.

Исследования по истории дореволюционной фольклористики

1. А. Н. У истоков музыкальной фольклористики // Сов. музыка. 1982. № 8. С. 141—143.

2. Акимов Т. М. Н. Г. Чернышевский о сербском эпосе // Наследие революционных демократов и русская литература: Сб. статей. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. С. 218—226.

3. Аникин В. П. Проблемы фольклора в трудах Ореста Миллера // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1982. Вып. 9. С. 63—72 (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия; Т. 110).

4. Аникин В. П. Историческое толкование эпоса Киевской Руси в трудах Всеволода Миллера: (социологическая теория и метод) // Вестник Моск. ун-та. Филология. 1983. № 4. С. 54—61.

5. Арджеванидзе Э. Развиваясь в тесном сотрудничестве // Лит. Грузия. 1983. № 12. С. 183—186.

О русско-груз. научных контактах в области фольклористики. Фольклор на страницах кавказских изданий.

6. Бурмистрова Л. П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840—1850 гг.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. 139 с.

С. 67—88: Историко-этнографические материалы в «Губернских ведомостях» (1845—1855 гг.).

7. Власова З. И. Письма Е. И. Елагиной к И. С. Аксакову // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1983. Л.: Наука, 1985. С. 44—66.

Публикация писем, касающихся собрания П. В. Киреевского.

8. Грановский Б. Б. К истории русско-чеченских фольклорных музыкальных связей // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI—начале XX в. / Чеч.-Ингушет. ин-т истории, социологии и филологии. Грозный, 1981. С. 124—141.

Записи чеч. фольклора, сделанные В. Ф. Одоевским, Л. Н. Толстым и И. А. Клиngerом.

9. Дмитренко Н. К. Теория народной словесности как направление отечественной филологической науки 60—80-х годов XIX века: (Фольклористические труды А. А. Потебни): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук / АН УССР. Ин-т искусствведения, фольклора и этнографии. Киев, 1983. 24 с.

10. Дмитренко Н. К. Язык фольклора в концепции А. А. Потебни // Язык жанров русского фольклора: Межвуз. науч. сб. / Петрозавод. гос. ун-т им. Куусинена. Петрозаводск, 1983. С. 157—163.

11. Дмитренко Н. К. А. А. Потебня — исследователь фольклора восточнославянских народов // Актуальные вопросы исторической науки: Сб. материалов науч. конф. молодых ученых, посвященной 60-летию образования СССР, 21—22 декабря 1982 г., Киев / АН УССР. Ин-т истории. Киев: Наукова думка, 1984. С. 37—38.

12. Зоркин В. И. Вклад политических ссыльных в изучение фольклора Сибири (вторая половина XIX—начало XX в.) / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. фил. Бурят. ин-т обществ. наук. Отв. ред. Е. И. Шастина. Новосибирск: Наука, 1985. 93 с.

13. Иванов В. В. О научном ясновидении Афанасьева, сказочника и фольклориста // Лит. учеба. 1982. № 1. С. 157—161.

14. Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии // Рус. литература. 1982. № 1. С. 135—148.

Анализ сборников П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова, А. М. Астаховой, Ю. М. Соколова.

15. Катанов В. М. Клад Кудеяра // Катанов В. М. Вечерние беседы. Тула, 1984. С. 94—143.

О собирателях русского фольклора на Орловщине.

16. Кузьмина Л. П. Фольклор старожилого населения Русского Устья: (К истории его собрания и изучения) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. 9. С. 175—185 (См. № 3).

17. Минералов Ю. И. Внутренняя форма как проявление стиля: (К концепции А. А. Потебни) // Исследования по истории славянского языкознания. Посвящается 150-летию отечественного университетского славяноведения. Тарту, 1985. С. 45—61 (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 710).

18. Осипова В. Д. Собиратели музыкального фольклора дореволюционного Забайкалья // Локальные особенности русского фольклора Сибири / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. фил. Бурят. ин-т обществ. наук. Отв. ред. Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1985. С. 77—84.

Собирательская деятельность Н. П. Протасова и В. Н. Гартевельда.

19. Присенко Г. П. Проникновение в былое. Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. 144 с.

С. 57—69: Изучение памятников истории и культуры, этнографические исследования и собирание произведений народного творчества (включая деятельность И. П. Сахарова).

20. Разумова А. П. К переизданию «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» (замечки о безымянных текстах) // Фольклористика Карелии / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск, 1983. Вып. 3. С. 68—83.

21. Семенов Е. И. Эстетические идеи Ф. И. Буслаева // Рус. литература. 1982. № 3. С. 56—80.

22. Силинская Г. Г. «Карманный песенник» И. И. Дмитриева // Рус. литература. 1982. № 3. С. 143—149.

23. Смирнов В. А. Из истории собрания и изучения фольклора Ивановской области // Русский фольклор: Полевые исследования / АН СССР. Ин-т рус. лит. Отв. ред. П. С. Выходцев. Л.: Наука, 1985. Т. 23. С. 4—10.

Собирательская деятельность М. Я. Диева, А. Д. Козловского, Ф. Д. Нефедова и др.

24. Титова З. Д. Этнографическая библиография в изданиях Русского географического общества (1845—1917) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. 9. С. 34—47 (См. № 3).

25. Толстой Н. И. О некоторых этнолингвистических наблюдениях А. А. Потебни // Потебнянский читання // АН УССР, Ин-т языкознания. Киев: Наукова думка, 1981. С. 68—81.

26. Фадеев Л. А. Этнографическая тематика в «Современнике» А. С. Пушкина // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. 9. С. 23—33 (См. № 3).

27. Федоров В. А. Материалы В. Н. Тенишева как источник по истории культуры и быта русского крестьянства (конец XIX—начало XX в.) // Историко-географические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Межвуз. сб. науч. трудов / Днепропетров. гос. ун-т. Днепропетровск, 1985. С. 54—59.

28. Чистяков В. А. Запечатленное слово: (Из истории издания памятников русского народного поэтического творчества в XVIII—XIX вв.) / Всесоюз. о-во любителей книги. М., 1982. 35 с.

29. Щербанов Н. М. Фольклорно-этнографическая тематика в «Уральских войсковых ведомостях» (Публикации Н. Ф. Савичева за 1867—1885 гг.) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. 9. С. 48—62 (См. № 3).

30. Щербанов Н. М. История создания сборника А. и В. Железновых «Песни уральских казаков» // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: Тезисы науч. конф. / Союз композиторов РСФСР. Отв. ред. М. А. Енговатова. М., 1983. С. 47—49.

Исследования по истории советской фольклористики

31. Булат Т. П. О преемственности и развитии фольклористических традиций Н. Лысенко в деятельности К. Квитки // Памяти К. Квитки. 1880—1953: Сб. статей / Ред.-сост. А. А. Банин. М.: Сов. композитор, 1983. С. 43—50.

Рец. на сб.: Зелинский Р. Творческий портрет ученого // Сов. музыка. 1984. № 11. С. 100—105.

32. Власова З. И. Фольклорные материалы в архиве П. С. Богословского // Фольклор Урала: Бытование фольклора в современности (по материалам экспедиций 60—80-х гг.) / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1983. С. 147—156.

33. Десницкая А. В. Об историко-типологической теории эпоса: (к 90-летию со дня рождения В. М. Жирмувского) // Вестник АН СССР. 1981. № 9. С. 113—122.

34. Колпакова Н. П. На реке Онеге // Сов. этнография. 1981. № 4. С. 154—165.

Дневник экспедиции 1936 г.

35. Лобанов М. Новочеркасская рукопись: Новое о деятельности А. Листопада // Сов. музыка. 1983. № 10. С. 85—89.

36. Лобанов М. А. Особенности подготовки к изданию экспедиционных записей в собрании А. М. Листопада «Песни донских казаков» (по нотным материалам) // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: Тезисы науч. конф. М., 1983. С. 10—12 (См. № 30).

37. Орлова Е. Из наблюдений над фольклором // Сов. музыка. 1984. № 6. С. 76—81.

Б. Асафьев о фольклоре.

38. Правдюк А. А. Вопросы систематизации произведений народного музыкального творчества в трудах К. Квитки // Памяти К. Квитки. 1880—1953: Сб. статей. М., 1983. С. 51—56 (См. № 31).

39. Розов А. Н. Экспедиционная работа по русскому фольклору на территории СССР за последнее десятилетие (Обзор информации) // Русский фольклор: Полевые исследования / АН СССР. Ин-т рус. лит. Отв. ред. П. С. Выходцев. Л.: Наука, 1984. Т. 22. С. 121—135.

40. Рудиченко Т. С. О текстологическом изучении «Песен донских казаков» А. М. Листопада // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: Тезисы науч. конф. М., 1983. С. 8—9 (См. № 30).

41. Савин О. М. Пенза литературная. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1984. 352 с.

С. 190—194: Собирая народное творчество (В. М. Сидельников); с. 231—241: Народное красное слово (пензенский фольклор и история его собирания).

42. А. Н. Толстой и свод русского фольклора / Публ. А. А. Горелова // Из истории русской советской фольклористики / АН СССР. Ин-т рус. лит. Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1981. С. 3—6.

Публикация письма А. Н. Толстого к Б. И. Ярхо и текста выступления писателя на совещении фольклористов при Отделении литературы и языка АН СССР.

43. Троицкая А. Д. Фонограммархиву Пушкинского Дома — 50 лет // Сов. музыка. 1982. № 2. С. 131.

44. Троицкая А. Д. К пятидесятилетию Фонограммархива Академии наук СССР // Рус. литература. 1982. № 3. С. 246—249.

45. Хромов Г. И. Возобновление контактов с зарубежными фольклористами после Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы русской литературы: Республ. межведомств. науч. сб. / Черновиц. гос. ун-т. Львов: Вища школа, 1983. Вып. 2 (42). С. 113—119.

По материалам переписки Ю. М. Соколова с зарубежными фольклористами.

Персоналия дореволюционная

46. Аксаков И. С. Речь о А. Ф. Гильфердинге, В. И. Дале и К. И. Невоструеве // Аксаков И. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1982. С. 256—263 (Б-ка «Любителям российской словесности». Из литературного наследия).

47. Алексеев А. А. Павел Константинович Симони // Рус. речь. 1984. № 6. С. 51—55.

48. Анкудинова О. В., Власова З. И. П. И. Якушкин на педагогическом приеме (материалы к биографии) // Рус. литература. 1982. № 4. С. 122—126.

49. Архангельская В. К. А. Н. Пышин о значении краевой этнографии (письма к А. Н. Минху) // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. / Башкир. гос. ун-т. Отв. ред. Л. Г. Бараг, Т. М. Акимов. Уфа, 1985. [Вып. 12]. С. 144—152.

50. Барыкин В. Предшественник В. Даля // Наука и жизнь. 1982. № 7. С. 48—49.

О А. А. Барсове, авторе книги «Собрание 4291 древних российских пословиц» (М., 1770).

51. Белодед А. И. Александр Афанасьевич Потебня. 1835—1891: К 150-летию со дня рождения // Рус. речь. 1985. № 5. С. 83—88.

52. Бондарева Е. А. Творческий путь и просветительская деятельность М. Д. Чулкова // Исторические записки / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1984. Т. 111. С. 201—237.

53. Григорьева Г. «Своенародности подвижник просвещенный» [П. В. Киреевский] // Лит. Россия. 1983. 1 апр., № 14. С. 24.

54. Дьяконов Л. Младший брат // Лит. Россия. 1984. 15 июня, № 24. С. 24.

Заметка об Ал. Васнецове — составителе сб. «Песни Северо-Восточной России, записанные в Вятской губернии в 1868—1894 гг.» (М., 1894).

55. Ефремов И. В. Подвижник народной культуры А. Д. Городцов. Пермь: Кн. изд-во, 1983. 104 с. (Замечат. люди Прикамья).

56. Загоровский В. П. История Воронежского края от А до Я. Воронеж: Центр.-Черномоз. кн. изд-во, 1982. 311 с.

С. 17: Афанасьев А. Н.; с. 158: Костомаров Н. И.; с. 181: Массалитин К. И. (создатель Воронеж. гос. рус. нар. хора); с. 237: Пятницкий М. Е.

57. Иванов Э. О родном крае: Уголок книголюбца // Орловская правда. 1984. 5 мая, № 105.

О П. И. Якушкине.

58. Иванова Т. Г. Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия // Рус. литература. 1982. № 4. С. 126—137.

59. **Иванова Т. Г. М. М.** Пришвин и Н. Е. Ончуков // Рус. литература. 1984. № 1. С. 230—235.
60. **Иванова Т. Г.** Письма Б. В. Шергина к Ю. М. Соколову // Рус. литература. 1984. № 4. С. 159—166.
В письмах содержится материал о О. Э. Озаровской и М. Д. Кривополеновой.
61. **Иванова Т. Г. Б. В. Шергин и Московская диалектологическая комиссия** (эпизод из жизни писателя) // Рус. литература. 1985. № 4. С. 228—229.
Фолькл. экспедиция Б. В. Шергина в Шенкурский край.
62. **Коломцева Р.** Дом Даля // Сов. Россия. 1983. 20 янв., № 16. С. 3.
О необходимости создания в Москве музея В. И. Даля.
63. **Копылова Н. И., Ласунский О. Г.** Здание, в котором в 1822—1859 гг. размещалась Воронежская губернская гимназия, связанная с именами историка Н. И. Костомарова и фольклориста А. Н. Афанасьева // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Воронежская область. М., 1984. Ч. 1. С. 25—27 (Сб. науч. трудов НИИ культуры; № 130).
64. **Лазутин С. Г.** Место, где находился дом, в котором родился и провел детские годы музыкант М. Е. Пятницкий // Там же. С. 49—51.
65. **Макаров В. И. А. А. Шахматов: Пособие для учащихся.** М.: Просвещение, 1981. 159 с. (Люди науки).
С. 45—46: А. А. Шахматов как фольклорист.
Рец.: Х а б у р г а е в Г. А. // Рус. яз. в школе. 1982. № 4. С. 108—109.
66. **Мартынова А. Н.** Знатор народной речи: (к 130-летию начала литературной деятельности С. В. Максимова) // Рус. речь. 1983. № 3. С. 112—117.
67. **Мезенин Н. А.** Демидовские премии по литературе и языку // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. № 4. С. 363—364.
Присуждение Демидовских премий И. М. Снегиреву, А. Н. Афанасьеву, П. Н. Рыбникову.
68. **Никольская Т. Л. Снегирев И. М.** // Лермонтовская энциклопедия / Ин-т рус. лит. АН СССР. Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энциклопедия». Отв. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 514.
69. **Пехтерев А. С.** Невольно к этим берегам. . . (Писатели и Калужский край): Краткие очерки по литературному краеведению. Тула: Приок. кн. изд-во, 1983. 238 с.
С. 62—67: Братья Киреевские.
70. **Пинчук Ю. А.** Исторические взгляды Н. И. Костомарова: Критический очерк / АН УССР. Ин-т истории. Киев: Наукова думка, 1984. 188 с.
С. 35—36, 49: фольклористическая деятельность ученого.
71. **Питиримов С.** Собиратель жемчужин народной мудрости [П. В. Киреевский] // Знамя. Калуга. 1982. 5 дек., № 280.
72. **Померанцева Э. В. А. Н. Афанасьев и братья Гримм** // Сов. этнография. 1985. № 6. С. 84—90.
73. **Порудоминский В. И.** Повесть о толковом словаре. М.: Книга, 1981. 125 с.
Худож. повесть о В. И. Дале.
Рец.: 1) Ш и п о в с к и й С. В. // Рус. яз. в школе. 1982. № 3. С. 110—111; 2) Р а з г о н Л. К истокам русской речи // В мире книг. 1982. № 3. С. 66—67.
74. **Присяжнюк В. З. А. А. Потебня: (к 150-летию со дня рождения)** // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. 1985. № 9. С. 74—75.
75. **Разумова А. П.** Собиратель былин [П. Н. Рыбников] // Ленинская правда. Петрозаводск. 1981. 26 дек., № 296.
76. **Рапова Г. И. Ф. И. Буслаев как ученый и педагог** // Сравнительно-исторические и сопоставительно-типологические исследования / Моск. гос. ун-т. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 119—128.
77. **Сандомирская В. Б. Киреевский П. В.** // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 224 (См. № 68).
78. **Сенькина Т.** Поездка за былинами: (к 150-летию со дня рождения А. Ф. Гильфердинга) // Ленинская правда. Петрозаводск. 1981. 14 июля, № 162.
79. **Смоляцкая Г. П.** Владимир Иванович Даль. 1801—1872 г.: К 180-летию со дня рождения // Рус. речь. 1981. № 6. С. 3—11.

80. Струков О. С., Познанский В. В. Здание, в котором в 1856—1875 гг. размещалась губернская больница, а в 1919—1927 гг. — медицинский факультет Самарского университета, где работали видные врачи и скончался этнограф П. И. Якушкин // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Куйбышевская область. М., 1983. С. 15—18 (Сб. науч. трудов НИИ культуры; № 120).

81. Уманский А. П. Памятник на могиле Н. М. Ядринцева // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул: Алтайск. кн. изд-во, 1983. С. 70—78.

82. Фрадкин В. З. Славистика в научной и общественно-просветительской деятельности Н. Ф. Сумцова // Узловые вопросы советского славяноведения: Тезисы докл. и сообщ. IX Всесоюз. науч. конф. историков-славистов (21—23 сент. 1982 г.) / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Ужгород. ун-т. Ужгород, 1982. С. 344—345.

83. Фролов А. И. Дом, в котором жила в период северных экспедиций фольклористка О. Э. Озаровская // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Архангельская область. М., 1982. С. 140—142. (Сб. науч. трудов НИИ культуры; № 117).

С. Пинега.

84. Хомчук Н. И. Экспедиции Озаровской // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М.: Мол. гвардия, 1983. Т. 13. С. 185—196.

85. Чурмаева Н. В. Ф. И. Буслаев: Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1984. 112 с. (Люди науки).

Рец.: 1) Шиповский С. В. // Рус. яз. в нац. школе. 1985. № 3. С. 87; 2) Виноградова В. Н. // Рус. речь. 1985. № 5. С. 93—95.

Персоналия советская

86. Аббасов А. М., Иванова Т. П. Здание, в котором в 1930—1945 гг. располагался педагогический институт, где преподавал ученый А. В. Тонков. С 1945 г. здесь размещался ВГУ, где работали ученые П. Г. Богатырев и М. А. Левитская // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Воронежская область. М., 1984. Ч. 1. С. 97—100 (См. № 63).

87. Авторитет исследователя // Ленингр. правда. 1982. 7 янв., № 5.

О К. В. Чистове в связи с избранием чл.-кор. АН СССР.

88. Марк Константинович Азадовский (1888—1945): Указатель литературы / Сост. В. П. Томина; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1983. 134 с.

Рец.: 1) Эльзон М. Д. // Сов. библиография. 1984. № 6. С. 66—67; 2) Мельц М. Я. // Сов. этнография. 1985. № 3. С. 155—157.

89. Афанасьева А. Любовь к песне // Веч. Ленинград. 1985. 17 июня, № 137.

Авторский вечер Ф. А. Рубцова в Ленингр. Доме композиторов.

90. Василий Григорьевич Базанов [Некролог] // Север. 1981. № 4. С. 89.

91. Василий Григорьевич Базанов [Некролог] // Рус. литература. 1981. № 3. С. 212—215.

92. Банин А. А. К. В. Квитка — выдающийся советский фольклорист-музыковед // Памяти К. Квитки. 1880—1953: Сб. статей. М., 1983. С. 3—23. (См. № 31).

93. Библиография / Сост. В. Г. Иваненко: 1. Список опубликованных трудов К. В. Квитки; 2. К. В. Квитка в критике и истории фольклористики // Там же. С. 291—299.

94. Васенков В. Красное слово // Брянский рабочий. 1982. 8 авг., № 185.

О собирательнице фольклора из г. Севска О. А. Славяниной.

95. Владимирцев В. П., Шаповалова Г. Г. [60 лет Борису Николаевичу Путилову] // Русский фольклор: Фольклор и историческая действительность / АН СССР. Ин-т рус. лит. Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1981. Т. 20. С. 197—198.

96. Владыкина-Бачинская Н. М. Воспоминания о Клименте Васильевиче Квитке // Памяти К. Квитки. 1880—1953: Сб. статей. М., 1983. С. 26—30 (См. № 31).

97. Владыкина-Бачинская Н., Мухаринская Л. С любовью к фольклору // Сов. музыка. 1984. № 2. С. 138—139.

О музыковед Т. В. Поповой.

98. 80 лет со дня рождения Евгения Владимировича Гиппиуса // Муз. жизнь. 1983. № 11. С. 24.

99. Габсалямова Ф. Г. Лев Григорьевич Барат: (к 70-летию со дня рождения). Библиографический указатель / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 1981. 33 с.

100. Галкин П. Д. Могила краеведа В. П. Бирюкова // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Свердловская область. М., 1983. С. 139—140 (Сб. науч. трудов НИИ культуры; № 119).

101. Горелов А. А. [80 лет Анастасии Петровне Евгеньевой] // Русский фольклор: Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. Т. 20. С. 196—197 (См. № 95).

102. Григорьев М. Композитор, ученый // Информационный бюллетень секретариата правления Союза композиторов СССР. М., 1985. № 7. С. 14.

Авторский вечер Ф. А. Рубцова в Ленингр. Доме композиторов.

103. Виктор Евгеньевич Гусев: Библиографический указатель научных трудов (1941—1981) / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. Л., 1984. 40 с.

104. Даниленко В. Как собирают мудрость // Сов. культура. 1985. 27 авг., № 103. С. 6.

О собирательнице фольклора из г. Севска Брянской обл. О. А. Славянской.

105. Данилов М. Живое поморское слово // Правда Севера. Архангельск. 1985. 5 апр., № 79.

К. П. Гемп и ее «Словарь поморских речений».

106. Деятельность М. К. Азадовского — литературоведа, критика, фольклориста // Очерки русской литературы Сибири: в 2-х т. Т. 2: Советский период / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 180—184.

107. Джанумов С. А. К 80-летию со дня рождения А. М. Новиковой // Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1984. Т. 22. С. 202—206. (См. № 39).

108. Дуличенко А. Д. Н. И. Толстой как славист: (к 60-летию со дня рождения) // Из истории славяноведения в России. II. Труды по русской и славянской филологии. Сб. в честь 60-летия д-ра филол. наук, проф. Н. И. Толстого. Тарту, 1983. С. 3—21. (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 649).

Приведена библиография трудов Н. И. Толстого.

109. Емельянов Л. И. Василий Григорьевич Базанов [Некролог] // Русский фольклор: Поэтика русского фольклора, / АН СССР. Ин-т рус. лит. Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1981. Т. 21. С. 223—226.

110. Закревский Ю. Иван Розанов и его книги // Альманах библиофила / Всесоюз. добровольное о-во любителей книги. М.: Книга, 1985. Вып. 17. С. 110—125.

111. Земцовский И. И. Академик Б. В. Асафьев как этномузыковед: (к 100-летию со дня рождения) // Сов. этнография. 1984. № 5. С. 81—93.

112. Злыднев В. И. Николай Иванович Кравцов. 1906—1980 [Некролог] // Сов. славяноведение. 1981. № 3. С. 125—126.

113. И. В. Зырянов [Некролог] // Звезда. Пермь. 1982. 2 июля, № 153.

114. Иваненко В. Г. К. Квитка и Н. Лысенко // Памяти К. Квитки. 1880—1953: Сб. статей. М., 1983. С. 36—42 (См. № 31).

115. Из воспоминаний о М. А. Рыбниковой: С а к у л и н а Н. П. В Маляховской школе; Н и к о л ь с к и й В. А. Научный руководитель; С л у ч е в с к а я Л. Е. Многогранность таланта // Лит. в школе. 1984. № 6. С. 24—28.

М. А. Рыбникова — педагог и фольклорист.

116. Из писем М. К. Азадовского (1941—1954) / Публ. Л. В. Азадовской // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 205—265 (См. № 42).

117. Карху Э. Г. [Василий Григорьевич Базанов] // Север. 1981. № 9. С. 95—96.

Вступ. заметка к статье В. Г. Базанова «Друзья-педруги (Сергей Есенин и Николай Клюев)».

118. Корнеев С. Г. Советские ученые — почетные члены научных организаций зарубежных стран / АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. М.: Наука, 1981. 303 с.

С. 52: Жирмунский В. М.; с. 53: Зеленин Д. К.; с. 72: Кравцов Н. И.; с. 81: Лихачев Д. С.; с. 87: Мелетинский Е. М.; с. 93: Неклюдов С. Ю.; с. 98: Ольденбург С. Ф.; с. 109: Померанцева Э. В.; с. 112: Путилов Б. Н.; с. 115: Рыбаков Б. А.; с. 125: Соколова В. К.; с. 126: Сперанский М. Н.; с. 146: Чистов К. В.; с. 148: Шахматов А. А.; с. 149: Шептунов И. М.

119. Котикова Н. Л. [Некролог] // Сов. музыка. 1981. № 7. С. 144.

120. Котляров Б. Я. Встреча с К. В. Квиткой // Памяти К. Квитки. 1880—1953: Сб. статей. М., 1983. С. 30—32 (См. № 31).

121. Кочетов В. Н. В. Я. Шишков-фольклорист // Проблематика и поэтика творчества В. Я. Шишкова: К 110-летию со дня рождения писателя / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1983. С. 3—49.

122. Крюкова А. М. А. Н. Толстой в Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1983. № 6. С. 124—132.

С. 126: А. Н. Толстой — инициатор создания «Свода фольклора народов СССР».

123. Кулаковский Л. В. О К. В. Квитке // Памяти К. Квитки. 1880—1953: Сб. статей. М., 1983. С. 33—36 (См. № 31).

124. Лавонен Н. Собирательница фольклорных жемчужин [А. П. Разумова] // Ленинская правда. Петрозаводск. 1981. 5 мая, № 105.

125. Леонова Т. Г., Мельников М. Н., Потявин В. М., Ярневский И. З. Я. Р. Кошелев — фольклорист, литературовед, педагог // Сибирский фольклор: Сб. науч. трудов / Новосиб. гос. пед. ин-т. Отв. ред. М. Н. Мельников. Новосибирск, 1981. С. 5—23.

126. Лернер Л. Сокровища Марии Хвалынской // Правда Севера. Архангельск. 1984. 25 авг., № 195.

Собирательница частушек из Каргополя М. В. Хвалынская.

127. Липатов В. Из кладезя народной мудрости // Урал. рабочий. Свердловск. 1983. 24 нояб., № 270.

Науч. деятельность В. П. Кругляшовой.

128. Лойтер С. Мудрость вековечная: (к 90-летию К. П. Гемп) // Север. 1984. № 12. С. 106—108.

В частности, о книге К. П. Гемп «Сказ о Беломорье» (Архангельск, 1983).

129. Мегрелидзе И. В. Письма русских фольклористов грузинскому фольклористу // Грузинский фольклор: Фольклор и современность / АН ГССР. Ин-т истории грузинской лит. Тбилиси: Мецниереба, 1982. Т. 12. С. 136—161 (Заглавие издания — на груз. яз.) (См. № 150).

Публикация писем М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, В. И. Чичерова 1940—1955 гг. к М. Я. Чиковани.

130. Мельц М. Я. Эрна Васильевна Померанцева [Некролог] // Русский фольклор: Поэтика русского фольклора. Л., 1981. Т. 21. С. 218—223 (См. № 109).

131. Методология и методики изучения русской литературы и фольклора: Ученые-педагоги саратовской филологической школы / Под ред. Е. П. Никитиной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 307 с.

С. 54—84: Борис Матвеевич Соколов / Т. М. Акимова, В. К. Архангельская, В. А. Бахтина; с. 100—112: «Поэтика и генезис былины» [А. П. Скафтымова] / Т. М. Акимова.

132. Миронов С. Песня далекая и близкая // Молот. Ростов-на-Дону. 1981. 6 авг., № 182.

Собиратель донского фольклора И. Я. Рокачев-Вешенский.

133. Молдавский Дм. Собиратель фольклора [В. Бахтин] // Веч. Ленинград. 1983. 29 сент., № 224.

С публикацией поговорок и частушек Ленингр. обл.

134. Мухаринская Л. С. Воспоминания и раздумья [о К. Квитке] // Памяти К. Квитки. 1880—1953: Сб. статей. М., 1983. С. 24—26 (См. № 31).

135. Мухаринская Л., Можейко З. Путь ученого // Сов. музыка. 1983. № 12. С. 76—79.

80-летие Е. В. Гиппиуса.

136. Налепин А. Исследователь фольклора русского Севера Николай Ончуков // Лит. учеба. 1983. № 4. С. 190—198.

С публикацией статьи Н. Е. Ончукова «Бова королевич сказочный п Бова Пушкина».

137. А. Н. Нечаеву — 80 лет // Лит. газ. 1982. 12 мая, № 19. С. 6.

138. Никулин М. А. Фольклорист-музыковед, художник [А. М. Листопадов] // Люди земли донской: Очерки. Ростов-на-Дону: Ростов. кн. изд-во, 1983. С. 303—306.

139. Писатели Восточной Сибири: Библиографический указатель. Вып. 2, ч. 1: Русские писатели и писатели, пишущие на русском языке / Иркут. обл. б-ка. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 268 с.

С. 15—19: Худяков Иван Александрович; с. 31—32: Азадовский Марк Константинович; с. 231—237: Элиасов Лазарь Ефимович; с. 237—238: Ярневский Иосиф Зеликович.

140. Писатели Ленинграда: Биобиблиографический справочник. 1934—1981 / Авт.-сост. В. С. Бахтин, А. Н. Лурье. Л.: Лениздат, 1982. 376 с.

С. 11—12: Азадовский Марк Константинович; с. 20: Андреев Николай Павлович; с. 23—24: Базанов Василий Григорьевич; с. 27—28: Бахтин Владимир Соломонович; с. 40: Бородина-Морозова Эрна Георгиевна; с. 76: Выходцев Петр Созонтович; с. 124: Емельянов Леонард Иванович; с. 126: Жирмунский Виктор Максимович; с. 147—148: Карнаухова Ирина Валериановна; с. 159: Колпакова Наталья Павловна; с. 212: Молдавский Дмитрий Миронович; с. 213—214: Морозов Александр Антонович; с. 332: Чистов Кирилл Васильевич.

141. Писатели Советской Карелии: Биобиблиографический словарь / Авт.-сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Карелия, 1985. 294 с.

С. 10—14: Балашов Д. М.; с. 66—68: Евсеев В. Я.; с. 111—115: Ливенский А. М.

142. Эрна Васильевна Померанцева [Некролог] // Сов. этнография. 1981. № 1. С. 180—185.

С. 183—185: Список основных работ / Сост. М. Я. Мельц.

143. Пономарев Б. Жизнь, отданная сказке // Правда Севера. Архангельск. 1983. 27 янв., № 22.

О А. Н. Нечаеве.

144. Т. В. Попова [Некролог] // Сов. музыка. 1982. № 1. С. 135—136.

145. Рез З. Я., Станчек Н. А. Методическое наследие М. А. Рыбниковой // Лит. в школе. 1984. № 6. С. 15—24.

С. 19: фольклор на уроках М. А. Рыбниковой.

146. А. В. Руднева [Некролог] // Сов. музыка. 1984. № 2. С. 143.

147. Сердцем и памятью: Фольклористу и литературоведу Д. М. Молдавскому — 60 лет // Ашхабад. 1981. № 4. С. 91—94.

Интервью с Д. М. Молдавским. В центре разговора — интерес ученого к туркменской литературе и фольклору.

148. Старшинов Н. Наш старый профессор Шамбинаго // Лит. Россия. 1983. 2 дек., № 49. С. 4—5.

149. 130 лет со дня рождения Евгении Эдуардовны Линевой // Муз. жизнь. 1983. № 23. С. 24.

150. Табуцадзе С. О письмах грузинскому фольклористу: Памяти Михаила Чиковани // Лит. Грузия. 1983. № 12. С. 217—219.

По поводу изданных в сборнике «Грузинский фольклор. Вып. 12: Фольклор и современность» (1982) писем русских фольклористов (См. № 129).

151. Тихвинский С. Л., Волков В. В. 75-летие академика Б. А. Рыбакова // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 104—106.

152. Тихвинский С. Л., Ковальченко И. Д., Плетнева С. А. К 75-летию академика Б. А. Рыбакова // История СССР. 1983. № 3. С. 216—218.

153. Ханина Л. Труд благородный, подвижнический // Сов. музыка. 1982. № 2. С. 132—133.

О И. В. Мацневском — фольклористе-инструменталисте.

154. Черчесова О. «Да, да, счастлива!» // Сельская жизнь. 1983. 23 июля, № 168.

О собирательнице фольклора из г. Севска Брянской обл. О. А. Славыниной.

155. Чистов К. В. В. Я. Пропп: легенды и факты // Сов. этнография. 1981. № 6. С. 52—64.

156. Шаповалова Г. Г. [60 лет Кириллу Васильевичу Чистову] // Русский фольклор: Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. Т. 20. С. 198—199 (См. № 195).

157. Яновский Н. Л. В. Азадовская // Сибирь. 1985. № 2. С. 94—102.

К биографии М. К. Азадовского.

158. Ярневский И. З. А. В. Гуревич — собиратель и исследователь фольклора Сибири // Полифункциональность фольклора: Сб. науч. трудов / Новосиб. гос. пед. ин-т. Новосибирск, 1983. С. 166—170.

Народные сказители в истории фольклористики

159. Бернштам Т. А. 150-летие со дня рождения И. А. Федосовой // Сов. этнография. 1982. № 3. С. 162—164.

160. Калугин В. Народная поэтесса [И. А. Федосова] // Север. 1982. № 7. С. 105—120.

161. Калугин В. И. Герои русского эпоса: Очерки о русском фольклоре. М.: Современник, 1983. 351 с.

С. 252—291: «Олонецкой губернии былинщик» в гостях у Толстого [В. П. Щеголенок]; с. 292—346: Народная поэтесса [И. А. Федосова].

Рец.: 1) Кузин Н. Приобщение к истокам // Лит. в школе. 1983. № 6. С. 60—62; 2) Левченко В. Из поколения в поколение // Мол. гвардия. 1984. № 3. С. 278—281; 3) Буганов В. Русь былинная // Лит. обозрение. 1984. № 6. С. 62—66; 4) Лебедев Е. Ядро народности // Москва. 1984. № 6. С. 199—201; 5) Новичкова Т. А. // Звезда. 1984. № 11. С. 204—205.

162. Костин И. Перед последней поездкой // Север. 1981. № 5. С. 109—116.

Об И. А. Федосовой.

163. Лобанов М. А., Чистов К. В. Запись от И. А. Федосовой на фонограф в 1896 г. // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора / АН СССР. Ин-т этнографии. Отв. ред. К. В. Чистов, Т. А. Бернштам. Л.: Наука, 1981. С. 207—218.

164. Чистов К. В. Воскресение сказки // Нева. 1982. № 3. С. 184—185.

О пребывании И. А. Федосовой в Петербурге в 1895 г.

165. Чистов К. В. Севернорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в. // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования / АН СССР. Ин-т этнографии. Л.: Наука, 1982. С. 52—69.

Выступления Т. Г. и И. Т. Рябининых, В. П. Щеголенка, И. А. Касьянова и И. А. Федосовой в Петербурге.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К БИБЛИОГРАФИИ

- А. Н. № 1
 Аббасов А. М. № 86
 Азадовская Л. В. № 116
 Азадовская Л. В. № 157
 Азадовский М. К. № 116, 129
 Азадовский М. К. № 88, 106, 116, 139, 140, 157
 Акимов Т. М. № 2, 49, 131
 Аксаков И. С. № 46
 Аксаков И. С. № 7
 Аксаков К. С. № 46
 Алексеев А. А. № 47
 Андреев Н. П. № 129
 Андреев Н. П. № 140
 Аникин В. П. № 3, 4
 Анкудинова О. В. № 48
 Арджеванидзе Э. № 5
 Архангельская В. К. № 49, 131
 Асафьев Б. В. № 37, 111
 Астахова А. М. № 14
 Афанасьев А. Н. № 13, 56, 63, 72
 Афанасьева А. № 89

 Базанов В. Г. № 90, 91, 109, 117
 Балашов Д. М. № 141
 Бавин А. А. № 31, 92
 Бараг Л. Г. № 49
 Бараг Л. Г. № 99
 Барсов А. А. № 50
 Барыкин В. № 50
 Бахтин В. С. № 140
 Бахтин В. С. № 133, 140
 Бахтина В. А. № 131
 Белодед А. И. № 51
 Бернштам Т. А. № 159, 163
 Бирюков В. П. № 100
 Богатырев П. Г. № 86
 Богословский П. С. № 32
 Бондарева Е. А. № 52
 Бородина-Морозова Э. Г. № 140
 Буганов В. № 161
 Булат Т. П. № 31

 Бурмистрова Л. П. № 6
 Буслаев Ф. И. № 21, 76, 85

 Васенков В. № 94
 Васнецов А. М. № 54
 Виноградова В. Н. № 85
 Владимирцев В. П. № 95
 Владыкина-Бачинская Н. М. № 96, 97
 Власова З. И. № 7, 32, 48
 Волков В. В. № 151
 Выходцев П. С. № 23
 Выходцев П. С. № 140

 Габсалимова Ф. Г. № 99
 Галкин П. Д. № 100
 Гартевельд В. Н. № 18
 Гемп К. П. № 105, 128
 Гильфердинг А. Ф. № 14, 46, 78
 Гиппиус Е. В. № 98, 135
 Горелов А. А. № 42, 95, 101
 Городцов А. Д. № 55
 Грановский Б. Б. № 8
 Григорьев М. № 102
 Григорьева Г. № 53
 Гримм, братья № 72
 Гуревич А. В. № 158
 Гусев В. Е. № 103

 Даль В. И. № 46, 50, 62, 73, 79
 Даниленко В. № 104
 Данилов М. № 105
 Диев М. Я. № 23
 Десницкая А. В. № 33
 Джанумов С. А. № 107
 Дмитренко Н. К. № 9—11
 Дмитриев И. И. № 22
 Дуличенко А. Д. № 108
 Дьяконов Л. № 54
 Дюжев Ю. И. № 141

Евгеньева А. П. № 101
Евсеев В. Я. № 141
Елагина Е. И. № 7
Емельянов Л. И. № 109
Емельянов Л. И. № 140
Енговатова М. А. № 30
Ефремов И. В. № 55

Железновы А. и В. № 30
Жирмунский В. М. № 33, 118, 140
Загоровский В. П. № 56
Закревский Ю. № 110
Зеленин Д. К. № 118
Зелинский Р. № 31
Земцовский И. И. № 111
Злыднев В. И. № 112
Зоркин В. И. № 12
Зырянов И. В. № 113

Иваненко В. Г. № 93, 114
Иванов В. В. № 13
Иванов Э. № 57
Иванова Т. Г. № 14, 58—61
Иванова Т. П. № 86

Калугин В. И. № 160, 161
Карнаузова И. В. № 140
Карху Э. Г. № 117
Касьянов И. А. № 165
Катанов В. М. № 15
Квитка К. В. № 31, 38, 92, 93, 96,
114, 120, 123, 134
Киреевский П. В. № 7, 53, 69, 71, 77
Клинггер И. А. № 8
Ковальченко И. Д. № 152
Козловский А. Д. № 23
Коломцева Р. № 62
Колпакова Н. П. № 34
Колпакова Н. П. № 140
Копылова Н. И. № 63
Корнеев С. Г. № 118
Костин И. № 162
Костомаров Н. И. № 56, 63, 70
Котикова Н. Л. № 119
Котляров Б. Я. № 120
Кочетов В. Н. № 121
Кошелев Я. Р. № 125
Кравцов Н. И. № 112, 118
Кривополенова М. Д. № 60
Кругляшова В. П. № 127
Крюкова А. М. № 122
Кузин Н. № 161
Кузьмина Л. П. № 16
Кулаковский Л. В. № 123

Лавонен Н. № 124
Лазутин С. Г. № 64
Ласунский О. Г. № 63
Лебедев Е. № 161
Левитская М. А. № 86
Левченко В. № 161

Леонова Т. Г. № 18, 125
Лернер Л. № 126
Линева Е. А. № 149
Линевский А. М. № 141
Липатов В. № 127
Листопадов А. М. № 35, 36, 40, 138
Лихачев Д. С. № 118
Лобанов М. А. № 35, 36, 163
Лойтер С. № 128
Лурье А. Н. № 140
Лысенко Н. В. № 31, 114

Макаров В. И. № 65
Максимов С. В. № 66
Мануйлов В. А. № 68
Марков А. В. № 14
Мартынова А. Н. № 66
Массалитинов К. И. № 56
Мацневский И. В. № 153
Мегрелидзе И. В. № 129
Мезенин Н. А. № 67
Мелетинский Е. М. № 118
Мельников М. Н. № 125
Мельц М. Я. № 88, 130, 142
Миллер В. Ф. № 4
Миллер О. Ф. № 3
Минералов Ю. И. № 17
Минх А. Н. № 49
Миронов С. № 132
Можейко З. № 135
Молдавский Д. М. № 133
Молдавский Д. М. № 140, 147
Морозов А. А. № 140
Мухаринская Л. С. № 97, 134, 135

Налепин А. № 136
Невоструев К. И. № 46
Неклюдов С. Ю. № 118
Нефедов Ф. Д. № 23
Нечаев А. Н. № 137, 143
Никитина Е. П. № 131
Никольская Т. Л. № 68
Никольский В. А. № 115
Никулин М. А. № 138
Новикова А. М. № 107
Новичкова Т. А. № 161

Одоевский В. Ф. № 8
Озаровская О. Э. № 60, 83, 84
Ольденбург С. Ф. № 118
Ончуков Н. Е. № 58, 59, 136
Орлова Е. № 37
Осипова В. Д. № 18

Пехтерев А. С. № 69
Пинчук Ю. А. № 70
Питиримов С. № 71
Плетнева С. А. № 152
Познанский В. В. № 80
Померанцева Э. В. № 72
Померанцева Э. В. № 118, 130, 142
Пономарев Б. № 143

Попова Т. В. № 97, 144
Порудоминский В. И. № 73
Потебня А. А. № 9—11, 17, 25, 51,
74
Потявин В. М. № 125
Правдюк А. А. № 38
Присенко Г. П. № 19
Присяжнюк В. З. № 74
Пришвин М. М. № 59
Пропп В. Я. № 155
Протасов Н. П. № 18
Путилов Б. Н. № 95, 118
Пушкин А. С. № 26, 136
Пыпин А. Н. № 49
Пятницкий М. Е. № 56, 64

Разгон Л. № 73
Разумова А. П. № 20, 75
Разумова А. П. № 124
Рапова Г. И. № 76
Рез З. Я. № 145
Розанов И. Н. № 110
Розов А. Н. № 39
Рокачев-Вешенский И. Я. № 132
Рубцов Ф. А. № 89, 102
Рудиченко Т. С. № 40
Руднева А. В. № 146
Рыбаков Б. А. № 118, 151, 152
Рыбников П. Н. № 14, 20, 75
Рыбникова М. А. № 115, 145
Рябинины Т. Г. и И. Т. № 165

Савин О. М. № 41
Савичев Н. Ф. № 29
Сакулина Н. П. № 115
Сандомирская В. Б. № 77
Сазаров И. П. № 19
Семенов Е. И. № 21
Сенькина Т. И. № 78
Сидельников В. М. № 41
Силинская Г. Г. № 22
Симони П. К. № 47
Скафтымов А. П. № 131
Славянина О. А. № 94, 104, 154
Случевская Л. Е. № 115
Смирнов В. А. № 23
Смолицкая Г. П. № 79
Снегирев И. М. № 68
Соколов Б. М. № 131
Соколов Ю. М. № 129
Соколов Ю. М. № 14, 45, 60
Соколова В. К. № 118
Сперанский М. Н. № 118
Станчек Н. А. № 145
Старшинов Н. № 148
Струков О. С. № 80
Сумцов Н. Ф. № 82

Табуцадзе С. № 150
Тенишев В. Н. № 27
Титова З. Д. № 24
Тихвинский С. Л. № 151, 152
Толстой А. Н. № 42, 122
Толстой Л. Н. № 8, 161
Толстой Н. И. № 25
Толстой Н. И. № 108
Томина В. П. № 88
Тонков А. В. № 86
Троицкая А. Д. № 43, 44

Уманский А. П. № 81

Фадеев Л. А. № 26
Федоров В. А. № 27
Федосова И. А. № 159—165
Фрадкин В. З. № 82
Фролов А. И. № 83

Хабургаев Г. А. № 65
Ханина Л. № 153
Хвалынская М. № 126
Хомчук Н. И. № 84
Хромов Г. И. № 45
Худяков И. А. № 139

Чернышевский Н. Г. № 2
Черчесова О. № 154
Чиковани М. Я. № 129, 150
Чистов К. В. № 155, 163—165
Чистов К. В. № 87, 118, 140, 156
Чистяков В. А. № 28
Чичеров В. И. № 129
Чулков М. Д. № 52
Чурмаева Н. В. № 85

Шамбинаго С. К. № 148
Шаповалова Г. Г. № 95, 156
Шастина Е. И. № 12
Шажматов А. А. № 65, 118
Шептунов И. М. № 118
Шергин Б. В. № 60, 61
Шиповский С. В. № 73, 85
Шишков В. Я. № 121

Щеголенок В. П. № 161, 165
Щербанов Н. М. № 29, 30
Элиасов Л. Е. № 139
Эльзон М. Д. № 88

Ядринцев Н. М. № 81
Якушкин П. И. № 48, 57, 80
Яновский Н. № 157
Ярневский И. З. № 125, 158
Ярневский И. З. № 139
Ярхо Б. И. № 42

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГО — Архив Географического общества Союза ССР
при Академии наук СССР, Ленинград
- ААН — Архив Академии наук СССР, Москва
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва
- ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва
- ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР, Ленинград
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград
- ГЦММК — Государственный центральный музей музыкальной культуры
им. М. И. Глинка, Москва
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР, Ленинград
- ЛО ААН — Ленинградское отделение архива Академии наук СССР
- ЛЧ ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Ленинградская
часть)
- ФА ИРЛИ — Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский
Дом) Академии наук СССР, Ленинград
РФ — Рукописный фонд Фонограммархива
МФ — Магнитограмма фондовая
ФВ — Фонографические валики
- ЦГАВМФ — Центральный государственный архив военно-морского
флота СССР, Ленинград
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции,
высших органов государственной власти и государственного
управления СССР, Москва
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР,
Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
------------------------	---

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ ФОЛЬКЛОРА

Т. А. Новичкова. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». К истории издания и изучения (По письмам и неопубликованным материалам)	5
В. В. Кириллов. Материалы Исторического музея об издании П. А. Бессоновым сборника «Детские песни»	18
Б. Н. Путилов. Новогвинейские дневники Н. Н. Миклухо-Маклая. Источниковедческие и текстологические проблемы	23
Т. Г. Иванова. А. Д. Григорьев и его собрание «Архангельские былины и исторические песни»	43
К истории создания сборника «Пятиречье» (Материалы из коллекции О. Э. Озаровской)	
I. Материалы О. Э. Озаровской в архиве Государственного музея этнографии народов СССР	61
Публикация В. П. Ивановой	61
II. Побывальщины Т. О. Кобелевой	
Публикация Т. А. Новичковой	67

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ ДЕЯТЕЛЕЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Письма М. Л. Михайлова из литературной экспедиции 1856—1857 гг.	
Публикация Ю. Д. Левина	71
Письма А. А. Котляревского к О. Ф. Миллеру	
Публикация З. И. Власовой	81
Из переписки Е. Э. Лиевой и В. В. Стасова 1892—1906 гг.	
Публикация И. И. Шевченко	104
Неизвестная автобиография Н. Е. Ончукова	
Публикация В. Ю. Дудник	117
Н. П. Колпакова. За последними северными былинами. Из путевого дневника фольклорной экспедиции Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР 1956 года	121

ПУБЛИКАЦИИ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Из ранних записей групповой причеты на Русском Севере	
Публикация Ю. И. Марченко	136
Архивные записи пинежского эпоса (По материалам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 года)	
Публикация А. Ю. Кастрова	156
Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года	
Публикация Л. И. Петровой	180
Уральские былины в записях Н. М. Малечи	
Публикация Н. М. Щербанова	219

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

А. А. Горелов. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и герой волжско-пензенских преданий	231
В. Я. Пропп. Врубель и фольклор (Текст доклада. Набросок)	
Публикация Л. М. Ивлевой	238
Т. Г. Иванова. Неизвестные статьи М. Ф. Гнесина о М. Д. Кривоносовой	257

БИБЛИОГРАФИЯ

История русской фольклористики в публикациях и исследованиях 1981—1985 гг. (Сост. Т. Г. Иванова)	263
Указатель имен к библиографии	273
Список сокращений	276

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В ы п у с к 3

Сборник научных трудов

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)*

Редактор издательства *Г. П. Кукушкина*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *Л. И. Каряева*
Корректоры *О. И. Буркова* и *Г. И. Суворова*

ИБ № 44007

Сдано в набор 19.06.89. Подписано к печати
26.02.90. М-28097. Формат 60×90^{1/16}. Бумага
книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 17,50. Усл. кр.-от.
17,50. Уч.-изд. л. 19,01. Тираж 3100 экз. Тип. зак.
№ 1706. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ**

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117393 Москва**, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»
или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой»
- 480091 Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370001 Баку, Коммунистическая ул., 51 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»);
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252025 Киев, ул. Осипенко, 17;
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
194064 Ленинград, Тихорецкий пр., 4;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»);
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Стих	Напечатано	Должно быть
190	14	веки	на веки
192	108	красного	красного
193	161	возлюбленного	возлюбленного
193	166, 168	Вдруг	Вдруг
193	169	Господу	Господу
194	228	прикладываютя	прикладываютя
195	5	Бога	Бога
198	62	каменём	каменём
200	2	убогой	убогой
201	29, 48	тяжело	тежело
202	26	вырвали	вырывали
209	10	Святая	Святáя
211	21	царя	царя
211	22, 34	заглените	загляните
211	34	истинного	истинного